

Даринда Джоне

ПЯТАЯ МОГИЛА ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА

Автор бестселлера "Третья могила прямо по курсу" по версии "New York Times"

Рейес Фэрроу переезжает в соседнюю квартиру. Мало того, он — главный подозреваемый Чарли в деле о поджогах. Чарли поклялась самой себе держаться от него подальше, пока не выяснит правду... Однако в ее квартире одна за другой начинают появляться мертвые женщины. Растерянные, сбитые с толку, напуганные без всякой, казалось бы, на то причины. Когда становится ясно, что следующая цель серийного убийцы — родная сестра Чарли Джемма, у Чарли только один выход — попросить помощи у Рейеса. Поджигатель он или нет, но Рейес — единственный живой человек на земле, который может защитить Джемму от того, кто на нее охотится. Однако он хочет кое-что взамен. Чарли. Всю ее целиком — и тело, и душу. И ради спасения сестры она готова заплатить эту цену.

Перевод: Euphony Сверка: Euphony Редактура: Nikitina Худ. оформление: RuSa

Даринда Джонс

Пятая могила по ту сторону света

Перевод: Eurhony

Редактирование: Nikitina

Худ. оформление: RuSa

АННОТАЦИЯ

Рейес Фэрроу переезжает в соседнюю квартиру. Мало того, он — главный подозреваемый Чарли в деле о поджогах. Чарли поклялась самой себе держаться от него подальше, пока не выяснит правду... Однако в ее квартире одна за другой начинают появляться мертвые женщины. Растерянные, сбитые с толку, напуганные без всякой, казалось бы, на то причины. Когда становится ясно, что следующая цель серийного убийцы — родная сестра Чарли Джемма, у Чарли только один выход — попросить помощи у Рейеса. Поджигатель он или нет, но Рейес — единственный живой человек на земле, который может защитить Джемму от того, кто на нее охотится. Однако он хочет кое-что взамен. Чарли. Всю ее целиком — и тело, и душу. И ради спасения сестры она готова заплатить эту цену.

Благодарности

Вот это да! Уже пять книг, а мне все мало Чарли Дэвидсон. Из-за нее я жду не дожусь, когда придет пора опять просыпаться. Каждую книгу писать чуть-чуть забавнее, чем предыдущую, и всем этим я обязана вам, дорогие читатели. Спасибо, что даете мне такую возможность.

Как всегда, мое сердце и самые искренние благодарности принадлежат моему замечательному агенту Александре Макинист и моему удивительному издателю Дженнифер Эндерлин. Хорошие новости: мы закончили очередной кусочек. Еще одна хорошая новость: нервный тик, которым я вас наградила, постоянно упрашивая продлить мне крайний срок, скоро пройдет. Обещаю. Плюс вы всегда можете попробовать какую-нибудь мазь. Или сходить к специалисту.

Раз уж я подняла эту тему, то не могу не отметить моего потрясающего редактора Элиани Торрес. Мне ужасно повезло, что ты у меня есть. Огромное спасибо Стефани Раффл за наше вулканское объединение разумов. Говорю тебе, гении на одной волне, детка. И несравненной Кейт Уэллс — самому наилучшему бета-ридеру на свете. (Знаю, тебя так и подмывает это исправить.)

Спасибо моей прелестной племяннице Эшли Дуарте за то, что позволила мне рассказать историю из ее детства. Так что, дорогие читатели, когда доберетесь до того, как Эмбер неправильно показывает фразу на языке жестов, знайте: это было на самом деле, слово в слово, только происходило с моей племянницей, когда ей было девять лет. Скоро вы поймете, почему мне так дорога эта история.

Конечно же, я рассыпаюсь в благодарностях Гримлетам. Ребята, вы лучшие! А также моей помощнице Дане, которая трудится не покладая рук, и нашей Гримлет-мамочке Джованне.

Мне хотелось бы сказать спасибо целой куче людей. Каждая книга, которую я могу написать, — это большая честь. Я польщена и поражена, что есть люди, которые и правда хотят читать мои книги. Огромное всем вам спасибо!

Лютеру и ДиДи.

Вы удивительные, рискованные и чудные, как раз как я люблю.

Спросите меня о жизни после смерти.

**Надпись на футболке, в которой часто видели Чарли Дэвидсон,
ангела смерти с сомнительным моральным обликом**

Мертвый парень в конце барной стойки настойчиво пытался угостить меня выпивкой. Кто бы мог подумать! Никто другой даже дважды на меня не взглянул, а я, между прочим, нарядилась, как и положено наряжаться к девяти часам вечера. Ну или к половине девятого. Однако на самом деле этим вечером меня беспокоило другое. Мой объект, некий Марвин Тидвелл, блондинистый агент по недвижимости и по совместительству подозреваемый в неверности супруг, отказался принять выпивку, которую купила ему я.

Отказался! Я чувствовала себя так, будто надо мной надругались.

Сидя за стойкой и потягивая «Маргариту», я оплакивала свою печальную жизнь. Точнее то, какой печальной она стала. Особенно сегодня. Это дело шло совершенно не по плану. Может быть, я просто не во вкусе Марва. Что ж, бывает. Но я же вся так и лучилась заинтересованностью. Специально накружилась. И декольте у меня что надо. Но, несмотря на все ухищрения, расследование катилось напрямик в никуда. Видимо, придется сказать моей клиентке, миссис Марвин Тидвелл, что, судя по всему, муж ей не изменяет. По крайней мере в случайные связи не впутывается. И только то, что он мог бегать налево к постоянной любовнице, не давало мне встать и уйти.

— Ч-часто сюда ходишь?

Я взглянула на мертвого парня. Он наконец-то набрался смелости подойти, и теперь у меня появился шанс рассмотреть его получше. Жизнь парня явно потрепала. Очки в круглой оправе, заношенная до дыр бейсболка, немытые каштановые волосы. Добавьте к этому линялую синюю футболку и мешковатые изодранные джинсы, и он мог бы быть скейтбордистом, помешанным на компьютерах фриком или даже самогонщиком из какого-нибудь захолустья.

Причину смерти на первый взгляд определить было трудно. Никаких колотых и зияющих ран. Все конечности на месте. На лице не видно следов от шин. И на наркомана не похож. Так что я понятия не имела, почему он умер таким молодым. Учитывая, что благодаря мальчишеским чертам лица он скорее всего кажется моложе, чем на самом деле, я предположила, что, когда он умер, ему было приблизительно столько же, сколько и мне.

Парень все стоял и ждал ответа. Я-то думала, вопрос вроде «Часто сюда ходишь?» риторический, ну да ладно. Не имея ни малейшего желания, чтобы в битком набитом людьми помещении меня приняли за психа, который разговаривает сам с собой, в ответ я только нерешительно приподняла одно плечо.

Как ни печально, я действительно частенько сюда захоживаю. Это бар моего отца. Вряд

ли кто-то из моих знакомых здесь испортит мое прикрытие, но так уж вышло, что именно сюда время от времени любил заскочить мистер Тидвелл. А если вдруг дойдет до драки и меня станут тащить за волосы на улицу, кто-нибудь обязательно придет мне на помощь. Ведь я знаю большинство постоянных клиентов и уж точно всех, кто здесь работает.

Мертвый парень нервно глянул в сторону кухни, потом снова повернулся ко мне. Я посмотрела туда же. Увидела дверь.

— Т-ты вся сияешь, — сказал он, опять привлекая к себе мое внимание.

Значит, он заика. Мало что может быть очаровательнее, чем взрослый заикающийся мужчина с мальчишескими чертами лицами. Я помешала «Маргариту» и изобразила фальшивую улыбку. Разговаривать с ним в комнате, где полным-полно живых и дышащих посетителей, я никак не могла. Особенно если один из посетителей — Джессика Гуинн. Наверное, чтобы мне уж совсем жизнь малиной не казалась. Ее огненно-рыжую шевелюру я со старших классов не видела. А теперь она сидит здесь, в паре метров от меня, окруженная стайкой светских львиц, которые выглядят так же фальшиво, как и сиськи Джессики. Хотя, может быть, во мне вдруг заговорили старые обиды.

К сожалению, моя натянутая улыбка только подстегнула мертвого парня:

— Ч-честно. Ты как с-солнечный свет, к-который отражается от хромированного бампера «шеви» п-пятьдесят седьмого года.

Для убедительности он раскрыл пальцы, демонстрируя свои слова, и я пропала. Черт возьми. Он напоминал мне всех тех брошенных щенков, которых я тщетно хотела спасти в детстве, потому что моя злая мачеха считала, что беспризорные собаки поголовно бешеные и обязательно попытаются вцепиться ей в горло. Впрочем, это никак не влияло на мое желание приносить их домой.

— Ага, — пробурчала я себе под нос, изо всех сил изображая чревовещателя, — спасибо.

— Я Д-Дафф, — сказал он.

— А я Чарли.

Обеими ладонями я обхватила бокал на случай, если он решит, что нам надо пожать друг другу руки. Не так уж много вещей кажутся живым более странными, чем взрослая женщина, пожимающая руку воздуху. Знаете, как иногда у детей бывают невидимые друзья? Вот я одна из них. Только я не ребенок, а друзья мои не невидимые. По крайней мере не для меня. Вижу я их потому, что родилась ангелом смерти. Но все не так плохо, как может показаться. А еще я портал в рай, и через меня могут перейти на ту сторону те, кто решил задержаться после смерти и застрял на Земле. Я как здоровенный фонарь, на который слетаются всякие жуки, только ко мне слетаются мертвецы.

Я потянула себя за чересчур узкий свитер:

— Мне кажется, или здесь и правда очень тепло?

По-детски голубые глаза опять метнулись к кухне.

— С-скорее даже ж-жарко. Я это... з-заметил, что ты п-пыталась угостить того парня выпивкой.

Я стерла фальшивую улыбку. Отпустила ее, как пойманную птичку. Если вернется, значит, моя, а если нет, значит, никогда и не была моей.

— И что?

— Т-ты ошиблась адресом.

Поставив на стойку бокал, который купила лично для себя, я удивленно подалась чуть-

чуть к нему:

— Он гей, что ли?

— Н-нет, — фыркнул Дафф. — Но в п-последние дни он ч-часто сюда н-наведывается. Предпочитает женщин... б-более разнузданных.

Я показала на свой наряд:

— Чувак, отвязней уже некуда.

— Н-нет, я имею ввиду, что ты... — он смерил меня взглядом. — Н-немного тугая.

— Я похожа на дуру? — ахнула я.

Глубоко вздохнув, он попробовал еще раз:

— Ему нравятся женщины, б-более содержательные, чем т-ты.

Да уж, это ни капельки не обидно.

— А я вовсе и не поверхностная. Пруста читала. Нет, минуточку, это был Пух. «Винни-Пух». Вот блин.

Переступив с одной несуществующей ноги на другую, Дафф откашлялся:

— Б-более объемистые.

— У меня вполне себе нормальные формы, — процедила я. — Ты задницу мою видел?

— Более тяжелые! — выпалил он.

— И вешу я... А-а, ты хочешь сказать, он любит женщин побольше.

— Т-точно. Зато мне н-нравятся...

Голос Даффа превратился в фон, как это бывает с музыкой в лифте. Значит, Марву нравятся крупные женщины. В самых темных, самых испорченных уголках Барбары — моего мозга — начал формироваться новый план. Куда идеально вписывалась Куки — мой секретарь в рабочие часы и лучшая подруга двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Куки большая и ответственная. То есть большая и... в общем, любит она покомандовать. Я вытащила сотовый и набрала ее номер.

— Надеюсь, у тебя есть оправдание, — заявила она.

— Есть. Мне нужна твоя помощь.

— Я смотрю первый сезон «Побега».

— Куки, ты моя помощница. Мне нужна помощь. С делом. Ну, знаешь, такие штуки, которые мы берем, чтобы получать деньги?

— Это же «Побег»! О братьях, которые...

— Я знаю, о чем там.

— А ты парней этих видела? Если видела, тогда понимаешь, почему я не могу бросить их на произвол судьбы. К тому же, кажется, вот-вот будет сцена в душе.

— А эти братья подписывают чеки на твою зарплату?

— Нет, но технически ты тоже ничего не подписываешь.

Блин. Она права. Куда проще, когда она подделывает мою подпись.

— Мне нужно, чтобы ты пришла и пофлиртовала с моим объектом.

— А-а, ну ладно. Это я могу.

Класс. Слово на «ф» с ней всегда срабатывает. Я быстренько ввела ее в курс дела, рассказала, что к чему с этим Тидвеллом, и велела поторопиться.

— И оденься посексапильнее, — добавила я перед тем, как положить трубку.

И тут же пожалела о своих словах. Когда я в последний раз просила Куки одеться посексапильнее ради очень долгожданной женской ночи в одном клубе, она явилась в корсете на шнуровке, чулках в сеточку и боа из перьев. Выглядела, как госпожа со стажем. С

тех пор мой мир перевернулся с ног на голову.

— Н-ну? Она п-придет? — спросил Дафф.

— Наверное. У нее там горячие парни по телику. Все зависит от того, дома ее дочь или нет. В общем, скоро должна появиться.

Он кивнул.

Пока я ждала свою лучшую подругу, я успела поглазеть на всех женщин в баре. «Ворона» вроде как забегаловка для копов. Женщины сюда заходят, но никак не толпами. Зато сегодня здесь было как никогда шумно. Народу — не протолкнуться, и как минимум три четверти посетителей — женщины. А это странно.

Я сюда не первый год хожу. В основном потому, что это папин бар, ну и частично потому, что офис моего детективного агентства находится на втором этаже. Но ни разу за все это время я не видела, чтобы в баре преобладала загадочная женственность. За исключением того раза, когда я уговорила папу устроить мужское зрелище. Согласился он по двум причинам. Во-первых, я хлопала ресницами. Во-вторых, он думал, что «мужское зрелище» — это один парень, который придет, узрит меня, попробует еду и напишет зрелищный обзор для какой-нибудь газетенки. Может быть (а может, и нет), я как-то посодействовала заблуждению. Наверняка папа отнесся бы к этому спокойнее, будь мне восемнадцать с хвостиком. А в итоге ему захотелось узнать, сколько «мужских зрелищ» я в жизни видела. Скорее всего вопрос «Вместе с этим?» мне тогда задавать не стоило.

Передо мной появилась тарелка с едой.

— Комплимент от шефа.

Я глянула на Тери — лучшего бармена, который был у папы. Тери знала, что я работаю по делу о супружеской неверности, и, видимо, догадалась, что я облажалась. Вот и выдала мне утешительную порцию еды. От тарелки исходил просто райский аромат. Мне с трудом удалось сдержаться и не пустить слюни.

— Спасибо. — Я взяла с тарелки кусочек и поняла, что это самая вкусная кесадилья с курицей, какую мне доводилось пробовать. — Обалдеть! — сказала я, пережевывая и вдыхая прохладный воздух. — Сэмми превзошел сам себя.

— Чего? — переспросила Тери, стараясь перекричать толпу.

Я только отмахнулась, закатив глаза от умопомрачительного удовольствия, потому что не могла остановиться. Годами я наслаждалась кулинарными шедеврами Сэмми. Все, что он готовит, невероятно вкусно, но это — просто потрясающе. Намазав вилкой на следующий кусочек одинаковое количество гуакамоле, сальсы и сметаны, я отправилась в очередное путешествие на небеса.

Дафф наблюдал за тем, как я ем, стоя между спинкой моего табурета и чуваком, который стоял рядом. Левая половина чувака была внутри правой половины Даффа. Чувак глянул на потолок, надеясь найти вентиляторы, потом посмотрел влево, вправо и... — три, два, один! — вздрогнув, отошел.

Я такое частенько вижу. Призраки холодные, и, когда люди случайно оказываются внутри них, волосы на затылке встают дыбом, по коже бегут мурашки, а по спине — холодный пот.

Зато Дафф не обращал на чувака ни малейшего внимания. Он прикидывался, будто смотрит только на меня, но глаз не спускал с двери, ведущей в кухню. Поглядывал на нее каждые несколько секунд и грыз ноготь.

Может быть, дверь в кухню и правда вела прямиком в рай, и если бы он туда вошел, то

сразу перешел бы на ту сторону. Нет, минуточку.

Продолжая набивать рот, я кое о чем задумалась. В поисках фотографий мистера Тидвелла я вдоль и поперек перекопала страничку миссис Тидвелл в соцсети. Перед тем как приближаться к объекту, я предпочитаю сто раз все перепроверить и убедиться, что, когда наступит время, легко узнаю его или ее. Однажды я уже имела дело не с тем парнем, и ничем хорошим это не кончилось.

Я опять вытащила из кармана джинсов телефон, нашла профиль миссис Тидвелл и полистала ее фотографии. Само собой, около года назад, когда они поженились, она весила намного больше. Мало того, на страничке миссис Тидвелл был целый раздел, посвященный тому, как она худела. За последний год она сбросила почти пятьдесят килограммов. Мне хотелось стоя аплодировать ее преданности делу, но в то же время я не могла не задуматься, разделил бы мой энтузиазм мистер Тидвелл или все-таки жена больше нравилась ему такой, какой была раньше.

И тут меня осенило. Большинство мужиков начинают бегать налево, когда их жены набирают вес. Мистер Тидвелл, похоже, стал бегать налево по прямо противоположной причине. Может быть, новая внешность жены выбивала его из колеи. Потому что сейчас она выглядела сногсшибательно.

Я запаниковала, когда Тидвелл собрался уходить. Бросив деньги на стол, он направился к двери, и я поняла, что сегодняшний вечер станет полнейшим провалом. Я очень надеялась получить деньги, когда покончу с этим делом. Мой оптимизм неумолимо сходил на нет. Я уже начала искать в расписании время, чтобы попробовать еще раз, как вдруг Тидвелл остановился. Его взгляд был прикован к главному входу. Я посмотрела туда же, и у меня чуть не отвисла челюсть при виде дьяволицы с черными как смоль волосами. Когда наши с ней взгляды встретились, из динамиков над головой запел Барри Уайт^[1], и кто-то приглушил свет. Все это создавало впечатление, будто вошедшую женщину окружает манящая знойная аура. Совпадение? Очень сомневаюсь.

Само собой, это была Куки Ковальски. Преданная, отважная и как раз нужного размера. Куки направилась ко мне. Ее лицо выражало смесь любопытства и нерешительности. Ну еще бы! Ей ведь ни к чему волноваться, что я втяну ее в неприятности.

И одета она была убийственно. Темные брюки, мерцающий летящий кардиган и серебристый шарф, открывающий шею и ложбинку между пышными прелестями.

— Ты просто шикарная распутница, — сказала я, когда она села рядом со мной за стойку.

Куки усмехнулась и подалась ко мне:

— Сойдет, да?

Я еще раз оглядела ее с ног до головы.

— Не то слово! И нужный эффект ты уже произвела.

Тидвелл уселся обратно за свой столик. В каждом его движении сквозил явный интерес. Я едва заметно кивнула в его сторону. Куки быстренько осмотрела толпу, на долю секунды задержавшись взглядом на Тидвелле, а потом снова повернулась ко мне. Судя по всему, она все еще в себе сомневалась.

— Значит, будь ты парнем, ты бы на меня запала?

— Солнце, будь я парнем, я была бы геем.

— Ага, я тоже. Так что мне делать?

— Пока просто подождем. Скорее всего он...

— Мужчина за тем столиком хочет тебя угостить, солнышко, — сказала Тери и, приподняв брови, стала ждать ответа.

Трезвый образ жизни она начала вести совсем недавно и все же была весьма симпатичной. Хотя, как сказал бы папа, симпатичной по-мужски. У Тери были длинные темные волосы и поразительные светло-карие глаза. Однако эти глаза видели слишком много незаконных randevu, сложных связей и уйму секса на одну ночь. Так что удивить Тери было сложно. Жизненный опыт ее закалил.

Я тоже могу вести себя так, будто многое повидала. Если потренируюсь. Со всем усердием.

— Ой, — подскочила Куки, явно застигнутая врасплох, — тогда я буду виски с лимонным соком.

Тери подмигнула в ответ и занялась своим волшебством.

— Виски с лимонным соком? — переспросила я.

— Кажется, т-твоя подруга нервничает, — заметил Дафф, и я согласно кивнула.

Куки смотрела прямо перед собой, словно ее привели на расстрел.

— Алкоголь внушает храбрость, — сказала она. — К тому же в тот момент это казалось хорошей идеей.

— То же самое говорили о ядерной энергии перед аварией на «Три-Майл Айленд»^[2].

Куки наградила меня взглядом, по которому было ясно: она в ужасе.

С трудом подавив улыбку, я притворилась, будто поправляю на ней шарф, а на самом деле спрятала в складках крошечный микрофончик.

— Тебе нужно только завязать с ним разговор. А я услышу все, что он скажет. — Я постучала себя пальцем по уху, где у меня был наушник. — Нам нужно узнать, как далеко он готов зайти. К сожалению, то, что он угостил тебя выпивкой, не доказывает факт измены.

И без того побледневшая Куки слегка позеленела:

— Мне придется заниматься с ним сексом?

— Чего? Конечно, нет. Ты только узнай, хочет ли он заняться сексом с тобой.

— А целоваться с ним нужно?

Ну надо же! Раньше мне и в голову не приходило, как мало Куки знает о расследованиях, в которых фигурируют внебрачные связи. Она всегда оставалась, так сказать, за кулисами, а мне казалось само собой разумеющимся, что она знает, что делать.

Тери поставила перед ней бокал, и Куки тут же опрокинула в себя половину содержимого.

— Не делай ничего такого, из-за чего будешь чувствовать себя не в своей тарелке, — сказала я, когда она еще раз от души отпила из бокала. — Попробуй заставить его намекнуть тебе на продолжение. А теперь повернись к нему и отсалютуй. Пусть знает, что ты заинтересована.

Сказать что-нибудь еще я не успела — Куки повернулась и по-военному отсалютовала Тидвеллу. Джессика со своей пустоголовой свитой разразилась хохотом. Я разочарованно закрыла глаза и процедила сквозь стиснутые зубы:

— Я имела в виду поднять бокал.

— Да неужели? — точно так же сквозь зубы процедила Куки. — Ты сказала отсалютовать. — Я почувствовала, как в ней нарастает паника. — Вот я и подумала, что он, наверное, военный.

— Все в порядке. Ты только успокойся.

— Успокойся? — Она опять осмотрелась по сторонам. — Это ты успокойся. А я спокойна как танк.

Я взяла ее за руку и хорошенько сжала, чтобы привлечь к себе ее внимание. Куки сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, заставляя себя успокоиться.

— Уже лучше, — заметила я и дала ей еще пару секунд взять себя в руки. — А теперь, если он еще не записал тебя в душевнобольные, иди к нему и завяжи разговор.

— Что? Я? Как?

— Кук, ты справишься. Это как в старших классах, только без противных последствий, если вдруг не получится.

— Ладно. Как в старших классах.

Набравшись смелости, Куки соскользнула с табурета и пошла к столику Тидвелла.

Прямо на глазах она изменилась. Стала уверенной в себе. Превратилась в настоящую хозяйку собственной судьбы.

Я чуть не рассмеялась от восторга, поэтому быстренько засунула в рот очередной кусок райского наслаждения и приготовилась слушать.

— З-значит, вы решили его п-подставить? — поинтересовался Дафф.

Я промокнула салфеткой рот и проверила диктофон в кармане. Порядок, он был включен на запись. Останься мы после всех волнений без доказательств, это был бы форменный отстой.

— Не столько подставить, сколько уделать. Он шатается по клубам и забегаловкам, чтобы изменять жене. Мы всего лишь дадим ему возможность, а его жене — доказательства, которые ей нужны, чтобы бросить этого козла и жить своей жизнью.

Только когда захихикала Джессика, до меня дошло, что я в открытую разговариваю с Даффом.

— Ну вот опять, — громко сказала она, чтобы я уж точно услышала. — Что я вам говорила? Она чокнутая на всю голову.

Сплетницы опять расхохотались, но я все равно слышала режущее уши карканье Джессики. Когда мы с ней дружили, ее смех бесил меня до белого каления. Это такой пронзительный сдавленный звук, который постоянно напоминал мне о сцене убийства из «Психо». Хотя признаю: так могло казаться только мне.

Однажды я совершила ошибку и все ей о себе рассказала. Кажется, Джессика нормально восприняла то, что я вижу призраки, но, когда я сказала ей, кто я на самом деле (что я ангел смерти и через меня могут перейти на ту сторону мертвецы), наша дружба рассыпалась, как домик из стекла. Осколки глубоко меня ранили, а от некоторых до сих пор остались шрамы. Если бы я знала, что наша дружба держится буквально на волоске, что ее может уничтожить простая правда, я бы не вкладывала в нее душу.

Но, что сделано, то сделано. Джессика растрепала всей школе о том, что я ей рассказала. О том, кто я такая. Слава богу, никто ей не поверил. Сама она тоже мне не поверила. Однако предательство оставляет глубокие раны. Которые долго болят и требуют возмездия. В итоге я успешно охмурила парня ее мечты — звезду школьной баскетбольной команды по имени Фредди Джеймс. Само собой, это нашей разрушенной дружбе никак не помогло. Когда мы с Фредди начали встречаться, ядовитая злость Джессики стала раз в десять сильнее. А до меня внезапно дошло, что мне все равно. Я открыла для себя мальчиков в совершенно новом свете.

Моя сестра Джемма поняла, когда это случилось. Она обвиняла Фредди в том, что он

украд мою девственность. Однако утверждать, что Фредди украд мою девственность, все равно что утверждать, будто Хиросима украдла у нас атомную бомбу. Кража в уравнение просто-напросто не вписывается.

Пока Джессика и ее подружки заливались хохотом, я делала вид, что не обращаю на них внимания. Потому что безразличие жалит куда больнее, чем любые слова. Джессика терпеть не может, когда ее игнорируют, и это, конечно же, сработало. Похоже, отсутствие у меня интереса к их компании пожирало ее живьем. Шершавая смесь гнева и ненависти будто острыми ногтями царапала мне кожу.

— Простите за салют, — сказала Куки Тидвеллу.

Он жестом предложил ей присесть:

— Ну что вы! Мне он показался очаровательным.

Несмотря ни на что, Тидвелл был симпатичным мужчиной с хорошо подвешенным языком. Теперь меня волновали другие возможные последствия: не падет ли Куки жертвой его шарма?

— Я Анастейша, — сказала Куки, и я чуть не застонала вслух.

Как правило, псевдонимы на работе вполне приемлемы, но мы были в папином баре и знали добрую половину присутствующих. Что, естественно, вылезло на свет божий, когда кто-то ее окликнул.

— Привет, Куки! — поздоровался только что вошедший в бар офицер, усаживаясь за стойку. — Классно выглядишь, куколка.

Куки озадаченно моргнула, а потом улыбнулась Тидвеллу:

— Но все зовут меня Куки.

Самая лучшая отговорка.

— А я Даг.

Вот те раз! Изобличающая улика номер один. Похоже, Марву тоже нравятся псевдонимы. Я чуть-чуть повернулась, чтобы видеть их хоть краем глаза. Они как раз пожимали друг другу руки. Куки пробормотала что-то о том, как приятно с ним познакомиться. Марв ответил тем же. А я откусила еще кусочек кесадила, изо всех сил борясь с желанием простонать от невообразимого удовольствия. Сэмми точно превзошел сам себя.

Но я должна была держать себя в руках. У меня тут работа, черт бы ее побрал.

Я повернулась к Куки с Марвом и с самым скучающим выражением лица сделала пару снимков на телефон. Ей-богу, благодаря сотовым вести наблюдение проще простого. Притворившись, будто пишу сообщение, я навела фокус на Тидвелла. Когда он наклонился вперед и накрыл ладонью руку Куки, я чуть с ума не сошла от радости. Снимок, конечно, не обеспечит меня деньгами, потому что не подтверждает факт измены, но такая фотка придется весьма кстати.

А потом я кое-что заметила. Какую-то тьму в его глазах, которую не видела раньше. Чем больше я смотрела на Тидвелла, тем меньше он мне нравился. Почти все, что срывалось у него с языка, было ложью. Но беспокоил меня не только обман. Он напоминал мне одного из тех мужиков, которые сбивают женщин с ног умопомрачительной романтикой, женятся на них, а потом убивают, чтобы получить страховку. Слишком уж гладко он стелил. Слишком личные вопросы задавал. Надо было больше накопать на этого мистера Марвина Тидвелла.

— А это что? — вдруг резким тоном спросил он, и эмоции, которые повалили из него,

по-настоящему меня ошеломили.

— Что именно? — переспросила Куки, вмиг растеряв всю уверенность в себе.

Он заметил микрофон, который я спрятала в складках ее шарфа. Дерьмо на кесадилье. Не успела я слезть с табурета, как Марв сорвал микрофон с Куки и подтянул ее к себе за шарф.

— Что это такое? — рявкнул он, сунув микрофон ей под нос, перед тем как спрятать его в кулаке.

Я бросилась к ним, на ходу делая последние фотки, как велел сидящий во мне детектив. Они наверняка будут размытыми, но упускать шанс не в моих правилах.

Куки сидела, совершенно сбита с толку. Не потому, что ее поймали на горячем (в этом я была уверена), а из-за реакции Тидвелла. За какие-то секунды он превратился из очаровательного поклонника в разъяренного быка.

Его лицо покраснело, в злобном оскале обнажились зубы.

— Это все игра? Тебя Валери подослала?

Валери Тидвелл — жена Марвина и моя клиентка. Судя по всему, он догадывался, что она подозревает его в измене. Все в баре разом замолчали, а я все бежала вперед, огибая столики и стулья, продолжая делать снимки и удивляясь, на кой черт Куки полезла в сумочку. Долго удивляться не пришлось. Как только я оказалась совсем рядом, Куки достала пистолет, и в голове у меня осталась только одна мысль: как, черт возьми, мы до этого докатились?

— Куки! — крикнула я, едва не врезавшись в нее.

Но тут Тидвелл наклонился через стол, схватил ее за руку и толкнул прямо на меня. Мы втроем полетели кучей на пол, и в этот самый момент в зале прогремел резкий звук.

Я собираюсь жить вечно. Пока получается.

Надпись на футболке

Как только я услышала выстрел, мир замедлился, как это бывало и раньше. До меня дошло, что, схватив Куки за руку, Тидвелл развернул пистолет так, чтобы дуло целилось прямо мне в сердце.

Ну конечно. Куда же еще ему целиться?

Я бежала вперед, но, когда замедлился мир, тоже притормозила и успела заметить, как из пистолета Куки вылетает пуля — буквально в нескольких сантиметрах от меня, а позади нее — маленькая вспышка огня. Пуля метила прямо мне в грудь, а я пыталась от нее уклониться.

Однако здесь время течет по-другому. Гравитация действует иначе. Законы физики не работают. Пуля медленно пробиралась вперед, я изо всех сил старалась переместить свой вес с ее пути, но, похоже, только и могла, что смотреть на летящую ко мне угрозу.

Краем глаза я видела зарождающуюся панику на лицах многих посетителей. Одни из них как раз поднимали руки, чтобы прикрыться. Другие по-прежнему пребывали в неведении и смотрели на нас с умеренным любопытством. А третьи, в основном копы, уже начали действовать. Их лица были совершенно спокойны, потому что годы тренировок всегда берут верх.

Пуля по-прежнему приближалась, сантиметр за сантиметром. Нагретый трением воздух вокруг нее рябил. Мне нужно было больше времени. Чтобы понять, что делать. Чтобы понять, как увернуться от пули. В прямом смысле. Чувствуя себя так, будто плыву в цементном растворе, я, кое-как оттолкнувшись от плеча Куки, подалась назад — туда, откуда прибежала. Но недостаточно быстро. Если мир сейчас вернется, пуля попадет мне прямо под левую ключицу. К сожалению, надолго задерживать время я не умею. У него есть дурацкая привычка возвращаться прямо в лоб, словно кто-то отпустил растянутую резинку. В общем, тогда, когда я меньше всего этого ожидаю.

Когда я уже почувствовала, что едва удерживаю время, — пуля прошла очередной сантиметр так быстро, что я и не заметила, звуки стали просачиваться мне в уши, как поцарапанные места на пластинке, — появилась большая мужская рука и убрала пулю куда-то в сторону. На меня пролился теплом знакомый, как солнце, жар. Другая рука легла мне на затылок, и Рейес Александр Фэрроу прижал меня к себе, пряча пулю в ладони.

Это были самые прекрасные руки на свете. Сильные, с проступающими сквозь кожу венами предплечья. Холмы и долины хорошо развитых бицепсов. Широкие, мощные плечи под футболкой цвета хаки.

Мой взгляд поднимался все выше и выше, пока я не заглянула в лицо ангела. Ну или падшего ангела. Хотя точнее в лицо сына падшего ангела. Так уж вышло, что папаша Рейеса — враг номер один всего человечества, самый первый и самый прекрасный из всех падших с небес ангелов. Люцифер. А Рейес был создан в аду. Буквально выкован в пламени греха. Что,

конечно же, объясняло его привлекательность.

В темных глазах искрилось веселье, когда он спросил:

— Опять?

Мой рыцарь в сияющих доспехах. Когда-нибудь я научусь сама спасать собственную задницу. Тогда мне не придется быть обязанной людям. Людям вроде сына Сатаны.

С трудом поборов первобытные порывы, которые переполняют меня всякий раз, когда рядом оказывается Рейес, я сказала так беззаботно, как только сумела:

— У меня все было под контролем.

Его губ коснулась порочная ухмылка. Наверное, одна из тех, что он унаследовал от своего порочного отца. И я вдруг поймала себя на том, что второй раз за вечер стараюсь не пустить слюни.

Рейес посмотрел на царящий вокруг хаос:

— Да уж вижу. Что у нее с языком?

Прекратив на него пялиться, я взглянула на Куки. Исказившиеся в ужасе черты лица застыли, а между зубами выглядывал кончик языка.

— Боже мой! Камера в телефоне сейчас работает? Я просто обязана запечатлеть этот момент. — Такой фоткой я могла бы годами ее шантажировать.

Рейес рассмеялся. От глубокого богатого смеха у меня по спине поползли мурашки.

— Вряд ли.

— Гадство. Таких моментов можно всю жизнь ждать и не дожидаться. — Я снова посмотрела на него, на невероятно длинные ресницы и сказала: — Пуля летела очень быстро. Что будет с твоей рукой, когда вернется время?

Его взгляд опустился к моим губам и задержался там на долгих несколько секунд, и только потом Рейес ответил:

— Скорее всего пуля пройдет насквозь.

Такой честности я совсем не ожидала.

И тут появилась ямочка на щеке.

— Не волнуйся, Датч. Бывало и хуже.

Он прав. Бывало и хуже. Намного хуже. Но когда уже наступит перебор? Почему он постоянно должен терпеть из-за меня боль? Из-за того, что я вечно влипаю в неприятности?

Рейес поднял голову:

— Сейчас начнется.

И началось. Время вернулось с таким грохотом, будто в бар врезался товарняк. От звука все внутри меня сотряслось. Сила, сравнимая с ураганом, вышибла из меня дух, бросив задыхаться.

Словно мы оказались в самом сердце торнадо, Рейес крепко прижимал меня к себе, пока мы с ним не очутились на той же отметке пространственно-временного континуума, что и все остальные. Потом отодвинул на расстояние вытянутой руки, продолжая держать за плечо, чтобы я не грохнулась. В помещении воцарилась настоящая какофония из криков и визгов. Люди прятались, пытались убежать. Несколько посетителей укрылись за барной стойкой, а пара зашедших передохнуть после смены копов прижали Тидвелла и Куки к полу.

Тидвеллу это вряд ли понравится, зато Куки будет наслаждаться каждой секундой того, как ее будет обыскивать сексапильный коп. Такая вот она у меня потаскушка.

Когда еще один коп двинулся ко мне с теми же намерениями, Рейес дернул меня в сторону, убрав с дороги, и одним плавным движением, использовав инерцию самого копа,

влепил его в пол. Причем проделал это так быстро, что, если бы до этого дошло, никто не смог бы рассказать, что именно случилось. Поскольку коп был в штатском, вряд ли Рейеса обвинят в нападении на офицера при исполнении. Вот только этого конкретного копа я узнала, как узнало его и большинство полицейских, пришедших сегодня в бар. Это был почти друг.

Пока Рейес никому не причинил настоящего вреда, я схватила его за руку:

— Рейес, погоди.

Он застыл, но продолжал прижимать Тафта к полу коленом, вдобавок заломив ему руку за спину.

Тафт что-то пробурчал и, понятия не имея, кто размазал его по полу, попытался освободиться. Пока он извивался так и сяк, Рейес без всяких видимых усилий даже не шелохнулся. Я присела рядом с офицером. Скорее всего он шел ко мне, чтобы защитить, а не обыскать или вроде того. Потому что мы с ним, если можно так выразиться, дружим.

— Все в порядке, — сказала я Рейесу. — Он коп.

Судя по выражению лица, на Рейеса мои слова не произвели никакого впечатления. Мне пришлось наградить его гневным взглядом, чтобы он хоть немного ослабил хватку. Само собой, я знала, что Рейесу плевать, коп Тафт или нет. Но мне хотелось, чтобы Тафт поверил, будто если бы Рейес знал, то не шмякнул бы его на пол, как мешок с картошкой.

— Как ты там, Тафт? — спросила я, подталкивая Рейеса плечом.

В конце концов с нарочитой медлительностью он отпустил Тафта.

Получив немного свободы, Тафт отпихнул от себя Рейеса и поднялся на ноги. Рейес тоже выпрямился в полный рост. Чувственные губы с трудом сдерживались, чтобы не растянуться в ухмылке, когда Тафт подошел и встал с ним буквально нос к носу.

Я уже собиралась влезть между ними, но меня отвлекла какая-то возня. Куки вела себя тише воды, ниже травы. Один из копов наклонил ее над столом и завел руки за спину. А Тидвелл боролся с офицерами и продолжал в том же духе, даже когда они сказали ему, кто они такие. От злости его лицо стало просто пунцовым. Впрочем, офицерам без особого труда удавалось держать его на полу. Судя по всему, с интеллектом Тидвелла могла посоревноваться только кухонная утварь. Зато гонора у него хоть отбавляй. Он знает, что нас подослала миссис Тидвелл. Что он с ней сделает? Грозит ли ей теперь опасность?

Народ постепенно успокаивался, и внезапно все взгляды обратились ко мне. Как будто я одна во всем виновата. Я подняла руки, чтобы всех заверить, что на юго-западном фронте все тихо.

— Не волнуйтесь, — сказала я, тряся ладонями, — Куки прекрасно стреляет. Никто из вас не подвергался опасности.

Если в аду есть специальное место для лжецов, я точно попаду туда.

Я оглянулась посмотреть, не развязали ли Рейес с Тафтом Третью мировую, и увидела, как в бар заходит дядя Боб. Воротник расстегнут, галстук ослаблен, брови сдвинуты от любопытства.

Он направился было ко мне, но вдруг заметил копа, который прижал Куки к столу. Это был тот самый, который чуть раньше назвал ее куколкой.

— Иисус в мультиварке, Смит, ну-ка быстро отпусти ее.

Смит послушался, принялся в знак извинений отряхивать Куки и расправлять на ней одежду, но огрызнуться не забыл:

— У нее был пистолет. Он выстрелил, когда этот мужик ее толкнул.

— А все потому, что он на меня напал, — Куки ткнула пальцем в Тидвелла. Тот все еще барахтался под весом какого-то копа. — Козел.

Дядя Боб не просто встревожился. Диким огнем по нему пронеслась ярость. Мне даже страшно было представить, о чем он подумает, когда узнает, что это я втянула Куки в ситуацию, где ее чуть не пристрелили. Наверное, я все-таки забуду об этом упомянуть.

— Кто-нибудь пострадал? — спросил дядя Боб, и все заозирались по сторонам.

Несколько посетителей даже похлопали по себе на всякий случай, а потом все дружно покачали головами.

Первым заговорил Тафт.

— На этот раз я все спущу на тормозах, — сказал он Рейесу, подступая еще ближе, — но если когда-нибудь...

— Тафт!!!

Поскольку все и так были взвинчены, каждый в баре подскочил от неожиданности, когда дядя Боб заорал на своего коллегу. Даже Тафт. Обойдя опрокинутый стул, дядя Боб схватил Тафта за руку и оттащил от Рейеса. Всей правды о Рейесе он не знает, но ему известно достаточно, чтобы не связываться с ним, пока есть выбор.

— Почему бы тебе не порасспрашивать народ? Вдруг найдутся надежные свидетели того, что произошло.

Нехотя кивнув, Тафт отошел к компашке, забившейся в дальний угол. Я была рада. Выглядели они до смерти напуганными.

С улицы послышались сирены, и в бар один за другим набежали новые копы. Я поскребла пальцами лицо. Папа меня убьет. Для бизнеса все это добром не кончится.

— Теперь ты! — рявкнул дядя Боб, или Дибби, как его знают на форумах для взрослых благодаря вашей покорной слуге, и указал на меня: — Даже не думай сейчас сбежать.

Я ткнула себя пальцем в грудь:

— Я? А я тут причем? Это Куки начала.

Куки громко ахнула.

Дибби наградил меня сердитым взглядом.

Тафт оглянулся и покачал головой.

А Рейес прислонился спиной к стойке, сложил на груди руки и смотрел на меня изучающим взглядом из-под неимоверно длинных ресниц. Ну почему мужикам достаются такие обалденные ресницы? Это же просто несправедливо! Как заоблачные цены на дизайнерскую обувь. Или целые голодающие народы.

Я подошла к нему, надувшись, как ребенок, которого поставили в угол, и тоже прислонилась к стойке. Приближаться сейчас к Куки я не собиралась. Ее окружила толпа матерых копов, пребывавших на пике адреналинового всплеска. Я бы царапала зубами пол, даже не успев сказать «Привет, Кук! Как все прошло?».

Сунув в карман наушник, я заметила, что Дафф исчез. Понять его можно. Правда, вряд ли ему могла бы навредить шальная пуля. С самым беспечным видом, на какой только была способна, я взяла Рейеса за правую руку и раскрыла его ладонь. Он позволил мне это сделать, наблюдая за каждым моим действием. На ладони и пальцах кожа была шершавой. Отчасти из-за проникающего ранения и отчасти от ожога. Видимо, пуля и правда закончила свой путь, когда вернулось время. Иначе никак. Такая энергия не испарится в никуда только потому, что мне так захотелось. И, хотя Рейес быстро исцелялся, он не был пуленепробиваемым.

— Рейес, мне очень жаль, — сказала я, закрыв лицо рукой.

В последнее время он из-за меня, мягко говоря, натерпелся. Не последнюю роль в этом сыграла пуля пятидесятого калибра, которая попала ему в грудь и прошла его насквозь. Пуля, которая предназначалась мне.

— И насколько жаль? — поинтересовался он внезапно осевшим голосом.

Я отпустила его руку и откашлялась. Несмотря ни на что, он был первым в моем списке подозреваемых в деле о поджогах. И мне не стоило об этом забывать.

— Как ты вообще здесь оказался?

Он опять сложил руки на груди.

— Просто мимо проходил. Увидел, что тут что-то происходит. Решил, что без тебя не обошлось.

— Минуточку! Я прекрасно справлялась.

— Не сомневаюсь. Хочешь, чтобы я ушел?

Я хотела, но только потому, что от его присутствия каждая молекула во мне страдала от землетрясения. И не хотела, но только потому, что рядом с ним я будто купалась в солнечном свете. Правда, солнце было не желтым, а темного, пламенного бронзового цвета. И все-таки мне еще нужно было поработать. И выдать кучу объяснений.

— Тебе нельзя сейчас уходить. Если ты не заметил, тут ведется расследование.

— Я не об этом спросил.

Я подняла голову и увидела, как дядя Боб придвигает для Куки стул.

— Да.

— Тогда скажи это.

Я с вызовом задрала нос:

— Я хочу, чтобы ты ушел.

На его губах неторопливо расцвела ухмылка. Рейес наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Убедительности не хватает.

Я закрыла глаза, пытаясь остановить волну похоти, разливающуюся между ног. Наши отношения сильно смахивают на нижнее белье в сушилке без антистатика. То бодро и весело мчимся по жизни, то прилипаем друг к другу самыми интересными местами.

— Ты все еще должен мне миллион долларов, — раздраженно заявила я.

Я предъявила ему счет за то, что доказала его невиновность и вытащила из тюрьмы. Рейес еще не заплатил. Даже не представляю почему.

— Кстати, я надеялся, мы заново пересчитаем, кто кому и сколько должен.

— Любопытство тебя погубит.

— Сколько ты берешь на текущие расходы?

— Триста восемьдесят семь процентов.

— А это этично?

— Не менее этично, чем встречаться с сыном Сатаны.

Я осмотрела посетителей, оставшихся в баре, и немного удивилась, заметив среди них Джессику. В таких ситуациях она обычно дает слабинку. И вдруг я поняла, что к чему. Ее взгляд был прикован к ширинке Рейеса. С ее подругами тоже все стало ясно: они шарили по нему глазами, впитывая каждую тень во впадинах между его мышцами. На их лицах отчетливо читалась смесь восхищения и неприкрытой похоти.

Вопреки моему желанию испытывать нечто подобное, я все-таки взбесилась.

— Ну надо же, а у тебя здесь целый фан-клуб.

Совершенно не заинтересовавшись моими словами, он спросил:

— Так мы встречаемся?

Я удивленно взглянула на него. Ничего такого я не имела в виду. Переехав в соседнюю квартиру, Рейес дал мне запасной ключ. Я еще ни разу им не воспользовалась. Не знаю почему: потому что мне страшно или потому что я в диком ужасе. Он по-прежнему был первым в моем списке подозреваемых по делу о поджогах. Об этом мне забывать явно не стоило. К тому же он все еще исцелялся от пулевого ранения, которое получил по моей вине. А еще он вырос с монстром настолько жестоким, что даже описать трудно. И сел в тюрьму за его убийство — за преступление, которого не совершал, потому что Эрл Уокер был по-прежнему жив. А все потому, что я подвела Рейеса. Впервые я увидела его избитым Уокером почти до потери сознания. Рейесу тогда было девятнадцать. А я не вызвала полицию. Да, так хотел сам Рейес, но я все равно должна была это сделать. Как минимум рассказать обо всем папе, который в то время служил полицейским. Насколько тогда изменилась бы жизнь Рейеса? Скольких страданий ему удалось бы избежать? Как и я, Рейес умеет улавливать чужие эмоции. Умеет чувствовать ярость, волнами исходящую от людей. Страх. Сомнения. И сочувствие. Конечно же, он уловил, что сейчас чувствовала я. Заглянув в его ожесточившееся лицо, я осознала свою ошибку.

Он раздраженно провел пальцем по губам.

— В твоих глазах сейчас прямо ни капли жалости.

Но ответить я не успела — раздался чей-то громкий мужской голос:

— Эй, ты!

Мы посмотрели вправо и увидели офицера в форме, который жестом подзывал Рейеса. Рядом с офицером стоял Тафт.

Рейес вздохнул, и я почувствовала, как его раздражение сходит на нет. Он наклонился ко мне. Его губы коснулись моего уха, щеку обдало теплым дыханием.

— Используй ключ, Датч.

От мысли о том, чтобы воспользоваться ключом — тем самым ключом от его квартиры, который он мне дал, — у меня по позвоночнику промчался электрический разряд.

Естественно, Рейес почувствовал и это. Я услышала тихое рычание, зародившееся где-то у него в горле, а потом он отвернулся и пошел к офицеру. Однако я тоже кое-что почувствовала. Обжигающий взгляд Джессики, которую пожирала зависть. В другой ситуации я бы только похихикала, как чокнутая школьница, но из-за того самого рычания я чувствовала себя так, будто меня окатили прохладной водой, в животе расцвело приятное покалывание, и пришлось напомнить себе, что надо бы подышать, пока я не посинела. Синий мне не очень-то к лицу.

Рядом с Куки наконец-то образовалось свободное пространство, поэтому я поспешила к ней. Судя по всему, в разгар хаоса кто-то стукнул ее локтем в лицо. Я попыталась ее пожалеть, но все еще была немного не в себе. Что поделать, так на меня действует Рейес. И все же Куки, похоже, не один день придется щеголять с фингалом. К тому же я так и не узнала, чем все закончилось.

— Ты как, Кук? — спросила я, глядя, как на соседний стул плюхается дядя Боб.

Она нервничала и заметно дрожала. Я накрыла ладонью ее руку.

— Давай-ка я принесу тебе воды, — сказал ей Дибби, — и вы обе мне расскажете, что произошло.

— Спасибо, Боб, — ответила она срывающимся голосом. Когда он ушел, Куки промокнула салфеткой щеки и шею и посмотрела на меня: — Ну? Как прошел твой день?

Вот она — Куки, которую я знаю и люблю. Она всегда умудряется найти что-то хорошее даже в самом плохом и превращает его в возможность чему-то научиться. Но еще чаще — в шанс посмеяться над невинными свидетелями.

Я решила подыграть. Опустила голову и руки.

— Не день, а настоящий отстой. Я опять облажалась.

— В этом нет твоей вины, — отозвалась она, рассеянно поглаживая меня по плечу.

Я встрепелась:

— В этом уж точно нет. В этом виновата ты и только ты. Пистолет? — изумленно спросила я. — Seriously, с чего вдруг пистолет?

Не меньше минуты она смотрела на меня с отвисшей челюстью, а потом сдалась, громко вздохнув:

— В тот момент это показалось мне хорошей идеей.

— «Три-Майл Айленд», Кук.

— Да знаю я, знаю. Господи, поверить не могу, что никого не подстрелила. — Если бы она только знала. В конце концов, отмахнувшись, она спросила: — А где ты облажалась?

— Не прошла кардиологические тесты, — ответила я, глядя, как допрашивают Рейеса.

Каждое его движение было чистым совершенством, а черты просто поражали красотой. Как будто его хорошенько отфотошопили. Я вдруг почувствовала себя так, будто меня кто-то где-то обдурил.

— Кардиологические тесты? — переспросила Куки. Смотреть на нее было забавно. Лицо опухло и слегка перекосилось. — Ты была на приеме у кардиолога?

— Да. Он отказывается делать операцию на открытом сердце только на основании моих убеждений, что у меня с сердцем что-то не так. Если верить доктору Шарлатану, результаты моих тестов вернулись в норму. А я думаю, он просто не видит картину в целом. Ну знаешь, не хватает ему практического взгляда на вещи.

Куки поджала губы:

— Черт тебя дери, Чарли, ты меня напугала. А с твоим сердцем все в полном порядке.

— Ничего подобного. Оно болит. — Драматического эффекта ради я несколько раз ткнула себя пальцем в грудь. — Думаю, у моего сердца инсульт.

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Нет, но звучит серьезно. Как лихорадка Эбола. Или крапивница.

— Когда я с тобой закончу, ты пожалеешь, что у тебя не лихорадка Эбола.

— Чего? Что я такого сделала?

— Не знаю, но во всем этом наверняка виновата ты.

— Ты же сказала, что в этом нет моей вины.

— Соврала.

— Это ты притащила пушку на вечеринку.

Куки по-прежнему отказывалась замечать в комнате маленького слона, поэтому я достала телефон и набрала номер старого друга семьи.

— Кому звонишь?

— Нони. Ты пойдешь на занятия. Следующее завтра в восемь утра, и ты там будешь.

— Чего? — Она потянулась к телефону, но я отразила ее атаку, как мистер Мияги ^[3] отражал удары врагов. — Мне не нужно разрешение на оружие, которое я все равно прячу.

— Речь о твоей же безопасности, Кук. — Я подняла указательный палец, чтобы она не заговорила снова. — К тому же, даже если ты не носишь оружие напоказ, тебе все равно нужно разрешение. Занятие завтра в восемь. И в воскресенье в семь.

Она опять потянулась к телефону и опять промахнулась.

— Это же все выходные! А у меня были планы.

— Марафон «Дневников вампира» — это не планы.

Куки глянула на меня так, словно я из ума выжила.

— Да ты хоть видела братьев Сальваторе? Святое имбирное печенье, Чарли! А ведь я собиралась наготовить нам на следующую неделю целый тазик энчилады.

Блин! Она знала, что это ранит меня до глубины души. Я горько вздохнула:

— Тогда нам обеим предстоит многим пожертвовать.

Нони взял трубку и что-то проворчал по поводу времени. Это было странно. Я решила взять быка за рога и объяснила ему ситуацию, пока Куки следила за каждым движением дяди Боба. Точнее даже не следила, а была полностью поглощена процессом. Он консультировался с каким-то офицером не при исполнении, а ей, похоже, все его действия казались завораживающими.

Нет-нет, меня это ни капельки не беспокоило.

— Спасибо, Нони.

— Прямо сейчас я тебя ненавижу, — пробубнил он в ответ.

— Да ладно! Сейчас только половина десятого. Кто по пятницам спит в такое время? — Повесив трубку, я сообщила Куки: — Тебя записали.

— Фантастика, — отозвалась она, но я сомневалась, что она это всерьез.

— И я так думаю. В общем, он задаст тебе уйму вопросов, чтобы определить, насколько ты стабильна в плане психики. Ты же умеешь врать?

Куки бросила на меня мрачный взгляд:

— Ничуть не хуже, чем ты умеешь не влезать в неприятности.

— Вот гадство. Ну ты хоть постарайся. Еще он даст тебе учебник по всем законам Нью-Мексико, касающимся ношения оружия. А еще Нони... — Как бы так сказать, чтобы Нони не показался ей фанатиком? — Нони полон энтузиазма. Он берет с собой пистолет даже в душ. Но он хороший парень, и ты многому научишься. А что еще важнее, — я взяла ее за плечи, чтобы привлечь ее внимание, пришлось даже немножко встряхнуть, — в итоге всем вокруг будет грозить куда меньше опасностей.

Куки кивнула и тут же покачала головой, передумав:

— Не знаю, Чарли. Вряд ли я смогу выстрелить из пистолета у всех на глазах.

— А сегодня ты что собиралась делать с пушкой? Узнать, не захочет ли Тидвелл ее купить?

— Нет. Я подумала, что если он увидит пистолет, то успокоится.

— И как? Сработало?

— Чарли, — резким тоном процедила она.

— Ладно-ладно. Но на будущее: никогда не вытаскивай пистолет, если не собираешься им пользоваться. Кстати, стрельба — это лишь небольшая часть программы обучения. Когда до нее доберешься, будешь чувствовать себя так уверенно, что легко снимешь лифчик перед огромной толпой. Так вот, никогда этого не делай. Поверь мне. Добром это не кончится. Перед практикой Нони пробежится по законам и предложит тебе несколько сценариев из реальной жизни. Короче говоря, ситуации, в которых тебе придется себя защищать. Ты

должна будешь все хорошенько обдумать. — Я подалась к ней ближе. — Кук, он спросит тебя, готова ли ты кого-нибудь убить.

— Чего? Готова ли я прямо сейчас?

— Нет. Скорее всего он предложит тебе какой-то сценарий и спросит, готова ли ты нажать на спусковой крючок.

— Чудесно.

Я снова засомневалась в ее искренности.

— А потом он научит тебя разным приемам. Например, как войти в комнату, когда там сидит террорист и опустошает твой холодильник. Или что делать, если кто-то выламывает твою дверь топором. В общем, все о том, как остаться в живых и защитить себя и свою семью. — Куки молча смотрела в никуда, поэтому я добавила: — Ты справишься на ура, Кук.

О да, вероятность попадания в то самое специальное место в аду росла с каждой минутой.

667: Сосед зверя.

Наклейка на бампер

Как только я снова почувствовала собственные колени, я решила повидаться со своим старым вроде как другом и товарищем Гарретом Своупсом. Рядом с ним всегда найдется повод хорошенько посмеяться. По пути я подумала воспользоваться новым и скорее всего пиратским GPS-приложением, о котором узнала от моей подруги Пари. Несмотря на то, что дом Своупса я могу найти с закрытыми глазами (и этот подвиг я уже разок совершила во времена бессонницы), я включила приложение в телефоне, выбрала голосовое сопровождение и воткнула телефон в держатель возле приборной панели. Салон наполнили звуки тяжелого дыхания, будто кто-то был подключен к системе жизнеобеспечения и дышал через аппарат искусственного дыхания. Наверное, было бы не так жутко, будь на улице светло. Я задала пункт назначения, то бишь адрес Гаррета, и нажала кнопку «Проложить маршрут».

— Через сто метров поверните направо, — сказал Дарт Вейдер. Тот самый Дарт Вейдер. Теперь у меня возникло чувство, будто мы с ним друзья. Будто я могу рассказать ему обо всем на свете.

— Спасибо, мистер Вейдер. Можно мне называть вас Дарт?

Он не ответил, но это ничего. Как нелюбимый приемыш не самой ласковой на свете мачехи я привыкла, что на меня не обращают внимания. Но указания я честно выполнила.

Опять послышалось тяжелое дыхание:

— Через пятнадцать метров поверните направо.

— Ага, ясно, еще раз спасибо.

И так всю дорогу. Он говорил мне, что делать, а я каждый раз благодарила. В какой-то момент я почувствовала себя оскверненной, словно он использовал меня для собственного удовольствия. Какие-то односторонние у нас с ним сложились отношения.

Когда я почти добралась до нужного места, Дарт снова заговорил:

— Через шестьдесят метров справа вы увидите свой пункт назначения. Ваше путешествие на темную сторону почти завершено.

И почему у меня такое впечатление, будто он как-то связан с Рейесом?

— Ваш пункт назначения справа.

— Ага-ага, поняла уже.

— Ваше путешествие на тем...

Не дав ему закончить фразу, я отключила приложение. Даже мне самой перебивать его показалось непростительной грубостью, но слушать и дальше тяжелое дыхание я уже не могла. Иначе в голову бы полезли всякие неуместные мысли о взбитых сливках и ракетке для пинг-понга. А мне предстояло встретиться с Гарретом Своупсом. Пусть он и близко не в первой десятке запланированных мной дел, но пресс у чувака просто убийственный.

Выскочив из Развалюхи — моего любимого вишневого джипа «вранглер», — я подошла

к парадной двери Гаррета. Жилище Своупса — небольшой дом, смахивающий на бунгало, с уймой пышной растительности вокруг. Для Альбукерке это, мягко говоря, необычно. И вообще весь штат пышной растительностью похвастать не может. Скорее уж редкой и жиденькой. Я успела постучать и только потом заметила, что перед домом нет грузовика Гаррета.

Все-таки дверь открылась, и я увидела усталого сыщика и «охотника за головами», по которому давно бритва плачет. Гаррет Своупс сильно смахивает на сексапильного друга-гея, вот только он не гей. А жаль. Будь он геем, я бы могла сказать ему, насколько он сексапильный, без риска, что он поймет меня неправильно. Из-за кожи цвета мокко его серебристо-серые глаза кажутся еще более поразительными. И опять же — у него просто шикарный пресс. Я убедилась в этом в очередной раз не потому, что он был совсем без рубашки, а потому, что явно плевать хотел, застегнута упомянутая рубашка или нет.

От души насмотревшись на его пресс, я протиснулась мимо него в дом.

— Как поживаешь, Своупс?

Он потер глаза большим и указательным пальцами.

— Уже поздно, Чарльз.

— Когда я прихожу, всегда поздно. На этот раз ты хоть не валялся в постели.

Глубоко и громко вздохнув, чтобы я уж точно поняла, как усердно он притворяется взбешенным, Гаррет закрыл дверь и двинул в кухню. Не знаю почему, но всякий раз, как я здесь появляюсь, ему срочно надо выпить. И это странно.

— Чему обязан неожиданным визитом? — поинтересовался Своупс.

— Мне, конечно. Видишь ли, я просто обожаю доводить тебя до белого каления.

— Я имел в виду, что происходит? Грядет конец света? На тебя охотится серийный убийца? Ты стараешься не спать неделями, чтобы не оставаться наедине со своим злобным соседом?

Блин. Выходит, он знает, что Рейес переехал в соседнюю квартиру. А я-то хотела сама ему все рассказать. Преподнести помягче. Из-за наших с Рейесом сложных отношений мне как-то пришлось неделями не спать, чтобы ненароком не затащить его в свой сон. К сожалению, Гаррет стал жертвой обстоятельств. В сложные времена он мне помог и узнать о новом логове Рейеса должен был от меня.

— Кто тебе сказал, что у меня новый сосед?

Я услышала, как он откручивает крышку с пивной бутылки. Щелчок и характерное шипение почему-то показались мне успокаивающими.

— Держу руку на пульсе. — Наверное, это не очень хорошо. — Так что происходит? — опять спросил он.

— Неужели мне нужна причина, чтобы повидаться со старым добрым другом?

Вернувшись в гостиную и вручив мне бутылку «Короны», Своупс наградил меня раздраженным взглядом и только потом развалился в кресле.

— Ну ладно, не таким уж старым и сильно доставучим, но все равно другом. — Я уселась на диван напротив Гаррета и осмотрела царящий в комнате беспорядок. Как и в последнюю нашу встречу, журнальный столик был завален книгами и заметками, посвященными духовной тематике, раю и аду, ангелам и демонам. — Я о тебе беспокоилась.

— С чего вдруг? — поинтересовался он, глотнув пива.

— Даже не знаю. Ты стал каким-то другим. Отчужденным. Как будто у тебя ПТСР.

Уж я-то знала, о чем говорю. Мое ТСР приобрело букву «П» после того, как меня пытал

монстр по имени Эрл. Пытаясь меня спасти, Своупс схлопотал пулю и в итоге погиб. Врачам удалось его реанимировать, но недавно он рассказал мне, что, пребывая в пасти смерти, оказался в аду. И это меня тревожило. Но еще больше тревожило, что в пламенной бездне вечного проклятия у него состоялся тет-а-тет с папашей Рейеса. А такой опыт не оставить следов не может.

— Со мной все в порядке, — сказал Гаррет. Как и семнадцать раз до этого. — Просто кое над чем работаю.

Я еще раз осмотрелась.

— Вижу. Поделиться не желаешь?

— Нет, — ответил он так решительно, что возражать я бы не рискнула.

— Вас понял. — Минуточку. Кого я пытаюсь обдурить? — Но ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне о чем угодно?

Своупс откинул назад голову, закрыл глаза и вытянул ноги, сбросив на пол стопку бумажек. На что он не обратил ни малейшего внимания.

— Хорош приставать, Чарльз. Этого не будет.

— Вас понял. — Я глотнула пива и добавила: — Но все это барахло выглядит любопытно. Я бы могла помочь с исследованиями.

— Сам справлюсь, — резким тоном отозвался он.

— Вас понял. — Подняв с пола бумажку с нацарапанными от руки заметками, я попыталась расшифровать почерк Своупса. — Кто такой доктор А. фон Гольштейн? Он случайно не имеет отношения к породе коров^[4]?

Гаррет тут же подскочил и отобрал у меня листок. Ну конечно, это ни капельки не подстегнет мое любопытство.

— Я сказал «нет», Чарльз. И я не шучу.

Я села ровнее:

— Да понял я, понял. Кошмар какой.

Положив бумажку на то самое место, откуда я ее взяла, он сердито уставился на меня.

— Почему ты все время повторяешь «вас понял»? Так только в армии говорят.

Чтобы выдержать драматическую паузу, я несколько секунд изучала свою бутылку, а потом тихонько сказала:

— Вас понял.

Своупс раздраженно вздохнул. Так громко и многозначительно, что я поняла: я победила. Мое путешествие на темную сторону действительно закончилось. И этим я обязана моему лучшему другу Дарту. Что бы я без него делала? И без нашей дружбы? Даже подумать страшно.

Гаррет влил в себя остатки своего пива, наклонился вперед, чтобы свистнуть мое, и снова развалился в кресле. Из моей бутылки он пил намного медленнее.

— Кто меня туда послал? — вдруг как-то рассеянно спросил он, но я точно знала, что он имеет в виду. Кто послал его в ад? — Почему я там оказался?

Я села по-турецки и прислонилась спиной к диванным подушкам.

— Ты меня увидел сразу после того, как умер, так?

Он кивнул, все еще не открывая глаз. Бутылка стояла у него на ноге, длинные пальцы поглаживали горлышко.

— А потом по пути на небеса ты встретил отца, и он сказал тебе, что тебя сумели вытащить. Что ты должен вернуться. — Пальцы замерли, но Гаррет не ответил. — Но перед

тем, как вернуться в свое тело, ты попал в ад?

Вот, собственно, и все, что я знала о путешествии Гаррета в преисподнюю. Делиться подробностями он отказывался. Мало того, затыкал мне рот всякий раз, когда я пыталась об этом заговорить. Я просто умирала от жажды узнать все до мельчайших деталей, но Своупс, очевидно, был полон решимости дать мне засохнуть.

— Ты говорил, тебя послали туда не просто так, — продолжала я, — а чтобы ты понял. Чтобы узнал больше о Рейесе. Увидел, как он рос и что делал.

— А ты вечно ищешь ему оправдания, — заявил Гаррет, так и не соизволив открыть глаза.

Конечно, он на меня злился. В тот день я поразила его до глубины души тем, что знала, кто такой Рейес. До того, как Гаррет мне об этом рассказал. По мнению Своупса, меня ни капельки не волновало, что Рейес сын Сатаны.

— Как я уже говорила, он рос не в самом любящем окружении.

— Значит, все твердишь одно и то же. При каждой возможности ты за него заступаешься. За полководца из ада. За натасканного убийцу, который легко взлетел по карьерной лестнице в демонской армии. Который жил только ради того, чтобы убивать, и стал тем, кого боялись больше всего за всю историю их существования. — Теперь он открыл глаза и пригвоздил меня к месту убийственным взглядом. — За выродка, которого послали в этот мир с одной-единственной целью. Найти тебя.

Эта дорожка никуда нас не приведет. Я выпрямила ноги и сложила на груди руки, словно защищаясь.

— Я тебе говорила: его послали за порталом. За любым порталом, а не конкретно за мной.

Насколько я понимала, Сатана послал сюда Рейеса, чтобы сцапать ангела смерти. Рейес был его выходом из ада, и Сатане, судя по всему, нужна была дверь в рай. Вместе с Рейесом мы были для Сатаны прямой дорогой в то самое место, откуда его уйму лет назад с треском вышвырнули. Однако Гаррет был повернут на мысли, что Рейеса послали именно за мной, а это попросту нелепо. Никким образом Сатана не мог знать, что из всех созданий вроде меня, которые существуют во вселенной, именно меня пошлют в этот мир служить порталом. По словам Рейеса, есть целая раса ангелов смерти. Правда, мне пока не удалось в этом удостовериться лично. Но он сказал, что где-то там у меня есть целая семья. А одна мысль об этом меня интриговала и успокаивала одновременно.

— А я тебе говорил, что ты ошибаешься, — отозвался Своупс.

Этот спор мне нипочем не выиграть.

— Фиг с тобой. Значит, вы с папашей Рейеса сидели у костерка и обменивались военными байками. — Я сняла с футболки несуществующую пылинку и поинтересовалась: — Что он тебе рассказывал?

— Это не важно.

У меня отвисла челюсть:

— Ты издеваешься?

— Нет. Важно другое. Почему меня туда отправили? То есть кто? Кто может обладать такой силой?

Дельное замечание. Актуальное и злободневное.

— И все-таки за проведенное там время я кое-что выяснил. Все они лжецы и манипуляторы. Нельзя верить ни единому их слову.

— Камешек в огород Рейеса?

— Если геенна огненная сойдет за огород. — Я вскочила на ноги и уже собралась уходить, как вдруг он добавил: — Я кое над чем работаю. Обещаю, Чарльз, как только я что-то выясню, сразу тебе расскажу.

Что-то пробубнив себе под нос, Своупс поднялся со своего кресла и потопал за мной к выходу.

Открыв дверь, я повернулась к нему:

— Своупс, я знаю, ты не любишь об этом говорить, но нельзя попасть в ад и вернуться как ни в чем не бывало.

Его губы тронула улыбка без малейшего намека на веселье.

— Уверен, тебе бы это удалось. А что бы сделала ты, если бы тебя отправили в ад?

Я вышла на улицу.

— Ну не знаю. Может, последовала бы инструкции «тормози, падай и катись». Ты хоть скажи, там ничего плохого не случилось? В смысле... тебе не причинили вреда? — Я осторожно заглянула Гаррету в глаза. — Тебя не подвергали пыткам?

В его улыбке появился оттенок печали.

— Нет, Чарльз. Меня не подвергали пыткам.

Он захлопнул дверь раньше, чем я успела опять открыть рот. Не меньше минуты я, остолбенев, стояла под дверью, не зная, что сделать, что сказать, как помочь. Единственное, что я знала наверняка, — Гаррет только что мне соврал.

Настроение общаться с Дартом испарилось, поэтому по пути домой я решила попробовать другой голос. Зафиксировав телефон, я запустила приложение и стала слушать, как КИТТ^[5] активирует все системы. В детстве я была большой поклонницей «Рыцаря дорог» и мечтала о машине, которая говорила бы со мной и могла бы предупредить о грозящей опасности вроде террористов или копов с радаром. Поэтому, когда Развалюха превратилась в суперавтомобиль с турбодвигателем, напичканный бортовым оружием, я влюбилась. Наконец-то я могу бабахнуть чем-нибудь ядерным по людям, которые ползут по левой полосе. Жизнь снова стала прекрасной.

И все-таки Гаррета пытали. И не где-нибудь, а в аду. Сама идея была настолько немыслимой (и это несмотря на все, что я знаю), что мне даже представить было сложно, через что ему пришлось пройти.

Что там с ним делали? Сомневаюсь, что китайская пытка водой входила в меню. Но в то время он не имел материальной формы. Можно ли подвергнуть пыткам душу? Потом я подумала о тех людях, которые предположительно попадают в ад и (тоже предположительно) целую вечность горят в муках. Правда ли это? Может ли душа гореть? Можно ли ее порезать? Разорвать? Издеваться над ней?

От уймы теоретических вероятностей голова раскалывалась. Трудно представить, что ад существует по-настоящему, даже несмотря на то, что Рейеса там создали. Что он там вырос. Слишком уж это чуждо. Слишком иномирно. Слишком... жутко.

От мыслей меня отвлек КИТТ, предложив бомбануть ракетой перед тем, как свернуть

Увы, мы с ним не сблизились так, как я надеялась. Музыка, которую он предлагал, была откровенно отстойной, а все его оружие — бесполезным перед мощью невежества. Я уволила его с должности еще до того, как въехала на стоянку перед домом.

— Что скажете? — спросила я престарелого мертвеца на пассажирском сиденье.

Я подобрала его где-то на пересечении проспектов Ломас и Вайоминг. С виду хороший такой дядька. Правда, голый, как в день, когда появился на свет. Оказалось, не коситься на его пенис сложнее, чем можно подумать.

— Вам тут не очень дует?

Он не ответил, поэтому я оставила его наедине с его же мыслями и поднялась к себе на третий этаж. На моей двери опять была записка на стикере. В последнее время такие записки я получаю частенько. С тех самых пор, как первый подозреваемый в моем списке по делу о поджогах переехал в квартиру на этом же этаже, которую я много лет хотела себе. Подозревала я сына воплощения зла в поджогах по двум причинам. Во-первых, в тот вечер, когда списанное под снос здание сгорело, от него пахло дымом. Во-вторых, впервые я увидела Рейеса избитым чудовищем по имени Эрл Уокер, которое его вырастило, под тем самым сгоревшим зданием. Немного покопавшись, я выяснила, что в разные времена Рейес успел пожить во всех домах, которые спалил поджигатель. Все это лентой страха завязывалось узлом у меня в животе, выворачивало нервы наизнанку, и каждый из этих нервов бился сочувствием и сожалением из-за того, через что пришлось пройти Рейесу.

Я глянула на записку. На этот раз там было:

«Чего ты боишься?»

Чего я боюсь? Того, что он может оказаться тем самым человеком, который сжигает дотла дома направо и налево? Или того, что мне, может быть, придется подвести его под арест и отправить в ту самую тюрьму, где он отбывал десятилетний срок за преступление, которого не совершал? А может быть, того, что у поджигателей особый склад ума, который предполагает высокомерие и экстремальные сексуальные отклонения? Насколько я знаю, ничем таким Рейес не страдает. Но боюсь ли я, что все может оказаться иначе?

— Привет, Ч-Чарли.

Я оглянулась и увидела моего нового мертвого друга. Дафф стоял рядом, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— И тебе привет, — отозвалась я, отпирая дверь.

— Я... я п-подумал, может, тебе з-захочется с кем-то п-поговорить после того, ч-что произошло.

И снова меня подвело сердце. Проклятье. Придется опять наведаться к кардиологу.

— Со мной все в порядке, но спасибо тебе.

— Н-не стоит. Рад, что все п-путем.

Часть моих обязанностей заключается в том, чтобы помогать людям перейти, когда они к этому готовы. Иногда это означает, что нужно побыть жилеткой, в которую можно поплакаться. Распахнув дверь, я посмотрела на Даффа:

— Ты знаешь, кто я, Дафф?

Он сунул руки в карманы и пнул несуществующий камушек.

— Д-да.

— Тогда ты знаешь, что можешь перейти через меня в любой момент, когда посчитаешь нужным.

— З-знаю. П-просто я подумал, что м-мог бы за тобой ч-чуток присмотреть.

Я расправила плечи.

— Присмотреть за мной?

Дафф бросил взгляд на квартиру Рейеса. Такой мимолетный, что я могла бы и не заметить.

— Н-ну да. На случай, если тебе понадобится п-помощь или еще ч-что.

— Я очень благодарна за предложение, Дафф, но...

— Я ж-живу там. З-зови, если что.

Я глянула туда, куда он показывал. На квартиру миссис Аллен.

— Ага, значит, ты живешь у миссис Аллен?

От робкой улыбки приподнялись уголки его рта.

— Д-да. У нее с-собака есть.

Я положила руку на его холодное плечо:

— Это не собака, Дафф. Это демон по имени Пипи. На девяносто процентов уверена что он одержим.

Дафф рассмеялся:

— У него х-хоть зубов нет.

— Будь осторожен. Мне кажется, у него остался один клычонок, и он точно знает, как им пользоваться.

Еще раз бросив взгляд на логово дракона, Дафф махнул мне:

— Еще пересечемся.

— Похоже на план, — подмигнула я. — Не забывай: на клык не попадайся.

Все лицо Даффа просияло от очаровательной и заразной улыбки. Он шагнул назад, застенчиво помахал мне и исчез.

Я уже собиралась зайти к себе, но вдруг передумала. Если кто и знает, что пришлось пережить Гаррету, что ему пришлось вытерпеть в пламенной бездне, то уж точно Рейес. В конце концов, он там вырос. А потом здесь, на Замле, страдал в руках Эрла Уокера от таких кошмаров, что само слово «страдать» вполне могло обрести сотню новых значений. Когда Рейес был еще совсем юным, Уокер беспощадно издевался над ним самыми ужасными способами, а потом подстроил все так, чтобы Рейеса обвинили в его убийстве и посадили в тюрьму, хотя сам Эрл Уокер был очень даже жив и здоров.

Зато сейчас Эрл хоть и жив, но уж точно не здоров. А все благодаря тому, что Рейес мастерски владеет мечом невероятных размеров.

Подойдя к его квартире, я постучала и удивилась, заметив, как дрожит моя рука. Как будто мы никогда не оставались наедине. Оставались, причем много-много раз. И каждый раз оказывались в разной степени раздетыми. Но я никогда не бывала в его жилище, в его логове. У Рейеса никогда по-настоящему не было дома. И от мысли о том, что едва я переступлю порог, то окажусь на его территории, в животе порхали бабочки. Усугублялось все еще и тем, что я была ему обязана. Снова. Сегодня он меня спас. Не от Тидвелла, а от Куки. Клянусь, эта женщина — ходячая угроза обществу.

Рейес чуть-чуть приоткрыл дверь. Настолько чуть-чуть, что мне было видно меньше половины Рейеса. Бабочки бешено забились в животе, особенно после того, как он вопросительно изогнул бровь.

— Может, поговорим? — предложила я, стараясь хотя бы внешне оставаться спокойной. И скромной.

Несколько секунд он молчал, и мне уже начинало казаться, что сейчас он меня

отфутболит. Скажет, что устал. Или что у него полно дел. Но вдруг он отвернулся и стал с чем-то возиться, а я пыталась заглянуть ему через плечо, чтобы хоть одним глазком увидеть его квартиру. Потом он снова повернулся ко мне. От хитрой улыбки приподнялся уголок его губ, а через секунду он прилепил на дверь еще одну записку и захлопнул дверь у меня перед носом.

Моргнув, я прочла записку:

«Используй ключ».

Ну, блин, опять. Я пошла к себе, вытащила из сумки ключ, вернулась к квартире Рейеса и использовала чертову штуковину, в процессе пытаясь понять, почему ему так важно, чтобы я пользовалась ключом. Впрочем, должна признать, мне нравилось иметь ключ. Нравилось иметь доступ в его жилище, в его жизнь. Мне так долго в этом отказывали, что было приятно иметь хоть что-то, принадлежащее ему, хоть крошечное, но все-таки подтверждение того, что он рядом. Ключ легко скользнул в замок. Без всяких усилий повернулся, словно замок недавно смазали. И, естественно, мне на ум тут же пришла уйма ситуаций, где это могло бы звучать как метафора. Порой сама поражаюсь, какая я все-таки озабоченная.

Я вошла в квартиру и увидела мистера Рейеса Фэрроу за какими-то хлопотами в кухне. За обычными домашними хлопотами. Образ был таким поразительным и одновременно восхитительным, что мне с трудом удалось оторвать от Рейеса взгляд, пока он не заметил, что я на него пялюсь. Не могу я позволить ему привыкнуть к тому, что я его обожаю. Лучше уж пусть просто догадывается.

Я решила осмотреться в его берлоге. Все оказалось совсем не так, как я ожидала. Самс собой, я не знала, чего, собственно, ожидать. Может быть, холодных оттенков, в основном серых. И блестящего хрома. Но увиденное оставляло ощущение тепла, как и сам мужчина, который здесь жил. Разные текстуры, цвета живой природы и черный мраморный камин, разделявший помещение на две части. В следующей комнате стоял бильярдный стол. Темное дерево и кремового цвета ткань сверху. Изумительно. Квартира была очень домашней, чего я совершенно не ожидала.

Я взглянула на Рейеса, когда он возвращался в комнату из кухни. Походка притягивала взгляд к узким бедрам, плоскому животу и широким плечам, которыми гордился бы любой мужчина. Я, хоть и не мужчина, но очень даже ими горжусь. На Рейесе была белая рубашка на пуговицах, не заправленная в джинсы. Рукава закатаны по локти, открывая моим глазам загорелые предплечья. Естественно, это привлекло мое внимание к его рукам. У него потрясающие, невероятные, сильные и крепкие, как сталь, руки. Уж я-то знаю. Эти руки много раз держали меня в объятиях. И больше всего на свете мне хотелось в эти объятия вернуться.

Рейес вручил мне бокал красного вина. Еще один приятный сюрприз.

— Выпьем? — спросил он, поднимая свой бокал.

— А за что? — Я чокнулась с ним, звякнув бокалами, и поднесла свой к губам.

— За то, что девушка по имени Чарли пережила еще один день.

Он нечасто называл меня Чарли, и почему-то в его исполнении мое имя прозвучало намного интимнее, чем в устах других людей. Слышать это было приятно. Каждый слог сладким медом стекал с его языка.

Я так и не отпила из бокала, и Рейес назвал меня прозвищем, которое сам мне дал:

— Датч? — И это было еще интимнее. Глубокий, бархатный, густой, как ириски, голос тронул какую-то струнку у меня в душе. — Ты в порядке?

Я кивнула и наконец сделала глоток прохладной жидкости. Теплый фруктовый привкус наполнил мой рот и согрел горло.

— В полном, — ответила я. — Даже лучше, благодаря тебе. Опять.

Уголок его губ снова приподнялся. Мне этот намек на улыбку всегда казался умопомрачительным.

— Мне нравится, как ты здесь все устроил.

Рейес осмотрел собственный шедевр, и улыбка стала шире.

— Я все еще не знаю, как ты уговорил владельцев вложиться в ремонт, — добавила я.

— Если нужно, я могу быть очень убедительным. К тому же они не вложили ни копейки. Ремонт оплатил я.

— А-а. Мне такое и в голову не приходило.

— Кстати, я кое-что слышал о владелице. Говорят, она слегка чокнутая и вечно вляпывается в неприятности. Так что я был только рад выручить ее с ремонтом.

Я с хозяевами дома никогда не встречалась. Мне приходилось иметь дело только с мистером Саморой — нашим управдомом. Поэтому от того, как легко с губ Рейеса сорвалось слово «она», я почувствовала укол ревности. Меня это просто бесило. Вообще-то я совсем не ревнивая. Но, как только речь заходит о Рейесе Фэрроу, я превращаюсь в барышню из «Рокового влечения». Причем до такой степени, что, видимо, готова дежурить под его окнами.

— Почему не заходила в гости? — поинтересовался Рейес, усевшись на мягкий диван и вытянув перед собой ноги.

Как будто он так делал каждый день. Всю жизнь. Я задумалась, каково ему было в тюрьме, где нет никаких диванов, мраморных каминов и холодильников, куда можно заглянуть в любой момент. Как должен чувствовать себя человек, получивший такое наказание за преступление, которого не совершал? Покажется ли ему незаслуженное лишение свободы еще более болезненным, чем если бы он и правда был виновен?

Выбросив эти мысли из головы, я тоже двинулась к дивану.

— Не знаю. Когда я видела тебя в последний раз, тебя из-за меня подстрелили из винтовки пятидесятого калибра. Откуда мне знать, хочешь ты меня после такого видеть или нет?

— А записки на двери не помогли тебе найти ответ на этот вопрос?

Я села в кресло рядом с диваном.

— Записки записками, но это не отменяет того, что ты схлопотал пулю.

— И?

— И... — Я не знала, что ему сказать о том, как я себя чувствовала. О том, что произошло и как я в классической манере Чарли решила избегать всяких связанных с этим мыслей. Я поджала губы и проговорила: — Я совершила убийство, Рейес. Из-за меня погиб человек.

— Человек, который пытался тебя убить.

Тут он прав. Тот человек грабил банки и был одержим идеей сделать так, чтобы я уж точно не свидетельствовала против него в суде. К сожалению, он учился в снайперской школе морских пехотинцев, пока его с треском не вышибли. Чувак был натуральным психом, готовым сорваться в любой момент, так что, наверное, его увольнение было всего лишь вопросом времени. И все-таки он успел кое-чему научиться, потому что пытался убить меня с расстояния в сто метров, сидя на крыше здания. Ему бы это удалось, если бы меня не

прикрыл Рейес. Пуля прошла его насквозь и продолжала свой путь, пока Рейес не повернулся и не поймал ее на полпути ко мне. Он в буквальном смысле встал под пулю, которая предназначалась мне. Под здоровенную пулю, которая должна была разорвать его на куски.

Скорее всего именно от вида крови на Рейесе во мне вспыхнула бешеная ярость. Мгновение спустя я уже стояла перед тем мужиком. Засунула руку ему в грудь и остановила сердце, даже не успев подумать о последствиях. А потом я обернулась и увидела саму себя, стоявшую рядом с Рейесом. На моем лице был написан настоящий шок.

Я вышла из тела. Я убила человека, причем сделала это в нематериальном виде. До сих пор в голове не укладывается. И до сих пор трудно принять правду.

— Даже не знаю, меняет ли это хоть что-нибудь, — сказала я. — Я все еще чувствую себя виноватой. Я отняла у него жизнь. Кто знает, может, он сумел бы измениться. Стал бы следующим Ван Гогом или следующим Шекспиром. А теперь мы никогда этого не узнаем, потому что я лишила его всех шансов.

— Ты серьезно считаешь, что такой человек мог бы стать следующим Шекспиром?

— Наверное, нет, но опять же, теперь мы этого не узнаем. Я не судья и не присяжные. У меня нет права отбирать жизни. — Несколько секунд я смотрела на Рейеса, а потом спросила: — В тюрьме ты убивал из самозащиты. Как ты потом себя чувствовал? Как это тебя изменило?

— Никак. Они пришли ко мне, я защищался. В итоге они были мертвы, а я нет. Не стоит недооценивать фундаментальную потребность в выживании, Датч. Она управляет всеми нами. Если мы играем роль людей, значит, изначально, как и все люди, имеем право защищаться. И ты в тот момент сделала то, что было необходимо.

Играем роль людей? Это кто тут играет? Насколько мне известно, я человек до мозга костей, как бы странно это ни звучало. Огонь в камине затрещал, и я оглянулась. Выглядел он, конечно, очень настоящим, но все-таки был электрическим.

— В нем и звуковые эффекты есть?

Рейес тихо рассмеялся:

— Сейчас все есть. Сам понятия не имел.

Опять до меня со всей мощью только что сделанного открытия дошло, что он десять лет просидел в тюрьме. А я, видите ли, собираюсь отправить его обратно. Смогу ли я это сделать? Даже если узнаю, что он и есть поджигатель, смогу ли я вернуть его в тюрьму? Посадят ли его снова? Или смягчат приговор ввиду того, что он уже отсидел ни за что?

— Ты сегодня прямо сама серьезность. Есть какая-то причина?

— Что ты делал в баре? — спросила я, меняя тему.

— Я уже говорил. Был поблизости.

— А-а, ну да. Но ты ведь не следил за мной?

Он провел пальцем по краю бокала. Самая сексуальная картина, какую я когда-либо видела.

— То есть ты думаешь, что я хожу за тобой попятам, чтобы не давать твоей заднице влипнуть в неприятности?

— Если и так, то ты не очень-то хорошо справляешься.

Его лицо осветилось широкой улыбкой.

— Согласен. Так что тебе покоя не дает? Жаль, конечно, но это явно не я.

От одной только мысли о том, как именно Рейес может не давать мне покоя, меня

пронзило неуместное удовольствие, однако я пришла сюда не за этим. Я никак не могла заставить себя напрямую спросить, он ли методично сжигает дотла город, поэтому вернулась к теме, которая и привела меня сегодня к нему:

— На что похож ад?

Его пальцы замерли.

— В смысле?

— Ну ад, — пожала плечами я. — Дом, милый дом. Ты же там вырос. На что он похож?

Рейес выпрямился и уставился на огонь.

— Там все в точности так, как рассказывала тебе мама, когда ты была маленькой.

— Моя мачеха мне сказок не рассказывала, так что ты уж просвети меня сам.

— Жарко летом. Жарко зимой. Весной и осенью тоже жарко. Климат практически не меняется. Хотя время от времени дул обжигающий ветер. Для разнообразия он казался почти освежающим.

Ну и ладно. Не хочет отвечать — не надо. Я перешла к вопросу посерьезнее:

— Что бы случилось с человеком, если бы он попал в ад, но сумел бы сбежать?

Рейес взглянул на меня.

— Сбежать невозможно. Говорю на случай, если ты планируешь путешествие.

Что странно — он казался совершенно серьезным. Как будто путешествие в самое чрево сверхъестественного мира так же возможно, как и поездка на любой другой курорт.

— Не планирую. Просто подумала, что могла бы написать статью. Или книгу. Всегда хотела получить Пулитцеровскую премию. А может, мне дико повезет, и меня наградят Нобелевской премией мира. За Нобелевскую премию мира я бы даже убила.

Рейес уставился на свое вино и опять стал водить пальцем по краешку бокала. Меня это попросту завораживало.

— Иди сюда, — сказал он, не поднимая глаз.

Меня снова атаковали бабочки. Пока он играл с бокалом, мышцы в его руке то напрягались, то расслаблялись. Полные, чувственные губы приоткрылись, пока взгляд был прикован к жидкости насыщенно-бордового цвета.

— Мне, наверное, лучше уйти.

А вдруг он и правда поджигатель? Что тогда мне делать? С одной стороны, нельзя забывать о дяде Бобе. Он много для меня сделал, в нужный момент всегда оказывался рядом и поддерживал. Но ведь и Рейес тоже. Пусть иногда он ведет себя, как образцовая сволочь, но он столько раз спасал мне жизнь, что и не сосчитать. Смогу ли я на самом деле обвинить его в поджогах и сдать полиции?

Может быть, нужно просто его спросить. Может быть, он не станет врать, и мы вместе придумаем, что делать и куда деваться. И, может быть, нам удастся раздобыть в аду кондиционер.

Поставив бокал на журнальный столик, я поднялась, чтобы уйти.

— Спасибо за сегодняшний вечер. И вообще за все спасибо.

— Звучит зловеще, — отозвался Рейес, не сдвинувшись с места, и вопросительно изогнул бровь. — Собираешься уйти навсегда?

— Нет... я... Я не знаю. Мне нужно кое-что выяснить.

И выбросить из головы образ Рейеса в тюремной форме. Эрл Уокер зверски над ним издевался. Пытал. Унижал всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Может быть, Рейес пытается стереть свое прошлое? Избавиться от всех напоминаний о нем, и поэтому

сжигает дома, в которых когда-то жил? Что-то сжалось у меня в груди.

Я подошла к выходу и открыла дверь. В то же мгновение Рейес оказался у меня за спиной. Он не просто закрыл дверь. Он ее захлопнул так, что выскочившая из моей руки дверная ручка чуть не оторвала мне пальцы.

— Что ты задумала? — спросил он, и его голос прозвучал так, будто ему больно. Будто он совершенно сбит с толку.

Я прислонилась лбом к двери.

— Ничего. Всего лишь собираюсь кое-что проверить. Нужно кое-что выяснить по делу, над которым я сейчас работаю.

— Тогда почему каждый твой вдох переполнен жалостью? С чего, черт возьми, тебе меня жалеть, когда ты знаешь, кто я и что я делал?

Ну конечно, он уловил, что я ему сочувствую. Я повернулась к нему лицом, хотя он практически не оставил мне ни капли свободного пространства. Его руки упирались в дверь у меня над головой. Ясный взгляд был пронзительным и тяжелым. Но точно так же, как он почувствовал мое сострадание, я почувствовала, что оно его ранило.

— Я не испытываю к тебе жалости.

Усмехнувшись, Рейес оттолкнулся от двери и пошел обратно в кухню.

— И опять она врет.

Меня переполнили сожаления. Я не хотела с ним ссориться.

— Я не столько вру, сколько стараюсь сохранить мир.

— Тогда тебе лучше уйти.

Я девственница. Правда, это старая футболка.

Надпись на футболке

Я взглянула на доску для заметок, висевшую на стене. К темной пробковой поверхности с серебристыми кнопками была прикреплена одна-единственная записка. Подойдя ближе, я узнала почерк. Это был счет, который я выписала Рейесу пару недель назад на чеке из «Мачо Тако». Тот самый, в котором было указано, что некий мистер Рейес Фэрроу должен «Детективному агентству Дэвидсон» ни много ни мало — целый миллион. Причем с процентами. Трудно поверить, что он сохранил этот смехотворный счет.

Вдруг до меня дошло. Мы ссорились. То есть мы постоянно ссоримся, но сегодня прямо как самая натуральная парочка. У него в квартире, где он и я — оба из плоти и крови, а он к тому же настолько восхитительно сексуальный, что от одного его взгляда могли растаять полярные льды.

В общем, вели мы себя, как настоящая пара. И он сохранил мой счет.

Из кухни послышался шум — Рейес загремел тарелками. Захлопал дверцами шкафчиков. И, кажется, швырнул сковородку. Этого хватило, чтобы мое сердце наполнилось радостью. Уйти сейчас? Ну нетушки, уж лучше я переплыву море битого стекла.

Хотя со своего места я Рейеса не видела, он явно перестал делать то, что делал, и крикнул:

— Что еще?

Мог ли он почувствовать во мне внезапную перемену настроения? И есть ли мне до этого дело? Да не особо.

Что бы ни ждало меня завтра, сегодня он мой. Даже если он действительно сжег полгорода, то, надо признать, его целями становились здания, давно списанные под снос или построенные как попало, которые сами по себе мозолили глаза. Никто не скучал по уродствам, которые он спалил дотла, а владельцы за свои груды кирпичей и плит получали неплохие возмещения от страховых компаний.

Если разобраться, он оказывал Альбукерке услугу.

Да что там! Он был героем!

Ну, может быть, это чуточку притянута за уши, но все равно.

— Все или ничего! — крикнула я в ответ.

Через пару секунд Рейес вышел из-за угла. Судя по выражению лица, ему было любопытно, к чему я веду.

— Все или ничего, — повторила я.

Скрестив на груди руки, он прислонился к стене:

— Слушаю.

— Предлагаю пари. Ты можешь выиграть свои деньги обратно. До последней копейки. Но если проиграешь, я получу двойную ставку.

— О каких деньгах идет речь?

— О миллионе, который ты мне должен.

— Ясно. — Немного подумав, он спросил: — И что мне нужно для этого сделать?

— Не беги впереди паровоза, — сказала я, подходя ближе. — Если ты продумешь, то будешь должен мне два миллиона. Уверен, что не хочешь хорошо все обдумать? Отложить эту мысль на потом, дать ей помариноваться?

Рейес окинул меня взглядом, задержавшись на девочках — Угрозе и Уилл Робинсон, и только потом ответил:

— Я готов на все, что ты можешь предложить.

— Ну что ж, сам себе могилу роешь, дружок. — Я огляделась и нашла то, что нужно. Развязав подхват для занавески, я вернулась к Рейесу и стала объяснять правила: — Итак, ты должен мне доверять. Стой спокойно и заведи руки за спину.

Отлепившись от стены, Рейес шагнул ко мне. Его лицо выражало настороженность, но в то же время он явно был заинтригован.

— Будет больно?

— Только твоему банковскому счету.

Он сделал, как было велено, — завел руки за спину.

— Ты мне доверяешь? — спросила я.

— Пока могу тебя скрутить.

— Вот и славненько. — Рейес сильный. Ему скрутить меня и швырнуть за тридевять земель труда не составит.

Я связала ему руки в запястьях за спиной. Даже зная о его прошлом, зная, какие ужасные воспоминания это может пробудить, я все-таки надеялась, что между нами начнет формироваться связь, основанная на доверии. Эдакая ниточка мира и взаимопонимания. Он должен знать, что я никогда не причиню ему боли. Само собой, даже если бы мне захотелось, в физическом смысле причинить ему боль у меня просто-напросто не получится, но он должен знать, что это касается и эмоциональной стороны наших отношений.

Рейес склонил голову набок:

— Выглядит многообещающе.

— Если сможешь простоять так, — я задумчиво глянула в потолок, — ну, скажем, пять минут, твоя взяла. Но если хоть чуть-чуть шевельнешься, — добавила я, делая вид, будто разминаюсь перед боем, — то ты проиграл.

— Мне даже шевельнуться нельзя?

— Ни на миллиметр. Эта игра, которая учит концентрации и самоконтролю. Шевелиться в ней ни в коем случае нельзя. Меня научили в военно-воздушных силах.

— Ты не служила в армии. Тем более в военно-воздушных силах.

— Верно. Зато там служили парни, которые меня научили. — Я протанцевала вокруг Рейеса, демонстрируя свои потрясные навыки. Чем скорее всего напугала его до смерти. Бедняга. — Это — кулаки чистой ярости. Они окажутся очень-очень близко. Ты почувствуешь, как они рассекают воздух. Ты будешь поражен до глубины души их скоростью и точностью. Шевельнешься — проиграешь. Ну так как? Все еще хочешь попробовать? Если нет, то говори сейчас, потому что очень скоро твой мир рухнет.

О да, я прекрасно понимала, что его кривоватая ухмылочка — всего лишь уловка, призванная усыпить мою бдительность. Рейес прочистил горло и сказал:

— Да нет, я все-таки попробую.

— Точно? — Я изобразила серию быстрых ударов, чтобы он осознал, на что подписался.

По идее, он должен был хоть чуточку занервничать. — Речь идет об уйме денег. Никто не станет тебя винить, если ты пойдешь на попятный.

— Ты когда-нибудь занималась боксом?

— Взяла несколько уроков. Не хотела быть чьей-то шестеркой, если попаду за решетку.

Судя по всему, Рейеса я не убедила, поэтому объяснила еще раз:

— Я ходила в ужасную школу. Нашим талисманом был наемник по имени Винни.

— Я думал, ты училась в «La Cueva»^[6].

— Так и есть. Я училась в особом отделении «La Cueva» под названием «La Следизасвоейзадницей, подружка». У нас было передвижное здание, чуть южнее главной школы. На всякие мероприятия нас редко приглашали.

Рейес вел себя так, будто пытался побороть смех. Но мне-то виднее! Единственное, что он сейчас пытался побороть, — это дикий страх, сковавший все его тело. Он старался не дать ему выбраться наружу, чтобы не испортить величественное впечатление, которое он на меня производил. Но было уже поздно.

— Если ты не в курсе, в школе меня называли Апперкот Дэвидсон. — Для пущего эффекта я изобразила апперкот.

— Я думал, тебя называли Чарли.

— Только те, кому нечего было бояться. — Ну все, мне срочно нужна татуировка на затылке.

— Время уже пошло? — спросил Рейес, и на его левой щеке появилась ямочка.

Я опустила руки и с вызовом выгнула бровь (однажды видала такое в киношке), давая ему последний шанс отказаться от пари. Однако он лишь застыл, превратившись в статую. Я даже немножко обалдела.

— Ты достойный соперник, Рейес Ферроу. — Глубоко вздохнув, я подняла кулаки и встала в первую позицию, как это называют в балете. — Пора платить по счетам.

Рейес внимательно за мной следил, ждал, когда я нанесу первый удар. Но я видела, что под маской предельной сосредоточенности его глаза улыбаются. Мне почти стало его жаль. Особенно когда я снова опустила руки и посмотрела на него из-под полуприкрытых век.

— Ты самое прекрасное создание, какое я когда-либо видела.

Он словно протрезвел. Взгляд стал более настороженным.

Я подошла ближе и, остановившись в нескольких сантиметрах, посмотрела прямо ему в глаза.

— С того самого момента, как я тебя увидела — в тот ужасный вечер, когда Уокер жестоко тебя избил, — твой образ навсегда врезался в мою память. Ты был невысказанно красивым. Благородным. И сильным.

Рейес посмотрел на мои руки, когда я начала расстегивать на нем рубашку. Губы приоткрылись, он чуть-чуть наклонился ко мне, но я погрозила ему пальцем:

— Не шевелись, мистер. Таковы правила.

Он прищурился и выпрямился.

Расстегнув последнюю пуговицу, я спустила рубашку с его плеч. Татуировки, покрывавшие его грудь, спину и плечи, были темнее всех, что мне доводилось видеть. Это понятно, ведь они сделаны не чернилами, а чем-то сверхъестественным, чем-то, что не принадлежит нашему миру. Гладкие линии переплетались, образуя лабиринт с тупиками и ловушками, призванными запутать душу, чтобы она затерялась в забвении, существующем между мирами. Навеки.

На идеальной коже совсем чуть-чуть, но все еще виднелись шрамы от издевательств, которым его подвергали в детстве. Наконец я нашла то, что искала. След от пули пятидесятого калибра, которую он получил буквально несколько дней назад. Обычного человека такая пуля разорвала бы на куски, но Рейеса просто ранила. Она попала ему в грудь и прошла навывлет через легкое. А все, что осталось в качестве свидетельства, — это едва заметная зажившая царапина на коже.

Стянув рубашку ниже по рукам Рейеса, я обошла его, чтобы посмотреть на спину. Здесь след был больше и заметнее, но все равно Рейес исцелялся гораздо быстрее, чем я.

— Я ведь сейчас не жалость от тебя ощущаю? — спросил он резким тоном.

Я снова встала перед ним и скрестила на груди руки.

— А если и так?

— Я бы не советовал.

— Ты не можешь помешать мне сочувствовать тебе, Рейес.

— Хочешь проверить эту теорию?

— Да. — Я задрала нос. — Хочу. — Я положила руку ему на грудь. Под моей ладонью его кожа казалась просто обжигающей. — Ты для меня весь мир. Как я могу не сочувствовать тому, через что тебе пришлось пройти?

В комнате стало жарко — верный признак того, что Рейес в ярости.

— Прекрати.

Я покачала головой и шагнула ближе:

— Нет. Каждый раз, когда я думаю о том, что с тобой произошло, я готова корчиться в муках. И тебе не удастся это изменить только потому, что тебя это бесит.

И тут случилось кое-что знакомое. Как всегда это бывает, когда ярость Рейеса выходит из-под контроля, в нем взорвалась вспышка опаляющего жара.

— Хочешь узнать, что такое настоящие муки? — спросил он. Голос звучал тихо, хрипло, словно был всего лишь хрупкой оболочкой его настоящего голоса, готовой осыпаться осколками в любую секунду.

Я шагнула прямо в пламя, которое клубилось вокруг него. Огня я, конечно, не видела, но чувствовала, как он жжет мою кожу, лижет нервы. Я обняла Рейеса за талию. Его руки все еще были связаны за спиной, выражение лица ясно говорило о том, что он готов убивать. Я легонько коснулась его щеки.

— Если это значит, что я больше узнаю о том, что тебе пришлось вынести, то да. Если это нас сблизит, если я смогу понять, как ты думаешь, как тебе помочь, то тысячу раз да.

Он наклонился ко мне, проиграв наше пари, и прошептал мне на ухо:

— Сама напросилась.

Внезапно его руки оказались свободными и крепко прижали меня к нему. Рейес переместился в какое-то другое время, в другую реальность. К такому я оказалась совершенно не готова. Только что мы стояли посреди его гостиной, а через секунду я была распластана по стене под неумолимым и твердым как сталь телом Рейеса. Но если он хотел заставить меня мучиться, то добился только одного: меня мучило ненасытное желание получить больше. Его губы оставляли горячие поцелуи на моей шее. Колено втиснулось мне между ног. Одна рука немилосердно вцепилась мне в волосы, а другая рванула блузку и обхватила по очереди Угрозу и Уилл.

Потом с меня мгновенно спустили штаны, и обжигающие пальцы оказались внутри.

От переполнявших меня ощущений я чуть не забыла, как дышать, и схватила Рейеса за

запястье. Во мне ярким пламенем запылало знакомое удовольствие, по венам текла расплавленная лава, сжигая меня изнутри. Я сильнее прижала к себе руку Рейеса, отчего пальцы двинулись еще глубже, и за секунду до того, как оказаться на полу, услышала нечеловеческое рычание. Это был совсем не тот чувственный Рейес, которого я знала. Происходящее не было актом любви. Это было наказание. И все же добиться он сумел лишь одного — подвел меня еще ближе к краю обрыва, за которым открывалась бездна экстаза. Я знала, чего он хочет. Причинить мне боль, обидеть, чтобы мне стало все равно, чтобы я больше не сочувствовала ему. Но это попросту невозможно. Я ощущала, как в нем так же быстро, как и во мне, растет желание. Он действовал под влиянием ослепительной ярости, но не менее сильной была и чистая, первобытная похоть. А в этом смысле мы подходим друг другу идеально.

Рейес лежал на мне, держа меня одной рукой за горло, чтобы не дергалась, а другой расстегивая джинсы. Я обеими руками вцепилась ему в волосы и притянула к себе в тот самый момент, когда он оказался внутри меня. В ту же секунду во мне расцвел фейерверк чистейшего восторга. Я вдыхала воздух, который он выдыхал. Пробовала его на вкус языком. Когда движения стали слишком быстрыми, слишком сильными, я вонзила ногти ему в спину, но он не остановился. Здесь не было места наслаждению. Существовала только месть. Поцелуи со вкусом вина и пламени стали такими же безудержными, как и каждый новый удар. Каким-то чудом толчки становились все глубже и глубже, вызывая во мне жгучую дрожь неутоленного желания. Да, он хотел меня наказать, но, несмотря на владевший им все это время гнев, ни разу не причинил мне боли. Наоборот. По всему моему телу проросли колючие ростки экстаза — горячие, голодные, ненасытные.

Но как знать, он просто наказывал меня или получал от этого удовольствие? Я обхватила его голову, пока он бешено вбивался в меня. Его дыхание стало тяжелым, тело так напряглось, что на ощупь было похоже на мрамор. И я сделала нечто немыслимое. Прошептала ему на ухо то, что он скорее всего никогда не захотел бы услышать. Но я должна была узнать, где витают его мысли.

— То же самое он делал с тобой?

Рейес застыл. Окаменел. И мое тело расплакалось. Ему хотелось добраться до самой вершины. Получить там обещанный приз. Но мое сердце хотело Рейеса. Хотело, чтобы он был рядом. Не ссорился со мной. Не пытался меня наказать. А вместе со мной плыл на этой невероятной волне.

У меня над головой была стена. Рейес уперся в нее рукой. Наши тела все еще были соединены, склеены. Он коснулся губами моего уха:

— По-прежнему жалеешь меня? — и прикусил мочку. От укола боли тело пронзила очередная вспышка удовольствия. — Я чудовище, Датч. Демон. Я тебя недостойн.

Я все еще обнимала его.

— Я не жалею тебя, мой прекрасный мужчина. — Зубы на мочке сжались сильнее. — Я тебе сочувствую. И вовсе ты не чудовище. Если хочешь наказать меня за чувства, которые я испытываю, — я положила руку на стальную ягодицу и надавила, принимая его еще глубже, — то я все выдержу.

Мое тело победило. Жар, клубящийся во мне, настойчиво требовал выхода, и только Рейес мог его освободить.

Его губы нашли мои. Это был не поцелуй, а нечто грубое и неистовое. Рейес словно пил меня, дышал мной, как будто только я поддерживала в нем жизнь. Каждая клеточка во мне

дрожала от восхитительного давления. Снова и снова погружаясь в меня, Рейес подталкивал меня все ближе и ближе к краю. Из комнаты исчез весь воздух. Внутри меня росла волна горячей лавы, становилась все выше и выше, пока наконец не взорвалась во мне кипящем морем.

За секунду до оргазма у Рейеса вырвался стон. По нему прошла волна дрожи, перетекшая в меня. Усталый и удовлетворенный, он лежал на мне, пытаюсь отдышаться. Когда он попробовал скатиться с меня, я обхватила его руками и ногами и прижала к себе так крепко, как только могла. В конце концов он расслабился, и я почувствовала, как его покидает все плохое — все сомнения, все тревоги, все посеянные когда-то зернышки неуверенности в себе. Я поцеловала его в лоб и погладила по спине. Если бы я не знала его, то сказала бы, что сейчас он был счастлив. В мою душу проник лучик надежды. Может быть (всего лишь может быть!), льва можно приручить. С другой стороны, неужели мне хочется приручать этого страстного зверя? Это прекрасное и дикое создание? Что ж, надо подумать.

В конце концов мы добрались до кровати с матрасом, который казался мягче облаков. Полностью расслабившись, я лежала в объятиях Рейеса. Его тепло и размеренное дыхание убаюкивали, но уснуть мне так и не удалось. Не потому, что не было места умиротворению. Как раз наоборот. Такой безмятежности, такого покоя я в жизни не ощущала. словно наконец-то обрела дом. Рядом с Рейесом даже мои не поддающиеся контролю мысли успокаивались, стихали бушующие во мне моря. Мне не хотелось упускать ни секунды этого блаженства, поэтому я просто лежала и впитывала его всем существом.

В комнате все еще многого не хватало. Например, тут не было часов, зато была кровать. А еще пара тумбочек и комод. В углу стояло кресло, на котором примостился роман Джека Уильямсона. На полу лежала уйма книг от Джорджа Мартина и Толкина до Урсулы Ле Гуин и Азимова. Выходит, Рейес любит читать. Особенно фэнтези и научную фантастику. Как будто его создали для меня и только для меня. Его вкусы, темперамент, внешнее совершенство... Я понимаю, конечно, что многие женщины без ума от того же, но мне хотелось верить, что именно для меня он и был создан. В его собрании книг не хватало только одной — «Любовь сладка, любовь безумна»^[7]. Придется одолжить ему экземпляр.

Сразу за спальней Рейеса находилась моя. Наши кровати были приставлены изголовьями к одной и той же стене. То есть так бы оно и было, будь у меня изголовье. С изголовьем, которое изначально имелось у моей кровати, произошел несчастный случай. В ту ночь мы отлично оттянулись с одной рок-группой из Миннесоты, и я от души намешала текилу с шампанским. Ей-богу, когда изголовье моей кровати приказало долго жить, меня в спальне не было. Скорее всего меня не было даже в квартире. Я проснулась на лестнице, обнимаясь с новой футболкой с цитатой из песни «Blue Öyster Cult»^[8] и, судя по всему, страдая от легкого случая внутреннего кровотечения. Зато я быстро пришла в себя, когда наконец доползла до квартиры и мне пришлось выпроваживать нахалов, обосновавшихся в моей берлоге. Включая морскую свинку и игуану по имени Сэм.

Ну серьезно, кому только в голову пришло приволочь на вечеринку игуану?

Я еще долго валялась, купаясь в тепле моего мужчины, но в конце концов была

вынуждена тихонько выбраться из-под его руки и отправиться на поиски ванной. Я уже собиралась справить малую нужду и вернуться ко второму раунду обжимашек-прижимашек, как вдруг увидела душ. Только теперь я познала истинное значение счастья. Две минуты спустя я с головой погрузилась в массаж под водопадом, вокруг которого все было из камня и мрамора. По мне с разным давлением били струи воды, массируя мышцы. Это гениальное изобретение я назвала Джорджем и даже решила ради него бросить Гектора, мой собственный душ. Порой от любви никуда не денешься.

Я повернулась и увидела у входа в кабинку Рейеса.

— Тебе идет, — сказал он, и на чувственных губах заиграла довольная улыбка. — Душ.

Его руки были сложены на груди, взгляд пронизывал до мозга костей. Моим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть. Он стоял во всей своей обнаженной красе. Длинные ноги, сильные руки, рельефные мышцы создавали абсолютное совершенство. Словно какой-то скульптор высек его здесь, в этом мире, а потом подретушировал текучими линиями и глубокими тенями.

— Поначалу мне казалось, что это чересчур, — добавил Рейес, — но потом я передумал.

— Это? — переспросила я, до глубины души изумленная тем, что достоинства Джорджа могли подвергнуть сомнениям. — Этот... этот шедевр? — Я распласталась по каменной стене. Не по Рейесу. По Джорджу. — Как ты можешь в нем сомневаться?

— В нем?

— В Джордже.

— Его зовут Джордж?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Я только что сама дала ему имя. — Я попыталась щелкнуть пальцами, но они были мокрыми, поэтому вместо щелчка раздалось что-то похожее на «плюх». И черт с ним. — Крепись, мистер, иначе глазом моргнуть не успеешь, как жизнь пройдет ми...

Я взвизгнула, когда Рейес вошел в кабинку, прижал меня к своей груди — той самой, идеально подретушированной — и прикусил кожу у меня на шее. По моему позвоночнику промчался ток, так что какое-то время ушло на то, чтобы взять себя в руки.

— Минуточку, — сказала я, отстраняясь, — ты же сын Сатаны. Может, нам нужно стоп-слово?

Ухмылка Рейеса стала совсем греховно-очаровательной.

— О'кей. Как насчет «О боже, он такой большой!»?

Я даже подумать не успела, как меня разобрал смех. Впрочем, сказанное им было чистой правдой.

— Это уже целая стоп-фраза, ну да ладно. — Немного подумав, я спросила: — А как насчет «И это все?»?

Он снова уткнулся лицом мне в шею, вызвав волну удовольствия, каскадом омывшую мою кожу.

— Звучит как вызов.

— Согласна, зато адреналин так и рвется с цепи.

Рейес раздвинул мне ноги.

— И не только он.

Через час мы лежали на коврике в ванной, подложив под головы полотенца. Я пялилась в потолок, потому что была совершенно ошеломлена. По нескольким причинам. Во-первых,

я понятия не имела, сколько разных применений можно придумать для обыкновенного душевого распылителя. Во-вторых, выносливость Рейеса — это нечто шедевральное. В-третьих, я начинала чувствовать его на более глубоком уровне. Так же, как я чувствую его эмоции и эмоции других людей, я внезапно стала чувствовать малейшие признаки его физических реакций на разные стимулы. Я чувствовала, какое удовольствие он испытывает, когда я ласкаю его кожу. Чувствовала, как внутри него нарастало наслаждение, как оно взорвалось ослепительной вспышкой, когда Рейеса настиг оргазм, перетекший в меня пронизывающим, сверхъестественным трепетом. Никогда в жизни ничего подобного со мной не было.

— Ты как? — спросил Рейес, глядя на меня из-под руки, прикрывавшей лоб.

— Лучше не бывает.

Он взял меня за подбородок и повернул к себе лицом.

— Серьезно, как ты?

— В смысле?

Меня только что прокатили на американских горках с турбодвигателем, и я выжила, чтобы рассказать об этом потомкам. Разве можно после такого чувствовать себя плохо?

— Как бы мне ни хотелось верить в обратное, ты пришла сюда не за этим, — он кивком указал на последствия наших бесчинств.

Его серьезность меня удивила.

— У меня было несколько вопросов. Но я не ожидала, что ты будешь в настроении заниматься трогательной и чувствительной ерундой.

Рейес коснулся пальцем моих губ.

— Все зависит от того, кого я трогаю и чувствую.

— А-а, ну ясно. В общем, буду откровенной. Все это к делу не относится, — я тоже указала на следы наших бесчинств, правда, только взглядом.

— Неужели?

— Ужели. На днях я получила письмо по электронке. Посол в Нигерии пишет, что я унаследовала миллион от нигерийского дядюшки. Посол хранит денежки у себя, пока не сможет передать мне. Я должна всего лишь сделать на его имя денежный перевод на две с половиной тысячи, и миллион мой.

— Проще простого.

— Я понятия не имела, что у меня есть дядя в Нигерии. Судя по всему, теперь твой дурацкий миллион мне и не нужен вовсе.

— Похоже, хороший парень этот твой посол.

— Вот и я о том же. Надо послать ему в знак благодарности головку сыра.

— Но я проиграл пари, — продолжил Рейес. — Теперь я должен тебе два миллиона.

— И то правда. Чуть не забыла. А можно мне получить деньги мелкими купюрами с непоследовательными серийными номерами? Видишь ли, время от времени я люблю заглянуть в стриптиз-клуб.

Он ухмыльнулся, а потом снова посерьезнел.

— Не хочешь рассказать, что тебя беспокоит?

— Меня что-то беспокоит? Надо же, я и не знала.

— Твой бойфренд.

Я удивленно глянула в сторону души.

— Джордж? Это всего лишь мимолетное увлечение, Рейес. Ничего серьезного.

— Другой бойфренд.

— Ты знаешь о Мертвом Даффе? — Когда он успел? Мы же с Даффом только начали встречаться. Причем втайне от всех. Например, в задымленном баре, в темном коридоре.

— Нет. Другой.

Я на мгновение задумалась:

— Донован? Чувак-байкер? — Я по нему скучала. Жаль, что большинство моих бойфрендов рано или поздно сбегает в Мексику, чтобы не оказаться за решеткой. Наверное, это о чем-то говорит.

— Нет, еще один... Твою мать, сколько вообще у тебя бойфрендов?

— А Германа, завхоза из «Жуй и пей», который разговаривает с сельдереем, считать?

Не знай я Рейеса, могла бы поклясться, что он стиснул зубы. Оно и понятно: кто, бога ради, в наше время общается с сельдереем?

— Да, Германа считать.

— Ну ладно.

Я начала бормотать себе под нос имена своих мужиков и загибать пальцы. Конечно, я знала, что Рейес говорит о Гаррете, но к чему лишать себя удовольствия? Честно говоря, доводить его до бешенства — крайне весело. Через минуту у меня закончились пальцы на руках. Пришлось поднять ноги и продолжить на пальцах на ногах.

Что-то проворчав, Рейес улегся на меня и укусил за шею.

— Ладно-ладно, извини! — завопила я, безудержно хихикая от щекотки, которую вызывали его зубы.

По моей коже волной прошла жгучая энергия, когда вместо того, чтобы кусать, Рейес начал посасывать кожу на шее, крепче сжав меня в объятиях.

— погоди, — выдохнула я, поймав себя на том, что затаила дыхание, — ты ведь не вампир? А то еще напьешься моей крови и заставишь все забыть. Я смотрела сериал.

Он опять что-то проворчал, а я рассмеялась и попробовала крепко прижать его к себе, но мои мышцы почему-то запротестовали. И это меня удивило.

— Кажется, у меня все болит.

Рейес остановился и поднял голову:

— Кажется?

— Ага. Или нет. — Я подняла ногу, чтобы проверить. — Надо подумать.

— Давай я посмотрю.

Он встал, поднял меня и забросил на плечо, словно я ничего не весила. К сожалению, это совсем не так. Я пискнула в знак протеста, но звук больше походил на смешок, чем на жалобу.

— Ты что творишь?

— Собираюсь тебя обследовать.

— Обследовать? — Я рассмеялась, а он притащил меня к обеденному столу и положил прямо на него. Когда спина соприкоснулась с холодной деревянной поверхностью, я вздрогнула и громко выдохнула: — Господи!

— Лежи, — деловито велел Рейес, — сейчас вернусь.

— Но ведь холодно! — заныла я, но он уже ушел.

Потом я услышала, как он копается в кухонных ящиках. Я прикрыла ладонями Угрозу и Уилл, чтобы сохранить их честь и достоинство. К тому же мне показалось, что именно это и нужно сделать.

Рейес вернулся с целой охапкой новенькой сверкающей кухонной утвари. Кроме прочих зловещего вида приспособлений, названий которых я не знала, я увидела венчик, ложку и лопатку. Рейес вывалил все это на стол возле меня.

— И что ты намерен с этим делать?

— Обследовать тебя. Убедиться, что там все в порядке.

Я легонько его пнула.

— Ну уж нетушки.

Когда я попыталась встать, он прижал меня к столу, положив руку мне на грудь.

— Доверься мне. Я учился на заочном.

— Сидя в тюрьме? — потрясенно спросила я.

— У меня большой опыт в этой области.

— Ты провел за решеткой десять лет. Когда ты успел набраться опыта?

Я опять задержалась, но он схватил меня за ногу и решительно положил ее обратно на стол, попутно подыскивая подходящий для своих темных махинаций инструмент. Выбрав какую-то хреновину, он показал ее мне. Она была серебристой, блестящей и ничего хорошего не предвещала.

— Я введу это внутрь.

— Нет! — крикнула я и внезапно так сильно расхохоталась, что заболел живот.

Держа меня за щиколотку, Рейес отложил первую шутовину в сторону и взял какую-то другую. На этот раз он не стал мне показывать, что это, а держал ее так, чтобы я даже случайно не увидела. Потом повернулся ко мне и со всей серьезностью заявил:

— Ты должна мне доверять. — Он наклонился, глядя на меня из-под ресниц. — Не шевелись. — В его голосе мягко прозвучало предупреждение. — Эта игра, которая учит концентрации и самоконтролю. Шевелиться в ней ни в коем случае нельзя.

— Рейес, ты не станешь...

Я громко ахнула, когда что-то гладкое и холодное оказалось у меня между ног. Чтобы хоть как-то обеспечить себе поддержку в том, что замышлял Рейес, я положила ногу ему на плечо.

Рейес чуть-чуть надавил, и та самая невидимая кухонная утварь скользнула внутрь, вызвав во мне волну обжигающего трепета. Потом он наклонился и легко провел языком по чувствительным складкам. С каждым движением языка, с каждым толчком у меня в животе разливалось восхитительное пульсирующее тепло.

Рейес не лгал. У него определенно был опыт в этой области. Он точно знал, как и где надавить, когда двинуться глубже, сколько подождать. Я извивалась под искусными ласками, цеплялась за его волосы, умоляя об освобождении. Еще шире раздвинув мне плечами ноги, он стал нежно посасывать меня, а мне казалось, будто меня с ног до головы охватило жидкое пламя. Я ждала, что он войдет в меня, овладеет мной, подарит удовольствие и себе, но ничего такого не произошло. Он вел меня все ближе и ближе к краю. Горячие тлеющие угольки зажглись в каждом укромном закутке моего тела, изнутри иссушая мою плоть. Тонкие ниточки удовольствия, проросшие во мне, внезапно вырвались наружу и впились в Рейеса. Я почувствовала тот миг, когда его и мое наслаждение объединились. Услышала тихий вздох. Ощутила, как омывает его легкие прохладный воздух, когда он глубоко вдохнул.

Рейес вытащил свою игрушку и заменил ее пальцами. Точно так же, как я чувствовала его реакцию, он чувствовал мою. Мы плыли на одной волне. Впитывали один и тот же

ослепительный жар, одну и ту же опаляющую энергию. Наши сущности слились, и от этого возникло какое-то невероятное трение. Вместе с тем, что делал со мной Рейес, внутри меня росло неопишное, острое удовольствие, в итоге взорвавшееся сладкой агонией оргазма. Я стиснула зубы и напряглась, переживая мощный взрыв, затопивший каждую молекулу во мне теплым медом.

Со стоном Рейес обхватил себя рукой, чтобы закончить то, что начала наша удивительная связь. Я схватила его за волосы и притянула к себе, чтобы поцеловать. Едва слышно выдохнув, он крепко обнял меня свободной рукой и пролил семя мне на живот. От мощного оргазма он дрожал. Дыхание стало тяжелым. Мышцы напряглись, превратив его в мраморное изваяние. И только через некоторое время он постепенно расслабился, по-прежнему прижимая меня к себе.

Наконец я нашла в себе силы заговорить:

— Это было потрясающе.

Рейес кивнул:

— Говорил же. Заочные курсы.

Я рассмеялась, а он помог мне слезть со стола и проводил в ванную. Мы вместе заскочили к Джорджу, болтая обо всем на свете: о вине, машинах и о том, какой ужасный на вкус шампунь (по закону подлости я умудрилась проглотить несколько капель). Потом мы снова улеглись в постель, и я лежала, не в силах отвести от него взгляд, пока он не уснул.

Он был просто умопомрачительно красив. На щеках всеером лежали длинные ресницы, губы чуть-чуть приоткрылись, дыхание стало ровным и глубоким. Он был похож на маленького мальчика. Довольный и безмятежный.

С ужасной неохотой я выбралась из-под Рейеса, несмотря на его сонные протесты, и пошла на цыпочках к выходу, по пути собирая свою одежду. Порой сама поражаюсь собственной силе воли и фантастическому самоконтролю. Я пришла сюда, чтобы получить ответы, а в итоге получила все, кроме ответов. Добравшись до двери, я увидела очередную записку. Но это же его дверь, а не моя. Оторвав бумажку, я повернула ее так, чтобы на нее падал свет от камина, и прочитала:

«И это все?»

Чувствуя, как губы медленно расплываются в улыбке, я бросила на пол все, что собрала, и пошла обратно за добавкой.

*Может, у меня и нет скелетов в шкафу,
зато в ящичке для носков есть коробочка с душами.*

Надпись на футболке

Проснулась я от странных, мягко говоря, ощущений. Сзади ко мне прижимался очень теплый Рейес, а спереди — очень холодная Артемида. Все бы ничего, будь она хоть капельку теплее Северного полюса. Артемида — восхитительная ротвейлерша, которая умерла несколько месяцев назад. С тех пор она меня защищает. У нее удивительная способность рвать демонов на куски и отправлять их обратно в ад, а через секунду она уже готова кататься по земле, лишь бы ей почесали брюшко.

К сожалению, она храпит. До меня упорно не доходит, почему храпит мертвая собака, которой даже кислород уже не нужен. Я немного потерлась о ее шею, а потом начала потихоньку выбираться из-под простыней, рук и лап. Рейес спокойно спал. Выражение его лица было просто образцом невинности. Ладно, признаюсь: невинность эта была из области чувственных и манящих, к тому же из-за нее творились невероятные вещи с нижней половиной моего организма. Мне жутко хотелось получить напоследок еще хоть один поцелуй, но я не посмела к нему прикоснуться, боясь опять разбудить. У меня и так все болело.левой рукой Рейес накрыл лоб, правая лежала ладонью вверх. От ожогов, оставленных пулей, не осталось ни следа.

На этот раз, собрав с пола одежду и дойдя до двери, я все-таки вышла в коридор. Там было так холодно, что на несколько секунд я просто опешила. Дрожа с головы до пят, я помчалась к своей квартире. Весь путь занял шагов десять. Оказалось, я забыла запереть дверь. Ну ничему меня жизнь не учит.

К несчастью, в квартире было так же холодно, как в коридоре. Я переоделась в пижаму с надписью «Чтобы получить человека в рабочем состоянии, добавьте кофе» и залезла в постель. Уснуть мне бы вряд ли удалось, поэтому я в тысячный раз задумалась, что будет, если именно Рейес спалил половину Альбукерке. Пусть и самую убогую половину.

А еще есть Гаррет. Что ему пришлось вынести? Почему он так одержим геенной огненной? Неужели его действительно пытали? И как вообще такое возможно?

Все еще думая о том, о чем думать совсем не хотелось, я услышала под кроватью какой-то шум. Может быть, за мной увязалась Артемида? Поначалу я слышала только тихое шуршание, но постепенно оно становилось все громче и громче. На звук, который издают собачьи лапы, то, что я слышала, было не похоже. Скорее на то, как кто-то скребет ногтями по дереву, будто хочет процарапать его насквозь. С другой стороны, у меня вполне могло разыграться воображение.

Особого страха я не испытывала, но тот факт, что кто-то скребется у меня под кроватью, пока я на ней лежу, сильно напоминал мне о всяких городских легендах. По традиции, следующее, что я должна услышать, — это звук капающей воды, которая окажется кровью моего бойфренда, повешенного на дереве. Слава богу, деревьев у меня в квартире

нет. Хотя дерево, наверное, неплохо бы здесь смотрелось.

Нет, о таком сейчас думать как минимум неуместно. У меня под кроватью определенно кто-то был. И этот кто-то настойчиво что-то скреб.

Потихоньку придвинувшись к краю, я осторожно свесилась с кровати и приподняла покрывало. На меня в упор смотрела пара огромных синих глаз. Понадобилась вся моя сила воли, чтобы не заорать, будто меня калечит дикое животное. Прикусив язык, я уставилась на нее. Судя по размеру глаз и пухлым щечкам, ей было лет семь. Она лежала на спине, царапая дерево под моим матрасом. На лоб спадали светлые локоны, спутанные и немытые, из-за чего рассмотреть ее черты было не так уж легко. Детское личико было измазанным, волосы покрыты какой-то густой маслянистой грязью. Во что она одета, разглядеть не удавалось, но на вид она была совершенно не в себе. Девочка продолжала царапать дерево с какой-то отчаянной агрессивностью. Широко распахнутые глаза явно что-то искали. Она была в ужасе. Точка. Где бы она ни находилась, она хотела вырваться.

— Привет, — сказала я так ласково, как только могла.

Ни на мгновение не остановившись, девочка продолжала смотреть на меня и царапать кровать, словно хотела сбежать. И у меня разболелось сердце.

Я заметила, что почти все ее ногти обломаны под корень. Моя кровать не могла быть тому виной. Мертвецы приходят ко мне такими, какими умерли. Даже если это означает отсутствие некоторых частей тела. Если у девочки обломаны ногти, то случилось это еще при жизни. И все же она продолжала царапать дерево, отчаянно пытаясь выбраться из какой-то ловушки.

Я сползла с кровати и улеглась на пол рядом с девочкой.

— Солнышко, — сказала я и протянула к ней руку, надеясь хоть отчасти разогнать ее страхи.

Всего на пару секунд она остановилась, посмотрела на меня так, будто не могла понять, кто я такая и что здесь делаю, и снова принялась царапать кровать.

Однажды Ангел, мой мертвый тринадцатилетний детектив и партнер по всяким грязным делишкам, сказал, что, поскольку я ангел смерти, мое прикосновение обладает исцеляющими свойствами. Я положила руку на плечо девочки. Она смотрела на доски кровати, ни капельки, похоже, не успокоившись. Через несколько секунд она все так же царапала дерево, но чуть-чуть медленнее. В глазах, безразлично глядящих на доску перед ее лицом, лишь немного ослабла дикая паника.

Девочка была хорошенькой, как маленькая фея. Огромные глаза, губки бантиком. Я бы не удивилась, если бы у нее оказались крылья. Существой феи на самом деле, наверняка они были бы похожи на нее.

Не зная, чем ей помочь, весь остаток ночи я пролежала рядом с девочкой, не убирая руки с ее плеча. Так я и уснула, прямо на полу. В какой-то момент, рано утром, пришла Артемида. У меня возникло ощущение, что у нас с Рейесом совместная опека и мы по очереди за ней присматриваем. Я была совершенно не против, чтобы она дрыхла под боком у Рейеса. Просыпаться с пятидесятикилограммовой собакой на спине не так весело, как можно подумать. Я люблю воздух. Люблю дышать, когда мне не кажется, будто легкие горят огнем. Короче говоря, неудивительно, что я дрожала с ног до головы, проснувшись с ледяной Артемидой, растянувшейся на мне в полный рост. Как правило, когда она спит со мной, я плотно закутываюсь в одеяло. А пол, к сожалению, тепла дает немного.

Внезапно я вспомнила, почему лежу на полу, и тут же заглянула под кровать. Девочка

все еще была там, только отодвинулась в дальний от меня угол и свернулась клубочком, упершись коленями в пол и глядя на меня из-под грязных волос. Она была по-настоящему прелестной. Солнце уже выглянуло из-за горизонта и заливало комнату мягким светом, поэтому теперь я могла рассмотреть свою гостью получше. Вообще-то я вижу мертвецов при любом освещении, но, чем темнее, тем серее кажутся призраки. Сейчас я отчетливее видела под слоем грязи светлые локоны. И кристально-чистую глубину синих глаз.

Моя рука все еще лежала под кроватью, и у меня в ладони определенно что-то было. Я поднесла руку ближе, чтобы посмотреть. Это были щепки с того места, где девочка царапала кровать. Я попыталась перевернуться набок. Для этого надо было сбросить со спины Артемиду. Она все еще храпела, и сдвинуть ее хоть на сантиметр оказалось так же легко, как сдвинуть небольшую гору.

— Боже ты мой, Артемиды, ну-ка слезай давай. Вечно так с собаками, — поделилась я с феей.

Однако фее, похоже, до моих слов не было никакого дела. Иногда так бывает. Умолившись наконец-то на бок, я еще долго провалялась на полу, надеясь подманить девочку ближе. И, может быть, уговорить перейти.

А потом я услышала тяжелое дыхание, причем это явно была не Артемиды. Встав на колени, я выглянула из-за кровати. В дальнем углу спальни между тумбочкой и торшером под леопардовую шкуру стояла еще одна девочка. Только эта была старше. На вид лет девятнадцать, но очень похожа на фею. Светлые спутанные волосы, с головы до ног покрыта скользкой маслянистой грязью. Из одежды на ней была лишь короткая ночная сорочка. Босые ноги изранены, будто она от кого-то отбивалась или пыталась убежать, перед тем как умерла. Я не могла не задуматься, были ли эти девочки родственницами. А потом заметила на шее у старшей следы от веревки. У феи я такого не видела, но ее шею прикрывали волосы, плюс она лежала в такой позе, что рассмотреть что-то наверняка было невозможно. Зато со старшей мне удалось определить вероятную причину смерти. Ее душили, и, судя по лопнувшим кровеносным сосудам в глазах и опухшему лицу, скорее всего так она и умерла.

Проснувшись Артемиды и сунула голову под кровать, принимаясь. Я переживала, что она испугает фею, но девочка, напротив, казалась очарованной. Черты ее лица смягчились. Еще бы чуть-чуть, и она бы, наверное, улыбнулась. Еще бы чуть-чуть...

— Присмотри за ней, хорошо? — попросила я Артемиду и обошла кровать, чтобы попытаться поговорить со второй девочкой.

Как и фея, она выглядела ужасно напуганной. Широко распахнутые глаза смотрели в никуда. Руки были подняты, словно она пыталась защититься. Когда я прикоснулась к ней, она съежилась и, прикрыв руками голову, всхлипнула.

Иногда моя работа — редкостный отстой. Что пришлось вынести этим девочкам? Что напугало их настолько, что теперь они боятся даже собственной тени? Я сама недавно прошла через все прелести ПТСР, поэтому понимала, что значит бояться собственной тени. Но, как правило, смерть в некотором смысле исцеляет. Люди не забирают свои страдания в вечность. А эти девочки, казалось, застряли в последних секундах жизни.

Мне нужен был план. Сначала — кофе. Потом дядя Боб. Случилось что-то ужасное, и этих девочек наверняка уже ищут.

Куки будет весь день на занятиях. Я даже подумала на некоторое время отложить ее обучение, но потом поняла, что жить в мире станет куда безопаснее, если она хоть чему-то научится. А подвести целый мир я просто-напросто не могу.

Я заскочила в дамскую комнату посидеть на фарфоровом троне. Только я уселась, как опять услышала всхлипы. На этот раз из гостиной. Не может быть. Еще одна? Чувствуя себя гораздо лучше (совсем другое дело — теперь мне на мочевой пузырь не давили пятьдесят килограммов), я выглянула в гостиную. Поначалу никого, кроме мистера Вонга, я не увидела. Звуки слышались откуда-то возле него, но сам мистер Вонг не стал бы их издавать. Он был моим постоянным соседом с тех пор, как я переехала сюда жить. Ни разу за все это время ничего не изменилось — он по-прежнему парил над полом в углу, молчаливый, как луна. Ни разу ничего не сказал, ни разу не сдвинулся с места, так что я сомневалась, что сегодня он бы вдруг взял и начал хныкать.

Я прошла на цыпочках к Софи — дивану из магазина подержанных вещей — и увидела третью женщину. У нее тоже были светлые волосы, но явно не натуральные. Латиноамериканская внешность. Около двадцати пяти лет. Но волосы были такими же грязными, как и у первых двух. Правда, светлые пряди висели отдельными пучками, будто их освещали впопыхах или под каким-то давлением. Выражение ее лицо было таким же напуганным, поведение — таким же странным и бессмысленным.

Что, черт возьми, происходит? Без дозы кофеина мне ни за что не разобраться. Я повернулась и пошла на свидание с мистером Кофе. Каждое утро мы с ним общаемся на разные темы. Он в основном бурлит, выпускает пар и готовит эликсир жизни. Я в основном зеваю и жалуюсь на раннее время, погоду, мужчин... В общем, на все, что приходит в голову.

Когда он закончил свою пафосную речь (что-то о том, что я люблю его только за носик кофейника), я поняла, что у меня не осталось чистых чашек. И средства для мытья посуды. Метнувшись в ванную и обратно, я вымыла несколько чашек шампунем, после чего полезла в верхний шкафчик за спрятанным там сокровищем. Точнее за сливками, в которых нет ни грамма молока. Кто-то назвал бы меня продажной шкурой и шарлатанкой за то, что я пользуюсь искусственными заменителями нормальных продуктов, но дело в том, что всякие заменители приносят мне счастье. Как щенки. Или как Джордж — душ Рейеса.

Открыв шкафчик, я увидела еще одну женщину, свернувшуюся там в комок. Я отскочила, испустив визг, похожий на скрип ржавого колеса, и схватилась за сердце. Кто-то может подумать, что, будучи ангелом смерти, я давно должна привыкнуть к неожиданному появлению мертвецов. Ничего подобного. До сих пор они застают меня врасплох. Впрочем, в этом есть и светлая сторона. Сейчас скачок адреналина помог мне прояснить мысли. Правда, не так чтобы очень — мне все равно требовался кофеин. Зато я проснулась в достаточной степени, чтобы задуматься, не надела ли я нижнее белье шиворот-навыворот. Потому что внизу что-то определенно было не так.

Я начала осторожно приближаться к женщине, как вдруг мое внимание привлекло какое-то движение. Я глянула вверх. Вверх! У меня на стене сидела еще одна женщина. Этой на вид было около тридцати. Она вполне могла быть натуральной блондинкой. Точно не знаю. Она ползла по стене к потолку, а потом съежилась в углу.

Я повернулась вокруг своей оси, заметив не меньше пяти новых женщин. Все были напуганы, грязны, покрыты одной и той же маслянистой мутью и, насколько мне было видно, задушены. У меня екнуло сердце. Все они не могли умереть недавно. Наверняка я бы услышала что-то в новостях. Потом до меня дошло, что их одежда и прически из разных времен. Одна из них в классической рубашке марки «Faded Glory» выглядела моей современницей. У другой светлые волосы были собраны в хвост яркой пушистой резинкой — такие были популярны лет двадцать назад. При виде ужаса в их глазах и того, как они

буквально парализованы страхом, у меня сердце кровью обливалось.

Открылась моя входная дверь.

— Доброе утро, — сказала, войдя, Куки, почти готовая схлестнуться в битве с окружающим миром.

Мне она показалась не выпавшейся, к тому же под глазом у нее расплылся премерзкий фингал.

— Привет, — отозвалась я, притворяясь, будто ничего не замечаю.

Я налила чашку кофе и ей и добавила туда все, что нужно добавить.

— Что скажешь?

— О чем? А-а, о синяке? Его, считай, и не видно.

— Не смей так говорить! — возмутилась Куки и указала пальцем на синяк. — Это заработанная честным трудом травма. И я собираюсь высосать из нее все, что смогу. Например, завтрак мне приготовила Эмбер.

— Не может быть.

— Может. И он был очень даже ничего, когда я вытащила кусочки скорлупы.

— Класс. — Я попробовала кофе. Почавкала, облизнулась. Сделала еще один глоток и передала чашку Куки. — На, попробуй.

Она попробовала, отдала чашку мне, тоже почавкала и облизнулась.

— Что это такое?

— Не знаю. Мистер Кофе еще никогда меня не подводил. — Я глотнула еще раз. — Может быть, это не он. У меня кончилось средство для мытья посуды, поэтому пришлось взять шампунь. Наверное, плохо прополоскала.

— Ты помыла посуду шампунем?

— Выбор был между шампунем и абрикосовым скрабом для тела.

— Тогда нормально. Немного шампуня тебе не повредит.

— Я тоже так подумала. Не могу я начинать день без кофе. Кто знает, чем он тогда закончится? Кстати, как считаешь, это очень плохо, что, всякий раз, когда у меня заканчиваются сливки, у меня появляется легкая склонность к самоубийству?

— Вовсе нет. Однажды, когда в «Жуй и пей» закончился французский ванильный сироп, мне тоже захотелось наложить на себя руки.

— Намек понят.

Вместе с кофе встает над горизонтом солнце и освещает небеса разноцветьем сполохов. Никакой привкус шампуня этого не изменит.

— А бабушка Лил здесь? — поинтересовалась Куки.

Бабушка Лил умерла в шестидесятых и теперь, можно сказать, живет у меня. Слава богу, она много путешествует.

— Думаю, она до сих пор в Африке. Ей там очень нравится. — Кстати о мертвых соседях. Я покосилась на женщину, в прямом смысле слова парящую в пределах пузыря моего личного пространства. — Мне нужно, чтобы ты кое-что поискала, когда тебе на занятии дадут перерыв.

— Ладненько, что искать?

— У меня тут полно мертвых женщин.

Куки застыла, настороженно огляделась.

— В смысле прямо сейчас?

— В эту самую секунду.

— И сколько их?

— Сейчас посчитаю.

Я зашла в спальню, сделала обход, учла еще одну в душе, опять вышла в гостиную и продолжила считать, указывая пальцем во всех направлениях, какие только можно себе представить. Смотреть, как на лице Куки меняются выражения от легкого беспокойства до полнейшего ужаса, было все равно, что смотреть, как встает над горизонтом солнце и освещает небеса разноцветьем сполохов. Только забавнее.

Вернувшись в кухню, я проверила шкафчики и авторитетно сообщила:

— Девять. Нет, минуточку. — Я заглянула в холодильник. — Да, девять. Все блондинки, но не все натуральные. Белые, латиноамериканки, афроамериканки и одна азиатка. Возраст приблизительно от семи до тридцати-тридцати пяти.

Куки поставила чашку. Это означало, что следующие ее слова будут сказаны предельно серьезно.

— Чарли, я должна остаться дома и помочь. Это серьезное дело.

Ну, что я говорила?

— Я знаю, но они никуда не денутся. И я практически уверена, что умерли они не на днях. Вот только почему они появляются сейчас? Еще и целыми группами?

— Думаешь, это дело рук серийного убийцы?

— Скорее всего. Вряд ли все эти смерти стали результатом трудов разных людей. Ну разве что двоих. Я пыталась их приболтать, но, похоже, они не знают значения этого слова.

— Ясно. В общем, если что понадобится, сразу звони. — Куки двинулась к выходу, но внезапно остановилась. — Нет, не могу я идти на занятие. Я обязана остаться и помочь. Поискать информацию, еще что-то сделать. Бедняжки...

— Ничего подобного. Ты обязана научиться тому, как не убивать людей, если только тебе на самом деле, честно-честно, от всей души не захочется кого-нибудь прикончить. Целенаправленно. К тому же, если придется, я свистну Гаррету.

— М-мм, Гаррет, — промурлыкала Куки низким похотливым голосом.

Я могла поклясться, что ее глаза при этом закатились далеко-далеко.

— Ну просто удивительно.

Она тут же уставилась на меня.

— Что?

— Вчера ты вроде как насмотреться не могла на задницу дяди Боба. Вот я и подумала, что ты, наверное, на него запала.

— Чего? Не смотрела я ни на какую задницу!

Я изобразила свое любимое выражение лица, а именно — полнейшее безразличие к поднятому вопросу, и Куки нехотя призналась:

— Ну ладно. Может быть, самую малость. Только мне так кажется, или он и правда выглядит намного лучше?

Я тоже заметила. Дядя Боб пребывал в куда лучшей форме, чем обычно. И я знала почему. Ему так сильно нравилась Куки, что даже не верилось. Он старался для нее. Это мило. И капельку тревожно. А что, если они начнут встречаться? Или начнут встречаться, а потом расстанутся? Что мне-то тогда делать?

Я подтолкнула Куки к двери.

— Ладно-ладно, — проворчала она. — Я оставляю Эмбер одну. Она обещала сидеть дома и заниматься уроками.

— В субботу? Целый день? — фыркнула я. — Я своим предкам то же самое говорила.

— Ну все. Отвезу ее к бабушке.

— Это далеко. Ты опоздаешь на занятие. Или ты хочешь сидеть на галерке? К тому же я шучу. С ней все будет в порядке. Она совсем не похожа на меня. А теперь марш отсюда!

— Минуточку! Это еще что за хреновина?

Я посмотрела туда, куда показывала Куки. У книжного шкафа стояла моя, с позволения сказать, картина.

— Ну, я подумала, что могла бы выразить свои чувства с помощью искусства. Это для нового мозгоправа.

Моя сестра Джемма свела меня с каким-то психологом, который должен был разобраться с моим ПТСР. Картина, по идее, должна была сдвинуть все с мертвой точки.

— А чувства твои связаны с жадой умерщвления всего сущего?

— Тогда я чувствовала, что капелька кровавости с намеком на обезглавливание станет неплохим трюком. Такая фигня их пугает до потери пульса.

— Знаешь, Чарли, они ведь на самом деле хотят тебе помочь.

— Знаю-знаю. Иди уже.

Мне очень не хотелось так поступать, но я все-таки вытолкала Куки за порог и закрыла за ней дверь. Сегодня с ней просто сладу нет.

Я развернулась, намереваясь принять душ и одеться во что-то, что не было бы пижамой, и столкнулась нос к носу с женщиной-призраком. Только она была совсем не похожа на остальных. У нее были длинные темные волосы, и одета она была в медицинскую форму с бейджиком на шнурке.

— Привет, — поздоровалась я, присматриваясь к ее шее. Вдобавок к прочим отличиям от других моих внезапных соседок ее не душили.

Она моргнула, будто удивлялась тому, что попала сюда, и отозвалась:

— Привет. Вы меня видите?

— Вижу, конечно. — Я обошла ее и направилась туда, куда и собиралась. То бишь в сторону ванной. — Ты здесь, чтобы перейти?

— Перейти? — переспросила она, пытаясь сориентироваться в ситуации. — Не думаю.

— Ладненько. В кофейнике еще остался кофе.

Женщина недоуменно нахмурилась, и мне пришлось признаться:

— Извини, плохая шутка. Чем я могу тебе помочь?

Она шагала за мной в ванную. Мне страшно не хотелось включать воду, когда там сидит одна из моих мертвых визитерш, но мне было необходимо принять душ.

— Мое тело никак не могут найти.

— Ты знаешь, где оно?

— Да, да! — Женщина-призрак схватила меня за руку. — Знаю. Оно под старым мостом на пятьдесят седьмом. Мост из таких, по которым раньше ездили поезда. Металлический и ржавый.

Я похлопала ее по руке.

— Поняла. Старый мост на пятьдесят седьмом шоссе. Можешь еще каких-нибудь подробностей подкинуть?

— Мои родные никак не могут меня найти. Ищут, ищут, но все без толку. А моя сестра... Она очень расстроена.

— Мне очень жаль, солнце. Как тебя зо...

Спросить, как ее зовут, я не успела — она исчезла. Вот же гадство. На ее бейджике я сумела рассмотреть только «Ник». Может быть, ее звали Николь или Никки. Если бы она перешла через меня, я узнала бы о ней намного больше. Но, судя по всему, это станет очередной игрой в кошки-мышки. Мне оставалось лишь надеяться, что на этот раз я буду кошкой. Терпеть не могу играть роль мышки.

Нарядившись в кремовый свитер, джинсы и любимые ботинки, я направилась в свой игрушечный офис, который находится примерно в пятнадцати метрах от моей игрушечной же квартирki. Глянув на дверь Рейеса, я испытала странный порыв опять воспользоваться ключом. Видит бог, этот мужчина одарен во всех смыслах. И все-таки оттачивать навыки самоконтроля не помешает, особенно на будущее, когда у меня буйным цветом разрастется маразм и я разверну попытки умыкнуть чужие пилюльки с тележки медсестры в доме престарелых.

Я позвонила дяде Бобу и в ответ на свои усилия получила невнятную версию слова «Алло».

— Привет, мистер. Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня проверил.

— Сегодня суббота, — откашлявшись, пробурчал Дибби.

— И что?

— У меня выходной.

Надо признать, голос его звучал хрипло и сонно.

— Я тебя разбудила?

Не знай я дядю Боба, сказала бы, что он только что на меня нарычал. Так или иначе, я решила продолжить:

— Ты ничего не слышал за последнее время о какой-нибудь серии убийств? Или что-нибудь о блондинках? Хрупких? Задушенных?

— Что? У тебя что-то есть?

Вечно он задает мне такие вопросы. Можно подумать, меня засыпают почтой прямо с того света.

— Нет, но у меня в квартире полно мертвых задушенных женщин.

Я слышала шуршание, будто Дибби пытался выпутаться из простыней и вылезти из постели. Это я могу понять. Запутаться в простынях проще простого. Видимо, битву дядя Боб проиграл, потому что выругался. И уронил телефон. Дважды. Что ж, жаворонком он никогда не был.

— Ладно, — проворчал он наконец, — вываливай подробности.

Я выложила ему то же самое, что и Куки:

— В общем, у меня в квартире не меньше девяти женщин. Возраст приблизительно от семи до тридцати-тридцати пяти. Все блондинки, но не все натуральные. Белые, латиноамериканки, афроамериканки и как минимум одна азиатка. Ну как? Ничего не припоминаешь?

— Так сразу нет.

— Не думаю, что все эти женщины умерли недавно. Я бы сказала, смерти растянуты на

довольно долгий период. Возможно, с длительными интервалами.

— Тогда убийца может быть уже за решеткой. Имена какие-нибудь есть?

— Нет, но они все напуганы, дядя Боб. Буквально в ужасе. Никогда такого раньше не видела.

— Хорошо, я проверю. Ты-то как?

— Нормально, вот только ума не приложу, почему все они пришли именно сейчас. Должна быть какая-то причина.

— Я тоже не знаю, милая. Но спрошу еще раз: как у тебя дела?

Вот такой у меня дядя. Вечно обо мне беспокоится. Ну то есть о своем талоне на раскрытие всех дел. Вот откуда у него такая безупречная репутация.

— У меня все в порядке. Правда, я немножко в панике, а из-за мертвецов со мной такого никогда еще не было. Они просто ужасно напуганы, дядя Боб. Как будто снова и снова переживают свою смерть. Надо как можно скорее с этим разобраться.

— Разберемся, милая. Сегодня же этим займусь. Дай знать, если появится кто-нибудь еще или если узнаешь об этих женщинах больше информации. Может быть, их появление вызвано еще чьей-нибудь смертью.

— Может быть.

— Ах да, забыл сказать. Наш поджигатель нанес очередной удар.

Я замерла на лестнице на полпути к офису.

— Что? Когда?

— Прошлой ночью, около полуночи.

Свободная рука взлетела ко рту. Это был не он. Это был не Рейес. В полночь он был со мной. Разве что...

— Там тоже был таймер, как и в других случаях?

— Да, но теперь у нас есть свидетель.

От волнения у меня перехватило дыхание.

— Свидетель может опознать поджигателя?

— Нет, зато мы получили очень даже неплохое описание. Правда, странноватое. Я бы даже сказал, что... В общем, не обращай внимания. Расскажу все при встрече.

— Нет-нет, расскажи сейчас.

Что бы он сказал? Что это был Рейес Фэрроу?

— Ну, это дикость, конечно, но я бы сказал, что, судя по описанию, поджигатель — женщина.

Несколько секунд я молчала, а потом переспросила:

— Женщина? Но ведь это большая редкость, правда?

— Такое случается, но да, крайне редко.

Очень-очень медленно, словно боясь оступиться, в мой мозг просачивалась догадка. Но разве такое возможно?

— Можешь описать ее? — попросила я, чувствуя, что не хочу ничего слышать.

— Высокая, гибкая, болезненно худая. Свидетель говорит, поджигателя — его или ее — била дрожь, как будто от страха.

Нахлынула печаль. Я закрыла глаза. Если что и может встать между мной и Рейесом, то уж точно тот факт, что мне придется посадить в тюрьму его единственную, хоть и не биологическую, родственницу. Его сестру Ким Миллар. К Эрлу Уокеру Рейес попал самым гнусным из всех возможных способом. Подробности я не знаю, зато мне известно, что

Рейеса похитили у родителей, когда он был еще совсем малышом, и продали Эрлу. Ким же подбросили Уокеру на порог. Ее мать, закоренелая наркоманка и проститутка, умирала и решила оставить Ким биологическому отцу. Тот факт, что ее родным отцом был именно Эрл Уокер, для Ким оказался жестоким поворотом судьбы, а для Рейеса — еще одним рычагом воздействия в руках чудовища.

Я села на ступеньку и попыталась побороть растущую во мне волну горя. Ну конечно, кто еще это мог быть? Ким росла в тех же домах, что и Рейес. Ее тоже подвергали всяким мучениям. Правда, издевались над ней и над Рейесом по-разному. Уокер никогда не делал с Ким того, что делал с Рейесом, но и ей досталось немало. Например, он морил ее голодом, чтобы получить от Рейеса то, чего хотел. Использовал их друг против друга. Чем это могло обернуться для брата и сестры? Когда Рейеса обвинили в убийстве Уокера, он порвал с Ким все связи и заставил ее пообещать никогда не приходить к нему в тюрьму. Он не хотел, чтобы из-за него ей снова причинили вред, а она не хотела, чтобы кто-то опять использовал ее как средство добиться чего-либо от Рейеса. Все это привело к тому, что они не виделись много лет. Но несмотря ни на что, они отчаянно любили друг друга и были готовы на все, чтобы защитить эту любовь. Входил ли в этот список поджог?

— Милая, ты там?

Я попыталась вынырнуть из вязкого омута печали.

— Да.

Наверное, дядя Боб как-то почувствовал мое настроение.

— Кто это был? — спросил он.

— С чего ты взял, что я знаю?

— Ты когда-нибудь слышала поговорку «На воре и шапка горит»? Ты точно знаешь, кто стоит за этими поджогами. Думаю, у тебя возникли подозрения еще с того пожара.

Он говорил о пожаре, в котором сгорело списанное под снос здание.

— Может, знаю, — призналась я, и у меня оборвалось сердце. — Может, нет. Мне нужно убедиться. Нужно кое-что проверить.

— Скажи хоть, кого ты подозреваешь.

— Не могу.

— Мне казалось, у нас с тобой нет друг от друга секретов.

— Да ладно тебе, дядя Боб! Не дави на меня тем, что мы семья. Я поступлю правильно сам знаешь.

— Знаю, милая, но...

— Прошу тебя, дай мне немного времени.

В трубке повисла затянувшаяся тишина, но Дибби все-таки поддался на мои уговоры:

— У тебя двадцать четыре часа. После этого я привлеку твою задницу за пособничество.

— Дядя Боб! — опешив, провизжала я. — И это после всего, через что мы прошли?

— На кону жизни людей, Чарли. В следующем пожаре кто-то может умереть. Может быть, умрет много людей. А я знаю, какое у тебя большое сердце.

Он ошибался. Мое сердце вовсе не большое. К тому же оно уже занято.

— Я поступлю правильно, обещаю.

Я повесила трубку, пока из-за него не почувствовала себя еще хуже. Черт побери. И что теперь? Сдать сестру Рейеса? Он мне такого никогда не простит. А дядя Боб не простит, если сгорит еще одно здание, а я ему не скажу, кто поджигатель. Вдруг в следующий раз кто-то действительно пострадает? Это целиком и полностью будет на моей совести.

Однако должен же быть какой-то выход. Я знаю людей, которые знают других людей, и так далее. У меня есть связи. Я грызла ноготь, пока в моей голове формировался безотказный план. Наверняка он сработает. Согласна, у моих планов есть тенденция лететь в тартарары с самого начала, но иногда в самый последний момент они сворачивают в другую сторону и дают почти (если, конечно, хорошенько присмотреться) нужные результаты. Пусть не совсем такие, как ожидалось, пусть даже немного странные, но все-таки эти результаты я могу записать в свою книгу как победу. И не важно, что упомянутая книга называется «Как обозвать победой даже самые унылые фиаско и не чувствовать себя при этом виноватой».

Нет. Я должна мыслить позитивно. Мой план может сработать. Мой план может сработать. Я снова и снова повторяла эту мантру, пока открывала клиентский вход в офис «Детективного агентства Дэвидсон». Не то чтобы я жаждала увидеть сегодня клиентов, но бизнес есть бизнес, и от моего настроения ничего не зависит. Пройдя через приемную, где всем заправляет Куки, я зашла в свой кабинет и сразу направилась к Бунну. Кофе поможет мне расслабиться. Или, наоборот, придаст мне сил. Мне сойдет любой вариант.

Нажав кнопку на кофемашине, которая в итоге выдаст мне то, что поможет пережить утро, я включила компьютер и приготовилась распечатать фотографии. Те самые, где Тидвелл наглаживает правую руку Куки. Снимки не доказывали ничего, кроме идиотского взгляда Тидвелла на ласки и его же кошмарного характера, но по ним легко было определить, что в бар он пришел, преследуя не самые высокие цели. Надеюсь, этого хватит. А еще надеюсь, что миссис Тидвелл не окажется одной из тех женщин, которые в любой ситуации ищут мужьям оправдания. В конце концов, она ведь не просто так наняла частного детектива. Люди нанимают сыщиков не для того, чтобы узнать, изменяют ли им супруги, а для того, чтобы получить доказательства. Потому что в глубине души уже знают правду.

Я вставила USB-кабель в телефон и вывела на экран фотки. Назвать их хорошими было трудно. Хотя они могли бы быть хорошими, используй я широкоугольный объектив, мягкий фокус и вменяемое освещение в стратегически правильных местах. К сожалению, постепенно снимки становились все хуже и хуже. На последнем и вовсе были только глаз и правая ноздря Куки. Зато в верхнем левом углу я заметила кулак Тидвелла, явно летящий в мою сторону. Он пытался меня ударить. Как я могла такое пропустить?

Загудел мой телефон. Это было сообщение от Куки.

«Как-то не очень у меня со стволами получается».

Ну неужели она меня совсем не знает?

«Ты справишься, Куки. Изучи ствол».

Узнай ствол».

Будь стволом».

На сто процентов не уверена, но кажется, чашка кофе только что сказала мне «Ты моя шестерка».

Статус в соцсети

Пришлось быстренько рассказать Куки, как «управляться со стволом». Поскольку она пользовалась полуавтоматическим оружием, в ее случае речь шла о том, как дослать патрон в патронник, ничего себе при этом не прищепив. Я сама училась и прекрасно помню, какую цену приходится платить за неосторожность. Сталь, скользящая по стали, неумолима. Даже в самых маленьких пистолетиках. Кажется, после моих подсказок у Куки стало получаться, поэтому я решила покопаться в интернете, надеясь найти хоть какую-нибудь информацию о моих новых соседках. Наверняка они должны были засветиться в новостях. Однако, просматривая сайт за сайтом, я ничего не находила. Абсолютно ничего. Ни единого слова о группе убитых блондинок.

— Тебе надо уйти.

Я подскочила от неожиданности и уставилась на мертвого тринадцатилетнего гангстера, торчавшего у меня за спиной. Он глянул на дверь огромными от страха глазами, потом снова повернулся ко мне.

— Серьезно, тебе надо уйти. Куда угодно. Ну давай же, уходи. — Ангел схватил меня за локти и дернул, пытаясь поднять с кресла. Руки его оказались в опасной близости к девочкам — Угрозе и Уилл Робинсон. Моя грудь — это все, что у меня есть. Я обязана содержать ее в целости и сохранности. Позволить тринадцатилетнему парнишке потискать моих девочек было бы неправильно во всех смыслах.

— Это мой офис, — возразила я, хлопнув его по рукам, — сам уходи.

Я вцепилась в стол, пока Ангел не отпустил меня, и грохнулась обратно в свое кресло за девяносто девять баксов.

Он присел рядом:

— Пожалуйста, Чарли, ты должна уйти.

Я уже начинала нервничать. У людей имеется склонность пытаться меня убить в самое неподходящее время. Но просьбы Ангела, по-моему, не относились к сфере вопросов жизни и смерти, а скорее были из оперы «Ой, как же я облажался!».

— Ангел Гарса, ты опять стащил всю туалетную бумагу из женской уборной? Мы ведь с тобой об этом уже говорили.

— Нет, честное слово. Просто уходи.

Дверь главного входа распахнулась, и он уронил лицо в ладони. Видимо, сбегать уже было поздно. Я попалась, как муха в паутине. Оставалось только молиться, чтобы выжить.

С молитвами я решила повременить и сделала глоток кофе. В приемную Куки решительной походкой вошла латиноамериканка. Я ее не узнала, но ее лицо показалось мне знакомым. Женщине было глубоко за пятьдесят, почти черные длинные волосы красивыми волнами спадали на плечи. И одета она была просто убийственно. Надеюсь, убивать она

пришла не меня. На ней были джинсы в обтяжку, черные кожаные сапоги до колен и мягкий серый свитер. На плече, как «Узи», висела сумочка D&G. В общем, женщина мне понравилась.

Заметив меня, она направилась напрямиком в мой кабинет.

— Не говори ей, Чарли, — попросил Ангел. От страха его глаза опять стали почти круглыми.

И я внезапно поняла, кто эта женщина.

Она остановилась у моего стола, а я взглянула на нее, изо всех сил стараясь скрыть, что нахожусь в полнейшем шоке.

— Вы Чарли Дэвидсон? — спросила она с мягким мексиканским акцентом, но тон все равно был резким.

— Понятия не имею, о чем вы. — Я запаниковала, прямо как Ангел, и это единственное, что пришло мне на ум. — Не знаю. Что?

Женщина моргнула, а потом поняла, что я в ужасе. Ей-богу, это все равно что сознаться в убийстве еще до начала допроса.

— Мисс Дэвидсон... — начала она, но я решила сбить ее с толку. Замести кровавый след, который я чуяла, как раненый зверь.

— Я не говорю по-английски.

— Я навела о вас справки, — невозмутимо продолжала женщина. — Я знаю, кто вы. И чем занимаетесь. Вот только никак не могу понять, с чего бы вам каждый месяц класть деньги на мой счет? Зачем вообще кому-то так поступать?

— Что? Я? — Я заозиралась, надеясь, что она разговаривает с кем-то другим.

— Не говори ей, Чарли.

— Не скажу, — прошипела я сквозь зубы. Но честное слово, мама Ангела показалась мне крайне непоколебимой. — Понятия не имею, о чем вы.

— Еще как имеете. — Она скрестила на груди руки и принялась постукивать ногой по моему ковру.

— Не могли бы вы дать мне минутку?

— Послушайте, я вас ни в чем не обвиняю. Но вы клали деньги на мой банковский счет. Пятьсот долларов каждый месяц уже почти три года.

— Пятьсот баксов в месяц? — оскорбился Ангел. — И это все, чего я, по-твоему, достоин?

Подняв указательный палец, чтобы его мама меня подождала, я схватила его за руку и потащила к боковой двери, ведущей на внутреннюю лестницу бара.

— Извините, я на минутку.

— Пятьсот баксов в месяц? — не унимался Ангел. — Да за пятьсот баксов в месяц я мог бы преследовать бывшую одного толстосума!

Миссис Гарса глаз с меня не спускала, а лицо ее выражало смесь недоумения и подозрительности. Я улыбнулась и закрыла за собой дверь.

— Послушай...

— Гастарбайтеры больше получают, чем я.

— Ангел, у тебя частичная занятость. Час-тич-на-я. К тому же, когда я только открыла агентство, предложить больше я не могла.

— Ну и пошла ты. Я увольняюсь.

— Минуточку, — я смерила его взглядом, — ты знаешь, сколько зарабатываешь. И

всегда знал. Я тебе не раз говорила.

— Я в курсе, — пожал плечами он. — Просто надеялся на прибавку. Маме нужна новая тачка.

— И я должна обеспечить ей возможность купить машину?! — пришла моя очередь оскорбиться.

— Если хочешь сохранить своего лучшего детектива, то да.

Я ткнула его пальцем в грудь.

— Это уже вымогательство, приятель.

— Это бизнес, *pendeja*^[9]. Так что давай прибавку или заткнись.

— И кто сказал, что ты мой лучший детектив? Ты мой единственный детектив.

— Да плевать.

— Ну просто потрясающе. И что я должна ей сказать?

— Ты же у нас та, кто знает все ответы. Плюс ты частный детектив. Скажи, что умер какой-нибудь дядя и назначил тебя ответственной за дележку его денежек. Разве не так поступают богачи?

— Этим занимаются юристы.

— Тогда не знаю. Не могу я думать обо всем на свете.

— Ангел, — сказала я, положив руку ему на плечо. У него были такие глубокие карие глаза, что в них можно было утонуть. На юном лице только начали появляться признаки щетины. Он погиб слишком рано. Слишком. Я часто думала о том, как сложилась бы его жизнь, будь у него шанс. Хороший он все-таки парнишка. — Может быть, нам стоит ей рассказать.

— Хрена с два. — В беспокойных глазах полыхнула ярость. — Нет.

— Если бы я была твоей мамой, мне бы хотелось знать, что у тебя все о'кей.

— Если бы ты была моей мамой, мне бы понадобился мозгоправ. Ну, знаешь, у меня всякие мысли были, — он кивком указал на Угрозу и Уилл. Но я не собиралась отвлекаться на его признания, которые и так не были для меня новостью.

— И все равно мне хотелось бы знать, каким обалденным парнем ты стал.

Один уголок его красивых губ игриво приподнялся.

— Ты считаешь меня обалденным?

Ну вот, за что боролись, на то и напоролись.

— Я достаточно обалденный, чтобы увидеть тебя голой?

И зачем я только заморачивалась?

— Или я могла бы рассказать твоей маме, каким ты стал извращенцем.

— Ладно, не бери в голову. Но ты ее не видела. Она месяцами рыдала, когда я умер. Не могу я поступить так с ней снова.

Как я и говорила, он обалденный.

— Хорошо, солнце, я ничего ей не скажу. Но у твоей мамы с головой все в порядке, и она сильнее, чем ты о ней думаешь.

— Когда надо, она может показать, где раки зимуют. — Ангела раздуло от гордости.

Наверное, когда он погиб, ей было тридцать с хвостиком. В любом случае, с тех пор прошло не меньше двадцати лет.

Я вернулась к себе в кабинет. Миссис Гарса, после смерти Ангела потерявшая еще и мужа, стояла у стены и изучала одну из картин. Она повернулась ко мне, и по выражению ее лица было ясно, что отступить она по-прежнему не намерена.

— Вы правы, — сказала я, ссутулившись в знак капитуляции. — Я знаю, кто вы, миссис Гарса. Не хотите кофе?

Ну не могла я не заметить, как близко она стоит к темному эликсиру жизни. Мне тоже нравилось стоять к нему поближе. Все равно что стоять у костра посреди зимы. Тепло и уютно.

Ее плечи совсем капельку расслабились.

— Наверное.

Я налила ей кофе и, предоставив ей возможность приправить его по собственному вкусу, уселась за стол. Когда миссис Гарса села напротив меня, я заявила:

— Я действительно каждый месяц отсылала деньги на ваш счет. Несколько лет назад ваш двоюродный дедушка поручил мне вас разыскать. После своей смерти он оставил вам некоторую сумму денег.

— Офигенная история, — вставил Ангел, так и сочась сарказмом.

Миссис Гарса подозрительно нахмурилась:

— Двоюродный дедушка? Который из них?

— М-мм, дедушка вашей тети.

— Я мексиканка, живущая в Штатах, мисс Дэвидсон. Католичка. Мы любим создавать большие семьи. Вы знаете, сколько у меня теток?

— Ну да...

— И все мы очень близки.

Все, адресок в аду мне обеспечен.

— Это двоюродный дедушка, о котором никто не знал. Он был... отшельником.

— Все это как-то связано с Ангелом? — Она произнесла его имя на чисто испанский манер. В ее устах «Ангел» звучало как «Ан-хель».

Но я заметила, как дрогнул ее голос.

— Нет, миссис Гарса, не связано.

Она кивнула и поднялась, собираясь уходить.

— Как я уже говорила, я навела о вас справки. Когда захотите сказать мне правду, наверняка сумеете меня найти.

— Это и была правда, — как можно убедительнее сказала я.

Миссис Гарса поставила чашку на стол и ушла, ни капельки мне не поверив. А ведь я мастерски умею врать!

Я обняла Ангела одной рукой:

— Прости, солнце. Я понятия не имела, что она обо мне знает.

— Она умная. Собирала о тебе информацию. Ты не виновата.

Он вышел за дверь и свесился через перила посмотреть на зал внизу.

— Что он здесь забыл?

— Кто? — Я подошла к нему и тоже глянула вниз, но бар еще не открылся. Аккуратно расставленные стулья окружали пустые столики в ожидании клиентов.

— У тебя еще один посетитель, — сказал Ангел и испарился, едва я открыла рот.

Потихоньку я начинала узнавать, на что способна, а на что нет, поэтому знала, что, если захочу, могу притащить его обратно. Но ему нужно было время, чтобы обдумать случившееся. Его мама показалась мне не просто готовой узнать больше, она явно жаждала все узнать. Вот почему меня немного удивило, что Ангел не хочет, чтобы я ей все рассказала. Мне стало любопытно. Может быть, он не хотел, чтобы она узнала что-то конкретное?

Неужели он что-то скрывает?

Как он и сказал, ко мне пришли. Миссис Тидвелл должна была появиться только через полчаса, поэтому я на самом деле удивилась, когда открылась дверь. Я уставилась на капитана Экерта, босса дяди Боба. Он вошел в офис, как всегда, одетый с иголочки. На капитанов из фильмов он совсем не похож. У киношных капитанов полиции вечно галстуки повязаны как попало, а по пиджакам давным-давно утюг плачет. Капитан Экерт напоминал стареющую модель «GQ». Его одежда всегда была тщательно отутюжена, галстуки выглядели безупречно, спину он всегда держал ровно. О да, могу себе представить, какие шутки ходят по участку относительно его осанки и того, как именно она стала такой.

— Капитан, — поздоровалась я, даже не пытаюсь скрыть удивления в голосе.

Вот ведь странность — всякий раз, когда я произношу слово «капитан», меня так и подмывает добавить «Джек Воробей».

В последний раз мы с ним беседовали несколько дней назад, когда я одним махом раскрыла три дела. Или даже четыре. Разговор изначально был плохой затеей. С тех пор он только и делал, что вынюхивал: кто я такая, чем занимаюсь на посту консультанта полиции, как справляюсь с этой ролью и все такое. Я понятия не имела, как избавиться от его любопытства. Капитан вел себя так, будто что-то подозревал. Но, раз уж он не в курсе, что по округе бродит ангел смерти, который помогает его участку раскрывать дела, с чего вдруг ему что-то подозревать?

— Что привело вас в нашу глухомань?

Прежде чем ответить, капитан Экерт не меньше минуты разглядывал помещения офиса. Стоя ко мне спиной и изучая ту же картину, на которую смотрела миссис Гарса, он сказал:

— Я решил повнимательнее присмотреться ко всем консультантам, которым платит управление полиции.

Вот гадство.

— П-правда? И сколько таких консультантов?

— Если не считать разного рода экспертов, к помощи которых мы иногда прибегаем, таких как психологи и криминалисты, а так же за вычетом консультантов, которых на самом деле нет в зарплатных ведомостях, остается только один.

— Надо же, — я изобразила самую эффектную улыбку из своего арсенала. — Наверняка речь не о моей скромной персоне?

Капитан сделал идеальный строевой разворот.

— Вообще-то, как раз о ней.

Я постаралась избавиться от ощущения, будто меня загнали в угол. Не получилось.

— Что ж, вот это — мой офис.

— Я был детективом, Дэвидсон.

— Конечно, я всего лишь имела в виду, что это помещение — собственно, все, что у меня есть. Не знаю, к чему именно вы хотели бы присмотреться, но...

— Как вам это удастся? — Он отвернулся и стал рассматривать книги на полке.

Я помолилась, чтобы он не обращал слишком много внимания на названия. Вряд ли ему понравится, что его консультанты читают нечто вроде «Любовь сладка, любовь безумна».

Развалившись в кресле, я отпила кофе. С ним мне море по колено.

— Вы о чем?

— Похоже, у вас прекрасное чутье на раскрытие дел. Вот мне и стало любопытно, какими методами вы располагаете.

— Вот оно что! Я же все-таки детектив, — рассмеялась я. Впрочем, смех прозвучал чуточку безумнее, чем мне бы хотелось. — Вот и расследую потихоньку.

Капитан вернулся к столу и сел напротив меня, положив шляпу на колени.

— И какими конкретно методами расследования вы пользуетесь?

— Да самыми обычными, — ответила я, не зная, что еще сказать. Чего ему от меня надо? — Просто спрашиваю себя: а что бы сделал Шерлок?

— Шерлок?

— У меня даже есть браслет с аббревиатурой «ЧСШХ»^[10]. Он у меня любимый. Пластмассовый такой. — Ну все, мне крышка. Начался словесный понос ерундовыми фактами. Капитан легко припрет меня к стенке. Но за что? И почему я так нервничаю? Да уж, нелегко мне даются всякие противостояния. А два за одно утро — это уже слишком.

— А когда вам было девять? Какими методами вы пользовались тогда?

Я кашлянула.

— Девять?

— Ну а в пять лет? Как вы раскрывали дела для своего отца, когда вам было всего пять лет?

— Для м-моего отца?

— Я навел справки, — продолжал капитан, щелчком сбив пылинку со шляпы, — поговорил с несколькими людьми. Похоже, вы годами помогали своему отцу. А теперь помогаете дяде. Причем уже довольно долго.

Святой ежик! Сегодня что, день вытаскивания наружу грязного белья? Знала бы, надела бы самое лучшее вместо того, что было сейчас на мне и проходило под грифом «Вход только по приглашению».

— Честно говоря, я не совсем понимаю, о чем речь. Частным детективом я стала чуть больше двух лет назад.

— Я говорю о том, что долгое время вы помогали своим родственникам продвигаться по карьерной лестнице. И я хочу выяснить как.

— Знаете, некоторым такое предположение показалось бы смехотворным.

— Но не вам.

— Да, сэр. Наверное, не мне. У меня назначена встреча с клиентом, если вы не против.

— Я против. Очень даже против. — Капитан снял одну ногу с другой и подался ко мне. — Я докопаюсь до истины, Дэвидсон.

— Понимаю.

— Неужели?

Я решила не отвечать. Он смотрел на меня в упор, поэтому я отвела взгляд влево.

— Я думаю, здесь что-то происходит. Что-то, чему нельзя найти нормальные объяснения. И я узнаю, что именно.

Капитан встал, развернулся и ушел, а я свободно выдохнула, только сейчас заметив, что затаила дыхание. Пропади все пропадом! Я тут ни сном, ни духом, а весь мир на всех парах мчится к тому, чтобы узнать, что я ангел смерти. Минуточку! Может быть, мне удастся выбить контракт с каким-нибудь телеканалом на собственный сериал. Мы могли бы назвать его «Ангел смерти в большом городе».

Когда капитан, который, к сожалению, не имел никакого отношения к капитану Джеку, ушел, меня трясло. В прямом смысле. Сегодня меня обвинили в том, что я веду двойную игру. И не один раз, а дважды. Безумие какое-то. Что не так с этим миром? Разве люди не знают, что призраков и сверхъестественных талантов, помогающих маленьким девочкам раскрывать дела для отцов и дядюшек, не существует?

Это все книги. А еще сериалы и фильмы. Из-за них мир теперь ничем не удивить. Черт бы побрал писателей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Спустившись по внутренней лестнице в бар, я увидела отца. Он, как всегда, был высоким и худым и вечно забывал вовремя подстричь песочного цвета волосы.

— Ты вернулся! — воскликнула я, понимая, что уже в третий раз за сегодня меня застали врасплох.

— Да. А ты, похоже, удивлена. Или нервничаешь?

Я рассмеялась. Громко. Неловко получилось.

— Кто? Я? Да ни капельки.

— Я знаю о пистолете, Чарли.

— Я тут совершенно ни при чем.

— М-гм, — многозначительно промычал папа, наскоро меня обняв.

В последнее время у нас с ним не все гладко. Он хотел, чтобы я бросила детективные дела, а я хотела, чтобы он не лез в мои. Папа наломал дров, когда пытался силой заставить меня бросить агентство и устроил мне арест. На этом список его «гениальных» идей отнюдь не заканчивается. А потом я узнала, что у него рак, и папа всего-навсего стремился перед смертью убедиться, что я буду в безопасности. Тот факт, что он каким-то волшебным образом исцелился, — та еще загадка. Он считает, что я знаю на нее ответ. Но он ошибается. Я на все сто уверена, что исцеление в репертуар моих возможностей не входит. Бога ради, я же ангел смерти, в конце концов!

— Может, как-нибудь поговорим? — предложил папа.

Мне стало не по себе, даже кожу закололо. Он хотел ответов, которых у меня нет. Поскольку я была уверена, что именно это он и имеет в виду, я решила изящно сменить тему:

— У тебя новая рубашка?

— Мы должны поговорить. И поговорим. Скоро. — Папа развернулся и пошел к себе в кабинет. Надо же, какой требовательный.

Я осмотрелась в баре и опять поразились тому, как много здесь собралось женщин. Заведение открылось на обед буквально двадцать секунд назад. Какого черта тут творится?

Я уселась на своем обычном месте в угловой кабинке и уставилась в меню. Понятия не имею зачем. Список блюд давным-давно въелся мне в память. Впрочем, вчерашняя кесадилья явно была нововведением. В меню о ней, кстати, даже не упоминалось. Может, ее приготовили специально для меня.

Заметив, как в бар входит миссис Тидвелл, я встала и помахала ей.

— Ничего себе, — сказала она, развязывая стильный шарф. Она была приблизительно моего возраста и уже больше года замужем за Марвином. — Популярное, видимо, местечко.

Я нахмурилась и еще раз осмотрелась:

— Вот-вот. В такую рань здесь никогда не бывает такого столпотворения. А женщин сейчас прямо пруд пруди.

— И это странно? — спросила миссис Тидвелл, села в кабинку и заказала у нашего официанта воды.

— Еще бы. Это вроде как забегаловка для копов. В жизни не видала здесь столько женщин. И опять тут зверски жарко.

— Мне вполне комфортно, но если вам жарко...

— Нет, все в порядке.

Перед тем как мы перешли к делу, официант принес нам воды. Я заказала тушеное мясо с зеленым чили (то есть как обычно), а миссис Тидвелл — салат-тако. Наверное, мне тоже стоило попробовать. На слух казалось чудесно. А может быть, мне надо было заказать вчерашнюю кесадилью с курицей. Ну вот, опять у меня семь пятниц на неделе. Терпеть себя такую не могу. Я люблю себя решительную, такую, которая заказывает, как обычно, а потом, наполовину съев заказ, хочет чего-то другого, когда это «другое» проплывает мимо на подносе официанта.

— А вы как думаете?

— Прошу прощения. — Неужели она все это время говорила? Себя с СДВ я тоже терпеть не могу. Я себе больше нравлюсь, когда...

— Что скажете?

Вот гадство. Опять. Я позвала официанта:

— Не могли бы вы принести мне кофе? — Кофе поможет. А может, нет. Не важно.

— Так что вам удалось выяснить?

Я выложила фотографии и рассказала Валери Тидвелл обо всем, что мне удалось узнать.

— Знаю, вам это вряд ли понравится, но мне бы хотелось проверить все тщательнее. Если, конечно, вы не против.

Она сморкнулась в салфетку.

— Так и знала. Ведь знала же! Он стал от меня отдаляться, понимаете? Обычно он все подмечал. Какая у меня прическа, какой длины юбка... Мне это казалось таким очаровательным! А теперь — ничего. Как будто я пустое место.

— Солнце, все это не доказывает, что он вам изменяет. Да, он пригласил мою напарницу в отель, но дальше этого не зашло.

— Ну конечно, он всего лишь хотел поиграть в канасту, — сквозь слезы выдавила миссис Тидвелл.

Играть в канасту весело. Наверное. Сама я никогда не играла, но название почему-то казалось мне похабеньким.

— Знаю, об этом тяжело говорить, — сказала я, — но могу я спросить, сколько вы весите?

— Сколько я вешу?

— Да. Видите ли... в общем... когда вы выходили замуж, вы весили немного больше.

Я ее смутила.

— Да. У меня всю жизнь были проблемы с весом. Я сделала операцию, чтобы избавиться от нескольких килограммов. Вес начал влиять на мое здоровье. А в чем, собственно, дело?

— Я... то есть мне... мне кажется, что отчасти проблема именно в этом и заключается. Моя напарница... ну... больше. А на меня он даже внимания не обратил. Я думаю, ему

нравятся крупные женщины.

Лицо моей собеседницы превратилось в маску недоумения.

— То есть он мне изменяет, потому что я похудела?

— Нет, миссис Тидвелл. Если он вам изменяет, то потому, что он не тот человек, за которого вы его принимали. Вы в этом не виноваты. Виноват он и только он.

— Поверить не могу! Я всегда думала, что мужа бросают жен, когда те набирают вес, а не наоборот.

— Я и сама немного удивилась. Но опять же, ваш вес не должен играть никакой роли. Если бы он вас любил, то за то, что вы — это вы, а не за то, какое у вас тело. Однако я должна быть честной. Я немного о вас беспокоюсь.

— Обо мне? — нахмурилась миссис Тидвелл.

— Да. Ваш супруг видел записывающее устройство, которое я прикрепила к шарфу напарницы. Он знает, что его подставили.

— Да-да, я получила ваши сообщения. Эту ночь он провел в тюрьме и сегодня утром предстанет перед судом.

— И все-таки я беспокоюсь. Он очень рассердился, когда увидел микрофон. Даже не знаю, что он теперь сделает.

— Ну что вы! Нет. Он настоящий душка. Ни разу не поднял на меня руку, если вы об этом. Он знает границы, которые лучше не переступать.

— Что ж, хорошо. Так мне немного спокойнее. Но на всякий случай спрошу: вам есть кому позвонить, если возникнет необходимость?

— Есть. Я могу в любое время позвонить родителям. Мой муж с глубоким уважением относится к моему отцу. Марвин не рискнул бы его рассердить.

К сожалению, я ее уверенности не разделяла.

— Прошу вас, если будет нужно, позвоните мне.

— Так и сделаю.

Нам принесли еду, и мы поели в относительной тишине. Отчасти потому, что я не знала, что еще сказать, как утешить миссис Тидвелл. А отчасти потому, что я опять вознеслась в рай. Мясо с зеленым чили, которое и так всегда было вкусным, теперь словно таяло у меня на языке, приводя в неописуемый восторг каждый вкусовой рецептор. И это было потрясающе.

К нам подошел папа:

— Как трапеза?

— Невероятно! Передашь мои восторги Сэмми? Он опять превзошел сам себя.

— Сэмми здесь нет, милая. Он сломал ногу, когда пытался съехать на лыжах с крыши своего дома. А ведь я его предупреждал, что смесь пива и лыжного снаряжения до добра не доведет.

— Тогда кто...

Зазвонил папин телефон, и папа, извинившись, отошел.

— Может быть, я могу еще что-нибудь для вас сделать? — спросила я у Валери.

Собираясь уходить, она встала с высоко поднятой головой и расправила плечи.

— Нет. Я уже знаю, кому сейчас позвоню.

— Кому?

— Своему адвокату.

Я улыбнулась и тоже встала. Мы с дядей Бобом должны были встретиться у моста,

чтобы найти пропавшую без вести женщину. Я уже шла к черному ходу, как вдруг нос к носу столкнулась с только что вошедшей Джессикой. Лицо ее выражало вселенскую жалость.

— Чего тебе? — спросила ее я, вдруг почувствовав, как теряю всякую уверенность в себе.

— Серьезно? Опять?

Я оглянулась.

— Ну знаешь, я сюда первая пришла.

— А я буду последней, — пообещала она.

Господи, умеет же она отбивать подачи. Мне ответить было нечем. Я чувствовала себя так, будто мы опять оказались в школе.

— Ладно, — сказала я и продолжила свой путь.

Я все еще была немножко ошарашена тем, что Сэмми сломал ногу. А еще тем, что он катался на лыжах. Больно, наверное, было адски.

Я вышла на стоянку и заметила Развалюху. Джип, а не приближающееся эмоциональное расстройство. Мои дни полнейшей развалюшности были уже далеко позади. Но это вовсе не значит, что я не могла превратить в развалюху кого-нибудь еще. Я набрала номер Гаррета.

— Привет, Чарльз.

Официоз из всех пор, ей-богу.

— Здорово, Своупс. У меня для тебя работенка есть.

— Мне не нужна работа.

— Пожа-а-а-алуйста!

— Ладно. Что у тебя?

Что ж, это было легко.

— Ты можешь узнать, были ли приводы у одного человека? Только очень-очень быстро.

— Имя.

Честное слово, он вел себя так, будто я ему больше не нравлюсь. Минуточку, может, так оно и есть.

— Я тебе еще нравлюсь?

— Ты мне никогда не нравилась.

Вот блин. А ведь он прав.

— Марвин Тидвелл.

— Понял. Перезвоню.

Я залезла в Развалюху и позвонила дяде Бобу:

— Так мы встречаемся?

— Почему во всем, что извергает твой рот, я слышу кровосмесительный подтекст?

— М-мм, я и не подозревала, что все так запущено. Может, тебя грызет совесть?

— Чарли.

— Не хочешь облегчить душу? Например, рассказать мне о мымре, с которой я тебя видела на днях?

Дибби откашлялся:

- Ты видела?
- Из-за этого мне теперь кошмары по ночам снятся.
- Я был под прикрытием.
- Таким байкам я не верю с пяти лет.
- Ну и ладно. Ты знаешь, куда ехать?
- Приблизительно. А ты уже там?
- Подъезжаю.
- О'кей, скоро буду.

Я повесила трубку, и тут же пришло очередное сообщение от Куки.

«Быстрее! Что мне делать, если меня сзади схватит мужик с ножом?»

«Все, что он тебе скажет».

По крайней мере я бы делала именно это. С ножами спорить трудно. В основном потому, что чертовски больно, когда они режут твою плоть.

По пути к мосту, где нам предстоит искать тело, я решила попробовать еще один голос. Запустила пиратское приложение, ввела пункт назначения и стала слушать, как нечто кряхтит и ворчит. Через пару секунд голос сказал:

— Направо предстоит свернуть, едва три сотни метров одолеешь.

Я люблю Йоду. Как-то даже подумывала купить его и поставить на каминную полку, но так и не купила. В основном потому, что у меня нет каминной полки. А еще потому, что во время моего недавнего увлечения каналом «Магазин на диване» я приобрела симпатичный брелок с крошечным Йодой, который радовал меня долгими одинокими ночами. Он не вибрировал, ничего такого. Просто мне нравилось, что рядом со мной есть кто-то маленький, могущественный и до странности очаровательный.

К сожалению, я не имела представления, где находится нужный мост. В этой местности я бывала нечасто, и отыскать мост посреди полного нигде оказалось сложнее, чем я думала. Но больше всего меня выводили из себя две вещи: во-первых, вернулся голый мертвый дядечка, а во-вторых, у меня на хвосте всю дорогу висел черный джип, да так близко, что я могла бы прочитать его номер через зеркало заднего вида.

Я сбросила скорость. Он тоже. Я уже думала помахать ему, чтобы проезжал мимо, но, если бы он хотел меня обогнать, уже давно бы обогнал. Внутри джипа была темно, поэтому разглядеть, кто сидит за рулем, мне не удалось. Все, что я видела, — это темные очки и черную бейсболку.

— Заблудился ты. Развернуться не помешает.

Блин. Неужели я пропустила поворот? Ну все, я теряю связь с Йодой. Зуб даю, он уже посмеивается надо мной. Я осмотрелась. Не могла я пропустить поворот, потому что нечего было пропускать.

Чувак из джипа притормозил и оказался метрах в шести позади меня. Но, стоило мне вздохнуть свободнее, как он поддал газу и рванул вперед.

Гадство.

— Держитесь, — сказала я голому мертвецу, — сейчас он в нас врежется.

Если бы я свернула, чтобы избежать столкновения, джип въехал бы мне в бок, поэтому я продолжала катиться вперед, набирая номер дяди Боба и пытаясь не дать Развалюхе съехать с дороги.

— Направо свернешь, шестьдесят метров одолев.

Свернешь направо? Не было здесь никакого сворачивания направо. И вообще никакого сворачивания не было. Йода явно замыслил чью-то смерть.

В миллиметре от меня джип резко затормозил, его занесло на соседнюю полосу, но водитель быстро справился с управлением и заново начал свою игру.

— Где тебя носит? — спросил дядя Боб.

— Сто пятьдесят метров одолев, свою цель найдешь.

Ох, круто. У меня получилось!

— Я уже близко. Кажется. Вот только кто-то...

Я взвизгнула, когда джип повторил маневр — рванул вперед и за секунду до столкновения с моей задницей притормозил.

Я шумно выдохнула.

— Черный джип «GMC», хромированные молдинги и радиаторная решетка. Тонированные стекла. Водитель — мужчина, до пятидесяти лет. Темные очки, черная бейсболка.

— Понял. Что происходит?

— Он пытался поставить мне джиэмсишную клизму. Дважды.

— Уже еду, — отозвался Диби. По голосу я поняла, что он бежит к своему джипу.

Я на все лады проклинала тот факт, что в Нью-Мексико необязательно ставить номерные знаки спереди. Чувак отстал, развернулся на сто восемьдесят и укатил в обратном направлении. Он был уже далеко, так что прочитать номер я не могла. И ни за что не погналась бы за ним, только чтобы увидеть чертов номер.

— Порядок. Он отстал.

Не знаю, почему не попросила Диби отвезти меня сюда. Волнений было бы гораздо меньше. Не говоря уже о том, что не коситься на гениталии, когда они буквально под носом, куда сложнее, чем можно подумать. Дядя Боб стоял у открытой двери своего серого джипа, уперев руки в бока. Вид у него был крайне обеспокоенный.

Нужный мост оказался одним из старых железнодорожных мостов. Ржавые крепления, такие же болты. Понятия не имела, что здесь вообще есть мост. На фоне почти голого ландшафта Нью-Мексико он выглядел великолепно.

— Еще что-нибудь узнала? — спросил Диби, когда я вылезала из Развалюхи, стараясь не рухнуть на землю.

— Кроме того, что здесь легко заблудиться? Гадский Йода. — Сейчас мне казалось, что винить во всем Йоду — правильное решение. — Тот чувак мог меня убить. А еще у меня в машине голый мужчина. Пожилой такой дядечка.

Я старалась вести себя как ни в чем не бывало, но Диби видел меня насквозь. Моя бравада его не обманула. Я решила назвать свою браваду Шуршащей Оберткой. Хотя, возможно, дядя Боб все понял с первого взгляда, потому что меня заметно трясло. Он крепко меня обнял.

— Здесь со времен индейцев с гнездами на головах никого не было.

— А что здесь понадобилось моей мачехе и ее гнезду?

Диби честно старался не рассмеяться, но не вышло.

— В общем, тот чувак развернулся и двинул обратно в город.

— Пусто, — раздался голос у меня за спиной.

Я оглянулась на спуск в высохший овраг. Дядя Боб притащил с собой Тафта — копа, который пытался устроить Рейесу проблемы.

— Привет, — поздоровалась я, когда Тафт глянул вверх. Видимо, чуть раньше он спустился в овраг, чтобы все там проверить.

Он кивнул в знак приветствия:

— Я ничего не нашел.

Тафт из тех, с кем для разнообразия приятно иметь дело. Благодаря его младшей сестре, умершей, когда они оба были еще детьми, он знает, что я вижу призраки. Слава богу, лишних вопросов он не задает. Тафту и так понадобилось время, чтобы свыкнуться с той крошечной долей знаний, которые у него имелись. Представить не могу, что он сделает, если узнает всю правду. Не думаю, что он стал бы адвокатом ангела смерти.

— Никаких следов? Развороченной земли? — уточнил Дибби.

— Нет, ничего такого не видел.

— Ну не знаю, милая. Ты уверена, что место правильное?

— Так мне сказала та женщина. На вид латиноамериканка, одета в медицинскую форму.

— И она сказала, что ее тело здесь?

— Да. Вы нашли какие-нибудь совпадения с ее описанием в базе данных пропавших без вести?

— Одно. Заявили о пропаже пару лет назад. Говоришь, она появилась сегодня утром?

— Ага.

Дядя Боб ушел к своему джипу и вернулся с файлом.

— Она?

Я посмотрела на фотографию.

— Нет, эта девушка больше похожа на азиатку. А ко мне приходила латиноамериканка, — напредила я. Вот никогда он меня не слушает.

— Ясно. Ты пока просмотри эти записи и дай знать, вдруг что-то покажется знакомым. А я пойду в машину и позвоню в участок. Если повезет, на этой дороге окажется кто-нибудь из офицеров.

— Хорошая идея.

Пока я просматривала записи, дядя Боб успел позвонить в участок и вернуться ко мне.

— Ну что?

— Ничего. А нет среди пропавших Николь или Никки? — спросила я у него, листая фотографии пропавших женщин. Я надеялась узнать кого-нибудь из тех, кто сегодня появился у меня в квартире, но ничего не находила. Надо сказать, было трудно разглядеть их лица под спутанными волосами и слоем грязи.

— Не помню, но может быть, она нездешняя.

— Ты можешь расширить поиски?

— Могу попробовать, раз уже теперь у нас есть ее описание.

Тафт вылез из оврага, почти не запыхавшись.

— Там ничего нет, босс.

— Люблю, когда ты называешь меня боссом, — поддразнила его я, и он тут же помрачнел. — Я и правда надеялась ее найти. Она очень переживала из-за родных.

— Может, у тебя есть какая-то зацепка, которая поможет нам установить ее личность? — спросил Тафт.

— На ней была медицинская форма. И бейджик на шнурке. Я успела рассмотреть буквы «Н-и-к». Мне все-таки кажется, что ее зовут Николь.

Он отряхнул пыль с формы и прищурился, осматривая окрестности.

— Какая больница?

— Наверное, пресвитерианская. Сегодня туда съезжу. Посмотрим, что мне удастся узнать.

Дядя Боб отошел ответить на звонок, а Тафт шагнул ближе ко мне. Засунул руки в карманы и уставился на пустыню.

— Ты видела мою сестру?

Я закрыла папку с документами.

— Уже несколько дней нет. Она по-прежнему в старой психушке.

— Но теперь у нее есть друзья?

— Ага, друзья у нее есть. — Тафт неплохой парень. Сам чуть не умер, когда пытался спасти сестру, и до сих пор о ней беспокоится. Но он должен знать о ней правду. — И если тебе интересно, она все такая же ненормальная. Имелось у нее пристрастие к ножницам, когда она была еще меньше?

Тафт усмехнулся:

— Она обрезала волосы всем своим куклам, если ты об этом.

— Так и знала. Доберись она до меня, я бы ушла оттуда, сверкая лысиной. Надо запомнить на будущее.

— Ладно, мне, наверное, пора возвращаться.

— Езжай в город за Чарли, — велел ему Дибби.

— Дядя Боб! — в нос прохныкала я, зная, как его бесит такой голос. — Хотя нет, минуточку. Это классная идея! Чувак в джипе может вернуться. — Я глянула на Тафта. — Стреляй в каждый черный джип, который нарисуеться рядом с нами.

— Так и сделаю, — отозвался Тафт, но я точно знала, что он врет.

— Извини, что притащила тебя сюда, — сказала я дяде Бобу. — Рано или поздно та женщина снова появится. Она сказала, что родные не могут найти ее тело. Что прошло уже много дней. Кто-то должен был заявить о ее пропаже.

— Мы все проверим, — заверил меня Дибби, — а пока у меня свидание с клюшкой для гольфа и маленьким мячиком.

— Вечно ты носишься со своими мячиками, — я разочарованно покачала головой. Как мне делать дела без рабов?

Кстати о рабах. На обратном пути я позвонила Гаррету.

— Какой-то чувак на джипе пытался меня прикончить.

— Странно.

— Почему?

— Потому что у парня, которого я нанял, нет джипа.

— И правда странно. — Ох уж мне этот Своупс со своими шуточками! — Погоди-ка. Если кто-то пытался меня убить, ты все равно заплатишь своему подручному?

— Думаю, в такой ситуации у меня будет скидка.

— Тоже неплохо. Кстати, у меня на пассажирском сиденье голый пожилой мужчина.

— Перебор с информацией, Чарльз.

Бедный голый мертвый дядечка! Никто и слышать о нем не желает.

— Так как? Есть у Марвина приводы?

— Ни единого. Безупречное личное дело. Один нюанс: сколько, ты говорила, ему лет?

— Не знаю. Около тридцати пяти, наверное.

— Тогда я нашел не того Марвина Тидвелла. Этому пятьдесят четыре. И он уже умер.

— Даже так? А нужный нам Марвин совсем как живой.

— Скорее всего он и есть живой, а ты, может быть, имеешь дело с кражей личности.

— Серьезно? — Я даже села ровнее. — Мне такое и в голову не приходило.

— Как я и сказал, всего лишь может быть, но весьма сомнительно. Если хочешь, попробую узнать, так это или нет.

— Хочу. Дохренальон тебе спасибо.

Знала ведь, что не зря терплю Своупса. Я повесила трубку и задумалась о его словах. Кража личности. За это Марвина можно было бы прижать. Я знала, что шансы невелики, и знала, что моему мертвому голому спутнику намного больше пятидесяти четырех, но на всякий случай повернулась к нему и спросила:

— А вы случайно не Марвин?

Сейчас за мной никто не присматривает.

Мне обалдеть как страшно, зато какие открываются возможности!

Надпись на футболке

К сожалению, у меня была назначена встреча с психологом. Прихватить картины я не забыла. Да-да, те самые картины, на которых я изобразила чуточку смерти и расчлененки. Мне хотелось произвести на мозгоправа впечатление, хотелось заложить правильную основу наших с ней отношений. Пусть даже основа эта будет из отрезанных конечностей. По пути в ее офис я выбрала очередное голосовое сопровождение. Это был парень, которого я могла слушать весь день напролет и все равно не понять ни единого произнесенного им слова. Оззи. Разве можно сопротивляться британцу с текучим и вязким акцентом?

— Эм-м, в общем, короче говоря, да, метров через сто бери правее. — Бедный Оззи говорил так, будто в стельку пьян. Видимо, над моим пиратским приложением успели поиздеваться. В легальной версии Оззи наверняка говорил бы трезвее. — Ну да, точно. Короче, потом, где-то примерно через полсотни метров, свернешь налево.

У GPS-навигаторов есть приколы: они не всегда предлагают правильную дорогу. Это я знала, потому что если бы свернула направо вместо налево и выехала на Двенадцатую улицу, то до нужного адреса добралась бы намного быстрее. В общем, я поехала направо. Оззи маневра не одобрил:

— Какого х...?

Он только что сказал слово на «х»?

— Да ты меня ни х... не слушаешь!

— Ха! Круто! — сказала я мертвому голому мужчине, но он не обратил на меня ни малейшего внимания.

Зато с Оззи было ужасно весело. У меня рука не поднималась его выключить. Он по-настоящему взбесился, когда на Централ я пропустила поворот направо, поэтому я стала специально сворачивать не туда, лишь бы послушать, как он материт меня на чем свет стоит. Из-за этого я чуть не опоздала на сеанс копания у меня в голове.

Несмотря на придирки Оззи, я все-таки нашла офис доктора Ромеро, встречу с которой мне устроила Джемма, моя сестра. Джемма была полна решимости помочь мне разобраться с моим ПТСР, но лично мне казалось, что я и сама неплохо справляюсь. Мы с ним стали друзьями. Свою несдержанность я держала в ежовых рукавицах, и чихуахуа теперь пугали меня гораздо реже, чем раньше. К тому же я была уверена, что тот песик, который меня на самом деле напугал, страдал бешенством. Изо рта у него шла пена, а один глаз заметно косил и смотрел куда-то вдаль. Так что вряд ли я виновата в том, что из-за него мне снились кошмары.

Я вошла в симпатичное помещение, декорированное в привычном юго-западном стиле. Такие офисы сплошь и рядом по всему Альбукерке. К сожалению, в данном случае декор был из дешевеньких. С лепниной в виде кактусов и завывающих койотов. Ладно, признаюсь:

я люблю завывающих койотов, особенно с банданами вокруг шей. Но делиться этим с доктором Ромеро точно не собиралась.

— Вы, должно быть, Чарли Дэвидсон, — сказала она, и я сразу почувствовала, как от нее волнами исходит нью-эйдж.

Ясно, она одна из этих. Надолго наша встреча скорее всего не затянется.

— Она самая, — натянуто улыбнулась я.

— Проходите, не стесняйтесь.

Доктор Ромеро привела меня в другую комнату с двумя креслами и маленьким диванчиком.

— Мне уже намного лучше, — сразу заявила я, перед тем как сесть на диван. Другими словами, начала издавека, как только могла, чтобы не нагрубить.

— Ваша сестра рассказала мне о том, что с вами произошло. Надеюсь, это ничего?

— Разве это не нарушает принцип конфиденциальности или как он там называется?

— Технически — нет. А вас беспокоит тот факт, что она ввела меня в курс дела?

— Ни капельки, просто любопытно.

— Ну что ж, извините, что нам пришлось встретиться в субботу. Ваша сестра — замечательная подруга, а на следующей неделе я уезжаю из города. Она просила меня принять вас до того, как... — Она заметила папку, которую я притащила с собой. — А это что?

— Художественная терапия. Думала поразить вас тем, как быстро выздоравливаю. Вот это я нарисовала на прошлой неделе. — Я вытащила рисунок с мертвыми птичками, которых поела девушка с каштановыми волосами. — А это — вчера вечером. — Я показала рисунок, где птички весело летали на фоне сияющего солнца и радуги. Даже единорог там был. Если уж это не докажет, что я в своем уме, то тогда даже не знаю, что еще придумать.

Доктор Ромеро улыбнулась:

— Ваша сестра мне все рассказала. Я знаю о ваших маленьких трюках.

— Правда? А она рассказывала вам о том трюке, где я говорю «Выбери карту, любую», а потом «Засунь ее обратно в колоду. И мне не показывай!», а потом...

— Это называется дефлексия^[11]. Иными словами — вы замыкаетесь в себе и пребываете в потемках.

— Странно. Буквально вчера мне говорили, что я, наоборот, сияю, как солнечный свет, который отражается от хромированного бампера.

Губы доктора Ромеро сложились в лукавую улыбку, и я поняла, что этот раунд мне не выиграть.

— Значит, она рассказала вам о всех моих маленьких трюках?

— Рассказала.

— А о больших хотя бы упомянула? У меня, знаете ли, есть парочка просто сногшибательных фокусов.

— Почему бы вам самой мне о них не рассказать? — предложила она, всем своим видом излучая понимание и бесконечное терпение.

Я подалась вперед, смирив ее взглядом из-под полуопущенных ресниц и приправила свою улыбку капелькой зловещести.

— Я могу устроить землетрясение прямо у вас под ногами.

— Правда? — спросила доктор Ромеро, прикидываясь восхищенной.

Что я вообще вытворяю? Умоляю выделить мне койку в отделении для

душевнобольных? Но ей-богу, она была такой самодовольной, что мне до смерти хотелось поставить ее на место. И все-таки она — подруга Джеммы. Если я с ней облажаюсь, финала этой истории мне ни за что не узнать.

Как и я, доктор Ромеро оперлась на локти.

— Может быть, покажете?

Это был не столько вопрос, сколько вызов. Который я приняла. Дала своей силе собраться у самого сердца, завихриться, вырасти, как снежный ком, пока она не соприкоснулась с самым центром моего естества. Я позволила ей выскользнуть из меня, окутать землю под нашими ногами и воздух вокруг нас. А потом ненадолго отпустила на свободу. Сила росла сама в себе, накапливая энергию, и мне оставалось только немного ее подтолкнуть.

Мир под нами пошатнулся. Предметы на столе затряслись, лампа свалилась с края на пол, и только после этого я вобрала обратно высвобожденную энергию.

Доктор Ромеро побледнела, но со страхом справилась.

— Как я и говорила, ваша сестра мне о вас рассказывала.

Вот гадство. Я полезла за телефоном.

— Извините, я на минутку.

Она выпрямилась в кресле и стала ждать, пока я звонила Джемме.

— Ал...

— Джемма, какого черта?!

— Что? Что еще я натворила? — Мне показалось, что она с трудом переводит дыхание.

— Чем ты занимаешься? — подозрительно спросила я. В последние несколько дней она вела себя, как никогда, скрытно. Зуб даю, чем бы она ни занималась, у нее была компания.

— Ничем. Почему ты ругаешься?

— Кто там с тобой?

— Никого. Ты опоздала на встречу?

— О, ты имеешь в виду встречу с совершенно незнакомым человеком, которому ты выложила всю мою подноготную?

— Да.

— Джемма! Какого черта?!

— Что, не удалось ее отпугнуть? — спросила Джемма невозможно довольным тоном.

— Нет. Что ты ей рассказала?

— У нее и спроси. Я занята.

— Да кто там с тобой?

— Никого. Прекрати спрашивать. К тому же это не твое дело.

— Ну и фиг с тобой.

Я повесила трубку и вернулась в кабинет доктора Ромеро, готовясь провести целый час в аду на Земле.

Вопреки первому впечатлению, доктор Ромеро оказалась не такой уж плохой. Даже после моего финта ушами ей хватило смелости взяться за мой случай. И все же я не могла

представить, чтобы наши встречи привели хоть к какому-то результату. После сеанса я сразу поехала в пресвитерианскую больницу, где надеялась хоть что-нибудь выяснить о пропавшей женщине по имени Ник-как-то-там. Войдя в здание больницы, я двинулась напрямик в регистратуру. Обычно там дают всякую информацию, а как раз информация мне и была нужна.

— Привет, — поздоровалась я с женщиной, сидящей за стойкой. — Не могли бы вы мне помочь? На днях я попала в руки потрясающей медсестры по имени Николь и теперь очень надеюсь, что вы подскажете мне, в каком отделении она работает.

Несколько секунд женщина в упор смотрела на меня, а потом спросила:

— А в каком отделении вы тогда находились?

Что ж, она не промах.

— Ну, видите ли, в том-то все и дело. Я не помню. Я была... эм-м... в состоянии алкогольного опьянения.

— Скажите мне, как вас зовут, и я просмотрю записи.

— В тот день я назвалась выдуманным именем.

Женщина глубоко вздохнула:

— Я не могу давать какую бы то ни было информацию просто так. — Ее губы сложились в угрюмую линию. Обычно так делают люди, которым нравится поучать направо и налево.

— Послушайте, мне всего лишь нужно знать, работает ли здесь медсестра или кто-нибудь еще, кто мог бы носить медицинскую форму с бейджиком, на котором написано имя Николь. Или Никки. Или любое другое, которое начинается на «Н-и-к». — Я достала удостоверение частного детектива. Оно придает мне официальности. — Я работаю над одним делом вместе с полицией. Если вы нам поможете, мы будем очень благодарны.

— И что это за дело?

Услышав мужской голос, я подпрыгнула и обернулась. У меня за спиной стоял капитан Экерт. Он что, следит за мной?

— Капитан, что вы здесь делаете?

— Могу задать вам тот же вопрос. Сегодня утром я проверил ваш статус и что-то не припомню, чтобы вы были приписаны к одному из текущих дел.

— А, ну... сейчас я работаю с дядей.

— Над каким делом?

Святой ежик, еще чуть-чуть, и этот человек доведет меня до ручки. С чего он так на мне заиклился?

— Пропавшая без вести женщина.

— Не припомню, чтобы Боб сейчас вел хоть какое-нибудь дело о пропавших без вести людях.

— Официально дело пока не заведено.

— Что ж, прекрасно. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь.

— Нет-нет, мне не хочется вас беспокоить.

Он не обратил на меня ни малейшего внимания, показал регистраторше свой значок и сказал:

— Список сотрудников по имени Николь. Будьте добры.

— Хорошо. — Она нажала пару клавиш и дала мне имена двух Николь. Одна работала в отделении диагностики, а вторая — в отделении для новорожденных.

Мне ужасно не хотелось задавать этот вопрос (чтобы не давать капитану Экерту больше зацепок, чем надо), но я все-таки спросила у женщины за стойкой:

— У вас на экран выводятся фотографии?

— Да, — она развернула ко мне монитор. — Это Николь Фостер.

Николь Фостер оказалась высокой рыжеволосой женщиной с уймой километров пробега по жизни.

— Нет, это не она.

— Ясно. — Женщина опять застучала по клавишам. — Николь Шваб.

Эта Николь была моложе, но оказалась веснушчатой блондинкой в очках.

— Блин, и это не она.

— А знаете, у нас есть Николетта. — Женщина повернула монитор к себе, пощелкала клавишами и снова развернула его экраном ко мне. — Может быть, она?

Я кивнула:

— Она.

— Что ж, посмотрим. Николетта Лемэй работает в послеоперационном отделении. Третий этаж. — Женщина широко улыбнулась капитану. — Рада, что смогла помочь.

— Спасибо, — поблагодарила я и оглянулась на капитана Экерта.

Раньше я не замечала, но он и правда поразительно красивый мужчина. Ну и ладно, поверю, что ее интерес к нему был неподдельным. Уйме женщин нравятся мужики в форме.

Я двинулась к лифтам. Капитан не отставал ни на шаг.

— Дальше я могу сама, — сказала я ему и кивнула в сторону регистраторши. — Ну, знаете, если вам хочется взять ее номер или еще что.

Его брови от удивления приподнялись.

— Спасибо, конечно, но я обойдусь.

Капитан Экерт вдовец. Пару лет назад его жена умерла от рака, и лично мне казалось, что именно поэтому меня так легко приняли на должность консультанта полиции. Он оплакивал жену. Думаю, в то время он бы разрешил дяде Бобу даже притащить слона в комнату отдыха. Я тогда старалась держаться от него подальше. От его горя было трудно дышать. Оно обволакивало меня и выдавливало из легких кислород. Я с трудом могла смотреть на капитана, не чувствуя переполняющей горечи утраты. Даже сейчас он ассоциировался у меня с ощущением непереносимого дискомфорта. Его чувства доказывали, что он искренний и благородный человек, но первой моей реакцией на его появление всегда было желание бежать сломя голову, лишь бы оказаться как можно дальше от него.

И все-таки при каждой встрече с ним у меня что-то таяло в сердце. Что-то, что было наполнено почтением с привкусом настороженности. Этот человек был невероятно проницательным, и теперь, когда он идет по моему следу, мне нужно быть предельно осмотрительной. Раньше он просто-напросто не обращал особого внимания на то, что делаем мы с Дибби. Мы раскрывали одно дело за другим, и ему этого было достаточно. Однако после моего последнего фиаско, когда мне попутно одним махом удалось раскрыть четыре дела, одно из которых касалось серийного убийцы... в общем, я могу понять, с чего вдруг его обуяло любопытство.

Мы вошли в лифт, и я нажала кнопку третьего этажа. Вряд ли можно чувствовать себя более неловко, чем оказавшись в лифте с тем, от кого в любом помещении кончается кислород.

— Ну и как вам нынешний уровень преступности? — спросила я, лишь бы хоть немного

отвлечься от нехватки воздуха. В моей крови просто задыхались эритроциты.

В ответ капитан Экерт только молча уставился на меня.

Ладно. Я покачалась на пятках и внезапно поняла, что панелька с кнопками — удивительно захватывающее зрелище. Через тысячу лет мучительной агонии открылись двери. Я призвала на помощь всю свою силу воли, чтобы тут же не начать хватать ртом воздух.

Мы оказались на третьем этаже, и я сразу направилась к сестринскому посту, притворяясь, будто меня не преследует капитан полиции.

Я показала свое удостоверение.

— Привет. Могу я задать вам несколько вопросов о Николь Лемэй?

Из трех сидевших там медсестер только одна не подняла взгляд — видимо, была очень занята, чтобы отвечать на какие-то вопросы.

— Николь? — переспросила одна из двух, которые удосужились на нас посмотреть. У нее были жесткие каштановые волосы и очки в золотой оправе.

— Да. Мне хотелось бы узнать, когда вы в последний раз ее видели.

Медсестра уставилась на меня с пустым выражением лица. Потом взглянула на часы.

— Наверное, минут пять назад.

— Нет, — сказала я, переступая с ноги на ногу. — Николь Лемэй. То есть, простите, Николетта.

Теперь заговорила вторая медсестра — симпатичная блондинка, явно предпочитающая богатую углеводами пищу.

— Вы правы, — сказала она, глядя на настенные часы. — Мы не видели Николетту уже минут двадцать.

Первая рассмеялась:

— Когда весело, время летит незаметно.

— Говорила же тебе, не подходи к миссис Уотсон. Ей нравятся последствия вздутия.

— Должна же я была записать ее жизненные показатели.

— А вот и она, — одна из них ткнула пальцем куда-то мне за спину.

— Я Николетта.

Я развернулась и уставилась на своего призрака. Только она уже не была призраком. Она была очень даже жива. И дышала. Это же чудо!

— М-мм, Николетта Лемэй?

— С самого рождения. — Она стала вытаскивать из карманов пустые упаковки от шприцов и куски лейкопластыря и добавила: — К сожалению. Если в ближайшее время меня никто не позовет замуж, мама точно даст объявление в газету.

— Ох, ну, я... знаете ли, просто...

— Вы кажетесь мне знакомой. — Николетта оглядела меня с ног до головы, потом посмотрела на моего спутника.

— Точно, извините. Я Чарли, а это капитан Экерт из управления полиции Альбукерке.

Она расправила плечи, явно начиная волноваться.

— Что-то случилось?

Я поспешила ее успокоить:

— Нет-нет, ничего. Я всего лишь...

В общем, я стояла, понимая, что напрочь лишилась дара речи. Еще никогда в жизни я не видела призрака, который бы сказал мне, где искать его тело, а потом снова появился передо

мною живее всех живых. Николетта Лемэй определенно была, что называется, во плоти. Ни единый волосок не выбился из безупречной укладки. Неудивительно, что мы не смогли найти ее тело. Она привела его сюда, и теперь оно стояло в шаге от меня.

— Вы когда-нибудь бывали у старого железнодорожного моста на пятьдесят седьмом шоссе?

— Понятия не имею, где это находится.

— Ясно. А у вас случайно нет сестры-близняшки? — спросила я, осознавая, как по-дурацки сейчас выгляжу.

— Н-е-е-ет. А в чем, собственно, дело?

— Ни в чем. Не берите в голову. Я ошиблась. Похоже, я нашла не ту Николетту.

— А-а. — Кажется, она немного успокоилась. — Но вы и правда кажетесь мне знакомой. Вы никогда не встречались с моим братом?

— Вполне возможно. Я люблю ходить на свидания. Точнее любила. Так куда?

— Что — куда?

— Куда ваша мама хочет дать объявление?

— А! Она собиралась обратиться в светскую хронику. А еще угрожала записать меня в службу эскорта. Чтобы хоть как-то устроить мне свидания.

Это я могла понять. Капитан Экерт напрягся — явно не привык слушать пустую женскую болтовню.

— Что ж, нам придется оставить вас в покое, — сказала я Николетте. — Еще раз прошу прощения за ошибку.

Я уже развернулась, чтобы уйти, но капитан словно прирос к месту. Мне показалось, он сбит с толку. Выбора не оставалось. Я взяла его за руку и потащила за собой. Моего маневра он явно не оценил.

— И все? — спросил он.

— И все.

— К чему все это было?

— Ни к чему. Я ошиблась.

— Вы ее узнали. А значит...

— Нет. Я сама не очень понимаю, что произошло. Это не та девушка.

— Что значит «не та»?

— Не та, которая, возможно, пропала без вести.

— С чего вы вообще взяли, что пропала какая-то женщина? Кто-то подал заявление?

— Я получила анонимную наводку. Наверное, кто-то просто пошутил.

— Вы всегда впадаете в такие крайности из-за анонимных наводок?

— Нет. Иногда.

Капитан пытался сбить меня с толку. Он что-то подозревал, только не знал, что именно. За свою жизнь я на такое успела насмотреться.

— В тот момент информация показалась мне достоверной.

Затолкав его в лифт, я отпустила его рукав и, разглаживая складки, пробормотала:

— Простите.

Капитан шагнул назад и, не глядя на меня, проговорил:

— Вы щелкаете дела как орешки, Дэвидсон. На вашем счету уйма раскрытых преступлений. Я хочу знать, как вам это удается.

Гадство. Добром это ни для кого не кончится.

— Знаете, это все дядя Боб. Он отлично справляется со своей работой.

— Знаю. И все же мне интересно, как бы он справлялся, не будь вас у него на подхвате. — Теперь он повернулся ко мне. — Или это он у вас на подхвате?

Открылись двери лифта.

— Наверное, мне стоило бы оскорбиться, капитан. Мой дядя великолепный детектив. За эти годы он много раз оказывал мне неоценимую помощь.

— Уверен, так оно и есть. Вы чешете спинку ему, а он — вам.

Я выскочила из лифта.

— У меня аллергия. Зуд.

Пока он не успел спросить о чем-то еще, я со всех ног бросилась к стеклянным дверям.

Оказавшись в Развалюхе, я тут же набрала номер дяди Боба.

— В общем, нашла я нашу пропавшую девушку. И твой капитан тоже.

— Что? — встревожился Дибби. — Капитан Экерт был с тобой? Он видел тело? Вызвал команду экспертов?

— Не совсем. Тела нет. Она жива. Чудо какое-то.

Он глубоко вздохнул, и я легко представила, как он трет пятерней физиономию.

— Чарли, ты говорила, что она пришла к тебе.

— Так и было. Честное слово, дядя Боб. Я так же, как и ты, ничего не понимаю. Но нам надо что-то делать с твоим боссом. Он очень странно себя ведет. Как будто что-то знает. Или думает, что знает. Я не представляю, что ему говорить. Он хочет выяснить, как мне удастся раскрывать столько дел.

— Проклятье. Он сам так сказал?

— Да. И он откуда-то знает, что я с пяти лет помогала и помогаю вам с папой. Он копался в прошлом и как-то это выяснил! Но как? Как?!

— Понятия не имею, милая. Но всем известно, что ты мне помогаешь. Потому-то тебя и приняли на должность консультанта. Черт возьми, да он сам это одобрил.

— Ага, зато теперь ему вдруг стало любопытно. Он начал разнюхивать. Ох, не надо было мне в один день раскрывать убийство, ограбление банка и находить пропавшего ребенка и серийного убийцу. Я привлекла слишком много внимания. Все, с сегодняшнего дня буду дозировать дела. Раскрывать их по одному.

— Что ж, может быть, это хорошая идея.

По пути к Рокету я попробовала еще три голосовых сопровождения. Хотя Бела Лугоши никогда не казался мне жутковатым, от его требований вроде повернуть направо «прямо здесь» и налево «как только, так и сразу» мне в голову закралась мысль, что он ведет меня напрямик к смерти. Усугублялось все еще и тем, что этот человек умер до моего рождения, а я очень сомневалась, что в те времена существовали навигаторы. Или этим голосам подражали пародисты, или Бела был в самом деле бессмертным. В конце концов я решила остаться в компании Оззи. Конечно, я легко могла заблудиться, потому что понимала его с пятого на десятое, зато с ним было весело.

Мне не терпелось увидеться с Рокетом. Рокет — как гигантский колобок. А еще он

призрак и гений, которому известны имена всех, кто когда-либо жил и умер на Земле. Что делает его потрясающим источником информации, который трудно переоценить. Я могу назвать ему имя, а он может сказать мне, в какой точке координат в пределах вселенной находится этот человек. То бишь жив он или мертв. А если не мертв, то находится ли на финишной прямой. Правда, получить любую другую информацию от Рокета так же легко, как вырывать зубы косметическим пинцетом.

Заброшенной психлечебницей, где жил Рокет, владели «Бандиты» — байкерский клуб, лидеров которого объявили в розыск за ограбление банков. Для одного из них — вечно небритого негодяя по имени Донован — в моем сердце было особое место. Честно говоря, для них для всех там имелось местечко, но у нас с Донованом было кое-что особенное. Слава богу, не герпес. Так далеко наши отношения никогда не заходили. Потому что, кроме всего прочего, он еще и истинный джентльмен. Я поняла, как сильно по нему соскучилась, когда проезжала мимо их дома рядом с лечебницей. Вот только дома там уже не было.

Я ударила по тормозам прямо перед пустым участком земли. Там, где раньше стоял притон «Бандитов» (он же дом Донована), теперь лежала голая земля с одним-единственным деревом, которое раньше росло у них на заднем дворе. Исчез и гараж с разбросанными повсюду инструментами и запчастями. Я могла поклясться, что это то самое место, где стояли дом с гаражом. Ох и взбесится же Донован, когда вернется! Если вернется.

Слава богу, сама лечебница все еще стояла на прежнем месте. Однако ключ от главных ворот, которым мне до сих пор так и не представилось шанса воспользоваться, оказался бесполезным. Вместо старого забора из рабицы вокруг лечебницы теперь стоял новый — тоже из рабицы. Он сверкал в солнечном свете и окружал не только психушку, но и весь квартал. Как правило, это не стало бы для меня проблемой. Если кто-то сменил замок, я могла бы просто-напросто перебраться через забор и прошмыгнуть в окошко, ведущее в подвал. Но этот новенький сияющий забор с надежно установленными опорами и тугим плетением венчала колючая проволока. Колючая проволока! Чьих, блин, рук это дело?

Сидя в Развалюхе, я пыталась оценить свои шансы перелезть через колючую проволоку и остаться целой и невредимой. Я видела, как такое делали в кино. Мне не хватало только тюремной формы, пары перчаток и нескольких связанных вместе простыней.

Я проехала чуть-чуть вперед и увидела перед дурдомом новую табличку размером с рекламный щит. На ней простыми черно-синими буквами было написано «Частная собственность», а ниже «Владелец — “Ч&Р Индастриз”. Нарушители границ будут преследоваться в судебном порядке».

На вид зловеще. Ну и как мне теперь попасть к Рокету? Придется вернуться вечером и рискнуть пробраться внутрь. Хорошо, что скоро должно было стемнеть. У меня оставалось время перекусить и составить план. Я уже собиралась отъехать от лечебницы, как вдруг до меня дошло: какая-то суперпупербольшая шишка от бизнеса купила эту землю. А как же Рокет? Куда ему деваться, если психбольницу снесут? И куда деваться его сестре? Я бы предложила ему жить у меня, но у него есть привычка вырезать на стенах имена. А мои стены из гипсокартона. Долго они не протянут, и управдом взбесится до потери пульса. Ну или сознания.

Я достала телефон и позвонила Диби. Меня уже начинало доставать, что под рукой нет Куки. Все, никаких ей больше занятий.

— Тот парень опять пытался тебя убить?

— Нет.

— Тогда напоминаю: суббота еще не кончилась, и у меня игра.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня выяснил. Можешь узнать, кто купил здание в центре города?

— Разве этим не должна заниматься твоя помощница?

— Должна, но я отправила ее на занятия по скрытому ношению оружия.

— Зачем? — взвился дядя Боб. — Ей кто-то угрожает?

— Кроме меня?

— Когда она вернется?

— Вечером. А завтра опять поедет на занятия на целый день.

— Ну что ж, мир станет немного безопаснее.

— Так вот, можешь узнать, кто владеет компанией «Ч и Р Индастриз»? Они выкупили старую заброшенную психлечебницу в центре.

— Эту рухлядь? И зачем она им понадобилась?

— Не знаю. Надеялась, что об этом написано на громадных размеров табличке, но там намалевано только «Частная собственность» и уйма угроз заглавными буквами. Которые я, кстати, планирую напрочь проигнорировать сегодня вечером. Мне нужно узнать, собираются ли они снести лечебницу, построить там многоквартирный дом, разбить сад или еще что.

— Ладно, — глубоко вздохнул Дибби, — попрошу кого-нибудь покопаться. Но должен спросить: ты вообще в курсе, что управление полиции Альбукерке создано совсем не для того, чтобы искать тебе всякую информацию?

— Правда? Вот ведь странность.

Пока он совсем не закипел, я положила трубку и напоследок взглянула на дурдом. В эту самую секунду в голове сложился план. Мне не нужна тюремная форма — а жаль, потому что мне бы хотелось посмотреть, как она на мне сидит. Меня не удерживали стены. И у меня был доступ к тому, к чему не было у ребят из фильма. Конечно, мне придется сюда вернуться, но как только стемнеет, я снова увижусь с Рокетом. Надеюсь, что выйду оттуда живой. А это вполне можно подвергнуть сомнениям, учитывая, какая веселая банда призраков там собралась. Тем более что к этой банде присоединилась младшая сестра офицера Тафта — Сахарная Слива. Как бы то ни было, я сделала мысленную пометку не забыть спрятать волосы под какой-нибудь шапкой.

По пути домой я получила очередное сообщение от Куки:

«Скоро буду дома. Многому научилась».

Вот и славненько. Если бы мне пришлось обходиться без нее целых два дня, а она бы потратила их впустую, Нони, инструктор, получил бы строгий выговор.

Я подошла к своей двери, и впервые за несколько дней на ней не было записки. Я глянула на дверь Рейеса. Неужели это случилось? Он от меня устал?

Я бы не удивилась.

Не зная, чего ожидать, я очень-очень осторожно приоткрыла свою дверь. Остались ли у меня в квартире все те женщины-призраки? Ответ на этот вопрос я узнала в ту же секунду. Это было громкое и неумолимое «да». И еще раз «да». Когда я уходила, женщин было девять или десять. Теперь популяция покрытых грязью и в разной степени напуганных блондинок возросла как минимум до двадцати. Я шагнула через порог и уставилась на женщин, ползающих по моему ковру, цепляющихся за стены и свисающих, как пауки, с потолка. Одна свернулась клубком в углу, где две стены соединялись с потолком. Эта была та же женщина,

которую я видела утром. Она не сдвинулась ни на миллиметр.

Обычный человек мог спокойно пройти по такому «побоищу» и даже не узнать, в чем дело. Ну разве что немножко замерзнуть. А вот я сквозь призраков проходить не могу. Для меня они такие же плотные, как и все остальные люди на планете. Мне пришлось зигзагами пробираться через столпотворение и стараться не наступить кому-нибудь на пальцы. Забавная выдалась прогулочка. Увидь меня кто-нибудь со стороны, наверняка бы решил, что я перебрала с «Маргаритой».

Добравшись до барной стойки, я поставила на нее сумку и перелезла через стойку, чтобы попасть в кухню. Мистер Кофе ждал, когда я с ним поздороваюсь, и я не могла его подвести только потому, что у нас полный дом гостей. К тому же я пришла не просто так, а с планом. Похоже, в последнее время я просто фонтанирую планами направо и налево. Может быть, это мой новый взгляд на жизнь. Не приглашай в дом верную смерть, не имея запасного плана. Кто знает, может, мне удастся спланировать что-то еще. Например, предсвадебную вечеринку для Куки и дяди Боба. Или чью-нибудь бар-мицву.

Пока мистер Кофе бормотал и булькал, я вызвала Ангела силой своего ангелосмертского разума. Ну ладно, все гораздо проще. Я вроде как просто подумала о нем и пожелала, чтобы он оказался рядом, и... — бах! — он тут как тут.

— Какого хрена, *pendeja*? Я ж тебе говорил больше так не делать!

Я кивнула на женщин вокруг нас:

— Ты можешь с ними поговорить?

— Я что, на медиума похож? Они ж не в себе. Да меня скорее бы услышала чихуахуа моего кузена Альфонсо. Тиа Хуана хоть испанский знает.

— Чихуахуа твоего кузена зовут Тиа Хуана? — В ответ он только пожал плечами, и я продолжила: — Хотя бы попытайся. Если кто и может с ними поговорить, то это ты.

— Чего это вдруг?

— Потому что ты призрак. Ты один из них. У тебя получится.

— За пять сотен баксов в месяц и пробовать не стану.

— Серьезно?

— В этом мире, *mijita*^[12], человек человеку волк. А моей маме нужна новая тачка.

— Это в корне, по всем статьям неправильно.

— Мне надо как минимум, — Ангел посчитал на пальцах, — семьсот пятьдесят долларов в месяц. Иначе я ни за какие коврижки больше не буду рисковать жизнью ради чьей-то там задницы. Даже ради твоей. — Он наклонился оценить упомянутый объект. — Какой бы классной она ни была.

— Семьсот пятьдесят долларов в месяц?! — заупиралась я. А потом забормотала и забулькала, прямо как мистер Кофе.

Впрочем, на задворках сознания зудела мысль, сколько бы мне стоил настоящий... то есть живой детектив. В семьсот пятьдесят баксов в месяц я бы никак не уложились. Хотя, с другой стороны, результаты расследований Ангела я не могла использовать в суде. В самом деле, не притащу же я его в участок в качестве работающего на меня сыщика. Так что тут было о чем подумать. И все-таки пару раз он спас мне жизнь. А это чего-то стоит.

— Что ж, мистер Гарса, ты свое получишь.

— Твою дивизию! — покачал он головой. — Ты дала бы и больше, да?

Я подмигнула ему:

— Как знать? Но вот вопрос: что мне делать, когда твоя мама опять придет за ответами,

а?

Ангел прислонился к стойке и провел пальцами по кошмарной хромированной отделке.

— Не знаю. Да и она, кажется, купилась на сказочку о двоюродном дедушке.

Я погладила его по холодной щеке, провела пальцем по пушку над верхней губой.

— Нет, *mijito*^[13], не купилась.

Мы с Ангелом знакомы уже больше десяти лет. С того самого дня, как я нашла его в заброшенной школе, напуганного и одинокого. Он очень много для меня значит.

К сожалению, он умер в самом расцвете подросткового возраста, когда буйство гормонов затмевает все остальное. Он шагнул ближе и положил руки на стойку с обеих сторон от меня. Я закатила глаза, а он подался ко мне и провел губами вдоль моей нижней челюсти. Он не пытался меня поцеловать, а просто как будто впитывал тепло, пробовал кожу наощупь.

— А знаешь, у нас могло бы получиться.

— Я тебе по яйцам двину.

— Я могу подарить тебе ночь, которую ты никогда не забудешь.

— Потому что ты всю ночь будешь корчиться от боли, а я всю ночь буду беспощадно ухаживать. О да, это будет незабываемо.

— Знаешь, как говорят: попробуешь мертвого^[14]...

— Через стенку живет Рейес.

Это сработало. Ангел шагнул назад и скрестил на груди руки.

— Я ж тебе говорил не впускать этого *pendejo*^[15] в свою жизнь. Мы все за это поплатимся.

— Да что ты об этом знаешь?

— Вот это и знаю. Если вы двое споетесь, нам всем хана.

— Это я уже слышала. Если никто ничего нового мне не скажет, вы все можете поцеловать меня в зад.

— Это неправильно. Противоестественно! — выплюнул Ангел, когда я взяла чашку с кофе и перешагнула через женщину на полу, чтобы выйти из кухни. — Вам нельзя быть вместе. Вы как молоко и соленые чипсы!

— Слушай, Ромео, мы с тобой договорились о зарплате. Ты можешь поговорить с этими женщинами или нет?

— Уже пытался. Они молчат.

Я недовольно поджала губы.

— Мог бы и сказать.

— Ты не понимаешь. Они теперь тут с тобой. А быть рядом с тобой — это уже само по себе им поможет. Это все равно что взять солнце и сжать его до размеров баскетбольного мяча. Оно все равно останется солнцем. Все равно будет ярко сиять, слепить, обжигать и все, на хрен, такое. Все равно будет их успокаивать. Исцелять. И это, блин, ты. Потому что ты и есть свет. Он успокаивает, как ментоловая гадость, которую мама втирала мне в грудь. Одно твоё присутствие им как бальзам на раны.

— А я всегда думала, что мое присутствие раздражает. Ну, знаешь, как растворитель. Или напалм.

Потеха длится до тех пор, пока кому-то не оторвут яичко.

Надпись на футболке

Поскольку от объяснений Ангела с его шикарными навыками съема толку было негусто, я решила посоветоваться с Джеммой. Я пыталась ей дозвониться, но она не отвечала. Она что, совсем меня не знает? Ангела смерти такое не остановит. Может быть, это сработало бы со скучным или унылым ангелом смерти, но точно не с вредным вроде меня.

Куда-то поставив свою чашку, я прихватила куртку и стала пробираться к выходу, едва не наступив на женщину, которая метнулась мне под ноги и съежилась под той, что свисала с потолка. Ну все, моя квартира никогда не будет прежней.

Открыв дверь, я увидела еще одного обалденного парня. Только этот был живой. Со светлыми волосами и голубыми глазами. И он украл мое сердце в ту самую секунду, когда я впервые его увидела несколько недель назад.

— Квентин! — вслух поздоровалась я, хотя, кроме меня самой, никто этого оценить не мог. Квентин глухой. — Привет, солнце, — показала я знаками. — Как жизнь?

К счастью, будучи ангелом смерти, я с самого рождения знаю все языки, на которых когда-либо говорили на Земле. В том числе и жестовые во всем их прекрасном многообразии.

Робкая улыбка осветила его красивое лицо. Он кивнул в знак приветствия, и я тут же его обняла. Квентин уткнулся носом мне в шею и целую минуту крепко прижимал меня к себе. А когда отпустил, его плечи ссутулились. Его явно что-то тяготило.

— Что случилось? — забеспокоилась я.

Он пожал плечами и, словно смутившись, опустил взгляд.

— Теперь все по-другому.

У меня в груди все сжалось. Квентин был одержим демоном, который, в свою очередь, был одержим идеей меня прикончить. Так Квентин и оказался в Альбукерке. Артемида расправилась с демоном, который в него вселился, и в итоге Квентин очнулся от чего-то, напоминавшего кому, в незнакомом месте без родных и друзей. Потом я узнала, что у него нет ни семьи, ни близких, к которым можно было бы вернуться в Вашингтон, поэтому спросила, не хочет ли он остаться здесь. Теперь он жил в «Школе для глухих» в Санта-Фе, а на выходные возвращался в монастырь. По крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь об этом не узнает и не расскажет сестрам, что шестнадцатилетнему парнишке нельзя жить под одной крышей с кучей монахинь. Вот только мать-настоятельница монастыря, как и все остальные, буквально влюбилась в Квентина и была готова нарушать какие угодно правила, лишь бы он там жил.

И все-таки он был одержим. Демон захватил тело Квентина, а его самого на время как будто вышвырнул наружу. Я не знала, сколько помнит Квентин о том времени. Или как это на него повлияло.

У демона, который на него позарился, была причина. Та же, по которой другие демоны

вселялись в других людей. Квентин видел мир сверхъестественного. Точнее совсем чуть-чуть. Но этого было достаточно, чтобы стать мишенью для демонов. Он видел серые пятна там, где были призраки. Все, кто мог это видеть, видели еще и мой свет. Иначе говоря, они могли отличить меня от остальных. А значит, могли привести ко мне демонов. Папаше Рейеса я была нужна в качестве портала в рай, и, видимо, нужна достаточно сильно, чтобы разрушать жизни других людей. Некоторые из одержимых в итоге погибли.

- Может, зайдешь?

Я шире распахнула дверь. Квентин переступил порог, но тут же замер. Осмотрел мою квартиру и шагнул назад.

— Ты их видишь? — удивилась я. Мне казалось, что даже если и видит, то не более чем прозрачное серое марево там, где находились женщины. Но он смотрел прямо на них. Настороженно, почти враждебно.

— Теперь вижу, — ответил Квентин резкими, отрывистыми жестами. — Но не так, как раньше. Сейчас я мертвых везде вижу, куда ни посмотрю. — Он сердито глянул на меня. — Ты знала, что школу в Санта-Фе построили прямо рядом с кладбищем?

Я громко вздохнула. Нет, не знала.

— Значит, теперь ты их по-настоящему видишь? Не только их сущность?

Он обнял себя руками и кивнул, не сводя глаз с женщины, свисавшей с потолка. Должна признать, меня она тоже выбивала из колеи.

Осторожно коснувшись щеки Квентина, чтобы привлечь к себе его внимание, я показала:

— Мне очень жаль, Квентин.

Видеть мертвых тут и там — такое кого угодно доведет до ручки. Сама-то я такой родилась и не раз пыталась поставить себя на место других. Поэтому приблизительно понимала, что происходит с теми, к кому эта способность приходит со временем.

Глаза Квентина наполнились слезами, а губы сложились в мрачную линию.

— Может, пойдем туда? — показала я на квартиру Куки.

Он кивнул.

Закрыв свою дверь, я постучалась к Куки, зная, что ее дочь Эмбер дома. Не будь со мной Квентина, я бы и не подумала постучать. Но сейчас мне не хотелось заставить Эмбер врасплох. Ей двенадцать. Зуб даю, она прыгала и скакала в нижнем белье под последний поп-хит. Хотя, возможно, я по себе сужу.

Излучая, как всегда, бешеную энергию, Эмбер открыла дверь. А потом заметила Квентина. Кажется, он ее немножко поразил. Есть в нем такая штука. Когда я впервые его увидела, сама была поражена до глубины души.

— Привет, солнце. Можно нам ненадолго занять твою гостиную?

— Конечно, — отозвалась она.

Мне показалось, что ее вдруг обуяла стеснительность. Эмбер сложно назвать стеснительной, но я поняла, в чем дело: такой эффект производил Квентин.

— Супер, — сказала я, сопровождая голос жестами, — спасибо. Это Квентин. Квентин, это Эмбер.

Они улыбнулись друг другу, и мы с Квентином вошли в квартиру.

— Принести тебе чего-нибудь попить? — спросила у него Эмбер.

Я быстро передала ему жестами вопрос, он махнул рукой, отказываясь, и показал:

— Нет, спасибо.

И тут Эмбер растаяла. Я это по глазам видела. И по сочувствующему выражению лица. И по прижатой к груди руке. Деликатность не ее конек, что тут скажешь?

— Спасибо, Эмбер, — проговорила я, надеясь, что этого хватит, чтобы она оставила нас с Квентином наедине. — Нам только нужно было место, где мы могли бы поговорить. Если что, я тебя позову.

— О'кей, — выдохнула она, переполненная новообретенной любовью.

Ага, плавали — знаем.

Мы сели на диван цвета земли, и Квентин достал солнцезащитные очки. А я и забыла. Я же для него — как фонарь, который светит прямо в глаза. Вряд ли это приятно.

— Так что происходит? — спросила я, когда он придвинулся к краю дивану. — Как поживает сестра Мэри Элизабет?

Сестра Мэри Элизабет — наша с Квентином общая знакомая. У нее тоже имеется уникальный дар — она слышит разговоры ангелов. По ее словам, их хлебом не корми, только дай поболтать.

— У нее все хорошо, — ответил Квентин. Рукава крутки были ему великоваты — они прикрывали половину ладоней, пока Квентин мне отвечал. Но сами ладони уже были очень мужскими, с резкими углами и длинными пальцами. — Передавала тебе привет.

— Ой, как это мило! Передавай привет и от меня. А теперь, когда мы покончили с любезностями, выкладывай. Что происходит?

Он глубоко вздохнул:

— Раньше я видел призраков только как тени в воздухе. А теперь я вижу все. Вижу людей, их одежду. Грязь у них на ногах. Кровь в волосах.

Чтобы поддержать его, я положила руку ему на колено, пока он перечислял все, что видит. Меня немного удивило, что сестра Мэри Элизабет не позвонила мне обо всем этом рассказать. Правда, Квентин вполне мог не поделиться с ней новостями. Закончив, он уставился на меня, моргая и ожидая ответов и решения. Решения, которого у меня не было.

— Ты видишь то же, что и я, — сказала я, зная, что у меня на лице написано все сочувствие, которое я испытывала. — Ты видишь мертвых, которые не перешли и остались на Земле. Но это совсем не как в кино. Они здесь не для того, чтобы тебя напугать.

Квентин не спускал с меня глаз, надеясь, что у меня есть новости получше.

— Им, как и тебе, просто нужны ответы. Они хотят завершить то, что не успели.

— Типа неоконченные дела?

— Да. Кто тебе об этом сказал?

— Друзья в школе. Они считают, это круто, что я вижу мертвых.

Мне показалось, он почти гордится. И эта одна из причин, почему я восхищаюсь сообществом глухих так, что и описать не могу. Эти люди готовы принять тебя со всеми потрохами, как никто другой. Не важно, с каким багажом вы к ним придете. Слепота, душевные болезни, фетальный алкогольный синдром^[16], аутизм — какими бы ни были ваши проблемы, если вы относитесь к культуре глухих^[17], они примут вас как своего. Даже, судя по всему, если у вас есть способность видеть сверхъестественный мир.

— Я тоже считаю, что это очень даже круто.

Квентин опустил взгляд.

— Ну нормально, наверное.

— Но это может быть страшно.

— Точно.

— Ты только не забывай: они такие же, как мы. Они и были нами, просто перешли на новый уровень существования.

Он нахмурился:

— То есть они все равно что до сих пор живы?

— Практически. Только у них больше нет физического тела. И очень может быть, им не мешает хороший друг.

Квентин посмотрел мимо меня.

— Мне такое и в голову не приходило.

Я дала ему немного времени обдумать новую информацию, но он вдруг моргнул и снова уставился на меня.

— А может, они хотят попасть на небеса, но не могу тебя найти.

Я покачала головой:

— Насколько я понимаю, они меня видят из любого уголка мира.

Его глаза превратились в блюдца.

— Даже если они в Китае?

— Даже если они в Китае, — отозвалась я.

— Но как? Ведь тогда между вами целая планета! Призраки видят сквозь всякие предметы, как мы видим сквозь призраков?

— Понятия не имею. И все это странно. Я своего света не вижу, так что не представляю, как видят его они.

Квентин подобрался:

— Не видишь? Собственного света? Да он же бешено яркий!

— Не-а, не вижу.

— То есть ты видишь призраков, но не видишь своего света?

— Ага.

— Дикость какая-то. — Вдруг его губы сложились в лукавую улыбочку. — Может быть, кому-то надо покопаться у тебя в голове.

— Все вокруг мне это твердят. Понятия не имею почему.

Квентин кивнул, по-видимому, соглашаясь с упомянутыми мной людьми, поэтому, ясное дело, у меня возникло страшное желание его пощекотать. И — подумать только! — оказалось, что он боится щекотки даже больше, чем новорожденный малыш. Он смеялся и пытался оттолкнуть мои руки, но я не собиралась так запросто сдаваться. В конце концов он свернулся в клубок, а его смех звучал хрипло и невозможно приятно.

— Ты что, издеваешься над бедным мальчиком?

Я оглянулась на Куки, увешанную пакетами.

— Да так, самую малость. Он считает, что у меня проблемы с головой.

— Ну что ж, если мне нужно принять чью-то сторону...

Квентин засмеялся громче, когда я нашла особо чувствительное ребро.

— Хаааатит! — взмолился он мягким, приглушенным курткой голосом.

— Хватит? — вслух переспросила я. — И не подумаю, мистер.

Он на меня не смотрел, да и я не пользовалась жестами, так что говорила я только для своих ушей. Ну и для ушей Куки.

— Я принесла нам по порции цыпленка с соусом альфредо, спагетти и чесночный хлеб.

— Вкуснятина, — облизнулась я и отпустила Квентина, чтобы он наконец смог подобающе передо мной извиниться.

Солнцезащитные очки валялись где-то на диване, и ему пришлось искать их, прикрыв глаза рукой от моего света. На его лице сияла широченная улыбка.

— Это тот, кто я думаю? — поинтересовалась Куки.

— Это Квентин, — ответила ей Эмбер, ворвавшаяся в гостиную, как северный ветер. — Правда, он красивый? И он понятия не имеет, о чем я говорю. Я могу говорить о нем, а он и знать не будет.

Квентин тихо рассмеялся и посмотрел на нее.

Эмбер застыла. Бьющая через край радость тут же превратилась в смертельную обиду.

— Тетя Чарли, ты передала ему, что я сказала?

— Передала. Невежливо говорить о человеке у него за спиной.

Ее лицо залилось ярко-алой краской. Мне почти стало ее жаль.

— Не надо было ему говорить.

Я поддалась сочувствию:

— Сама мне скажи, разве это справедливо? Вот так пользоваться тем, что он тебя не слышит?

— Ну, если так на это посмотреть... — Эмбер поникла и нарисовала кулаком у себя на груди круг: — Извини меня, Квентин.

Я была впечатлена, что она знает этот жест.

Найдя наконец свои очки, Квентин водрузил их на макушку и шагнул к Эмбер:

— Все в порядке.

Его улыбка совершенно ее обезоружила. Эмбер и думать забыла о каких-то там обидах.

— Останешься с нами поесть? — спросила она вслух.

Я перепрыгнула через спинку дивана, тут же пожалев об этом, когда приземлилась на горшок с каким-то каучуковым растением, едва не выдрав его с корнем, и передала слова Эмбер Квентину.

Он пожал плечами и кивнул:

— Конечно, спасибо.

И Эмбер пропала.

— Привет, — сказал он Куки.

Она взяла его протянутую ладонь обеими руками.

— Очень приятно снова с тобой встретиться. Здесь тебе всегда рады, Квентин, в любое время.

Я передала ему слова Куки и добавила:

— Но только когда тут Куки или я.

Сразу поняв, о чем речь, он показал мне оба больших пальца. От меня не ускользнул интерес, вспыхнувший в его глазах, когда Эмбер открыла дверь. Я практически видела, как на всей этой ситуации здоровенными буквами написано «ПРОБЛЕМЫ». Несмываемым маркером.

Взяв Квентина за руку, Эмбер потащила его к столу, на котором уже лежали ручка и бумага, чтобы они могли писать друг другу записки. Быстро же меня понизили до третьего колеса в двухколесной телеге. А раз уж меня уволили без выходного пособия, я решила помочь Куки на кухне. Это значило, что, как и у меня в квартире, мне надо было пройти сантиметров пятнадцать от того места, где я стояла.

— Райские чертоги, Чарли! Никак не привыкну. Он же просто чудо что такое!

— Ага, — отозвалась я, пристально наблюдая за красавцем, который явно не нуждался в

помощи, — о том и речь. Так как прошел твой день?

— Ох, черт, я просто по макушку в новых знаниях.

— Класс. Но серьезно, я должна выяснить, что случилось с этими женщинами. Я едва по квартире перемещаюсь. Плюс еще Николетта. Живая. Что это, блин, за прикол? Раньше такого не было.

Куки вывалила спагетти в свои любимые миски.

— Ну уж нет, дорогуша, так запросто ты не отделаешься.

Она не обратила ни малейшего внимания на мою жуткую угрозу и спросила:

— А не может быть Николетта, ну... зомби?

Я накрутила спагеттину на вилку, сунула ее в рот и, не прожевав, ответила:

— На ходячего мертвеца она похожа не была. Вот ты на ходячего мертвеца похожа. По утрам, например.

— Спасибо на добром слове.

— Ты меня как будто первый день знаешь.

После того как мы с Квентином умяли ужин Ковальски, мы все сидели за столом, пили чай и делились постыдными историями о жизни Эмбер. Та была настолько по уши в своей влюбленности, что даже не заметила, когда я рассказала историю о том, как она пыталась покрасить волосы растворимым фруктовым напитком и на неделю поседела.

— Я тоже знаю язык жестов, — через какое-то время сказала она.

— Сегодня ты показала «извини», — подтвердила я. — Я до сих пор под впечатлением.

Эмбер зарделась:

— Кое-что помню со второго класса. Мне показала учительница. Она изучала спецкурс в колледже.

— Целый спецкурс? — переспросила я, притворяясь совершенно серьезной. — Вот это круто!

— Ага.

— И ты до сих пор помнишь, чему она тебя учила? — спросила у нее Куки.

Эмбер кивнула.

Ожидая, что она ему что-нибудь покажет, Квентин приподнял брови. Мало что может привлечь пристальное внимание глухих так же, как слышащий человек, который разбирается в языке жестов достаточно, чтобы представлять опасность. Но судя по виду Квентина, ему действительно было любопытно.

— Я помню только всякие глупости, — стала отнекиваться Эмбер, когда поняла, что все смотрят на нее.

— Неправда, — подбодрила ее я. — Держу пари, ты отлично справишься.

— Ну, ладно. Я могу показать «Я очень особенная».

— Супер! — воскликнула я и передала разговор Квентину. Чтобы он знал, чего ожидать, если вдруг то, что покажет Эмбер, и близко не будет соответствовать ее намерениям.

Поднявшись со своего места, Эмбер откашлялась. Уж не знаю зачем. Приготовившись, она показала нам три жеста, которые, судя по всему, должны были означать «я», «очень» и

«особенная». Меня поразило, что она не добавила после «я» жест «есть», потому что в амслене^[18], в отличие от обычного английского, такого слова попросту не существует. В других англоязычных жестовых системах оно есть, но, как правило, эти языки к настоящему не имеют никакого отношения. «Очень» вышло у Эмбер смазанным, но такую ерунду ей можно было простить.

И все же в любом языке есть свои нюансы, едва различимые оттенки, путаница с которыми может полностью изменить смысл фразы. Одно неверное движение рукой, и жест из существительного превратится в глагол, прилагательное или что-нибудь еще. Все равно что заменить «к» в слове «куй» на «х». Всего одна крошечная буква, а смысл меняется капитально.

В общем, когда Эмбер показала «очень» задом наперед и в жесте «особенная» использовала все пять пальцев правой руки вместо положенных двух, я, мягко говоря, обалдела.

Я моргнула.

Квентин тоже.

Решив, что мы ее просто не поняли, Эмбер еще раз показала предложение. К моему полнейшему ужасу. Схватив ее за руки, я оглянулась на Квентина. Он улыбался, и по этой улыбке было ясно, как высоко он оценил прямоту Эмбер.

Я закрыла ему руками глаза. Он тихо рассмеялся и убрал мои ладони.

— В чем дело? — встревожилась Эмбер, пряча руки за спину. — Что я сказала?

— Она... она совсем не это имела в виду, — показала я Квентину.

— Чего я не имела в виду?

— А мне кажется, именно это она и собиралась сказать, — ответил он.

— Нет, солнце. — Я потянула его за руку и подняла со стула. — К тому же нам пора идти. Спасибо за ужин.

Куки сидела с открытым ртом, пытаясь понять, что произошло.

— Думаю, нам лучше остаться, — сказал Квентин, сияя широченной улыбкой. — Посмотреть, что еще она знает.

— Нет, нет и еще раз нет.

Я потащила его к двери и уже собиралась ее закрыть, как вдруг Эмбер крикнула:

— Так что я сказала?

Я прислонилась к двери и повторила:

— Она совсем не это имела в виду.

Квентин закатил глаза и опять рассмеялся:

— Я знаю, что она пыталась сказать. Я же не идиот.

— Ну да, точно. Извини. Только сотри с лица эту свою ухмылочку.

— Какую еще ухмылочку?

Я показала пальцем:

— Вот эту.

Он потер губы, пытаясь буквально стереть улыбку, но без толку.

— На всякий случай уточню. Эмбер, — я шагнула ближе и показала так, чтобы видел только он, — не трахается и не отсасывает.

На этот раз от смеха Квентин согнулся пополам. Наконец взяв себя в руки, он поинтересовался:

— Как думаешь, ее учительница и правда учила ее именно так показывать «Я очень

особенная»?

Я об этом даже не задумывалась.

— Скорее всего нет. Разве что учительница всю учебу в колледже работала девушкой по вызову.

У него затряслись плечи. Отсмеявшись, Квентин глянул в сторону. Я тоже это почувствовала. Волну тепла, текущую прямо к нам. Мы оба уставились на Рейеса, который поднимался по ступенькам. Ей-богу, походка у него как у пантеры. Каждое движение четко выверено и просто переполнено опасным изяществом, как у крупного хищника.

Его глаза вспыхнули, остановившись на мне.

— Мистер Фэрроу, — поздоровалась я, когда он прошел мимо.

По его взгляду я поняла, что он помнит Квентина.

— Мисс Дэвидсон, — в тон отозвался Рейес и кивнул Квентину. Потом зашел к себе в квартиру и не спеша закрыл за собой дверь.

— Его я тоже вижу, — показал мне Квентин с настороженным выражением лица. — Вижу, кто он. Из чего он сделан.

— Из чего он сделан? — переспросила я.

— Он — тьма, — ответил Квентин, наполняя каждое слово тоннами подозрительности. — Она его окружает, как черный туман. Никогда такого раньше не видел.

Так же, как я не вижу собственного света, я не вижу и ту бесконечную, непроглядную тьму, которая окружает Рейеса. То есть вижу, но только когда он приходит ко мне в нематериальном виде. Хотя мне об этом уже говорили. Как-то раз Ангел упомянул об этой тьме, но я тогда подумала, что он преувеличивает.

— Ну, — я взяла Квентина за руку, — у него была нелегкая жизнь.

Похоже, он не мог отвести взгляд от двери Рейеса.

— Кто он такой?

Учитывая только что состоявшийся разговор, я не знала, хочу ли отвечать на этот вопрос. Квентину и так досталось. Но врать ему мне хотелось еще меньше.

— Мне не очень хочется отвечать, — сказала я и повела его вниз по лестнице.

Он на пару секунд задумался, а потом показал:

— Тогда мне не очень хочется знать.

Кто бы ни следил за тем, чтобы я не делала глупостей, уволен на фиг.

Надпись на футболке

Я завезла Квентина в монастырь, поздоровалась со всеми сестрами, быстренько сыграла партию в покер на костях, с треском продула, а потом отправилась к Рокету с новеньким инструментом, примостившемся на заднем сиденье. Если я не могу перелезть через забор, то пройду сквозь него.

Я вытащила из машины болторез, пользоваться которым оказалось куда сложнее, чем я думала. А еще он был тяжелым и громоздким. Какого черта? В фильмах все кажется проще простого. Как куст азалии обкорнать. А мне явно предстояло потрудиться. Надо было взять с собой перчатки. Моим рукам тут точно не поздоровится.

Сделав наконец проем, в который можно было пролезть, я сунула в него голову и тут же поняла, что на острых обрубленных краях крепкой проволоки остались мои волосы и уйма других образцов ДНК. Ну блин! Все шло совсем не так, как я планировала. В конце концов протиснувшись сквозь забор (что навеяло мне мысли о том, как я появилась на свет), я нашла окошко, которое вело в подвал и которое я никогда не запирала на замок. Зато сейчас оно оказалось очень даже запертым. Я бы воспользовалась ключом, но кто-то, судя по всему, сменил все замки, которые сумел отыскать. Кем бы ни были эти «Ч&Р Индастриз», они дорого заплатят за мою кровь на их заборе.

Вытащив фонарик, я пошла по лестнице весьма сомнительной устойчивости.

Вдруг в луче света появилась Сахарная Слива. Слива, она же Бекки Тафт, она же младшая сестра офицера Дэвида Тафта, которая умерла, когда ему было одиннадцать, а ей — девять, была невозможно прелестной девочкой, которая, ей-богу, могла бы преподавать парочку уроков папаше Рейеса. Я назвала ее Сливой, потому что на ней была пижама в сахарных сливах, в которой она умерла. Подбоченившись, она стояла передо мной. Светлые волосы спутанными прядями спадали на спину. Я всегда думала, что, если бы любила детей, Слива бы мне понравилась. Ну ладно, скорее всего нет, но думать не запретишь.

— Привет, милашка, — сказала я. — Где Рокет?

— Прячется.

— Ох, ну и нравится же ему эта игра!

— Нет, он из-за тебя прячется. Ему надо тебе что-то показать. — Она смерила меня обвиняющим взглядом.

Я едва сдержала смех.

— Что показать?

— Что-то на стене. Он боится, что ты на него рассердишься.

— Правда? Ну все, стораю от любопытства.

И тут меня осенило. А вдруг там мое имя? Вдруг болторез как-то выскользнул, я нечаянно перерезала себе горло и истекла кровью, а сама об этом даже не догадываюсь? Вот был бы отстой.

— Можно я расчешу тебе волосы? — спросила Слива, показывая мне дорогу и с каждым шагом вертясь, как юла.

Дети, блин. И жить с ними не вмоготу, и на обед не съесть.

До меня почти сразу дошло, о чем она просит.

— Нет! — завопила я и, с трудом подавив вспышку бешеного страха, заговорила спокойнее: — Нет, милая. Как-нибудь в другой раз.

Но было уже поздно. Она остановилась, скрестила на груди маленькие ручки и заскулила, как щенок. Именно этого мне и не хватало — чтобы меня днем и ночью преследовала и мучила разобиженная Слива.

— Ну ладно, хорошо. Можешь расчесать меня, когда я найду Рокета. Но никаких ножниц! Я в курсе, что ты со своими куклами сотворила.

Она оскорбленно ахнула:

— Я так только с плохими куклами поступала!

О да, она целиком и полностью в своем уме.

Рокета мы нашли в одной из палат стационара. Конечно же, это самая жуткая часть лечебницы.

— Привет, Рокет, — поздоровалась я, потихоньку приближаясь к нему.

Он сидел в углу, свернувшись в клубок. Похоже, в последнее время у меня шикарно получается скручивать людей в узлы.

Я присела рядом с ним и осторожно коснулась его плеча:

— Что случилось?

Рокет покачал головой и совсем ссутулился. Таким я его еще никогда не видела.

— Ага, что случилось? — повторила за мной Слива и ткнула в Рокета палкой.

Он успел отмахнуться.

— Слива! — укоризненно сказала я. — Не тыкай в Рокета. Святой ежик! Где его сестра?

Сестру Рокета звали Синяя Незабудка. Понятия не имею, откуда у нее такое имечко. Видела я ее всего один раз. Крошечный ангелочек, короткое каре и комбинезончик.

Слива пожала плечами и опять собралась ткнуть Рокета.

Я отобрала у нее палку.

— Ты, кажется, хотела меня расчесать.

— Ой, да! Хотела! И хочу-хочу! — Она помчалась куда-то в коридор. Наверное, за расческой.

— Ну ладно, Рокет, что тебя беспокоит? — Он снова покачала головой, и я решила подобраться к нему через соблазн: — В следующий раз я принесу тебе минералку. — Рокет прикусил губу, и я пошла ва-банк: — Виноградную.

— С зонтиком? — спросил он.

Когда я в прошлый раз принесла ему минералку, я сунула в бутылку зонтик, оставшийся с гавайской ночи в «Вороне».

— С зонтиком, — пообещала я.

Он поерзал, прислонился спиной к стене и положил ладони на согнутые колени.

— Хорошо, но вы рассердитесь.

Вернулась СС с щеткой, которую она отыскала одному Богу известно где.

— Сядь на попу, — велела она. — И не дергайся. У меня тут работы непочатый край.

Я уселась и, стаскивая с волос резинку, наградила Сливу мрачным взглядом:

— Нормальные у меня волосы.

— Знаю, — сказала она, как будто извиняясь. — Выглядят не так уж плохо, просто по-дурацки.

Что ж, теперь мне все стало ясно. Когда в следующий раз пойду к своему парикмахеру, обязательно передам ей эти слова. Может быть, она сумеет объяснить, почему мои волосы выглядят по-дурацки.

Я повернулась спиной к Сливе и постаралась не дернуться, когда она приступила к расчесыванию. Она со всей дури провела по волосам щеткой от макушки до самых кончиков, и я поняла, что остается только одно — надеяться, что под конец у меня останется хоть парочка локонов прикрыть лысину.

Меня всегда немного поражали умения Сливы. Далеко не все призраки могут передвигать предметы, не говоря уже о том, чтобы брать их в руки и использовать по назначению. Мне кажется, Слива умела это только потому, что никто не сказал ей, что уметь этого ей не положено, а ей самой такое и в голову не приходило.

С трудом пережив очередное прочесывание по корням волос, я заметила маленькую ладошку, торчавшую из стены рядом с Рокетом. Это была Незабудка. Она держалась за плечо брата, словно боялась меня. Или боялась за него.

— Рокет, почему ты считаешь, что я рассержусь?

— Потому что.

— Разве я на тебя хоть когда-нибудь сердилась?

— Нет, мисс Шарлотта, но однажды вы расстроились.

— Хорошо, я постараюсь не расстраиваться.

К этому моменту кожа у меня на черепе просто горела. Слива чесала, царапала и драла, и, видимо, всерьез вознамерилась снять с меня скальп, потому что там наверняка уже открылось нешуточное кровотечение.

— Так что случилось? — снова спросила я у Рокета.

— Я должен вам показать, мисс Шарлотта.

Незабудка потянула его за руку, как будто хотела протащить его вместе с собой сквозь стену.

— Все хорошо, Незабудка. Она принесет нам виноградную минералку с зонтиком.

Рокет показал пальцем куда-то мне за голову, я повернулась и увидела, как Слива резко рванула внушительную прядь.

— Ай! — Я схватилась за волосы и выдернула их у нее из руки. — Святой ежик, Слива!

— Ты пошевелилась. — Она одарила меня таким взглядом, будто я неисправимая идиотка.

Мне удалось получше рассмотреть щетку.

— Где ты ее взяла?

Она была странной формы с грязными щетинками вокруг сломанной пластмассовой ручки.

— В подсобке.

Я знала только одну щетку, которая могла так выглядеть.

— Боже милостивый! — завизжала я, вскочив на ноги. — Это же ершик для унитаза!

Она пожала плечиками:

— Ну и что?

— Слива, это омерзительно! — Я начала прочесывать волосы пальцами, пытаюсь вычистить из них грязь. Может быть, в Развалюхе осталось немного лизола или

дезинфицирующего средства для рук.

— Да плевать, — отозвалась она, и мне пришлось напомнить себе, что она умерла в девяностые, на самом пике навсеплевательной революции. Ее словарный запас очень отличался от словарного запаса Рокета, умершего в пятидесятые.

Успокоившись, я посмотрела туда, куда показывал Рокет, подошла к стене и нервно сглотнула. Мне и за всю жизнь здесь не разобраться. Я честно старалась найти имя, которое он хотел мне показать, но на стене, как всегда, было полно имен. Трудно было различить, где заканчивалось одно и начиналось другое.

— Чуть-чуть дальше, — подсказал Рокет.

Я шагнула в сторону и увидела имя, нацарапанное на пустом пространстве стены, отдельно от остальных. В глаза бросились буквы «у» и «о», я подалась ближе, чтобы рассмотреть последнее из трех написанных слов. Фэрроу. Я задрожала, нырнула с головой в умиротворяющую стадию отрицания и сделала еще один шаг. Александр. Я застыла. Из легких будто выкачали весь воздух. Я рассмотрела каждую букву, пока не остановилась на первом имени. Больше десяти лет я знала только это имя. Имя, которое значило для меня невыразимо много.

Прекрасный.

Дикий.

Опасный.

Неукротимый.

— Вы сердитесь, мисс Шарлотта?

Имя расплывалось перед глазами, а я снова и снова повторяла его, перекатывала на языке, пробовала на вкус каждый звук, давала ему срываться с губ. Рейес. Рейес. Рейес.

— Вы расстроились?

Краем глаза я увидела Незабудку. Она прошла сквозь стену и пыталась утащить с собой Рокета.

— Не понимаю, — сказала я в полнейшем недоумении. — Я же только что его видела. — Я повернулась к Рокету, чувствуя, как во мне разгорается гнев. — Он не умер. Я только что его видела.

Глядя на меня огромными глазами, Рокет медленно встал на ноги.

— Чарли, прекрати, — отчитала меня Слива. — Ты пугаешь Незабудку.

— Он не умер, — повторила я Рокету.

— Пока нет, — покачал головой Рокет. — Пока нет, мисс Шарлотта.

Даже не успев подумать, я оказалась перед ним и схватила за грязный воротник рубашки. Чтобы он не испарился, как любит это делать в самый неподходящий момент.

— Когда? — спросила я, точно зная, каким будет его ответ.

Он пытался заговорить, открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба, но я слишком его перепугала.

Я подтянула его к себе, пока не соприкоснулись наши носы, и спросила еще раз:

— Когда?

— Не когда. Не как. Только кто. Нельзя нарушать п-правила.

Я взяла себя в руки и сказала, четко проговаривая каждую согласную, чтобы до него наверняка дошло:

— Я разорву твою сестру пополам.

— Несколько дней, — ответил Рокет, и слезинка покатила по его щеке. Его трясло. —

Ему осталось несколько дней.

— Почему? Что произойдет?

Он молчал, поэтому я, не отрывая от него взгляда, схватила свободной рукой Незабудку за комбинезон. Она не сопротивлялась, только продолжала цепляться за его ногу, зато Рокет наконец-то меня понял.

— Ему будет плохо, — ответил он и закрыл глаза. Его веки трепетали, потому что сейчас он всматривался в сверхъестественный мир. — Но это не настоящая болезнь. Не человеческая. У вас нет выбора.

— Что? Что значит — у меня нет выбора?

— Вы... Вам придется его убить. Вы не виноваты.

С чего бы мне убивать Рейеса? Не буду я его убивать. Не буду, и точка. Но судя по всему, что-то должно меня к этому привести.

— Как мне это остановить? — прошипела я сквозь зубы.

Рокет вернулся в реальность и посмотрел на меня ясным взглядом.

— Никак, мисс Шарлотта. Это нарушение правил. — Я опустила голову, уставилась на него исподлобья, и он добавил: — Нельзя нарушать правила.

— Чарли, я все брату расскажу, — пригрозила Слива. Она стояла рядом со мной, уперев руки в бока, и сверлила меня до смешного сердитым взглядом.

— Но это возможно? — спросила я у Рокета.

— Возможно, но вам придется нарушить правила. Тогда случится что-то плохое.

— А мне до лампочки.

Я толкнула его в стену, не в силах справиться с бушующей во мне яростью, и помчалась на улицу. Пробравшись через дырку в заборе, я залезла в Развалюху, едва дыша. Лицо было мокрым от переполнявших меня чувств и сожалений. Что же я натворила?

Яростно вытерев щеки, я уехала, понимая, что теперь у меня намного больше вопросов, чем когда я приехала. Я не могу его потерять. Не могу потерять Рейеса. И у меня не было ни малейшего желания его убивать. Так что можно считать вопрос решенным. И все-таки что-то могло привести меня к такому невообразимому выбору. Но что?

Я не знала, готова ли сейчас встретиться со всеми своими гостями. Я вышла из себя. И не с кем-нибудь, а с Рокетом. С самой мягкой и доброй душой, какую когда-либо знала. Я угрожала его младшей сестре, пятилетней девочке, которая всегда держалась в тени и пряталась в темных углах как раз от таких людей, как я. Чтобы угрожать ей, нужно иметь особые яйца. Я должна собой гордиться, ведь я запугала умственно отсталого человека и пятилетнюю девочку.

Плюс, если верить Рокету, я вот-вот потеряю единственного мужчину, которого любила за всю свою жизнь.

Лучшее (и единственное) место, где я могла разобраться с мыслями и найти необходимые ответы, — это мой офис. Туда я и отправилась.

В баре плюнуть негде было от посетителей. Опять. В субботу вечером это не то чтобы жуткая странность, но, как и в последние несколько дней, зал был напичкан под завязку. К

тому же сегодня было намного больше копов, чем обычно. Ну ясно: вспышка женской активности приманила охотников. Был тут и офицер Тафт, старший брат Сливы. А меньше всего на свете мне хотелось рассказывать ему, как я только что угрожала расправой двум самым замечательным людям из всех когда-либо существовавших на земле прямо на глазах у его сестры. Слива может быть какой угодно доставучей, но мое поведение было непростительным. Мало того, я понятия не имела, какая муха меня укусила. Я ведь слетела с катушек за считанные секунды.

Чтобы не нарваться на Тафта, я прошла мимо столика, за которым заметила знакомое лицо. Джессика тоже была здесь. Снова. Какого черта? Сворачивать было поздно. Она бы сразу поняла, что я ее избегаю. Короче говоря, выбора у меня не было — пришлось пройти прямо в шаг от нее.

Заметив, что я тороплюсь, Джессика ухмыльнулась. Ну что ж, сегодня совсем не подходящий день со мной связываться. Я остановилась и шагнула назад, оказавшись с ней лицом к лицу.

— О! Привет, Джесс! — широко улыбнулась я и пропитала голос такой сладостью, что впору было сменить имя на Сплэнда^[19].

Она удивленно моргнула, а потом смерила меня настолько презрительным взглядом, что буквально напросилась на отменную пощечину, но я сдержалась.

— Чего тебе надо? — спросила Джессика, и подружки вокруг нее тут же захихикали.

Ну вдохновляет же, ей-богу.

— Я так о тебе беспокоилась! Хламидиоз с герпесом, которыми тебя наградили в школе, — это ведь не шутки. Хотела убедиться, что ты занимаешься безопасным сексом.

У нее отвисла челюсть. Причем надолго — до подружек успело дойти, что я не лгу. А она молодец, сама подтвердила мои слова. Как-нибудь пришлю ей благодарственную открытку.

— Так как? Ты в порядке? — спросила я, глядя, как она заливается чудесным алым оттенком.

— Нет у меня герпеса, — процедила Джессика, смущенно глядя по очереди на каждую из подружек. — И я знаю, что ты здесь делаешь. Можешь сразу умыть руки.

О'кей, тут я немножко растерялась. Что я здесь делаю? А, ну да.

— Я здесь работаю. Это бар папы, а наверху мой офис, — я ткнула пальцем в сторону балкона, с которого открывался вид на зал. — А вот что здесь делаешь ты?

— А то ты не знаешь, — фыркнула она.

Черт возьми, опять подловила. Что я, блин, пропустила? Я осмотрелась в поисках хоть каких-нибудь подсказок, потому что именно так и поступают частные детективы.

И ничего не заметила. Хотя, конечно, делиться с ней наблюдениями не собиралась.

— Ну ладно, было весело. Из трусов не вынимайте, дамочки, — улыбнулась я, пошевелила пальцами и ушла с таким достоинством, на какое только была способна. Терпеть не могу быть не в курсе событий. Все равно что оказаться единственным ребенком без Хбох во дворе.

Я поднялась по лестнице, перешагивая через ступеньку, и заперла за собой дверь в офис. Мне не давали покоя мысли о том, что я наделала. Не с Джессикой, а с Рокетом и Незабудкой. Все еще дрожа, я села за свой стол, закрыла лицо руками и попыталась успокоиться.

Как мне все исправить? Как вернуть дружбу с Рокетом и Незабудкой? Я только-только с

ней познакомилась, а теперь она считает меня страшным чудовищем. И какого, блин, черта тут забыла Джессика? Меня это просто бесило. Знаю, зрелым мое поведение назвать нельзя, но меня просто до ручки доводило, что она постоянно здесь торчит.

Я включила компьютер и проверила, не осталось ли у Бунна кофе. Хватило как раз на одну чашку, так что я сунула ее в микроволновку, добавила туда всего, что полагается, и занялась делом. Мне были нужны ответы. В первую очередь надо узнать, кто выкупил лечебницу. Не будь сегодня суббота, я бы съездила в суд и все разузнала, но, может быть, мне удастся что-нибудь откопать в интернете. Я запускала один поиск за другим, но без толку. Зато наткнулась на пару крутых сайтов, посвященных призракам в этой психушке. Там говорилось о том, что люди видели через камеры светящиеся пятна и находили предметы не там, где их оставили. Если бы они только знали!

Как бы то ни было, больше всего по поводу Рокета меня беспокоило, что компания, купившая дурдом, захочет его снести. Куда в таком случае деваться Рокету? Мои стены просто-напросто не переживут нашествия Рокета и его знаний. Мне необходимо было выяснить планы новых владельцев лечебницы. Если в обозримом будущем они и правда собираются снести здание, нужно будет придумать, куда перевезти Рокета. Но этот шаткий мост я перейду, когда до него доберусь.

Так ничего и не обнаружив, я сидела, пила кофе и думала обо всем на свете. О Николетте, которая оказалась вовсе не мертвой. О женщинах у меня в квартире. О том, что Ким Миллар почти наверняка и есть наш поджигатель, и что Рейес вряд ли обрадуется, когда я сдам его сестру. Должен быть другой выход.

На задворках сознания зудела еще одна мысль. Пытаться думать о чем угодно, лишь бы не о том, что у Рейеса осталось всего несколько дней, было все равно что не обращать внимания на слона в тесной комнате. Он может умереть. Нет, не так. Дата смерти уже практически назначена. Сделав глубокий вдох, я приняла решение. Когда придет время, я сделаю все, чтобы этого не допустить. Он не умрет, и точка. Уж точно не в мое дежурство.

Поскольку прямо сейчас я ничего не могла с этим поделать и понятия не имела, куда бежать и кому падать в ноги, я сосредоточилась на Ким. У меня был крошечный, но все-таки шанс ей помочь. Вот только как?

Через два часа умственных мучений я вышла из офиса и спустилась по наружной лестнице. С моим везением Джессика со свитой наверняка была еще внизу. И в курсе событий. То бишь именно там, где не было меня. И я уж точно была не в настроении, чтобы мне об этом напоминали. Я обошла бар, направляясь к своему дому, который стоял сразу за баром, и еле дотащилась до своего этажа. Там, наверху, меня встретил Мертвый Дафф. Увидев круглые очки и бейсболку задом наперед, я, несмотря ни на что, не смогла не улыбнуться.

— Привет, Ч-Чарли.

— И тебе привет. Как Пипи? — поинтересовалась я благополучием Принца Филиппа — шизанутого пуделя миссис Аллен.

Дафф нахмурился, но тут же взял себя в руки:

— У Пипи все путем. С ним никаких п-проблем.

— Правда? А с кем проблемы?

— С миссис Аллен. Кажется, она не очень-то в с-своём уме.

— Да неужели? Она считает, что ее пудель королевских кровей. Насколько, по-твоему, она в своем уме?

— И то правда. Короче, я решил п-переехать.

На моей двери висела записка:

«Готова ко второму раунду?»

Я прикусила щеку, сорвала записку и поднесла ее к губам. Искоса глянув на дверь Рейеса, я проямлила:

— С логикой не поспоришь.

— Наверное, перееду сюда, — Дафф указал на квартиру Куки.

— Ох ты ж... — обалдела я. — Ну ладно, но только если будешь шпионить за Кук и обо всем мне докладывать.

— За Кук? Куки? За твоей п-подругой, которая тогда в бар приходила?

— Ага, за ней. Она меня беспокоит. Что ты знаешь о женской моде?

— Не много, но, н-наверное, могу порасспрашивать. Если только... ну знаешь... вдруг у тебя найдется свободное м-местечко...

Боже мой! Он просит переехать ко мне? Надо было сразу догадаться, что единственный парень, которому захочется со мной жить, будет мертвецом.

— Видишь ли, у меня сейчас полный дом гостей. — Я распахнула дверь, чтобы наглядно продемонстрировать свои слова.

Увидев столпотворение, Дафф вздрогнул. Мне оставалось только радоваться, что все эти женщины по-прежнему здесь, а не ушли побродить черт знает где. Я бы их в жизни не собрала в одном месте.

И кстати, их было больше, чем раньше. Может, я тоже заночую у Куки.

Нет. Хватит убегать. Надо попытаться хоть что-нибудь узнать у этих женщин. Наверняка хоть одна из чертовой дюжины даст мне намек на то, что происходит. Блин, я была не в курсе даже тех событий, которые происходили в моем собственном доме.

— П-понимаю. Может, я пока п-пойду погуляю где-нибудь.

— Слушай, а ты можешь с ними поговорить? — попросила я. — Вдруг узнаешь, что происходит?

Однако его взгляд был прикован к мистеру Вонгу. Дафф нахмурился, а через полсекунды его глаза прояснились, словно он кого-то узнал.

— Эм-м, н-нет. Н-наверное, не п-получится.

Я не могла не заметить, что заикаться он стал сильнее.

— Ты его знаешь? — опешила я.

— Ч-что? К-кого? Его? Н-нет. Я п-понятия н-не имею, к-кто это.

Я взяла его за руку.

— Дафф, кто он такой?

— Я... м-мне п-пора.

Неужели он боялся? Или просто был удивлен?

— Дафф, погоди. — Я выронила сумку и наклонилась ее поднять, но для этого мне пришлось отпустить его руку. И он, к моему большому огорчению, исчез.

Я вошла в квартиру, заперла за собой дверь и смерила мистера Вонга взглядом.

— Ну ладно, мистер. Кто же ты на самом деле такой?

Он и ухом не повел. Как всегда. Но откуда Дафф его знает? Мистера Вонга любителем тусовок не назовешь.

Я раздумывала, не нанести ли визит моим благообразным и приличным соседям. По своему Куки была благообразной и приличной, но думала я не о ней, а о Рейесе. Однако я не знала, как ему сказать о Ким и о том, что мне предстоит сделать. К тому же он должен умереть. Когда придет время, я найду способ нарушить правила, какими бы они ни были. А до тех пор было ужасно приятно знать, что он так близко.

Похоже, мне предстояло спать в компании красивой азиатки. Она сидела в углу кровати лицом к стене. Ноги на полу. Руки сложены на коленях. Отстраненный взгляд. Может быть, это неправильно — пытаться хоть немного поспать, когда вокруг все эти женщины, но сейчас я просто-напросто не знала, чем им помочь. Встав на колени, я заглянула под кровать. Фея все еще была там и смотрела на меня огромными синими глазами. И тут меня осенило: только она смотрела прямо на меня. Только она меня по-настоящему видела.

Мало того, фея была намного младше остальных. Мне показалось странным, что серийный убийца, выбиравший жертвами женщин постарше, вдруг взял и убил ребенка. Как знать, может быть, фея случайно попала ему под руку. Или со временем его жертвы становились все моложе и моложе.

— Привет, солнце.

Она отшатнулась от меня с затравленным видом, перебирая руками и ногами, как жучок в тесном пространстве.

— Сладких снов.

В конце концов я залезла в постель, обдумывая произошедшие за день события, и положила ладонь на стену, разделявшую наши с Рейесом квартиры. Наши спальни. Обжигающий и в то же время успокаивающий жар просочился сквозь стену. Ласковое тепло впиталось в мою ладонь, прошло по руке и разлилось по всему телу. Уснула я, думая только об одном. О Рейесе Фэрроу.

— Довожу до твоего сведения: я пропускаю марафон «Сверхъестественного», — заявила Куки на следующее утро, когда пришла выпить со мной кофе.

— Это ради твоей же пользы, Кук. Четверо из пяти экспертов утверждают: безопасное ношение оружия важнее услады для глаз.

— А эти твои эксперты хоть раз в жизни видели Винчестеров? Существование Сэмми и Дина доказывает, что бог есть и он — женщина.

Я рассмеялась, хотя не могла с ней не согласиться.

— Это чистая правда, — Куки нахально изогнула бровь. — Я на постере прочла.

— Тогда точно правда. Что у вас сегодня по плану?

— Сегодня мы идем на стрельбище, но потом вернемся в класс. Ты была права. Нони потрясающий. И у него есть несколько обалденных историй.

Мне захотелось ее предупредить:

— Сегодня ты столкнешься с кое-какими трудностями. Просто слушай его внимательно

и честно отвечай на вопросы. Насколько мне известно, Нони за все время отказался подписывать разрешение только двум ученикам. Потому что они... ну... уж слишком рьяно обучались. Думаю, с тобой такого не случится.

— Кстати о трудностях. О чем он сегодня будет спрашивать?

— Он попросит вас не врать самим себе. Будет говорить о таких вещах, как сожаление. Если тебе когда-нибудь придется вытащить пистолет и кого-нибудь убить, как ты будешь себя чувствовать?

— Не знаю, никогда об этом не задумывалась. Да и вряд ли мне действительно придется в кого-нибудь стрелять.

— На самом деле все просто. Если тебе придется достать пушку, чтобы защитить того, кого ты любишь, ты не будешь испытывать никаких сожалений. Но если ты выстрелишь в человека, чтобы защитить саму себя, то, как бы дико это ни звучало, почти наверняка захлебнешься чувством вины.

— С чего бы мне чувствовать себя виноватой, защищая саму себя?

— Тут замешана наша душа. Или что-то в генетическом коде. Точно не знаю. Наверное, у нас в ДНК есть какая-то хромосома, которая не дает нам применять силу, когда нужно себя защитить, если есть другой выход. Как всегда и бывает с людьми, мы ставим себя на второе место, а в результате изводимся от того, что убили парня, который хотел порешить нас топором. — Я пожала плечами. — Вроде бы глупость, но так и есть.

— У тебя до сих пор «гости»?

— Ага. Как ты узнала?

— Тут холодно.

— Ну прости, мертвые такие невежливые!

В дверях появилась голова Эмбер.

— Можно к нам придет Квентин?

— Нет! — в унисон заорали мы с Куки.

— Почему? Ему до вечера не нужно возвращаться в школу.

Куки изобразила строгую материнскую физиономию:

— Никаких мальчиков у нас дома, пока меня нет, Эмбер.

Закатив глаза, как могут только двенадцатилетние, Эмбер закрыла дверь.

— Так ты мне скажешь, что она вчера показала? — спросила Куки.

— Поверь мне, тебе очень-очень не хочется это слышать.

Она поежилась:

— Ужас, да?

— Хуже. Скажем так, вполне вероятно, скоро нам придется посадить ее на таблетки.

— Ничего себе!

— Или так, или нам стоит подать заявление на ее учительницу за сексуальные домогательства. Минуточку, а откуда Эмбер знает, что Квентину не надо возвращаться в школу до вечера?

— Видимо, они переписываются эсэмэсками.

— Ясно. — Что ж, Квентина понять можно. Но ему шестнадцать, а Эмбер всего двенадцать. Да, она высокая и необычайно красивая, но двенадцать и в Африке двенадцать. Придется кое-что предпринять. Например, выписать парочку смертельных угроз в нужное время, чтобы Квентину не пришлось в голову зайти дальше. — Думаю, все в порядке, пока в эсэмэсках нет намека на короткое слово на букву «с».

*Цель моей жизни — чтобы какое-нибудь
психическое расстройство назвали в мою честь.*

Надпись на футболке

Несколько раз я пыталась дозвониться Джемме, потом плюнула на это дело и отследила ее телефон. Естественно, незаконно. Приложение утверждало, что она у себя в офисе. Это могло бы объяснить, почему она мне не отвечала, но по воскресеньям у Джеммы никогда не было встреч с клиентами. А вдруг она попала в беду? Так ей и скажу, когда она взбесится, что я незаконно отследила ее сотовый. А она точно взбесится.

Само собой, ее «бумер» был припаркован позади здания. Я остановилась перед главным входом возле белого пикапа «GMC», заметила разбросанные по салону машины пакеты и вошла в здание с помощью ключа, которым завладела тоже незаконно. Не стоило Джемме давать мне ключ, когда она болела воспалением легких. Неужели она не догадывалась, что я обязательно сделаю себе копию? Едва ли на меня можно повесить ответственность за мои собственные действия, когда все вокруг только и делают, что дают мне уйму возможностей оправдать самые худшие ожидания.

Дверь в секретную лабораторию Джеммы, где она копается в чужих мозгах, была закрыта, поэтому я уселась в приемной с журналом и стала ждать. Через несколько минут она вышла из кабинета и, увидев меня, обалдела.

— Чарли, что ты здесь делаешь? — спросила она, закрывая за собой дверь.

— Пришла задать тебе несколько вопросов. — Я глянула на закрытую дверь в кабинет. — А ты что здесь делаешь?

— Это мой офис. — Джемма сдвинулась, загородив мне обзор. — Как ты узнала, что я здесь?

— GPS. Отследила твой телефон. Такой лабудой и занимаются частные детективы. Нам это раз плюнуть.

— По-моему, это очень и очень неправильно.

— А по-моему, наоборот. Почему ты торчишь здесь в воскресенье?

— У меня встреча с клиен...

Не успела она закончить, как дверь снова открылась, и в приемную вышел высокий широкоплечий мужчина с песочного цвета волосами. Если судить по форме, он был копом.

— Чарли, это офицер Пирс.

Он протянул мне руку, и я тут же вспомнила его по трем шрамам на лице. Он стал копом приблизительно тогда же, когда я закончила колледж. В то время я помогала дяде Бобу с одним делом, а Пирс был новобранцем.

— Чарли, — поздоровался он, демонстрируя прекрасные манеры, — приятно познакомиться.

— Вообще-то, мы уже встречались. — Я пожала ему руку и поняла, что он не так-то прост. Под внешним спокойствием бурлило что-то серьезное.

Уголок его рта приподнялся, сморщив шрамы. Два из них отчетливо виднелись прямо под левым глазом, третий шел вдоль челюсти. Словно его поцарапало какое-то животное. И поцарапало глубоко, потому что шрамы, судя по всему, остались навсегда.

— Не думал, что вы помните.

— Помню. Вы тогда были новобранцем.

— Так точно, мэм. Мы работали над одним делом.

Убили целую семью, и дядя Боб вызвал меня на место преступления.

— Это была трагедия.

Пирс опустил голову, как будто на него вдруг нахлынули воспоминания, а потом взглянул на Джемму:

— Увидимся на следующей неделе?

— Конечно. На следующей неделе.

Мне показалось, что Джемма нервничает. Неужели он ее напугал?

— И, — сказала она вдогонку Пирсу, который уже подошел к выходу, — подумайте о том, о чем мы говорили.

Он бросил на меня взгляд, будто я услышала нечто, не предназначенное для моих ушей.

— Обязательно, доктор.

После того как он ушел, Джемма проводила меня в свою секретную лабораторию. С максимальным удобством я развалилась на кушетке.

— Кофе хочешь? — спросила Джемма.

— Ты еще спрашиваешь?

— И то правда. — Она пошла к крошечной кухоньке. — Так зачем ты приехала? С доктором Ромеро все в порядке?

— Само собой. — Я выпрямилась и наградила сестру убийственным взглядом. — А что с ней могло случиться?

— В смысле?

Так-так, уклоняется от ответа. Она вручила мне чашку, и я ее взяла, продолжая сверлить Джемму своим фирменным взглядом.

— Что ты ей рассказала?

Она так резко отвернулась, что расплескала кофе.

— Ничего, а что?

— А то, что она, похоже, знает обо мне непростительно много.

Плечи Джеммы напряглись. Когда она снова повернулась ко мне, я как раз отпивала кофе, поэтому мне пришлось смотреть на нее все тем же взглядом поверх чашки и надеяться, что вид у меня не самый глупый на свете.

— Я сказала ей только то, что ей нужно знать, чтобы иметь возможность тебе помочь.

Я отодвинула чашку.

— А именно?

Джемма пожевала губу.

— Я ей сказала, что ты сверхъестественное существо с кое-какими способностями. И что ты можешь ими воспользоваться, чтобы ее отпугнуть. — У меня отвисла челюсть, и сестра поспешила добавить: — Не переживай. О том, что ты ангел смерти, я даже не заикнулась.

— Джемма! — страдальчески прохныкала я. — Теперь-то мне уж точно ее не отпугнуть. Нельзя рассказывать обо мне каждому встречному.

Она села рядом со мной.

— Нет, все прекрасно. У нее связаны руки врачебной тайной. Она никому ничего не скажет.

— Пока не посчитает меня опасной.

— Верно. Но этого не будет. Я ей говорила, что ты помогаешь людям и никогда в жизни намеренно не причинишь вреда невинному человеку.

— О да, меня прямо-таки отпустило. Так почему ты сидишь здесь в воскресенье?

— Иногда ко мне записываются сотрудники городских служб. Приходится подстраиваться под их расписание.

Ну точно, она что-то скрывает. Я прямо чувствовала, как рябит вокруг нее воздух.

— А еще я подумала, что разберу кое-какие документы, — добавила она.

— Ты его боишься?

Джемма изумленно уставилась на меня.

— Офицера Пирса? Нет. А что?

Так я ничего не узнаю.

— Ладно. С кем ты встречаешься?

— Чего? Ни с кем я не встречаюсь.

— Джем, — я так закатила глаза, что чуть не наградила себя припадком, — врать мне бесполезно.

Она отставила чашку и ткнула в меня пальцем:

— Это апогей несправедливости. Ты мухлевала даже в детстве!

— Мухлевала?

— Еще как. Ты не должна пользоваться своими силами каждый раз, когда тебе в голову взбредет.

— Я и не пользуюсь. У тебя на запястье нарисован знак бесконечности.

Джемма залилась краской:

— Ой.

— Ты так делаешь, только когда с кем-то встречаешься.

Эту привычку она подхватила еще в младших классах. Довольно быстро я поняла, что она рисует перевернутые «восьмерки», когда тайно влюблена. Поверить не могу, что эта дурацкая привычка никуда не делась. Если память меня не подводит, Джемме около тридцати. Кто в таком возрасте занимается подобной ерундой? С самым беззаботным на свете видом я прикрыла нарисованные ручкой на костяшках пальцев буквы «Р-Е-Й-Е-С».

— Вовсе нет. Я подумываю сделать татуировку. Знак бесконечности. — Я только поджала губы, и Джемма сдалась: — Проклятье. Я с ним не встречаюсь. Но хотела бы.

— Бедняжка. Безответная любовь — редкий отстой. Так кто этот таинственный идиот, у которого явно нет никакого вкуса, раз он до сих пор не пригласил тебя на свидание?

— Никто. И я не собираюсь тебя с ним знакомить. Никогда.

Я прижала к груди руку:

— Ты меня стесняешься?

— Да.

— Нет. — С обреченным выражением лица я потянулась к Джемме. — Ничего от меня не скрывай. Правда меня не убьет.

— Я тебя стесняюсь, — четко проговорила Джемма, усевшись за стол и вороша бумажки.

— Выкладывай как есть.

— Мне стыдно иметь такую сестру.

Я крепко зажмурилась:

— Ради любви к яблочному пюре, Джем, не жалей мои чувства.

— Я в ужасе, что нас с тобой произвела на свет одна и та же утроба.

— Так кто этот коп? — спросила я, снова отпивая кофе.

Джемма отложила документ, который держала в руках.

— Я думала, ты его знаешь.

— Видела разок. В дождливую ночь. Наша любовь не знала границ целых пять минут. А потом словно испарилась. Как и мой счет в банке.

На губах Джеммы заиграла слабая улыбка.

— Неужели не обратил на тебя внимания?

— Вообще. Хотя я маячила перед самым его носом. Даже спрашивала, который час. Что ты можешь о нем рассказать?

— Ничего.

— Откуда у него эти шрамы?

Наконец она восприняла меня всерьез:

— Чарли, я не могу обсуждать клиентов.

— Святой ежик! Да я всего лишь поддерживаю разговор. К тому же мне казалось, что он переехал в Монтану или еще куда.

Джемма наградила меня сердитым взглядом. Будь у меня таблички с оценками, я бы поставила ей восемь с половиной и высший балл за идеальное исполнение.

— Зачем ему понадобилась терапия?

Джемма глубоко-глубоко вздохнула:

— Раз уж в интернете ты об этом ничего не найдешь, скажу. На месте преступления он попал в перестрелку, в которой погиб невинный человек.

— А-а, да, что-то помню. Откуда у него шрамы?

— Не знаю.

Она лгала. Ну и ладненько.

— Короче говоря, у меня проблема.

— Всего одна? А ты случайно не приукрашиваешь действительность?

— У меня в квартире полно мертвых женщин, которых, похоже, задушил серийный убийца.

Джемма застыла.

— Все они блондинки, — продолжала я, — но разных рас. Плюс все разного возраста. — Джемма не занималась составлением профилей преступников, поэтому вдаваться в подробности я не стала. — Но все они просто в ужасе. Мне нужно знать, как до них достучаться. Пока они в таком состоянии, я даже спросить их ни о чем не могу. Они не отвечают.

— Как они себя ведут?

— Как психи из дурдома в том фильме, на который нам с тобой удалось попасть в младших классах.

— Вот дерь... Серьезно?

Как ни старалась Джемма, на лице все равно отразился страх, когда она вспомнила фильм. С тех пор она уже никогда не была прежней, а мне повезло — пугать ее до чертиков

стало проще простого.

Она попыталась продолжить говорить, но не получилось. Несколько раз откашлялась и наконец выдавила:

— И сколько их?

— Около двадцати. Точно не знаю. С каждым разом их все больше и больше. Все они подавлены и страшно напуганы. Некоторые, похоже, в ступоре от шока. Но среди них есть одна девочка, лет семи...

— Семи? — пискнула Джемма. Ее лицо превратилось в маску неизбывного горя.

— Ага, представляешь? Серийные убийцы просто конченные козлы. В общем, только она смотрела мне в глаза. Все остальные никак не идут на контакт. Кроме разве что той, которая всю ночь держала меня за ногу. Я так замерзла, что чуть коньки не отбросила.

Джемму затрясло от ужаса.

— То есть тебе нужно узнать, что с ними случилось?

— Да. И еще выяснить, почему они ко мне пришли.

— Ты же ангел смерти.

— Так ведь никто из них вроде бы и не собирается через меня переходить.

— Думаю, тебе надо сосредоточиться на девочке, которая на тебя смотрела. Детский разум более гибкий, чем взрослый. И может исцеляться сам по себе, чего о нас не скажешь. Может быть, тебе удастся до нее достучаться.

— Поняла, сосредоточусь на девочке. Но что именно мне делать? Она как жучок. Ползает. Царапает все, что под руку попадет. Хотя они все такие.

— В смысле?

Меня ударило стеной страха.

— Ну... они повсюду. Ползают по стенам, висят на потолке. Одна забила в мой душ. Ты хоть представляешь, как трудно принимать душ, когда там сидит мертвая женщина и пытается процарапаться сквозь ванну? Все равно ведь ничего не выйдет. Я ей об этом, кстати, говорила. — Я замолчала, заметив, как побледнела Джемма. Я ее до смерти напугала. Но кто-то же должен, черт возьми, мне помочь. — Тебя же это не беспокоит?

— Злая ты.

— Я?!

— Минуточку. А ты не шутишь?

— По поводу женщин? С чего мне шутить такими вещами? — Она лишь поджала губы, и мне пришлось признать: — Ну ладно, с меня станется. Но сейчас я не шучу. Я должна выяснить, что с ними случилось, чтобы они могли двигаться дальше. Ну... ты понимаешь. Туда, далеко-далеко, подальше от моей квартиры.

— Жутковато это все, Чарли.

— Так и есть. Для них. Представляешь, через что им пришлось пройти?

— А у дяди Боба что-нибудь есть?

— Где-то слышала, что у него ЗППП.

— Нет, я о женщинах.

— А-а. Понятия не имею, есть у них ЗППП или нет.

— И все-таки ты злая. Сегодня мне точно предстоит бессонная ночь.

— Чувиха, ты принимаешь снотворное, которое и слона усыпит.

— И кто в этом виноват? — рывкнула Джемма, встав и ударив ладонью по столу.

Да уж. Точнее всего ее состояние можно было описать словами «вне себя от злости». А

смотреть на такую Джемму всегда забавно.

Я тоже встала и сделала вид, будто рассердилась.

— Вечно ты винишь меня в том, что не можешь спать. А я всего-то и сделала, что познакомила тебя с парочкой призраков, когда мы были детьми. Знай я, что подробные описания раскроенных черепов и новости о том, что по ночам мертвые стоят над твоей постелью, так сильно на тебя повлияют, не сказала бы ни слова. — Джемма смерила меня скептическим взглядом, и мне пришлось отказаться от своих слов. — Ну ладно, я бы все равно тебе рассказала. Как бы то ни было, думаю, ты это переживешь. — Я уселась обратно на кушетку и скрестила ноги. — В общем, вряд ли то, что ты узнала о существовании призраков, как-то притормозило твой эмоциональный рост или как там это называется.

Джемма занялась делами, а я сидела и вспоминала о том, как мы росли. Все вокруг считали, что из нас двоих злая сестра — я. Сама я никогда в это не верила. Да, в школе я чуть ли не каждый день обещала не подстрекать учеников к бунту и никогда больше не приносить пластичную взрывчатку (а ведь она была даже не настоящей!), в то время как Джемма занималась только одним — была идеальной.

Может быть, даже чуточку слишком идеальной, если вы понимаете, о чем я.

Еще с полчасика побесив Джемму, я двинулась к Развалюхе, раздумывая, чем бы занять себе воскресенье. Можно было посмотреть марафон «Сверхъестественного», а потом поиздеваться над Куки. Или опробовать методы Джеммы на девчужке у меня под кроватью. Или попытаться выяснить, как спасти Рейеса. Но от чего? От кого? Еще можно было заскочить к Ким и поговорить с ней о дурной привычке поджигать окружающий мир, но еще было слишком рано. Мне не хотелось ее будить. Не хотелось заставлять защищаться, пока у меня не будет возможности изложить ей мой план. А еще можно было попытаться узнать, почему Николетта, которая, возможно, зомби, кажется такой живой.

Поскольку к зомби я питаю слабость, а любопытство поедало меня живьем, я остановилась на последнем варианте.

Как только Развалюха замурлыкала, пришло сообщение от Куки:

«Мы на стрельбище. Все падают, катаются по земле и стреляют по мишени».

Я быстренько напечатала ответ:

«Со стороны, наверное, круто».

«Думаешь, у меня получится?»

«Я вижу мертвых. Все может быть».

«Ладно, попробую».

И тут меня осенило. Это же Куки. Когда она в последний раз разыгрывала из себя Грязного Гарри^[20], на ней был стремный лифчик, а результатом стала сломанная лодыжка.

«Только, ради любви к маринаре^[21], — написала я, — никого не пристрели».

«Спасибо. Умеешь поддержать».

Какая же она у меня умница!

И все-таки мне покоя не давало, почему Николетта жива. Может быть, она в опасности и скоро умрет. Рокет мог предвидеть чью-то смерть. Точно знать, когда это случится. А вдруг Николетта предвидела собственную гибель и, так сказать, заранее пришла ко мне — к ангелу смерти? Но зачем? Черт знает что, ей-богу.

Я снова поехала в больницу. Выбора не было. Оставалось только поговорить с Николеттой и выяснить, не обладает ли она какими-нибудь сверхъестественными способностями.

Когда я остановилась на стоянке у больницы, пришло еще одно сообщение от Куки:

«Дело сделано. Я тебя ненавижу всеми фибрами своего существа».

«Серьезно? А ты уверена, что в тебе не осталось хоть одной фиброчки где-нибудь в пищеварительном тракте, которой я все еще нравлюсь?»

«На все сто».

Блин, похоже, она и правда уверена.

«Ничего не сломала?»

«Боевой дух!»

«Лишних дырок нигде нет?»

«В гордости полно!»

Значит, с ней все в порядке. Ну или будет в порядке. Как и со всеми, кто был с ней рядом, слава богу. Никто не пострадал, а о лучшем и мечтать нельзя.

«Выше нос, солнце. Зато теперь ты знаешь, что на эти занятия лучше не ходить. Вс

«ВСЕМИ ФИБРАМИ!»

Надо же, как она зациклилась на фибрах. Наверное, по дороге на занятия съела кекс с отрубями.

Николетта как раз освободилась. Я заметила ее, когда направлялась к лифту. Она надела куртку и заворчала, пытаясь снять бейджик, потому что шнурок запутался в волосах.

— Николетта?

Она на мгновение замерла и смерила меня взглядом.

— А, ну да. Мы с вами вчера виделись. — Ей наконец удалось распутать волосы, и она проверила телефон. Вид у нее был очень усталый.

— Не хотите выпить кофе или еще чего-нибудь?

— Сейчас? — Казалось, ее поразило, что я вообще об этом заикнулась. — У меня только что закончилась двойная смена. Может быть, завтра?

— Лучше все-таки сегодня. Видите ли... вчера утром вы приходили ко мне и сказали, что вас нет в живых.

Меня окатило волной изумления. Пару секунд Николетта колебалась, но любопытство взяло верх.

— В двух кварталах отсюда есть кафе. Я как раз собиралась там позавтракать. Если хотите, можете присоединиться.

— Я всеми конечностями за присоединение. Вас подвезти?

По выражению ее лица было ясно: она боится, что ее похитят.

— А давайте там и встретимся.

Я поехала за красным «вольво» Николетты и оказалась у «Рубежа», который находился всего в паре кварталов от моего дома.

Сделав заказ, мы уселись в задней части заведения.

— Вы сказали, я к вам приходила. И что это значит?

— Ну, во-первых, я вижу то, чего не видят другие.

Она поерзала.

— Ага.

— И вчера утром вы пришли ко мне домой и сказали, что умерли. Что ваше тело под мостом черт знает где.

— Странно. — Она опустила голову, словно что-то скрывала.

— Николетта, вы можете рассказать мне что угодно. Клянусь, я поверю.

Она пожала плечами:

— Дело не в этом. Иногда мне... снятся сны, но я никому о них не рассказывала.

Представить не могу, откуда вы можете такое знать.

— Оттуда, что вы сами пришли ко мне в квартиру и сказали, что умерли.

— Это невозможно, — отозвалась она и прикусила губу.

— Думаю, вы в это верите не больше, чем я. Что произошло, Николетта?

— Происходит. Не произошло, а происходит.

— Такое случалось и раньше?

Наконец она выпрямилась и глубоко вздохнула:

— У меня что-то вроде припадков. Жутко и страшно. Когда они заканчиваются, я помню о том, что происходило с другими людьми. Помню, как они умирали. Вот только происходило это со мной. Умирала я.

— То есть вы видите, как умирают люди, их глазами? — Это что-то новенькое.

— Вы не понимаете. Нет никаких смертей. После этих «снов» я постоянно проверяла газеты, но там не было ничего похожего на то, что я видела. Мне так и не удалось найти связь между тем, что я вижу, и тем, что происходит на самом деле.

— Вы уверены?

— На сто процентов. Говорю же, я проверяла. Рыскала по интернету, читала газеты, смотрела новости. Ничего.

Это и правда странно.

— Наш заказ готов.

— Я заберу. — Я выскочила из-за стола, взяла наш заказ и вернулась обратно, чувствуя, как рот наполняется слюной от аромата заказанного Николеттой бургеро. Знала же, что надо и себе заказать. С ужасной неохотой я отдала ей ее завтрак. — Может быть, вы расскажете мне о нескольких таких случаях? — попросила я, добавляя в кофе карамель и немного сливок. — Так сказать, приведете пару примеров.

— Ну ладно. — Николетта налила сальсу на бургеро. — Пару недель назад я была пожилым мужчиной и лежала в больнице. Все вокруг думали, что смерть наступила по естественным причинам, но на самом деле меня убил внук. Прямо там, в палате. Не мог дожидаться, когда наложит лапу на наследство. Мне и пожить-то оставалось всего ничего, но ему не хотелось ждать.

С трудом оторвав взгляд от бургеро, я вытащила блокнот и ручку.

— А имена вы помните?

Прожевав первый кусок, она покачала головой:

— Далеко не всегда. Минуточку. В тот раз я точно знала какое-то имя. Что-то вроде Ричард или Ричардсон. Но я не знаю, кого так звали — того мужчину или его внука. И не знаю, имя это или фамилия. Может быть, так звали даже медсестру. Правда, не знаю.

— Нет-нет, все замечательно. С этой информацией я могу поработать. — Я могла попросить дядю Боба покопаться в базе или уговорить Куки поколдовать. Если то, что описала Николетта, случилось на самом деле, я об этом узнаю. — Ладненько, расскажите еще.

Она отпила апельсинового сока.

— Хорошо. Несколько месяцев назад у меня был «случай» с женщиной. Тяжелый и ужасный. Я пыталась выйти из своей квартиры, но постоянно напоминала себе о

тушившемся на плите мясо. Это было очень важно. В итоге я забыла одеяльце, и мне пришлось за ним вернуться. И, когда я опять пыталась уйти, меня поймал мой муж. — Ее голос стал тише, и я ощутила вспышку печали. — Он избил меня до смерти.

Пока я сидела и слушала, по мне ползли ледяные мурашки. Потому что я узнавала в этой истории каждую подробность. Я не знала, что сказать Николетте. Не знала, как она это воспримет.

В конце концов я решила, что ей нужно знать. А мне нужно понять, как это происходит.

— Ее звали Роза, — сказала я, заметив подозрительность во взгляде Николетты. — Она была моей клиенткой. Я пыталась помочь ей сбежать от мужа-садиста, но не справилась.

Боясь, что я пытаюсь обвести ее вокруг пальца, Николетта напряглась:

— Я вам не верю.

— Одеяльце было желтым. Она была беременна, но не знала, кого ждет — мальчика или девочку. Ребенка она потеряла, когда муж ее избил.

Глаза Николетты наполнились слезами, но верить мне она по-прежнему отказывалась:

— Такое кто угодно мог бы угадать.

— У нее были темные кудрявые волосы и...

— Я не вижу лиц. Я и есть все эти люди. Мне видно только тех, кто рядом.

— Хорошо. Ее муж был высоким, крупным, с широкими плечами и светлыми волосами. У него была родинка на подбородке. И он носил университетское кольцо. С огромным рубином.

По лицу Николетты было ясно: она его узнала.

— Когда у вас было видение?

Несколько секунд она справлялась с эмоциями, потом вытащила сотовый.

— Раньше я все записывала в телефон. Перестала, когда поняла, что ничего не сбывается. Хотя «сны» казались очень реальными. — Она покопалась в телефоне, пролистала несколько страничек. — Так, это было пятнадцатого октября.

Я мысленно подсчитала дни:

— Видение пришло к вам за четыре дня до того, как это произошло.

Николетта затрясла головой:

— Я не хочу этого слышать. Все это не по-настоящему. Люди, которых я вижу, ненастоящие.

Я коснулась ее руки.

— Когда начались видения?

— Мне было девять. Я утонула в соседском бассейне, но врачи «скорой» меня спасли. Вскоре после этого у меня начались припадки.

— Обычно как раз после таких случаев и открываются экстрасенсорные способности. — Я подумала о своей подруге Пари, которая начала видеть призраков сразу после того, как чуть не умерла в двенадцать лет.

— С вами тоже так? — спросила Николетта.

— Нет, — ответила я и отпила кофе. — Со мной совсем другая история.

К счастью, ее, похоже, ни капельки не интересовали подробности упомянутой истории.

— Все это очень странно, — проговорила Николетта. — С каждой увиденной смертью у меня появляется одно и то же чувство. И это совсем не то, о чем вы могли подумать.

— И что это за чувство?

— Облегчение. — Она подалась вперед, как будто собиралась выдать мне

государственную тайну. — Словно гора с плеч. Последней мыслью Розы было: «Наконец-то я свободна».

Когда до меня дошел смысл сказанного, что-то оборвалось в груди. Я чувствовала себя листочком бумаги, который кто-то порвал пополам, сложил половинки и снова порвал. Я подвела Розы, а она так или иначе обрела свободу. И я не знала, что должна чувствовать.

Пытаясь взять себя в руки, я откашлялась.

— Расскажите мне о последнем видении.

Николетта задумалась:

— Я помню только мост. У него были металлические перекрытия крест-накрест, как у старых железнодорожных мостов. Еще помню светлые волосы и «восьмерку». Похожа на татуировку, что ли. И я чувствовала запах. Там пахло каким-то техническим маслом. А может, бензином.

У меня зачесалось «паучье чутье»^[22]. Может быть, здесь есть связь. У всех женщин в моей квартире были светлые волосы. Понимаю, притянуто за уши, но мне доводилось работать и с меньшим.

— А имя?

— Мне очень жаль, но нет. Я ведь как будто становлюсь этими людьми. Часто вы думаете про себя «Меня зовут Чарли Дэвидсон»?

— Я-то часто, но за точку отсчета меня лучше не брать.

Итак, Николетта Лемэй видела будущее. Я таких людей никогда в жизни не встречала. Правда, был у меня однажды знакомый, который утверждал, будто прекрасно видит в темноте, потому что у него волчье зрение. И я тогда купилась. Мне было четыре.

Чтобы сэкономить время, давайте представим, что я знаю все.

Надпись на футболке

Я уже возвращалась в офис, когда позвонила Куки.

— Ты пропускаешь занятия? — подозрительно спросила я. — Нельзя же из-за одного унижительного случая...

— Ничего я не пропускаю. У нас перемены есть.

— А-а, ну прости. — Я решила перекусить фруктовыми ирисками, которые нашла на заднем сиденье. Они немножко подсохли, но зубы у меня крепкие. — Кстати, мне кажется, я чуть-чуть влюблена в того, кто придумал продавать ириски в килограммовых упаковках. Это же явно был какой-то безумный гений!

— Согласна. Что ты узнала о Зомби-Барышне?

— Она на все сто жива. Потом расскажу. Странно — не то слово.

— И это говорит ангел смерти? Я вот почему звоню. Нони рассказал нам, что на каком-то ранчо на юге Нью-Мексико строительная бригада обнаружила одно жуткое местечко. Похоже на массовое захоронение. Там нашли останки трех человек. По крайней мере только о троих говорил Нони. Женщины, Чарли, и все три — блондинки.

Я застыла, словно из меня только что вышибли дух.

— Это многое объясняет. Точно не знаю, почему из-за обнаружения могилы они пришли ко мне, но наверняка с этого все и началось. Может быть, им не понравилось, что на их территорию вторглись чужаки. Как думаешь, призраки ведут войны за территорию?

— Я думаю, призракам, как и нам, свойственны все виды тревог. Нони женат?

— Куки! — наигранно оскорбилась я. — Слушай, что говорит инструктор, а не любуйся его задницей.

— А ты ее видела?

Я мысленно простонала и сделала пометку организовать Куки секс.

— Возвращайся в класс. И спасибо, что позвонила. Я свяжусь с Диби и спрошу, что ему об этом известно.

— Без проблем. Ну так как? Женат?

— Ты все еще ненавидишь меня всеми фибрами своего существа?

Помолчав для проформы, Куки сдалась:

— Нет. Наверное, нет.

— Да, он женат. И его жена чемпион по стрельбе.

— Черт возьми, еще один уплыл сквозь пальцы.

— Все, в жизни тебя больше за руку не возьму.

Я нажала «отбой» и набрала Диби.

— Привет, милая, — сказал он в трубку.

— И как это тебе даже в голову не пришло упомянуть о массовом захоронении?

— О каком еще массовом захоронении? Как ты об этом узнала? Его же нашли только в

пятницу вечером, и ни слова никуда не просочилось.

— Может, ты случайно Нони проболтался?

— Сукин с... Может, и проболтался. Вчера вечером мы у него пива выпили.

— Он тебя накачал, чтобы получить информацию, а ты размяк, как сыр на гриле.

— Спасибо за яркий образ.

— Пожалуйста. Итак, массовое захоронение.

— Я сейчас в баре, как раз собираюсь туда. Наша юрисдикция на те места не распространяется, но мы объединили усилия с ФБР, командой судмедэкспертов и местными органами правопорядка. Я сам предложил в помощь опергруппу из управления полиции Альбукерке.

— Так вот почему ты пашешь в воскресенье.

— Ага.

— С похмелем.

— Да как ты всегда об этом узнаешь?

— У тебя в такие дни голос, будто ты простудился.

— Короче говоря, если тебе интересно, ехать туда часа три.

— Мне интересно, — отозвалась я, стараясь не выдать отчаянного энтузиазма.

— Давай тогда здесь и встретимся.

Домчавшись до «Вороны», я припарковалась на своем обычном месте. На том самом, где поставила знак «Стоянка запрещена. Нарушителей ждут жестокие страдания от экзотических ЗППП, не поддающихся лечению». Похоже, трюк работал. Управдома моя тактика определенно не радовала, но, честное слово, все будут намного счастливее, если у меня будет собственное место на стоянке.

Подойдя к бару, я тихонько вошла внутрь. Яблоку негде было упасть. В воскресенье. В почти обеденное время. В воскресенье. И опять женщины, судя по всему, представляли абсолютное большинство посетителей.

— Что будешь есть? — поинтересовался Дибби, когда я подошла к его столику.

Поверить не могу! Тут опять торчала Джессика. Какого, блин, черта? Она что, переехала сюда на ПМЖ?

Совершенно обалдев от вида поедающей буррито Николетты, я промямлила:

— Завтрак, как обычно.

— Будет сделано. — Он махнул нашей официантке. Та была новенькой, так что имени ее я не знала, а потому про себя нарекла Сильвией. — Ей хуэвос ранчерос с омлетом, а мне буррито с тушеной в красном чили свининой.

— Значит, мы едем прямо туда? — спросила я, пока Сильвия записывала наш заказ.

— Да, и я знаю, как на тебя действуют трупы.

На мгновение Сильвия застыла, потом продолжила писать, притворяясь, будто нас вовсе не слушает.

— И как же на меня действуют трупы?

— Тебя от них тошнит.

— А-а, ну да. — Мертвецы — это одно, трупы — совсем другое.

— Всегда поражаюсь: ты день за днем имеешь дело с мертвецами, но подсунь тебе труп, и ты превращаешься в натуральную девчонку.

— Я и есть девчонка, — разобиделась я. — И я знаю уйму мужчин, которые предпочли бы съесть жареных червей, только бы не видеть труп собственными глазами.

— Ладно, извини. Сексизм зашкалил.

Лучше ему и правда пожалеть о своих словах.

— Так как вам новый повар, Сильвия?

— Эм-м, меня зовут Клэр.

Какое разочарование! Теперь я знаю ее имя, но для меня она навсегда останется Сильвией.

— Жаль. Ну да ладно. Что там с новичком?

Она улыбнулась и смущенно опустила голову. Знай я ее получше, точно сказала бы, что она в него влюблена. Или в нее. Не важно.

— Он замечательный повар.

Значит, все-таки «он». И я с ней была согласна на все сто.

— Ясно. Ну что ж, спасибо. — От ее слов было столько же пользы, сколько от шоколадного чайника.

Сильвия отчалила к стойке, и в этот самый момент в бар ворвался мужчина, явно остро нуждающийся в профессиональной помощи на тему управления гневом. Глаза его метали молнии. Он схватил Сильвию за воротник, а она была слишком ошарашена, чтобы хоть что-то сделать. Бедняжка.

— Здесь хоть кто-нибудь знает, что это коповский притон? — громко спросила я. — Почему люди творят тут такие вещи? — Вскочив с места, я метнулась к мужику и сверкнула удостоверением: — Полиция Альбукерке. — Да уж, я только что нарушила закон: прикинулась офицером полиции в заведении, битком набитом настоящими офицерами. Вот только никто больше не бросился на помощь Сильвии.

Я оглянулась на дядю Боба. Он сложил на груди руки и откинулся на спинку диванчика, приготовившись к представлению.

- И в чем же проблема? — продолжила я.

— А вот в этом. Сами посмотрите. — Мужик сунул мне под нос сотовый с фотографией и принялся листать.

Пару мгновений мое зрение привыкало смотреть на фотки так близко, но, чтобы узнать изображенного на них мужчину, хватило микросекунды. Рейес. Передо мной снова и снова менялись фотографии, на которых был Рейес.

— И это телефон моей жены! — гаркнул мужик, едва не срываясь на визг.

Внезапно все в зале стихли, и меня обволокло знакомым жаром.

Вот блин.

— Я хочу сейчас же поговорить с этим ублюдком!

Я ошалело наблюдала, как к нам, вытирая полотенцем руки, подходит Рейес в переднике Сэмми.

— Ты что здесь делаешь? — спросила я, но он не ответил. И тут меня осенило. Женщины. Жар. Еда. — Так это ты новый повар?!

— Ты! — выплюнул мужик, в чьих умственных способностях я с каждой секундой сомневалась все больше и больше. — Из-за тебя моя жена ест тут каждый день! И фотографирует! — Он сунул телефон в лицо Рейесу, вот только сам Рейес явно не собирался шутить над предъявленными обвинениями. С совершенно безразличным выражением лица он даже не взглянул на телефон.

Ей-богу, мне показалось, мужик вот-вот взорвется. Поэтому я решила вмешаться и воззрилась на Рейеса, одним только взглядом обвиняя его во всех грехах:

— Боже мой! Она тебя фотографировала?! Что же за игру ты ведешь? Ты арестован, мистер.

Уголок его рта приподнялся, и на щеке появилась ямочка, когда я схватила его за руку и впечатала в стену. Точнее подтолкнула к стене. Придерживая Рейеса одной рукой (якобы прижимая его к прохладной деревянной поверхности), я обыскала его другой. Медленно. Намеренно поглаживая те места, поглаживать которые на публике я не имела права. Провела рукой по заднице и не спеша проверила по очереди оба задних кармана. Затем сунулась под фартук и проверила передние карманы. Он напрягся, когда мои пальцы прошли по самому главному. Чувствуя, как разгорается окутывающий Рейеса жар, я провела руками вниз по его ногам, спереди и сзади, потом вверх по животу и ребрам. Понятия не имела, что обыск может быть таким увлекательным. Слава богу, нас слегка прикрывало какое-то растение в напольном горшке.

Честное слово, я не собиралась никого злить, но благодаря завистливым взглядам как минимум половины присутствующих здесь женщин поняла, что им далеко не так весело, как мне. И Рейесу. Ну хоть чувство юмора у нас с ним одинаковое. И он точно не имел ничего против, чтобы я лапала его на глазах у других людей. Скорее даже был этому рад, если судить по пылающему взгляду.

Не зная, что и думать, мужик отступил. Такая вот у меня секретная тактика: сбей с толку и беги, пока думают.

Я вытащила свое самое мощное оружие и прошипела Рейесу на ухо:

— Будешь сопротивляться, поджарю шокером.

Он глянул на то, что я держала в руке:

— Это телефон.

— А у меня тут приложение. Тебе светят судороги и кратковременная потеря памяти.

Улыбка Рейеса стала шире. Зацепив пальцем петлю для ремня на джинсах, он притянул меня к себе.

Видимо, дядя Боб решил наконец присоединиться к веселью. Со скучающим видом он неторопливо подошел к нам.

— Что тут у нас?

Я подняла руку:

— Все под контролем, детектив.

И тут пришло сообщение от Куки:

«Похоже, я совсем не умею анализировать ситуацию».

Господи, ну как же вовремя! Я тут всю занята тем, что лапаю своего мужчину.

«Как и выбирать подходящее время», — напечатала я в ответ и снова взглянула на Рейеса:

— Урок усвоил, сэр?

Вокруг меня, как обжигающий ветер, клубились хаотичные порывы зависти. Ведь это из-за Рейеса бар наводнили женщины. Если бы взглядом можно было убить, я бы корчилась в муках, задыхаясь и хватаясь за горло. И как минимум один глаз у меня бы уже точно выкатился из орбиты.

— Вы не можете арестовать Рейеса только потому, что эта овца на нем помешалась, — заметила одна из посетительниц.

Они знают, как его зовут? Вечно я обо всем узнаю последней.

— Ну да, — отозвалась я, отпустив Рейеса. — Она права.

Он прижался ко мне.

— Нет, не права.

Видимо, мужик наконец-то решил взять собственную жизнь в свои руки, схватил меня за плечо и спросил:

— По-вашему, это смешно?

— Вопрос с подвохом?

Однако на этот раз Рейес моей шутки не оценил. Шагнул ближе, дернул меня к себе и процедил:

— Не советую загоняться.

— Сэр, — начала я, пытаюсь урезонить уже двух рассерженных мужчин, — вам стоит поговорить об этом с женой. И на всякий случай: половина присутствующих здесь — копы.

Мужик стал удивленно оглядываться по сторонам. Зато Рейес все еще кипел. Шагнул ближе, чтобы слышали его только мы, и сказал:

— Я не коп. И только что вышел из тюрьмы, где сидел за убийство. Если хочешь, пошли на улицу, я тебе подробно расскажу, что и как я сделал.

Мужик заметно побледнел.

— Циммерман! — рявкнул дядя Боб какому-то офицеру в форме. — Почему бы тебе не отвести этого джентльмена на улицу и не рассказать ему, как плохо он только что поступил?

— Но я же ем...

Дядя Боб наградил его убийственным взглядом, и коп выругался. Класс, теперь и этот взбесился. Причем явно собирался сорвать злость на несчастном мужике. Я надеялась, что все обойдется каким-нибудь штрафом. Вроде обязательных общественных работ или принудительных занятий по управлению гневом.

— Спасибо, дядя Боб.

— Мне пришлось тебя остановить. Думаю, как минимум половина присутствующих женщин уже планировала твою смерть.

— Наверное, ты прав. — Я повернулась к Рейесу, взяла его за руку и потащила к двери в кухню. — Ладно, я взяла себя в руки. Никто не пострадал, так что все путем. Но кто бы мог подумать! Поверить не могу, что ты подменяешь Сэмми.

Избавляясь от гнева, Рейес тряхнул головой:

— Я обедал. Твоему отцу был нужен повар. Я предложил свои услуги.

— Минуточку, а ты часом... не ломал Сэмми ногу?

Рейес тихо рассмеялся и только потом ответил:

— Нет. Уверен, что ногу Сэмми сломал сам.

Я кивнула в сторону зала:

— Ты в курсе, что у тебя тут фан-клуб?

— Ага, такое случается.

— Фигово, наверное, — поддразнила я.

— Ты вчера не пришла.

— Верно. Я... м-мм... разгребала бумажки.

— Ты в курсе, что врать мне бесполезно?

— В курсе, но я скорее не вру, а чуть-чуть недоговариваю правду.

Рейес остановился. Я прислонилась к барной стойке.

— За нами наблюдает твой дядя, — заметил он, глядя мне за спину.

— Это в его духе. Мы собираемся перекусить, а потом поедem на юг на место

преступления.

— Езжай, если так надо. Не знаю, правда, что буду делать со всеми этими женщинами.

Во мне так быстро и так ярко разгорелась ревность, что Рейес резко втянул сквозь зубы воздух. Закрыв глаза и запрокинул голову, так же остро, как и я, переживая мои эмоции.

Я смущенно прикусила губу:

— Тебе это нравится, да?

— Нет, — вздохнул он. — Немного. Как будто сразу сотня лезвий бьет по коже и оставляет мелкие порезы.

— Ой, не очень приятно, наверное.

Опустив голову, Рейес уставился на меня исподлобья:

— Однажды ты поймешь, что я не похож на других.

— Вообще-то я это уже давненько поняла.

— Меня никто и ничто не интересует, кроме тебя. Так что у тебя с рыжей?

У меня свело живот уже от того, что он вообще заметил шевелюру Джессики. Рейес опять сделал резкий вдох.

— Извини, — кисло пробормотала я, стараясь обуздать разгулявшуюся ревность. — В старших классах мы были подругами. Закончилось все не очень красиво.

Выражение его лица стало таким, словно он кого-то узнал, а затем ожесточилось.

— Так это она? — спросил Рейес.

— В смысле? Ты о ней знаешь?

Он посмотрел на меня сверху вниз таким взглядом, будто решал, сколько мне можно рассказать.

— Даже не зная, настоящая ты или нет, я чувствовал твои эмоции. Чувствовал все, через что ты проходила в детстве. Мачеха была для тебя постоянным источником боли. Несколько раз я подумывал сломать ей шею.

Я ужаснулась:

— Рада, что ты этого не сделал.

— А я не рад. Но она... — не договорив, он снова глянул на Джессику. — Такой боли я от тебя никогда не ощущал. Полнейшее, невосполнимое опустошение.

Я сложила на груди руки.

— Супер. Всю жизнь мечтала, чтобы ты узнал, какая я легковерная. Как легко меня обвести вокруг пальца.

Черты Рейеса смягчились, когда он приподнял мой подбородок.

— Ты ей доверяла. Считала, что можешь обо всем ей рассказать. Это не делает тебя легковерной.

— Дети, что тут скажешь, — насмешливо фыркнула я. — Кроме того, теперь у меня есть Куки.

— Хочешь, чтобы я рассек ей позвоночник?

— Кому? Куки?!

Рейес терпеливо улыбнулся, и я покачала головой, хотя его предложение было очень заманчивым. Может быть, даже более заманчивым, чем он мог себе представить. Наверное, это странно, но ненависти к Джессике я не испытывала. Ненавидела я ее поступок и то, во что она превратилась. Но еще больше я ненавидела тот факт, что мне до сих пор хотелось с ней дружить. Хотелось, чтобы она приняла меня такой, какая я есть. И не осуждала. Она была своеобразной рыжеволосой версией моей мачехи, а я против воли искала

безоговорочной, безусловной любви, в которой мне вечно отказывали. Ужасно жалко звучит, но уж как есть.

Вот только с Джессикой у меня все это было. Пусть совсем недолго, но все-таки было. Для меня она олицетворяла солнце. Вместе мы смеялись и плакали. В обнимку от страха смотрели ужастики. Готовили блины и пиццу и пили гадкие растворимые напитки из бокалов для вина. А еще мы рассказывали друг другу свои самые сокровенные тайны. И однажды, когда мы ночевали у меня, она рассказала, что видела в коридоре призрак своей бабушки. Естественно, я тоже с ней поделилась. Сказала, что вижу призраков. Она показалась мне очарованной, заинтригованной, и я продолжила рассказ.

В то время я еще не знала, что я ангел смерти, но рассказала Джессике о своих способностях. О том, как помогала папе и дяде, разговаривая с жертвами преступлений, которые они расследовали. Как через меня переходили мертвые, если сами того хотели. Последнее, кстати, настораживало даже мой весьма гибкий разум.

В итоге я зашла слишком далеко. Я ее напугала.

Нет. Потеряла.

Поначалу Джессика испугалась, потом обиделась. А потом и вовсе вела себя так, будто ей противно, что я такая сумасшедшая. Что я верю, будто у меня есть какие-то суперсилы. Ее реакция настолько меня поразила, что я даже не возражала, когда она позвонила родителям и попросила забрать ее домой. Не возражала, когда она ни разу не перезвонила мне за выходные. Не возражала, когда на следующей же неделе в школе она стала собирать последователей, объявив, что я спятила и притворяюсь ведьмой, и назвав меня лицемеркой и ханжой. Тогда я и понятия не имела, что такое ханжа. Но если бы знала, то поняла бы, что ко мне это обвинение не имеет ни малейшего отношения. По крайней мере назвать меня ханжой уж точно нельзя. Вот так, в мгновение ока, нашей дружбе пришел конец.

Вторая половина учебного года стала для меня самым сложным испытанием в жизни. Единственным светлым пятном в те темные времена был Рейес. Именно тогда я с ним впервые встретилась. Да, он был избит едва не до потери сознания, но тот момент стал для меня ключевым. Помню, как впервые к нему прикоснулась. Он согнулся пополам, держался за мусорный контейнер, чтобы не упасть, тяжело дышал и кашлял кровью. Помню, как смотрела на крепкие руки — его мышцы сокращались от боли. Кожу покрывали гладкие и четкие линии татуировки. За ухом вились густые темные волосы.

В тот раз со мной была Джемма. Она подняла висевшую на шее камеру, чтобы подсветить темный закоулок, а Рейес сощурился и поднял грязную руку, прикрывая глаза. По его щеке струйкой текла темно-красная кровь. С той самой секунды он украл мое сердце. И с той самой секунды я хотела его и только его.

— Где витают твои мысли? — спросил меня Рейес.

Я резко вернулась к действительности:

— Извини. На чем мы остановились? Ах да. Никаких рассечений позвончиков, мистер.

— Точно? Она с меня глаз не сводит.

Едва он договорил, как снова с шумом вдохнул. Черт меня дери, надо срочно что-то делать с этой гадостью.

— Что будешь на обед? — поинтересовался он.

— Я вообще-то уже сделала заказ. Не из меню. Сэмми всегда готовил мне хуэвос ранчерос, когда бы я ни попросила. Суперская вещь. Но если нельзя...

Рейес изогнул бровь:

— Какие яйца предпочитаешь?

Ей-богу, я старалась. Но в этот самый момент я смотрела на его ширинку, поэтому само как-то вырвалось:

— Оплодотворенные.

Его губы растянулись в лукавой улыбке:

— Сию минуту, мэ. — Коснувшись невидимой шляпы, он двинулся в кухню.

— Если тот парень придет тебя убивать, не убивай его, лады?

— Ничего не могу обещать.

— Я серьезно, Рейес! — крикнула я вслед.

Он подмигнул, и через секунду за ним захлопнулась дверь.

Спустя пять минут я сидела с дядей Бобом. Рейес лично вынес нам обед. Голоса в зале стихли до шепота, а несколько женщин в самом деле вытащили сотовые и принялись его фотографировать. Это уже ни в какие ворота. Даже хуже.

Понятное дело, теперь он стал вроде как знаменитостью. Шутка ли, отсидеть десять лет за убийство, которого не совершал. Все жаждали узнать его историю. Репортеры умоляли об интервью. Стоило народу увидеть, как Рейеса освобождают и провожают к машине, ожидающей у здания суда, как народ тут же затребовал подробностей. Так что да, в некотором смысле Рейес теперь знаменитость.

Но опять же, что тут забыла Джессика?

— Детектив, — поздоровался Рейес, ставя перед Дибби тарелку.

— Фэрроу, приятно видеть, что ты не сидишь дома. Еще и работаешь.

— То есть приятно видеть, что я становлюсь полезным членом общества?

Я вздрогнула. Именно дядя Боб посадил Рейеса за решетку, но, видит бог, Эрл Уокер постарался на славу. Улик было множество, и все они противоречили чутью Дибби, которое с самого начала подсказывало ему, что Рейес невиновен.

Дядя Боб натянуто улыбнулся:

— Яду не подсыпал?

Глядя на него в упор, Рейес взял вилку, наколол на нее кусок буррито и протянул мне. Потом медленно перевел на меня пристальный взгляд, от которого тут же закололо кожу. Я открыла рот, сняла губами кусок с вилки, закрыла глаза и простонала:

— Вкуснота. — Когда я снова взглянула на Рейеса, его черты потемнели. Стиснув зубы, он из-под полуопущенных век смотрел, как я ем. Я тяжело сглотнула. — А ты молодец.

— Знаю. — Положив на стол вилку, он кивнул на прощанье нам обоим и пошел обратно в кухню.

Все взгляды были прикованы к его заднице. Мой тоже.

— Похоже, — начал дядя Боб, — вы неплохо ладите.

— Даже не думай, — отозвалась я, глядя на дверь, только что закрывшуюся за Рейесом.

— Ты о чем?

— Не смей оценивать того, с кем я встречаюсь. — Я наградила его сердитым взглядом. — Можно подумать, ты образец для подражания. Сам-то видел, какой мусор домой водишь?

— Чарли! — оскорбился Дибби.

Однако я всего лишь подготавливала его к тому, что скажу дальше. Я подалась вперед:

— Я знаю, что она тебе нравится, дядя Боб. Так что возьми, елки-палки, и пригласи ее

на свидание.

— Кого? — уточнил он, внезапно очаровавшись своим буррито.

— Сам знаешь кого.

Дибби откусил кусок и кивнул:

— Ты права, потрясающе.

Только этого я и ждала. Схватившись за горло, я в ужасе выпучила глаза и со всем талантом актрисы немого кино разыграла сцену собственного убийства.

— Нет... Он... он не мог... — Ну да, я разговаривала, но задыхалась на ура. — Еда.. еда отравлена...

— Ладно, я приглашу ее на свидание.

— Правда? — спросила я, выпрямившись. — Когда?

Дибби откусил еще кусок.

— Скоро. Ешь давай. Нам уже ехать пора.

Что ж, пока сойдет и так. Я ведь могу издеваться над ним, пока он не выполнит обещания. Куки вечно ждать не будет. Она великолепна. Не во всем, конечно. У нее серьезные проблемы с субординацией, но, в моем понимании, от этого она становится только интереснее. А если «мое понимание» записать на бумаге, получится целая книга. Представьте себе бестселлер под названием «Книга Чарли». А это идея!

— Знаешь, — я отрезала кусочек и немилосердно вгрызлась в него зубами, — напишу-ка я книгу.

— Обо мне, что ли? — спросил Дибби.

— Она должна быть интересной, дядя Боб. Наверное, напишу о том, каково это — видеть мертвых.

— По-моему, такие книги уже есть. И фильмы.

Твою дивизию. Вечно я позади планеты всей. Я сунула вилку в рот и улыбнулась, когда мои вкусовые рецепторы хором запели «I'm So Excited». Господи, этот человек талантлив во всем.

Я уехала, не попрощавшись с Рейесом. Людей было полно, и мне не хотелось его отвлекать. Все еще с трудом верилось, что он работает на папу. В этих мыслях я и варилась, пока меня самым бесцеремонным образом не потревожил Дибби.

— Между прочим, прошло уже двадцать четыре часа, — сказал он, когда мы ехали к шоссе I-25.

Я знала, что рано или поздно он спросит о поджигателе.

— Я собиралась поработать над этим вечером, но раз уж ты настоял, чтобы я поехала с тобой на место преступления...

— Ни на чем я не настаивал. Чтоб ты знала, в данный конкретный момент дело поджигателя стоит на первом месте. Найденные на ранчо тела никуда не денутся. Можем хоть сейчас вернуться в участок и покончить с этим. — Для наглядности он покрутил в воздухе указательным пальцем.

— Не уверена, что мы можем закрыть дело поджигателя. Но обещаю, дядя Боб, как

только буду знать на сто процентов, я все тебе расскажу.

— Чарли, если человек невиновен, мы обязательно это выясним.

— Так получается не всегда. Сам знаешь. — Мне страшно не хотелось приплетать сюда Рейеса, но это важно, а мне нужна была уверенность.

Дибби напрягся, но спорить не стал:

— Мне нужно хотя бы знать, кого ты подозреваешь. Вдруг с тобой что-нибудь случится?

— Да что со мной может случиться? — Выражение его лица оставалось непроницаемым, поэтому я сдалась: — Фиг с тобой. Я напишу Куки сообщение с именем подозреваемого и подробными инструкциями ничего тебе не говорить, пока не случится что-нибудь ужасное. Например, я умру от аллергии на твой дешевый одеколон.

Идея ему не понравилась, но он все-таки кивнул:

— Сейчас и напиши.

— Господи, ну ты и зануда! Так и быть, пишу. — Я достала телефон и начала печатать.

— И мой одеколон вовсе не дешевый.

Я усмехнулась, но продолжала свое дело:

«Ким Миллар. Запиши имя и ни за что не говори Дибби. Скажешь, только если я умру в ближайший день-два. Или впаду в анафилактический шок, и врачи ничего обнадеживающего не скажут. Он станет умолять. Наберись терпения и сил».

Дибби я не доверяла. Он начнет прослушивать телефон Куки, как только появится шанс.

«И сделай пометку в ежедневнике купить ему флакончик “Acqua di Gio”», — добавила я.

«Хорошо, — ответила Куки. — Ничего не хочешь мне сказать?»

«Хочу. В одеколоне он полный ноль с ужасным вкусом».

Я уже убирала сотовый обратно в сумку, как вдруг завопил Оззи. Из-за сильнейшего акцента я всерьез сомневалась, что правильно его расслышала:

— Куда тебя, на х..., несет?!

Дядя Боб подпрыгнул на месте. Наверное, нечаянно включился мой GPS.

— Быстро, б..., разворачивайся! Ты, мать твою, в жопе мира!

— Это что еще за хрень? — спросил Дибби, едва не съехав с дороги.

— Пардон, это Оззи. — Я выключила звук в телефоне. — Такой требовательный, не поверишь! — Нажав несколько кнопок, чтобы выключить приложение, я поднесла сотовый к уху: — Святые блинчики с маслом, Оззи! Хорош мне названивать. В конце концов, ты женатый человек! — Я притворилась, будто повесила трубку, и закатила глаза: — Ох уж эти рок-звезды!

Моргнув, дядя Боб уставился на дорогу, явно не зная, что и думать. Вот такие моменты я готова лелеять всю свою жизнь. Ну или столько, сколько позволит мой СДВ.

Жизнь коротка. Покупай туфли!

Мотивирующий плакат

Последние полчаса до места захоронения мы ехали по частной дороге мимо каких-то ворот и загонов для скота. Остановившись возле бульдозера, дядя Боб вручил мне носовой платок:

— Может быть неприятно, милая.

— Трупы?

Он покачал головой с сочувствующим выражением лица:

— Найденные останки уже перевезли в морг. Запах.

— А-а, поняла.

Выскочив из джипа, я отчетливо ощутила, как мной завладевает ужас. Само место уже обнесли полицейской лентой. Тут было с десятков служебных машин. Из них несколько из государственных ведомств, парочка с эмблемами местной полиции и одна с номерными знаками ФБР. Сразу узнав последнюю, я заозиралась по сторонам в поисках специального агента Карсон и наконец увидела, как она и ее напарник беседуют с шерифом. Заметив меня, она помахала.

— Привет, — поздоровалась я, удивляясь, что пахнет здесь вполне нормально.

Однако в следующую секунду ветер сменился — мне пришлось прикусить губу и подавить приступ тошноты.

— Рада вас видеть, — отозвалась агент Карсон, явно переживая такую же реакцию. Как и я, она прикрывала платком нос и рот.

Однако запах оказался неожиданным. Пахло здесь чем-то похожим на бензин или керосин. Не самой смертью, но все же тяжело и неприятно. Вся земля была покрыта чем-то маслянистым, густым и грязным. Наклонившись, я провела по земле пальцем и растерла то, что осталось на коже.

— Точно, — еле слышно сообщила я дяде Бобу. — Женщины отсюда.

Он кивнул:

— На данный момент найдены останки пяти человек, однако они повреждены, поэтому мало что можно сказать наверняка. Из университета наняли археолога, и сюда уже едет судмедэксперт из Нью-Йорка, чтобы помочь следователям.

Я выпрямилась и осмотрелась вокруг. На многие мили во все стороны раскинулся великолепный пустынный пейзаж Нью-Мексико в земных оттенках со сполохами фиолетового то тут, то там.

— Их больше. Намного больше. Эта нефть, или что это такое, идет из-под земли?

— Мы так не думаем, — ответил заместитель шерифа. Он подошел к нам и передал шерифу какой-то отчет. — Скорее нефть здесь просто выбросили. Сотни, если не тысячи галлонов^[23].

— Но зачем кому-то это понадобилось? — нахмурилась я. — И откуда у него столько

нефти?

— Как раз проверяем. Уже отправили в лабораторию штата образцы узнать, что это за нефть.

— А что с землей? — спросила я. — Кто ею владеет?

— Выяснили первым делом, — ответила агент Карсон. — Вся эта земля — ранчо Найтов. Нынешняя владелица — пожилая женщина, миссис Найт. Пару лет назад ее муж скончался, и с тех пор она находится в доме престарелых. Однако много лет она одна управляла этим ранчо.

— Это могут быть они — Найты? Иди даже муж этой женщины?

— Вряд ли, — подал голос шериф. — С Дойлом произошел несчастный случай, когда он клеймил скот. В итоге последние тридцать лет он провел в инвалидном кресле. Потому-то все и легло на плечи Элис, миссис Найт. Дойл никак не мог вырыть эти могилы. Это мог быть кто угодно. Родственники, наемные рабочие и даже случайный чужак, которому просто приглянулась эта земля в качестве свалки.

Я покачала головой:

— Не думаю, что это случайность. Чтобы добраться сюда, нужно пройти через множество препятствий. Одних только закрытых ворот пруд пруди. К тому же происходящее длилось довольно долго. Я бы даже предположила, что наш убийца занимался своим черным делом больше двадцати лет.

— Могу я спросить, откуда такая уверенность? — поинтересовалась агент Карсон.

Врать ей бесполезно — ей хватит соображалки распознать ложь, поэтому я решила попросту уклониться от ответа:

— Можете, конечно, а тем временем я бы с радостью просмотрела документы по делу и списки родственников Найтов, наемных рабочих и всех остальных, у кого был доступ к этой земле.

С агентом Карсон мы уже пересекались по работе, поэтому она знала, что мне можно верить на слово. На ее месте любой другой взбесился бы от моей просьбы, но Карсон просто пожала плечами:

— Длинный будет список.

— А я быстро читаю. Кстати, чем тут занималась строительная бригада? — Я еще раз осмотрела расчищенную местность. — Здесь земли гектаров восемьсот. Почему они работали именно здесь?

— Несколько лет назад сын Найтов бросил родео и взялся за ранчо. Решил построить здесь новый дом.

— Понять его можно, — заметил дядя Боб. — Вид здесь потрясающий.

Я задумалась, не ради вида ли убийца выбрал именно это место. А еще задумалась, казался ли этот вид сыну Найтов таким же потрясающим, каким казался Диби. Но если женщин убивал сын Найтов, то зачем посылать строителей именно сюда? Может быть, ему хотелось, чтобы жертв нашли. А может быть, он хотел, чтобы его поймали. Или устроили на него охоту. Маньякам нравится, когда их преследуют. Может быть, никто не обращал особого внимания на его «великие дела», и он решил привлечь это внимание сам.

— Вы как нельзя вовремя, — вдруг сказала агент Карсон и махнула рукой в сторону подъезжающего к нам серебристого пикапа.

Похоже, она потихоньку привыкала к тому, что при личном разговоре с человеком я могу получить сведения, которые не может получить она. Лично я была в восторге от того,

как она мне доверяет. Зато напарник Карсон явно не разделял ее мнения. Одетый с иголки федерал глазел на нее, будто она целиком и полностью спятила уже потому, что вообще со мной разговаривает.

Агент Карсон кивнула на грузовик:

— А вот и сынок.

— Ух ты, супер. Через пару минут сообщу, виновен он или нет.

— Премного благодарна, — улыбнулась она.

Однако времени понадобилось еще меньше. Стоило сыну Найтов выйти из грузовика, как я почувствовала тяжелую печаль вперемешку с каким-то странным возмущением. О да, этот человек был зол на того, кто совершил все эти ужасные вещи — выбросил женщин на его территории, похоронил в его земле.

— Не-а, — сказала я агенту Карсон, которая вместе с дядей Бобом семенила за мной. — Он так же виновен, как и моя бабушка Лиллиан.

— Я тоже так думала.

Все-таки она умница.

— Мистер Найт, — поздоровалась агент Карсон, когда мы все приблизились к хозяину пикапа.

От долгих лет, проведенных на спинах животных, ноги Найта стали слегка кривыми, и все же он твердой походкой шел к нам, держа спину прямо. Даже на вид он казался крепким, в самом расцвете сил. Должно быть, ему было хорошо за тридцать. Высокий, худощавый, с загорелым лицом и волосами цвета пустыни в сумерках. Но поражали даже не симпатичные черты, а удивительно яркие зеленые глаза.

— Это детектив Дэвидсон, — продолжала Карсон, — из управления полиции Альбукерке. И его консультант Чарли.

— Зовите меня просто Кенни, детектив, — предложил Найт, протягивая руку.

Дядя Боб ответил тем же, и настал мой черед.

— Чарли, — поздоровался Найт.

Пока мы пожимали друг другу руки, я пристально его разглядывала. Кенни Найт, значит. Наслышана. Чемпион скачек на быках, объездивший весь мир.

— Кенни, — кивнула я в ответ и, решив, что более подходящего времени не придумаешь, выпалила: — Есть идеи, как эти женщины могли оказаться на вашей земле?

В нем вспыхнул защитный рефлекс, но Кенни тут же взял себя в руки. Осмотрелся по сторонам. Раздраженно стиснул зубы.

— Ни единой, мэ.

— А нефть?

— Какая еще нефть? — спросил он, оглядывая место захоронения.

— Здесь повсюду нефть, — объяснила агент Карсон, — но добывали ее явно не здесь. Иными словами, разбогатеть на ней не выйдет. Что вам об этом известно?

— Какого черта? — Кенни озадаченно тряхнул головой. — Откуда здесь взяться нефти?

— Вот и нам хотелось бы узнать.

Пока его засыпали вопросами о нефти, я подошла к краю обрыва. Обрыв оказался частью скалы, уходящей вниз метров на шесть. Что ж, в Нью-Мексико своя красота, и простирается она, насколько хватает глаз. Всем естеством я впитывала необъятность этой красоты и ждала, когда ко мне подойдет мертвая женщина, которая оставалась поблизости с самого нашего приезда.

— Думала, он никогда сюда не придет.

Я глянула вправо. Она стояла рядом в больничной ночнушке и косынке, повязанной вокруг головы. Вроде тех, что носят больные раком. В свое время она была красавицей. Даже ужасная худоба, впалые щеки и потухшие от болезни глаза не уменьшали исходившего от нее света, который так и кричал о силе и изяществе. Я оглянулась и жестом позвала дядю Боба. С любопытством приподняв брови, он двинулся ко мне. Я подняла указательный палец и склонила набок голову. Он все понял и кивнул. Теперь я могла поговорить с женщиной, прикидываясь, будто беседую именно с ним.

— Так это была ваша идея? — спросила я у женщины.

— Да. Я всегда хотела здесь жить, но у Кенни, похоже, просто не доставало терпения, чтобы задержаться подольше и построить дом. — Она посмотрела вдаль, любясь пейзажем. — Он не хотел это ранчо. Не хотел им управлять. Понимаете, у него свободная, дикая душа. Так было всегда. Мне казалось, дети сумеют уговорить в нем наездника, но судьба сдала нам другие карты. — Она переплела пальцы, и ее глаза печально заблестели. — Но он все еще молод. У него могут быть дети, если он даст себе еще один шанс.

— Мне очень жаль, — сказала я. — По поводу детей. — У меня, например, от одной мысли о детях возникает сыпь, и из горла лезут страшные предсмертные хрипы. Но я понимаю, что для большинства женщин дети — самое желанное в жизни. — Вы сказали, что хотели бы, чтобы Кенни приехал сюда?

Моя собеседница кивнула:

— Кто-то должен был найти этих женщин.

— Вы о них знаете? — обалдела я. — Знаете, что их здесь похоронили?

Дядя Боб оживился, но продолжал молчать, ожидая информации с той стороны разговора, которую слышал.

— Вряд ли вы меня верно поняли, — покачала головой покойница. — Однажды Кенни привез меня сюда, и я их услышала. Мне хотелось еще хоть раз увидеть это место. Наверное, услышала я их потому, что уже была очень близка к смерти.

От подкинутой воображением картинке у меня сдавило в груди.

— И что же вы слышали?

— Плач. Мучительные стоны. Кенни я ничего не рассказывала. Решила, что схожу с ума, поэтому ни словом не обмолвилась. А потом уже стало слишком поздно. — Глубоко вздохнув, она решительно посмотрела мне в глаза. — Я не могла перейти, зная, что все эти женщины здесь. Мне нужно было, чтобы кто-то пришел и освободил их.

— Не понимаю. Разве они были здесь в ловушке? Призраки нематериальны и могут проходить сквозь что угодно. Но даже если и так, то что их освободило?

— Точно не знаю. Но как только начали расчищать землю... — Женщина замолчала и задумалась. — Нет. Не совсем так. Мужчине, который управлял бульдозером, показалось, что он что-то увидел. Он выскочил из кабины и вытащил из земли руку. Тогда все и случилось. Это их и освободило.

Правила сверхъестественного мира все еще заставляли меня врасплох. Как можно заключить в ловушку призрака? Почему прикосновение человека способно освободить целую группу умерших? Нет, мне в жизни до конца не разобраться.

— Как вам удалось привести сюда Кенни?

— Я его преследовала, — ответила женщина, и сквозь печаль проступила лукавая улыбка. — Передвигала книги, гремела стаканами, пока он не обратил внимания. Мне мало

что под силу, но, когда он наконец заметил, я старалась привести его именно сюда. Оставляла подсказки: солонку на карте, карандаш на рисунке — когда-то я набросала эскиз нашего будущего дома. Он понял, что это я его преследую (за неимением лучшего термина), но решил, будто я хочу, чтобы он построил дом нашей мечты. — Она пожала плечами. — Не важно, лишь бы добиться цели. Он приехал. Однако ушло куда больше времени, чем я думала. Ему, видите ли, нужно было «составить план», — собеседница изобразила в воздухе кавычки. — Как для ковбоя с чемпионским титулом, туговато у него с решениями.

Я рассмеялась:

— Думаю, это проблема большинства мужчин.

— Что? — прошептал дядя Боб. — Что она говорит?

Потрепав его по щеке, я снова повернулась к женщине:

— Вы знаете, кто это сделал? Здесь похоронили как минимум двадцать женщин.

— Двадцать семь, — поправила она и опустила голову. — Их здесь двадцать семь.

Пару секунд я осознавала эту ужасную информацию, а потом спросила:

— Вы знаете, как их зовут? Откуда они? Кто это с ними сделал?

Женщина с сожалением смотрела себе под ноги.

— Нет. Я точно знаю, сколько их, как они выглядят, но больше ничего. Никто из них не разговаривает.

Разочарование расцвело буйным цветом.

— У меня та же проблема.

На этот раз собеседница посмотрела на меня с любопытством.

— А вы, собственно, кто?

Я изобразила полуулыбку:

— Портал. К вашим услугам в любое время, когда будете готовы.

Еще раз сделав ненужный ей вздох, она меня снова удивила:

— Каким-то образом я догадывалась. Что ж, полагаю, я готова. Дело сделано. Чем дольше я буду здесь, тем дольше Кенни будет откладывать на потом свою жизнь. Боюсь, я так стремилась привести его сюда, что он успел поклясться ждать меня и никогда больше не жениться.

— Ну и ну!

— Не могли бы вы передать ему сообщение?

— Само собой.

— Попросите его построить дом вон там, — собеседница указала на место метрах в пятидесяти позади нас. — А здесь пусть разобьет сад. В память об этих женщинах. Разумеется, когда сможет. Кто знает, сколько власти будут удерживать землю под замком.

— Я все ему передам.

Она оглянулась на мужа. У него покраснели глаза и ссутулились плечи, а сам он смотрел на какой-то полевой цветок, который вертел в пальцах.

— Замечательный он негодяй, — проговорила она и шагнула ко мне.

В мыслях заиграл калейдоскоп немых картин из ее жизни, пока ее сущность впитывалась в мое тело, текла по моим венам. В детстве она занималась балетом, но пачкам и чешкам предпочла седло и ковбойские ботинки. У нее была лошадь Корица и пес по кличке Тост. Их похоронили на ферме ее родителей в окрестностях Эль-Пасо.

Когда она впервые увидела Кенни, он готовился к выступлению на ярмарке. Ей было девятнадцать, и ее приводило в восторг, как кожаные чапсы на его ногах оставляли

неприкрытой самую лучшую часть его тела. О чем она напрямую ему и сообщила. С тех самых пор они были неразлучны. Кроме нескольких недель, которые он провел в пьяном угаре в Мексике, после того как белый бык по кличке Ураган сломал ему два позвонка. Она выследила Кенни и нашла в номере какого-то отеля. Кенни был в отключке, а рядом с ним лежала другая женщина. С разбитым сердцем моя новая знакомая отослала ту женщину восвояси, упаковала вещи Кенни и привезла его домой на ранчо. Она никогда не говорила ему, что знала о другой, да и он никогда об этом не упоминал. Как будто вовсе и не помнил о ней. Именно в этом себя всю жизнь убеждала моя собеседница.

Но она любила его так же отчаянно, как он объезжал быков. Последним, что она видела перед смертью, было его лицо, и это стало ее самым драгоценным воспоминанием.

Глубоко вздохнув, я вцепилась в руку дяди Боба, чтобы не упасть. Он подхватил меня под локти и спросил, пока я переводила дух:

— Что случилось?

Я стерла выступившие на глазах слезы.

— Она перешла.

— В смысле? Это как?

Дядя Боб все еще не в курсе всех подробностей. Он знает, что я умею говорить с умершими, и больше ничего.

— Она перешла на другую сторону, — как могла, объяснила я.

— То есть поговорить с ней больше нельзя?

— Нельзя. Но она не знала, чьих это рук дело.

Заметив, что я расстроена, к нам подошла агент Карсон:

— Вы тут как? Порядок?

Я выпрямилась и отпустила дядю Боба.

— Их двадцать семь. — На сегодня с меня было достаточно, поэтому я направилась к джипу Дибби. — Пусть не останавливаются, пока не найдут всех. Двадцать семь.

На обратном пути мы почти не разговаривали. Дядя Боб подвез меня до Развалюхи. У него были вопросы. Ему хотелось больше узнать обо мне. О том, что произошло на месте преступления. Но я включила настроение в режим «мрачнее тучи» и не оставила ему шансов на беседу по душам.

Я подумывала узнать, на работе ли еще Рейес, но в итоге решила пересечься с Куки. Курс занятий подходил к концу, и перед тем, как ехать к Ким Миллар, мне хотелось убедиться, что Кук все сдала. Чтобы мой план сработал, от Ким мне было нужно полное сотрудничество. И я собиралась этого добиться во что бы то ни стало, потому что никакого запасного плана у меня не было. Ну разве что молиться. Захочет ли Рейес потом со мной разговаривать? Любовь покойной миссис Найт к Кенни находила отклик в самых глубоких уголках моей души. Я понимала, каково это — так отчаянно любить. Так невыразимо в ком-то нуждаться. Для моего сердца Рейес был силой гравитации.

— Ты как, милая? — спросил Дибби, когда я уже собиралась вылезать из машины.

— Порядок. Спасибо, что ни о чем не спрашивал.

— Ну знаешь, это всего лишь отсрочка. У меня уйма вопросов, можешь не сомневаться.

— Лады.

Захлопнув за собой дверцу, я прокралась в оружейный магазин «Прицел». Наверное, не самый гениальный мой поступок, учитывая, что это все-таки оружейный магазин и любой, кто внутри, мог убить меня с расстояния в сто метров, и глазом не моргнув. Но помещение, где Нони проводил свои занятия для тех, кто собирался носить оружие, находилось в задней части магазина.

Дверь в комнату была открыта, и до меня внезапно дошло, как это классно, что Нони взял Куки без предварительной записи. В классе сидело около двадцати пяти учеников, а Нони, как правило, больше пятнадцати за раз не берет.

— Понимаю, — сказала ему Куки, — правда, понимаю. Только не знаю, будет ли это так легко. И не важно, какие сложатся обстоятельства.

На цыпочках я вошла в класс и очень постаралась слиться с дальней стеной.

Нони кивнул Куки. Он был среднего телосложения, с густыми черными волосами и оливковой кожей. Владел местной автомастерской, был экспертом по огнестрельному оружию и вел занятия по технике безопасности владения оружием уже больше двадцати лет.

— Значит, ты вынесла из этих занятий все, на что я надеялся. Это нелегко. Целиться в кого-то из пушки и нажать на спусковой крючок нелегко и не должно быть легко.

Куки смотрела на него как-то рассеянно, словно ее мысли были за тысячи километров отсюда. Видимо, до того как я пришла, Нони сказал что-то такое, что заставило ее задуматься. А это всегда опасно. Надо будет в следующий раз его предупредить.

— А если... — голос Куки оборвался, и она замолчала, пока не взяла себя в руки. — Что, если твоего друга, живущего за стенкой, пытается человек, который приставил дуло пистолета к виску твоей дочери?

Из меня будто вышибли дух. Всего несколько дней назад я рассказала Куки о том, что Эрл Уокер держал пушку у виска Эмбер. Раньше я просто не знала, как ей сказать. Да и со всей это пыточной фигней справлялась не так хорошо, как хотелось бы. Разве можно ожидать большего от Куки?

Судя по всему, дядя Боб и об этом проболтался Нони. Потому что Нони ни на йоту не удивился. Он наклонился вперед и уставился ей прямо в глаза:

— Тогда придется целиться наверняка.

— А если бы... если бы я не смогла нажать на крючок, даже если бы была там? — Голос Куки надломился, и я прямо с того места, где стояла, ощутила всю тяжесть ее горя. Тяжесть, которую сама едва переносила.

— Куки, это решение, которое нужно принять до того, как достанешь пистолет. И что-то мне подсказывает, что в таких обстоятельствах ты бы не сомневалась.

Я шагнула к выходу. Меня пожирала боль. Не давала дышать. Застилала слезами глаза. Не из-за воспоминаний, а из-за того, что я узнала, как сильно та ночь повлияла на мою лучшую подругу.

— Только посмотрите, кого к нам черти принесли. — Нони заметил меня, как только я вошла, но повел себя так, будто я только что появилась. Цены ему нет.

Все обернулись ко мне, и я, улыбнувшись, неуверенно помахала в знак приветствия:

— Всего лишь проверяю, чем занимается моя помощница. Не пропускает ли занятия, не убила ли кого. Ее за таким не раз замечали.

Куки тоже оглянулась. Сначала удивилась, потом смутилась. Причем совершенно без

причины.

— Нет-нет, не за убийством, — тут же уточнила я. — Ничего такого она никогда не делала. Зато в прогулах профи. Черный пояс у нее по этому делу.

— Это моя бывшая ученица. Частный детектив. Подрабатывает консультантом полиции. — Нони махнул, приглашая меня подойти. — Держу пари, у нее есть для нас интересные истории.

Нахмурившись, я поджала губы и поплелась обнять Нони. Кому-кому, а ему уж точно известно, что историй у меня хоть отбавляй. Дядя Боб ему все выкладывает. В конце концов я улыбнулась, зная, что сейчас у меня появится ямочка на щеке, и повернулась к аудитории.

— Вообще-то, есть у меня одна история. Однажды, когда я ходила на занятия к Нони, в классе появилась женщина. Кофточка в обlipку и все такое, и Нони чуть не...

— Да ладно тебе! — перебил меня Нони, положил мне на плечи руку и согнул в локте, заблокировав шею. После чего взъерошил мне волосы на макушке и добавил, смеясь над тем, как я хныкаю от унижения: — Любит она приврать. А теперь благодарю всех вас за то, что ходили на эти курсы. Я займусь документами, и через пару месяцев все вы получите свои разрешения.

Все поднялись со своих мест и двинулись на выход, однако отпускать меня Нони не торопился. Явно не хотел, чтобы та история всплыла на свет божий. Нет, ничего такого не было — он никуда не вляпался и ничего плохого не сделал. И слава богу, иначе пришлось бы многое объяснять жене.

— Значит, проверяешь, чем я занимаюсь? — спросила Куки, не глядя на меня.

— Ага, — ответила я, стараясь не обращать внимания на то, как звучит мой голос из-за расплюснутых щек. Нони обменивался с кем-то рукопожатиями и отвечал на последние вопросы. — Переживала, что ты бросишь занятия после того случая с катанием по земле.

Она тихо рассмеялась и взяла сумочку.

— Мне здесь понравилось. Ты была права.

— Говорила же.

— И я понятия не имею, что ты имела в виду. — Куки явно собралась уходить. — Никакой Нони не фанатик.

Вот гадство. Хватка Нони стала крепче, и я опять почувствовала, как сама смерть ерошит мне волосы. Все были правы. Я никогда не придавала этому значения, но все действительно были правы: расплата легкой не бывает.

*Если бы не полиция и законы физики,
фиг бы меня остановили.*

Надпись на футболке

Снаружи у магазина я объяснила Куки, зачем прислала ей эсэмэску о Ким Миллар. Если бы я описывала реакцию Кук, то краше слова «офонаревшая» не нашлось бы. В итоге я изложила ей свой план, и она согласилась. В любом случае, попытаться стоило. Короче говоря, двадцать минут спустя я уже стучала в бирюзовую дверь Ким. Снова и снова. Снова и снова. Нутром чуяла, что она в доме, но открывать не хочет. Мало того, она испытывала чувство вины, от которого сгущался воздух и возникало гнетущее ощущение.

После третьего захода со стуком и моего комментария «Я никуда не уйду, Ким!» дверь открылась. Сестра Рейеса всегда казалась мне хрупкой, и на этот раз ничего не изменилось. Она была словно фарфоровая — изящная и тоненькая. Я вечно боялась, что она рассыплется от одного неосторожного слова.

— Прошу прощения, — сказала Ким, жестом приглашая меня войти. — Я мыла посуду. А на вид будто и маковой росинки не съела с последней нашей встречи.

— Не могли бы мы поговорить?

— Конечно. — Похоже, Ким не очень обрадовалась этой идее, но возражать не стала.

Мы уселись в ее крошечной гостиной. Солнце уже село, и в комнате горела одна-единственная лампочка, в тусклом свете которой заострившиеся черты лица Ким становились заметнее.

— Вы его видели? — тихо и неуверенно спросила она.

Я рассердилась:

— Видела, и он должен был повидаться с вами, как только вышел на свободу.

Как всегда, защищая Рейеса, Ким покачала головой:

— Нет-нет, я все понимаю. Он не хочет, чтобы кто-нибудь обо мне знал.

— Так было раньше, когда его обвинили в убийстве. А сейчас у него нет причин откладывать встречу.

Ее глаза тут же наполнились слезами.

— Причин у него хоть отбавляй. Вы не знаете, через что ему пришлось из-за меня пройти.

— Вообще-то знаю. — Она посмотрела на меня вопросительным взглядом, и я добавила: — У меня есть снимок.

— Снимок? — Всю нервную систему Ким затопила волна дикого страха.

— Да, на котором Рейеса... — Я не знала, как помягче об этом сказать. Вряд ли существуют слова, которыми можно было бы помягче описать изображение на том фото. — Однажды вы мне сказали, что Эрл Уокер хранил в стенах фотографии. О них и шла речь? О фотографиях, на которых Рейеса пытаются?

Ким прикрыла тонкой ладонью рот, по щекам потекли слезы.

— Поэтому вы сжигаете дома, в которых когда-то жили? Потому что Эрл прятал в стенах снимки?

Удивление Ким было почти осязаемым, а горе, которое она излучала, — еще плотнее. Она поднялась и сходилa в кухню за двумя стаканами сладкого чая и полотенцем, потом снова села на диван. Я видела, как в ней растет решимость.

— Да, — сказала Ким, закрыв от стыда глаза. — Я сжигала здания, дома, разваливающиеся гаражи. Все места, где мы жили, и где Эрл издевался над моим братом. Все они запачканы, запятнаны позором и скверной. — Она передала мне стакан и сама отпила глоток чая.

Давая ей время привыкнуть к ситуации, я тоже сделала глоток и только потом спросила:

— Знаю, мы об этом уже говорили, но все-таки, Ким, Эрл... он когда-нибудь...

— Нет, — перебила она, тяжело сглотнув. — Никогда. Меня он никогда и пальцем не трогал. — Она снова посмотрела мне в глаза, и во взгляде читалось лишь одно — чистейшее отвращение. — Ему нравились мальчики. А особенно Рейес. Женщины у него бывали изредка, когда не оставалось иного выбора. — На лице Ким отразилось недоумение. — Что, бога ради, находили женщины в этом скопище помоев?

Я покачала головой, заметив в Ким силу, которой не видела раньше. Отчаянную решимость защитить Рейеса во что бы то ни стало. Ради него она была готова на все, а он даже из банальной вежливости не нашел времени повидаться с ней после освобождения. Прямо сейчас я была зла на него как черт, но с этим можно разобраться позже. В данный момент меня заботила лишь Ким и то, как ей помочь.

Глядя на нее, я еще раз молча глотнула чая. Ей определенно нужно было выговориться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Рейес делал все, чтобы меня защитить. Мало того, он до сих пор меня защищает. Сами посмотрите: у меня есть дом, есть деньги.

О деньгах я знала. Ким сама мне рассказывала. И эти деньги играли далеко не последнюю роль в моем плане. Пятьдесят миллионов долларов ублажат любую страховую компанию, тем более что почти все места, где жили Ким и Рейес, почти все дома, которые она сожгла, представляли собой одно сплошное убожество. Чтобы Ким внимательно меня послушала, я коснулась ее руки.

— Ким, мне кажется, я смогу устроить вам сделку.

— Сделку?

— Да. С полицией. С окружным прокурором.

— Понимаю, — она смущенно опустила взгляд. — Разумеется, меня арестуют. Но я специально проверяла, чтобы в тех зданиях никого не было. Я бы никому не причина вреда.

— Знаю. И сделаю все, чтобы убедить в этом власти. Думаю, если мы заплатим страховым компаниям и предложим владельцам зданий возмещение ущерба, то, учитывая обстоятельства...

— Нет! — Ким вскочила и отшатнулась от меня. — Вы не должны впутывать в это Рейеса. Никто не знает, что он вообще со мной как-то связан, и я не потащу его за собой на дно. Если станет известно, что...

Я поставила стакан и тоже встала.

— Но если это нам помо...

— Нет. Чарли, даже когда он сел в тюрьму, никто не знал о том, что делал с ним Эрл. Вы не понимаете, какие на нем остались шрамы. Какой груз они в себе несут.

Она права. Я не понимала. Однако, если мне придется устраивать сделку века, я буду вынуждена втянуть в это Рейеса. Если даже ради спасения собственной задницы он не хотел говорить правительству, что у него есть псевдосестра, то ради того, чтобы ее не посадили в тюрьму, он, без сомнения, пойдет на что угодно. Лично я до смерти боялась, что в тюрьме Ким не выживет. А если я сдам ее полиции и она действительно пропадет, кого тогда станет винить Рейес? У него попросту не будет выбора — он обвинит меня.

Ким снова села и глотнула чаю, чтобы успокоиться. Я последовала ее примеру, но так ни слова и не сказала. Ей нужно было время взять себя в руки, а мне необходимо было решить, как сильно я готова увязнуть. Если пойду к дяде Бобу и окружному прокурору и начну все объяснять, мне понадобится хоть какое-то доказательство... И тут меня осенило. В чистосердечном признании Ким нет никакой нужды. У меня есть фотография. Крошечный осколок того, что именно она пыталась сжечь.

— Я на минутку, — проговорила Ким, и я кивнула, глядя как она уходит в ванную.

Теперь у меня появилось время обдумать свой план. Я понятия не имела, сработает ли он, или окружной прокурор закует Ким в наручники, как только мы появимся. Значит, мне нужны хоть какие-то гарантии. Я глянула на часы в телефоне. Почти восемь. Если звякнуть дяде Бобу, он успеет созвониться с окружным прокурором и подготовить все в лучшем виде к завтрашнему утру. В случае крайней необходимости я всегда могла положиться на Диби. В сложившейся ситуации он, кроме того, мог бы подсказать, что именно нам делать, пока будет хлопотать над соблюдением прав и обеспечением безопасности Ким. Может быть, стоит позвонить Джемме и попросить приехать на встречу в качестве поддержки. А еще, наверное, надо бы нанять хорошего адвоката на случай, если все покатится в тартарары.

Через несколько минут Ким вернулась. Было заметно, что она плакала. Волосы она собрала в хвост и успела переодеться. Теперь вместо хрупкой и ласковой школьной учительницы передо мной стояла шпионка международного класса, с ног до головы одетая в черное.

Я приподняла брови, но, когда Ким опять села на диван, почувствовала головокружение. Где-то в затылке зародилось тепло и распространилось по всему телу. Внезапно я вспомнила, что не ела с обеда, а это было несколько часов назад. Видимо, уровень сахара в крови резко понизился. Может быть, когда вернусь домой, упрошу Рейеса что-нибудь мне приготовить. Хотя если бы он знал, что именно у меня на уме, то уж наверняка бы подсыпал в тарелку яду. Яд!

Я моргнула и уставилась на чай. Стакан выглядел как-то размыто, а потом наклонился, и чай потек мне на руку и на ковер. Ким обняла меня и осторожно подтолкнула к спинке дивана, чтобы мне было удобно. И все-таки я чувствовала себя так, будто меня скрутили в узел.

— Мне очень, очень жаль, Чарли, — сказала Ким, глядя на меня сверху вниз. — Осталось еще одно место. — Ее брови задумчиво сдвинулись. — И на этот раз придется постараться.

— Вы... вы меня опоили?

— Осталось еще одно здание, и все будет кончено. Я обо всем позаботилась. Деньги переведены на имя Рейеса. Если он захочет заплатить страховым компаниям, дело его.

Мои веки отяжелели и начали закрываться.

— Погодите, — сказала Ким, поглаживая меня по щеке.

С трудом моргнув, я взглянула на нее.

— Все документы в кухне, в ящике стола. А вот записка для Рейеса. — Показав мне записку, которая расплывалась перед глазами, она засунула ее в карман моих джинсов. — Я не хочу, чтобы копы ее видели. Прошу вас, передайте ему, что я любила его с той самой секунды, когда впервые увидела.

Ага, я ее понимала, как никто.

— И еще... — она помолчала, задумавшись, а потом усмехнулась. — Еще скажите ему, что мы с ним обязательно встретимся.

Голос Ким уплывал все дальше и наконец совсем стих, а я утонула в теплой и пушистой тьме.

— Дья Буль, — невнятно промямлила я. Язык напрочь отказывался сотрудничать.

— Знаю, Чарли, ты расстроена, но это не повод обзывать.

— Не-е, и не онил. — Что за хрень я несу?

— Что за хрень ты несешь?

А ведь собиралась сказать «Ты не понял». Стиснув зубы, я постаралась изо всех сил:

— Ожо... — Супер, теперь я, видите ли, говорю по-французски. — Под. Под... жо... ги.

— Поджоги? Поджигатель? — переспросил Диби, резко заинтересовавшись моими словами.

К сожалению, в ответ он получил только «Ахоес-та». Сама не знаю, что это такое. Тяжело сглотнув, я поковыляла на улицу. Переставлять ноги и одновременно говорить стало огромной проблемой. Но прохладный воздух, кажется, помог. Я тряхнула головой.

— Пожигатель. Я хочу залюбить съелку. Сделку. Только времени в обреш.

— Почему?

Гадство. Ким точно порушит все мои планы.

— Еще одно ждание, или дом, вот-вот шгоит к чейтовой бабушке. Пьедупледи пожалных, — выдавила я. — Я попытаюсь найти пожигателя до того, как это шлучится.

— Имя, Чарли, — потребовал дядя Боб, явно не желая, чтобы ему зубы заговаривали.

А зубы заговорить я и забору могу.

— Жавтя утлом пейвым делом я буду у тебя. Пойдем к пьёкуёю. Чешное шлово. Я все обьяшню.

— Говори сейчас же, или, клянусь, привлеку тебя за пособничество.

— А это, дядя Боб, вопиющая нешпьяведливошть.

— Опиши хотя бы автомобиль. Я разошлю ориентировки.

Классная идея, кстати. Правда, я не знала, есть ли у Ким машина. Зарегистрированных на ее имя точно нет. Я проверяла.

— Жвони, как только услышишь что-то о пожае. — Надеюсь, Диби понял, что я нагородила.

— Чарли, ты подвергаешь невинных людей опасности.

Он явно был во мне разочарован.

— Она никому не причинит вреда. Шам жнаешь.

— Она?

— Прощо пожвони, как только будут новопшти.

— Не придется. Пожар уже был. Почерк тот же.

Уже? Сколько же я провалялась в отключке?

— Где?

— Знаешь что? Я скажу, когда ты все расскажешь.

Не успела я придумать, чем еще заговорить ему зубы, как дядя Боб повесил трубку. Практически у меня перед носом. Я закатила глаза, отчего чуть не отужинала асфальтом. Пришлось позвонить Куки, чтобы узнать, где был пожай. То есть пожар. Ужас какой-то, я даже думала невнятно!

— Горела трава, — сообщила Куки, просмотрев новостную ленту в сети. Слава богу за чудеса интернета. — Пока только об этом и говорят.

— Трава? — Странно как-то.

— Ой, минуточку. Да, точно, горела трава, но под ней сгорело какое-то подземное помещение.

— Типа бункера? — уточнила я.

— Наверное. Как раз сейчас выясняют. Оттуда и начался пожар.

Неужели Эрл заставлял Ким и Рейеса жить в каком-то бункере? Если подумать, с него станется. И Ким была права. Тут пришлось постараться. Как вообще можно спалить здание, которое находится под землей? Она явно поднаторела в поджигательском деле. Может быть, это создаст ей громкое имя среди разномастных бандитов, и Ким вполне себе впишется в сливки общества какой-нибудь исправительной колонии.

Я потихоньку сдавала задом, чтобы выехать с подъездной дорожки, как вдруг в свете фар появилась Ким. Дернув ручник, я выскочила из Развалюхи. Внутри меня тоже разгорался пожар, вот только дровишек в него подкидывало странное и малознакомое мне чувство оскорбленной невинности.

— Вы меня опоили! — сердито рявкнула я.

Какая-то женщина выгуливала собаку и остановилась послушать ссору, но, заметив, как мы обе на нее уставились, опустила голову и пошла дальше. Ей хватило вежливости напустить на себя пристыженный вид. Ким, не женщине с собакой.

— Совсем чуть-чуть.

— Чуть-чуть? Как я понимаю, пока я была в отключке, вы успели спалить весь мир.

— Всего лишь крошечный его уголок. — Она продемонстрировала размеры упомянутого уголка большим и указательным пальцами.

— А еще я разговаривала, как идиотка, когда звонила дяде Бобу.

Ким развела руками:

— Простите. Я вовсе не хотела, чтобы вы разговаривали, как идиотка.

Свои руки я сложила на груди.

— Итак, вы закончили? Теперь мы можем обсудить мой хитроумный план, как вам не попасть в тюрьму? Или вы все еще собираетесь покончить с собой?

На ее лице отразилось удивление, и я поняла, что она... ну, удивлена. Но меня не проведешь. Знаю я, как люди готовятся к самоубийству. Ким привела в порядок все свои дела и определенно собиралась наложить на себя руки сегодня же. Как бы там ни было, меня все-таки интересовало, что ее остановило. Или поездочка в морг все еще входила в ее планы?

— Нет-нет, я... — Ким поджала губы, и по ее щеке скатилась слеза.

— Зря стараетесь, милочка. — Я схватила ее за руку и потащила обратно в дом. —

Больше я на этот трюк не куплюсь. Вы куда сильнее, чем я себе представляла.

— Неправда, я смиренная и слабая.

— Расскажите это в суде, сестричка. А сейчас нам нужно сверить часы.

— Но я не ношу...

— Это образное выражение. — Втолкнув ее в дом, я закрыла дверь. — Как думаете, сумеете сделать мне чашечку кофе без особых добавок?

— Сумею.

Ким пошла в кухню, я — за ней. Чтобы следить за каждым ее действием. Смирная и слабая, чтоб меня.

План Ким сходу забраковала. Она твердо намеревалась пойти в участок и во всем сознаться. Честно говоря, такой нюанс в плане присутствовал, но сначала нужно было кое-что предпринять, чтобы гарантировать Ким непредвзятое отношение. Как только я убедила ее в этом и перестала угрожать заявлением по поводу подсыпанной в чай гадости, она решила хотя бы обдумать мое предложение.

Вот только что скажет дядя Боб? Или капитан? Или сам окружной прокурор? Ким напрочь отказывалась поднимать в переговорах тему о том, почему вдруг стала пироманьяком. Она сжигала воспоминания. Пыталась защитить Рейеса, избавиться от фотографий в стенах. Полностью очистить свое прошлое. Если ей не хотелось об этом говорить, что ж, придется уважать ее решение, но у меня по-прежнему оставался кусочек доказательств. То есть снимок. С Рейесом. Если я покажу фотографию окружному прокурору, если Ким во всем сознается и выразит готовность заплатить страховым компаниям, наверняка сделке дадут ход. В конце концов, Ким действительно оказала городу услугу. Места, которые она спалила, жуткие дыры, где они жили, всем мозолили глаза.

Промчавшись по лестнице, я ворвалась в собственную квартиру и только потом вспомнила, что у меня гости. Считать я не стала, но готова была держать пари, что женщин здесь было ровно двадцать семь. А это, мягко говоря, ну очень много.

Одна ползала по ковру, отчаянно пытаюсь найти откуда-то выход. Вторая в буквальном смысле клоками выдирала на себе волосы. Все, с меня хватит. Я присела рядом и взяла ее за руки. Женщина все еще покачивалась вперед-назад, но, похоже, немного успокоилась. Я обняла ее и молча смотрела, как другие пытаются забиться в шкафчики, ползают по стенам, дрожат под столом.

Массовое захоронение мы нашли, но дальше-то что? Что нужно этим женщинам? Если они хотят дождаться, когда найдут их убийцу, то ожидание может затянуться. А мне придется обосноваться на пожарной лестнице.

Когда женщина, которую я обнимала, совсем притихла, я аккуратно, стараясь ни на кого не наступить, прошла к комоду, где хранила фотографию. Но ее там не оказалось. Начиная нервничать, я прошерстила остальные ящики. Немножко обрадовалась, обнаружив боксеры с надписью «Кайфуй с умом» на заднице, покопалась в носках, майках, шарфиках. Ничего. Уже когда спальня выглядела так, будто ковер бомбили одеждой, до меня дошло, куда делся снимок.

Рейес. Он расстроился, когда нашел фото. Наверняка он его и взял.

Прихватив ключ от его квартиры, я решительно направилась туда. Точнее решительно сделала несколько шагов.

— Где моя фотография? — спросила я, найдя Рейеса. В спальне. В одном полотенце. Все еще мокрого. Пресвятая колбас...

— Когда ты собиралась поделиться со мной планами насчет моей сестры?

Он застал меня врасплох. В глазах искрился гнев. С сестрой он много лет не разговаривал. Откуда, черт возьми, он постоянно узнает, когда я с ней пересекаюсь?

— А ты в курсе, что твоя сестра собирается сделать?

Рейес застегивал на запястье часы с широким кожаным ремешком.

— Мне казалось, у нас с тобой договор. Ты к ней не лезешь — я не рублю тебя пополам.

— Ну нетушки. — Я подошла и ткнула ему пальцем в грудь. — Даже не думай мне угрожать.

— Кто сказал, что это угроза?

Да уж, нравятся ему крутые речи.

Я шагнула ближе. Меня тут же обступил его запах — аромат пустыни после грозы. Жар, который излучал Рейес, с каждой секундой становился горячее.

— Если еще хоть раз станешь мне угрожать...

— То что? — спросил он, сложил руки на груди и, прищурившись, окинул меня взглядом.

Мне пришлось откашляться.

— Если еще хоть раз станешь мне угрожать, я тебя свяжу. — Однажды я уже его связала. Привязала нематериальное тело к материальному. Рейес оказался заперт в физической оболочке, и это ему ни капельки не понравилось.

Он приподнял брови, в комнате стало еще жарче. Шагнул ко мне, и между нами почти не осталось свободного пространства.

— И как же тебе это удастся, — спросил он, и я отчетливо разглядела, как мерцают его глаза, — если ты не сможешь говорить?

Внутри меня вспыхнул гнев. Я глянула на полотенце, на тени во впадинках между мышцами. Рейес шагнул вперед, вынуждая меня пятиться, а я не могла отвести глаз от кубиков пресса, которые двигались вместе с ним. Он продолжал наступать, пока я не прижалась спиной к стене. Я положила руку ему на грудь, он уперся ладонями в стену позади меня.

— Мне казалось, мы покончили с твоими мелкими угрозами, — выдавила я.

Взгляд Рейеса опустился к моему рту.

— Мои угрозы никогда не бывают мелкими. — Он облизнулся и прикусил губу, словно о чем-то задумался.

— Мои тоже. Прекрати мне угрожать, и мы на всю жизнь останемся хорошими друзьями.

Рейес склонил голову набок.

— Неужто думаешь меня приручить? — Все еще глядя на меня, он открыл верхний ящик комода, достал поляроидный снимок и отдал мне. — Приручить вот это?

Смотреть на фото я не стала. То, что на нем изображено, въелось мне в мозг с первого взгляда. Рейес с повязкой на глазах крепко привязан к стулу веревками, впивающимися в плоть и открывающими раны, которые уже начали исцеляться. Я сразу его узнала. По густым

темным волосам, по текучим линиям татуировок, по прекрасным, чувственным губам. На фото ему лет шестнадцать. Голова отвернута в сторону. Губы крепко сжаты от унижения. На шее и ребрах — огромные черные синяки. Руки и торс покрыты длинными глубокими порезами. Некоторые свежие, некоторые уже наполовину зажившие.

Я поклялась себе никогда больше не смотреть на эту фотографию. Но я не идиотка и никогда бы ее не выбросила. Она была доказательством того, через что пришлось пройти Рейесу. Через что пришлось пройти им обоим. И теперь снимок поможет Ким.

Не глядя не фото, я засунула его в задний карман.

— Даже не посмотришь на меня? — спросил Рейес.

— Это не ты, Рейес. А то, что с тобой сделали.

На его губах заиграла улыбка, в которой было очень мало веселья.

— И ты думаешь вылечить меня, как птичку со сломанным крылышком.

Я коснулась полотенца.

— Я думаю, что ты уже большой мальчик и знаешь, что я рядом, что бы ни случилось.

Чтобы подразнить его, я провела пальцами по краю полотенца, потом ниже, прикоснувшись к самому интересному. Ей-богу, он вовсе не был так зол, как казалось на первый взгляд.

Рейес застыл.

— Что бы ни случилось?

— Что бы ни случилось, — повторила я, пытаюсь хоть немного сдвинуть его с места. — Но заруби себе на носу: ты меня получишь, как только перестанешь сыпать угрозами всякий раз, когда я пытаюсь настоять на своем. А до тех пор будем соседями. — Я попробовала нырнуть ему под руку, но Рейес опустил ее, заблокировав мне путь к бегству.

— Шутишь, что ли?

Я глянула на него:

— Вовсе нет. Пойду я, если ты не против, — и кивком указала на его руку.

Вместо того чтобы отступить в сторону, он шагнул ближе, и между нами остались какие-то сантиметры.

— Соседями?

Пожирающий его огонь просочился сквозь мои джинсы и свитер и затанцевал на коже. Я прижалась затылком к стене и уставилась снизу вверх на Рейеса. Прошло какое-то время. По идее, он должен был либо отступить, облегчив нам обоим жизнь, либо что-то сделать, чтобы мои попытки уйти стали по-настоящему мучительными. Однако ничего не произошло. Он просто стоял и внимательно на меня смотрел. Поначалу я ничего не поняла, а потом почувствовала. Почувствовала его. Осторожно, словно изучая, в меня текла горячая энергия.

— Если бы я хоть чуть-чуть верил, что ты всерьез принимаешь мои угрозы, я бы рта не раскрыл.

На ум мигом пришла уйма вещей, которые он мог бы сделать ртом.

— Это не оправдание, — сказала я и удивилась, как тихо звучит мой голос.

— Когда я тебе угрожаю, ты перестаешь меня жалеть.

— Сочувствовать, — уточнила я.

— Мне намного легче принять гнев, чем жалость.

— Сочувствие, — опять брякнула я.

— Можешь подобрать хоть тысячу эвфемизмов, но жалость остается жалостью.

— Речь о сострадании.

— Об утешении того, кто достоин сожаления.

— О глубоком понимании того, через что тебе пришлось пройти. Искренне, от всего сердца. А если тебе так уж тяжело с этим смириться, то смело можешь поцеловать меня в зад.

— Предложение?

— Факт.

Рейес опустил голову.

— Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

— Это, конечно, очень странно, но я доверяю. Что бы ты там ни говорил, я тебе доверяю.

Он заключил в ладони мое лицо и погладил пальцами виски.

— Очень доверяешь?

Я тут же начала расслабляться. Все-таки его прикосновения оказывают удивительный эффект.

— Прямо сейчас — очень. Но ты все равно меня не получишь, пока не научишься прилично себя вести.

Рейес прижался лбом к стене сбоку от меня. Нет, ко мне он не прикасался, но был так близко, что я ощутила на шее его дыхание, когда он тихо проговорил:

— Ну так научи.

Смысл его слов вкупе с глубоким тембром голоса окончательно меня довел. И Рейес, черт его дери, прекрасно знал, что так оно и будет. Тщательно выстроенная система сопротивления дала сбой, и я всем существом потянулась к нему. Осторожно коснулась руками твердого живота. Медленно провела пальцами вниз до полотенца, чувствуя, как от прикосновений сокращаются мышцы. Потянула за ткань, и она упала к нашим ногам. Сердце Рейеса забилося чаще. Кровь быстрее потекла по его венам. Или по моим. Не важно. В комнате стало еще жарче.

— Положи ладони на стену, — решительно сказала я, нырнула ему под руку и подтолкнула вперед, пока он весь не прижался к стене.

Глядя на него, я смаковала обстоятельства. Рейес Фэрроу в полном моем распоряжении. Вынужденный слушаться меня, подчиняться приказам. Блин, я ведь могу к такому привыкнуть. А тем более могу привыкнуть видеть его голым, когда мне заблагорассудится. Пока я пожирала его глазами, он оглянулся. Влажные темные волосы упали на лоб. Глаза мерцали. Весь его вид просто кричал о совершенстве. Я опустила взгляд на стальную задницу с впадинками с обеих сторон, которые тут же стали глубже от напряжения. Шагнув ближе, провела пальцами вниз по позвоночнику Рейеса. Мышцы спины застыли под кожей. Я пошла дальше — провела ладонью по скульптурной заднице, скользнула ниже и обхватила основание члена. Рейес опустил голову. Руки на стене сжались в кулаки. Внутри него кипела борьба за самоконтроль.

Пока я ласкала его, стоя сзади, влажное тепло разлилось у меня между ног. Я подалась ближе, вжалась в изгиб его спины и обняла за талию свободной рукой. Провела ладонью вниз и сжала спереди.

— Твою мать, — резко выдохнул Рейес.

Я почувствовала, как кровь прилила к члену, не давая мне сомкнуть вокруг него пальцы. Твердый, как камень, он пульсировал в моих руках, наполняя головокружительным ощущением власти. Рейес остро реагировал на каждое мое прикосновение, каждую ласку. Я

провела пальцами по всей длине, и он простонал сквозь стиснутые зубы. Его голос показался мне лишь ломкой оболочкой настоящего. Хрупкой. Уязвимой.

Я вошла в ритм, продолжая сжимать его у основания.

— Датч. — Хриплый голос был почти таким же сексуальным, как и его обладатель. — Подожди.

Но я не послушалась. Я вела его к краю пропасти, к самой грани оргазма, потому что тоже все чувствовала. Словно не я его ласкала, а он меня. Жар в животе стягивался в тугий узел, прорастая ниточками по всему телу. Мне хотелось большего. Я опустила на колени, развернула Рейеса к себе и сжала в ладонях спереди, собираясь взять его в рот, но он схватил меня за руки и, дернув вверх, прижал к груди.

— Это уж точно не приличное поведение! — запротестовала я.

На мои слова он не обратил никакого внимания. Уткнулся носом в шею и пошел вперед, заставляя меня пятиться, пока мы не добрались до кровати. Потом поднял меня на руки, уложил на постель и прижался ко мне всем телом. Продолжая осыпать поцелуями мою шею, Рейес занялся джинсами. Расстегнул их и стащил по ногам. Каким-то чудом мне удалось избавиться от ботинок и трусиков, пока он снимал с меня свитер. Ловко, как бывалый ловелас, в мгновение ока он расстегнул лифчик и освободил Угрозу и Уилл. От прохладного воздуха соски заострились, но прохлада тут же сменилась жаром, исходящим от моего непослушного соседа. Положив на девочек ладони, он накрыл обжигающими губами сосок Угрозы. Я чуть не вскрикнула, почувствовав, как кружит по вершинке горячий язык. Рейес стал нежно посасывать сосок, и внутри меня разгорелось острое удовольствие. Словно от груди к животу протянули струну и заиграли на ней чудесную мелодию. Он занялся Уилл, а я крепко обняла его, извиваясь от едва переносимого наслаждения.

И вдруг Рейес остановился. Я открыла глаза и увидела, что он поднял голову и пристально на меня смотрит.

— Ты мне доверяешь? — спросил он.

— Как-то ты не вовремя, — ответила я, с упреком сдвинув брови. Хотя, если честно, сейчас меня мало что волновало.

Его губы были приоткрыты, он все еще тяжело дышал.

— Но ты мне доверяешь?

Я сдалась:

— Ладно, фиг с тобой. Доверяю. — Мне хотелось добавить что-то вроде «безоговорочно», «всем сердцем» и «ради всего святого, позволь мне уже кончить!», но я прикусила язык.

Рейес лежал на мне, упершись локтями в кровать, и невозможно серьезно смотрел мне в глаза. Потом опять сделал ту удивительную штуку — заключил мое лицо в ладони и потер пальцами виски. Как и в прошлый раз, я тут же начала расслабляться.

— Закрой глаза, — прошептал Рейес.

Я послушалась, хоть и не очень охотно.

— Расслабься ипусти меня, — добавил он.

От его прикосновения я словно погружалась в какой-то транс. Пальцы нежно кружили у меня на висках, и я растаяла, полностью отдаваясь его воле. А потом что-то почувствовала. Мягкое давление на разум. Разделение ткани реальности. Я услышала произнесенные слова на иностранном языке. Пусть не сразу, но я его узнала. Арамейский.

— Можно мне войти? — спросил голос, и я услышала в нем Рейеса. Легкий акцент,

глубокий тембр, вибрирующий в сознании.

Он говорил со мной на каком-то ином уровне. Где царят инстинкты и интуиция. И он хотел, чтобы я его впустила.

Я была так очарована тем, что он делает и как со мной говорит, что не сразу ответила.

— Датч. — Голос становился четче, давление на разум — настойчивее. — Можно мне войти?

На этот раз я ответила. Так же. Мысленно и на арамейском.

— Да.

В тот же миг его сущность полилась в меня. Не только в разум, а в каждую молекулу. Ниточки удовольствия поползли по спине, завязались узлом в животе, окружили сердце. Как будто в меня просочился чувственный дым. На вторжение отреагировала кожа. Стало щекотно, появилось покалывание, кожа натянулась, и вдруг показалось, что ее для меня слишком мало. Закипела кровь. Угроза и Уилл налились тяжестью от колючего голода. Под чувственными волнами сокращались и расслаблялись мышцы. По телу протянулись горячие ленты экстаза.

Требовательное давление усилилось, разлилось между ног и начало расти. Потом стало двигаться, пульсировать, биться внутри меня, подталкивая к краю. Во мне нарастала обжигающая волна, купая в сладком, неопишемом огне. Рейес сжал меня в объятиях и еще сильнее надавил на мой разум, делая ощущения глубже, резче, острее. Во мне трепетало предвкушение, и я поняла, что больше не могу. Мне нужно было ощутить внутри его плоть.

— Рейазиэль, — процедила я сквозь зубы, извиваясь и корчась под ним, и запустила ногти ему в спину, — приказываю тебе.

Зарывшись пальцами в мои волосы, он раздвинул мне ноги и одним длинным движением ворвался внутрь. Я громко ахнула. Оргазм мгновенно разбил меня вдребезги и завихрился вокруг жидким пламенем. Большого не потребовалось. Одно движение. Один глубокий удар, и буря вырвалась на волю.

Я закричала, но Рейес тут же закрыл мне рот губами, непонятно как оказавшись еще глубже. Потом вышел, покрывая поцелуями мое ухо, сильно сжал внутреннюю поверхность бедра, чтобы я не вздумала свести ноги, и опять погрузился внутрь. Снова и снова, пока волна во мне не начала расти заново. Я цеплялась за него, как за последний шанс выжить, подбадривала войти глубже, сильнее, быстрее, упивалась его удовольствием.

— Датч, — прорычал он мне в ухо.

Он так крепко меня держал, что я должна была выть от боли, но было не до того. Я впитывала каждый оттенок его ощущений, каждое мгновение мощного оргазма, потрясшего нас обоих. Тяжело дыша, Рейес напрягся, переживая сладкие, мучительные и восхитительные волны экстаза.

Когда буря стихла, он перекатился, и я оказалась сверху. Отпускать меня он определенно не собирался, да мне и не хотелось. Уткнувшись лицом мне в шею, Рейес приглушенно пробормотал:

— Нам надо встречаться.

Я рассмеялась, крепко обняла его и поцеловала в чувствительное местечко за ухом.

— Для этого тебе придется пойти в школу повиновения. У тебя огромные проблемы с послушанием.

— И черт с ним. Тогда займемся еще раз сексом, а потом уже начнем встречаться.

— Ну раз так, то ладно.

Я взвизгнула в знак протеста, когда он с рычанием опять перекатил меня на спину и начал все сначала.

Честно говоря, слабенький получился протест.

*Если бог действительно за нами наблюдает,
то меньшее, что мы можем, — это постараться его развлечь.*

Наклейка на бампер

Кто-то стучал. Точнее колотил в дверь. Хотя я и старалась изо всех сил, веки никак не хотели открываться, а тело желало оставаться в горизонтальном положении. Ей-богу, кто бы это ни был, ему крышка. В худшем случае, это какой-нибудь взломщик, которому, к сожалению, повезет застать меня в чем мать родила, но клянусь, к утру кто-то из нас будет валяться на полу и корчиться в муках.

— Какого черта? — пробормотал Рейес, как и я, борясь со сном.

Я попробовала ответить, но мой голос напоминал мычание лося, страдающего насморком, так что я заткнулась, неуклюже выбралась из-под руки Рейеса и задней лапы Артемиды и, конечно же, шмякнулась на пол. Ничего удивительного. Со мной такое частенько бывает.

— Жить будешь? — спросил Рейес, все еще лежа лицом в мягкую подушку.

Честное слово, вкус у него что надо.

— Мгм, — выдавила я, шатаясь по комнате в поисках трусов и лифчика. Ну ведь были же. А теперь-то куда запропастились?

Опять раздался стук. И голоса. А потом чьи-то шаги и опять неуверенный стук в дверь. До меня дошло, что раньше ломились не к Рейесу, а ко мне или к Куки. На секунду Артемиды подняла голову, но сон победил.

Найдя полотенце, которое было на Рейесе, я закуталась. Если людям нравится стучать в двери посреди ночи, пусть готовятся к последствиям. Споткнувшись о журнальный столик, я чудом не наравалась на цветочный горшок, отыскала наконец дверь и открыла. Потом увидела входную дверь, оставила в покое шкаф и потопала в нужном направлении.

Опять послышался тихий стук. И разговоры.

— Че надо? — рявкнула я, распахнув дверь.

К этому моменту я уже почти обрела зрение. Правда, все виделось серыми и синими пятнами, пока я не узрела Куки в халате цвета фуксии и лимонных тапочках.

— Привет, Чарли, — сказала она, пока я пыталась договориться с превратившимися от ужаса в точки зрачками. — Тебя искал мистер Своупс.

— Зови меня Гаррет, — сказал ей Своупс.

Куки застенчиво улыбнулась. Гадство. Дяде Бобу неплохо бы поторопиться.

Тем временем Гаррет повернулся ко мне:

— Здорово, Чарльз. Тяжелая ночь?

— Какого хрена, Своупс? — Я все еще разговаривала так, будто у меня насморк. — Ты хоть представляешь, как это невежливо — стучать в чью-то дверь в... — я понятия не имела, который час. — ...в такую рань?

— А мне всегда казалось, что это твое любимое время. — На Гаррете была теплая

коричневая куртка. На плече висел рюкзак.

Ко мне подошел Рейес в штанах от пижамы. Его волосы растрепались, на скулах темнела щетина, а ресницы спутались. Спутались! Черт бы побрал мужиков. Короче говоря, сексуальнее некуда. Куки еле слышно втянула носом воздух, а Своупс застыл.

— Верно, — отозвалась я, потирая кулаком левый глаз, — но у меня особые привилегии, а у тебя оправданий нет.

— Может, рассечь ему позвоночник? — спросил Рейес. Он уперся руками в косяки с обеих сторон от меня и шагнул ближе, прижавшись к моей спине.

Гаррет расправил плечи, принимая вызов. Они были почти одного роста, с почти одинаковым телосложением, почти одинаково неотразимые. Трудная у меня жизнь.

— Даже не думай, — процедила я себе под нос и наградила Рейеса своим знаменитым убийственным взглядом. Потом проводила Гаррета до своей квартиры, открыла дверь и толкнула его внутрь: — Жди здесь. — Я очень постаралась одним только голосом предупредить его не делать глупостей, а потом пошла обратно за одеждой, сказав на ходу Куки: — Жаль, что он тебя разбудил.

— Может, сделать кофе? — спросила она с такой надеждой в голосе, что отказать у меня духу не хватило.

— Давай. Только Своупс, кажется, больше по пиву.

— Я буду кофе! — крикнул тот из моей коробочки.

Я улыбнулась Куки:

— Значит, кофе.

— Бойфренда своего не забудь! — опять крикнул Гаррет.

С трудом оторвав взгляд от Рейеса, Куки направилась в мою квартиру, а я кое-как затолкала сына сущего зла обратно за порог и помчалась искать шмотки. Как мои носки оказались в кухонной раковине, ума не приложу. Зато все остальное нашлось без лишних усилий. Одеваться я пошла в стильную современную ванную. Моя ванная тоже современная. Ну или была бы, будь за окном семидесятые.

Рейес стоял в дверях, сложив на груди руки и пристально наблюдая за мной. Я же честно старалась натянуть трусы как можно скорее.

— Я и не знал, что вы так близки, — проговорил он.

Меня омыло волной чего-то неясного, и кожу закололо. Словно в меня бросили целую коробку крошечных лезвий. Сквозь зубы втянув воздух, я вдруг поняла, каково было Рейесу в баре. Это была ревность. То есть нет, не так. Я знаю, что такое ревность и зависть. Эта ревность исходила от сверхъестественного существа. От Рейеса Фэрроу.

— Все ты знал, — сказала я, стараясь разрядить обстановку. — И мы не близки. Мы коллеги. Ну типа того. Ты мой второй ботинок не видел?

Рейес махнул на цифровой ресивер под плазмой, на самом краю которого валялся кожаный ботинок.

— Точно, спасибо. Ну так как? — спросила я. — Остыл?

Он равнодушно пожал плечами.

— А одеваться планируешь?

— Не особо.

— Ну уж нетушки, — сказала я и погрозила ему пальцем.

— А что такого? — поинтересовался он с видом невинного агнца. Зуб даю, он точно знал, что я имею в виду.

— Или наденешь футболку, или останешься дома. Ты бедняжку Куки до инфаркта доведешь.

Ей и так придется несладко, когда Гаррет и Рейес окажутся под одной крышей. А если один из них будет наполовину голым... Страшно подумать.

Ухмыльнувшись, Рейес пошел к шкафу. Прекрасен, как ни крути.

К тому времени, как мы попали ко мне, кофе был готов, а Куки принесла целую корзинку кексов. Кексов! Замечательная она все-таки хозяйка. Я принесла только открытую упаковку жвачки с ниточкой из кармана внутри. Нам с Рейесом пришлось лавировать между мертвыми женщинами. Двум несверхъестественным существам это наверняка показалось странным, но никто ничего не сказал.

Все расселись в гостиной. Мы с Рейесом — на Софи, Куки и Гаррет — на двух креслах, которые, видимо, оказались недостойными получить имена. Чувство вины за такую небрежность попыталось пустить корни, но я заверила его, что просто-напросто была занята. Как только появится возможность, сразу как-нибудь назову креселки.

Гаррет принялся выкладывать из рюкзака книжки и бумажки. Похоже, сегодня я получу ответы. Кла-а-а-асс!

— Куртку снять не хочешь? — спросила его я.

— Нет, все в порядке. Я хочу кое-что объяснить. Из того, что произошло, и что я сумел выяснить.

— Зловещенькое начало, — заметила я, поудобнее устраиваясь на диване.

Рейес демонстративно положил руку на спинку, едва не касаясь моих плеч. Куки заметила, и ее лицо на мгновение превратилось в маску страстной тоски.

Гаррет тоже глянул на руку Рейеса, но потом посмотрел на меня:

— Это еще слабо сказано. Но сначала вам, наверное, стоит узнать, как я стал агентом по поимке преступников.

Неожиданно, ну да ладно.

— Ты был военным.

Он взял пачку каких-то заметок и откинулся на спинку кресла.

— Верно. И армейская подготовка пришлась очень кстати. Помнишь, я рассказывал, что мой отец был инженером в Колумбии?

— Да, — вклинилась Куки. — Его похитили, и больше ты ничего о нем не слышал.

— В яблочко. Но я никогда не рассказывал, почему так хорошо справляюсь со своей работой. У меня дар понимать людей. Я вижу мир не так, как большинство.

Как по мне, пока все было в рамках закона.

— Мой отец, — продолжал Гаррет, — был первым из нашей семьи, кто пошел в колледж. Первым, кто в жизни сделал что-то серьезное. У его предков было куда меньше склонности к образованию. Вообще-то, почти все члены моей семьи были жуликами.

— Жуликами? — изумилась я. — В смысле самыми настоящими жуликами?

— Ага. Мошенниками всех мастей и размеров. Скорее всего именно поэтому я так долго не верил в твои способности. Вообще в то, кто ты такая. Видишь ли, запас нашего

доверия крайне мал, особенно если учесть, что мы пользуемся той же тактикой, чтобы водить людей за нос. Иными словами, нам известен весь список трюков.

— Минуточку, ты серьезно? — спросила Куки, явно ушам своим не веря.

Тут я была с ней солидарна:

— Всамделишные жулики?

— Вплоть до самого прапрадеда, чей моральный облик по сей день подвергается сомнениям. Он называл себя цыганским принцем. А бабушка, бывшая в рабстве, занималась вуду и поднимала мертвых.

— Ничего себе! — ахнула Куки. — Круто.

— Да уж. Короче говоря, чтобы учиться в колледже, отцу пришлось облапошивать людей и продавать самогон. Мало того, он был очень даже знаменитым самогонщиком.

— Мой отец тоже весьма знаменит.

Все как один повернулись к Рейесу.

Куки пришла в себя первой:

— Погодите. Это что же получается? Твоя бабушка взаправду умела поднимать мертвых?

— Нет, солнце. Не зря же Гаррет всех их жуликами зовет.

— А, ну да. — Она повернулась к Своупсу. — Но это очень даже объясняет, почему ты так долго не верил Чарли.

— Вот именно, — подтвердил Гаррет и продолжил: — Даже увидев железобетонные доказательства, я все равно не смог поверить сразу. — Он поднял заметки, которые держал в руках. — И вот я подумал: а что, если все произошедшее после моей смерти, вся эта история с путешествием в ад и обратно, всего лишь хорошо продуманный трюк? Дым, зеркала и все такое, лишь бы заставить меня выполнить указания Люцифера? Ты мне вроде как нравишься, Чарльз. И я точно знаю, когда кто-то лжет. Рассказывая мне о том, как Рейес собирается разрушить мир, Люцифер лгал.

Ну наконец-то хоть кто-то с капелькой здравого смысла.

— Откуда ты знаешь? — спросила Куки.

— Он потратил очень, очень много времени на попытки убедить меня, какой плохой на самом деле Рейазиэль. Что он убьет тебя, Чарльз, и всех... — Гаррет помолчал, подыскивая подходящие слова, — ...всех моих близких, а потом войдет в раж и в приступе ярости разрушит весь мир.

— И ты думаешь, он лгал? — спросила я.

— Я знаю, что он лгал. Сначала он создает выход из ада, то есть портал вроде тебя по имени Рейазиэль, а потом отправляет его? Зачем Люциферу посылать за тобой на Землю свой единственный шанс выбраться из ада? Чтобы рискнуть потерять выход из той выгребной ямы, в которой он живет, должна быть чертовски веская причина. Вот только младшенький надежд не оправдал. — Бросив на Рейеса взгляд, Своупс укоризненно покачал головой. Рейес не обратил на него внимания, и Гаррет продолжил: — Вместо того чтобы решить проблему, капитан Америка усугубил ее в тыщу раз. И теперь папочка думает: «Вот же гадство какое!». — Он глянул на меня. — Скажем так, его очень расстроила вся эта муть с тем, что Рейес родился на Земле, чтобы быть с тобой.

— Ты и это знаешь? — обалдела я.

— Я все знаю. Итак, предположительно, Люцифер посылает Рейеса за тобой, чтобы утащить тебя в ад и получить ключик к небесам, но Ромео внезапно меняет свои планы и

решает остаться в этом мире с тобой. То есть с тем самым существом, за которым его послали. Так зачем же Люциферу ждать целую вечность и так рисковать своим единственным шансом на свободу? Чтобы потом просто-напросто послать целую армию с приказом тебя убить?

Я пожала плечами. Для меня все это было полнейшей неразберихой, да и кто я такая, чтобы понимать события подобных масштабов? Мои собственные планы часто и густо катятся под откос. И в мыслях вечно разброд и анархия. Погодите-ка! А вдруг у Сатаны тоже СДВ? Это бы многое объясняло.

— Сама подумай, — добавил Гаррет.

Я и думала. А как тут не думать?

— С самого вашего рождения вас обоих пытались убить. Эрл Уокер должен был убить тебя, Рейес, а вместо этого стал одержимым. Какой-то педофил должен был убить тебя, Чарльз, но Рейес тебя спас. И спасал снова и снова. Еще до того, как вы родились на Земле, между вами сформировалась некая иномирная связь. И эта связь настолько крепкая, что помогала выживать вам обоим. Если когда-нибудь она прервется, вы станете намного уязвимее. Именно этого, по-моему, они и хотят. Разорвать существующую между вами связь. Разделить вас, пока не появится возможность кого-то из вас убить. Однако их преследует провал за провалом.

Как минимум в одном он был прав: мы с Рейесом должны были расти вместе, но его похитили, и все полетело в тартарары.

— Зачем еще Люциферу посылать сотни тысяч своих солдат на верную смерть еще при попытках преодолеть пустошь забвения? Господь сделал так, что выбраться из ада очень сложно. Со всех сторон его окружает пустошь, вроде рва вокруг замка, и ориентироваться в ней почти невозможно. Потому-то Люцифер и создал Рейеса. Он его ключ, его карта к пустоши забвения. Папочке хотелось, чтобы хоть кто-то мог пробраться в этот мир и свести тебя в могилу.

Я сложила на груди руки. Что-то из слов Своупса я понимала, что-то — нет. Рейеса не посылали меня убить. Его послали найти портал. Любой портал.

Глубоко задумавшись, Гаррет просмотрел записи.

— Только между вами образовалась эта мерзкая связь, благодаря которой ты прожила на десятки лет дольше, чем остальные ангелы смерти.

— Минуточку! — заартачилась я, чувствуя себя оскорбленной до глубины души. — Я вовсе не такая старая. Бога ради, мне двадцать семь.

— Но большинство ангелов смерти умирало, еще будучи детьми, верно? Потому что у большинства из них не было по уши влюбленного сверхъестественного убийцы, который снова и снова спасал бы их задницы от беды.

То же самое мне говорил Рейес. Большинство ангелов смерти в физических воплощениях умирало еще детьми. После этого они веками выполняли свои обязанности в нематериальном виде.

— И все-таки остается один вопрос, — продолжал Своупс, нахмурившись. — Почему он так хочет твоей смерти, Рейес? Зачем ему убивать тебя — единственное существо, способное пройти сквозь пустошь? Потому что ты разрушишь мир? И это не дает ему спокойно спать по ночам? Неужели его так заботит судьба человечества? Да плевать он на нас хотел, — насмешливо фыркнул Гаррет. — Мы всего лишь дополнительные очки в его игре, а Земля — удобное игровое поле. Вот только счет ведет он один.

Обдумывая его слова, Куки свела брови, а он продолжал:

— И зачем Люциферу портал в рай? Чтобы ему преподнесли его же задницу на блюдечке с голубой каемочкой? Опять? Зачем ему туда возвращаться? Как там говорится... Лучше править адом, чем прислуживать в раю. А он и есть единственный, абсолютный лидер, которому служат и поклоняются сотни тысяч, если не миллионы созданий.

— Но если им движет вовсе не желание заграбастать портал, то есть меня, — я показала на себя рукой с головы до ног, — то что тогда?

— Страх.

— Страх?

— Ну подумай. Он создал сына делать за него грязную работу, а сын, как любой упертый подросток, взбунтовался. Отказался выполнить волю отца. Дело не в войне. И не в том, что Люцифер хочет вернуться на небеса. Речь о чем-то еще, чего может бояться только он.

Я уже сидела на самом краю и жевала ногти. Ей-богу, надо было сделать попкорн.

— Ладно. Но чего? Чего он так боится?

Гаррет поджал губы и как можно мягче проговорил:

— Тебя.

Я тут же выпрямилась:

— Ч-чего? С чего ему меня бояться?

— Понятия не имею, но должен признаться, я всерьез поражен.

— Я тоже. Надо же, а я, оказывается, крутая! — воскликнула я, притворяясь, будто согласна со всем, что нагородил Своупс.

Вот только он ошибался. Набегался вдоволь по краешку водопада, таки сорвался вниз и грохнулся на здоровенный острый булыжник.

Однако высказать Гаррету свое профессиональное мнение по поводу его психического состояния я не успела, потому что он пристально уставился на Рейеса и заговорил:

— Тебя ведь не посылали ее найти, верно? Не посылали забрать ее в ад. — Рейес промолчал, поэтому Гаррет продолжил: — Тебя послали ее убить. На всякий случай, если вдруг все, что, как правило, само по себе настроено против ангелов смерти, даст сбой. Если вдруг она сумеет пережить все то земное зло, что тянется к ее свету, к самой ее сути. Ты был страховкой. Тебя послали убедиться, что она окажется в земле еще до того, как сделает первый вдох. — Своупс подался вперед, сверля Рейеса взглядом. — Тебя создали с конкретной целью — убить ее. Но она все равно осталась бы ангелом смерти, просто не смогла бы прожить человеческую жизнь. Значит, Чарли представляет для Люцифера угрозу именно в своем материальном, человеческом виде. А твое существование объясняется только тем, что ты должен убить единственное во всей вселенной существо, которому пророчили победу над твоим папашей.

Супер. Я придвинулась к спинке дивана и переплела пальцы. Рассказ Гаррета смахивал на клевую сказку на ночь, в которой нет ни толики правды.

— Ты должна что-то совершить, — сказал мне Гаррет с невозможно серьезным выражением лица. — Я только не знаю, что именно. Или ты обретишь какую-то силу, или примешь некое решение, которое изменит всю историю человечества. Ты поведешь армию против властелина ада и победишь его раз и навсегда. А он сделает все, что сможет, чтобы тебя остановить.

Ну говорю же, Гаррета срочно надо посадить на пилюльки.

— Кто сказал, что я этого захочу? И как я соберу армию? У меня, знаешь ли, фигово с организаторскими способностями. Кстати, солдат надо кормить?

— Я не знаю, как ты это сделаешь, и какая вообще тебе отведена роль. Мне показывали разрозненные кусочки мозаики. И было не так-то легко во всех тех сведениях, что я получил в преисподней, отделить факты от выдумки, реальность — от сонного дурмана. Поэтому я начал искать информацию. — Гаррет протянул мне свои записи.

— Где, бога ради, ты все это нарыл?

— Говорю же, у меня весьма интересные родственнички. Плюс «еБэй» подсобил. Я знаю только, что ангелы смерти (кстати, в аду их называют совсем не так) ужасно могущественные. Совсем не такие, как ангелы и демоны из измерений, о которых мы знаем. У них есть душа, и они могут существовать в нашем мире в двух формах — как люди и как духи. Они — совершенно иной вид, иная раса. Вроде бабочек в мире мошек. Но ты, — он в упор посмотрел мне в глаза, — ты самая сильная даже среди своих. Ты родилась, уже наделенная способностью вытягивать энергию из всего, что тебя окружает, — живого и неживого. Твои силы — как вода: постоянно меняются, принимают различные формы, адаптируются к ситуации. Они зовут тебя словом, которое на их языке означает «гибкая», «податливая». Насколько я понимаю, ты была особенной даже среди своих сородичей. Мало того, ты вроде как из королевской семьи.

— Обалдеть. Смотрю, вы там с ним плодотворненько пообщались.

О королевской фигуре Рейес мне говорил. Остальное же было в новинку, хотя и вызывало интерес. И все-таки сомневалась я в источниках Гаррета. Может быть, все это и правда один большой обман, только не в том смысле, в каком видит это Своупс. Может быть, Сатана хотел, чтобы Гаррет решил, будто он врет.

— Как я и говорил, там все иначе. Словно в считанные секунды усваиваешь тридцатипяти томную энциклопедию.

— В колледже бы очень пригодилось.

— Помнишь, ты нашла у меня дома письмо?

— Помню, — ответила я, стараясь не обращать внимания на вспыхнувшую в Рейесе ревность. — То самое, которое ты у меня прямо из рук вырвал.

— Ага. Извини, кстати. — Неискренне он извинялся. Ой как неискренне! — Оно было от доктора фон Гольштейна из Гарвардского университета. Он кое-что переводит по моей просьбе.

— Переводит? — переспросила Куки. — Что именно?

— И как ты его нашел?

— Он много публикуется. Наткнулся на его имя, когда копался в мертвых языках. Я пытался переводить куски из древних документов, которые нашел на сайте редких книг. Парочку, кстати, приобрел через «еБэй». К сожалению, никто не сумел прочитать эти тексты, так что я позвонил доктору фон Гольштейну и попросил помочь.

— Коровий парень умеет читать античные тексты?

— Намного, черт возьми, лучше, чем я сам. В общем, когда я рассказал ему свою историю, он стал помогать мне собирать информацию и сказал, что именно искать. В частности, нас интересовали работы, приписываемые перу византийского пророка Клеозария.

Куки с сожалением поцокала языком:

— Неудачное имечко.

— Ага, — согласилась я. — И скорее всего очень древнее. Хотя знавала я одного Клео. Его жена зарубила топориком для разделки мяса.

Куки передернуло:

— Когда он к тебе пришел, топорик все еще торчал у него в голове?

— Слава богу, нет. Жутко было бы, скажи?

Гаррет громко откашлялся.

— Извини, — хором сказали мы.

А потом я зашептала Куки:

— Потом тебе все расскажу. Дамочка была натуральной психопаткой!

— О'кей, — прошептала она в ответ.

Гаррет молча ждал, когда все опять обратят на него внимание.

Я поморгала. В деталях рассмотрела ногти на руках. Пожевала губы.

Через тысячу лет он изволил высказаться:

— К сожалению, текстов Клеозария мы нашли с гулькин нос. Так уж сложилось в истории, что пророки не могли направо и налево сыпать пророчествами. Их бы заклеямили еретиками и казнили. Так что многим приходилось записывать свои видения в стихах. Нострадамус, например, писал катрены. Тибетский монах Аджан Сяо Ча записывал свои видения стихами, хотя его бы никогда за них не осудили. Он утверждал, что видения посылают ему магические амулеты. Но этот Клеозарий писал на каком-то шифре.

— На настоящем секретном шифре? — изумилась я.

— Именно. Поначалу доктор фон Гольштейн решил, что тексты написаны на иллирийском языке. Понятия не имею, что это такое, но оказалось, что он ошибся. Шифр сбил его с толку. Когда же мы выяснили, что пророк был византийцем, доктор узнал язык и начал работать. Но, учитывая, что этот Клео писал не только на мертвом языке, а еще пользовался шифром... Короче говоря, доктор фон Гольштейн с головой погрузился в работу.

У Куки был совершенно зачарованный вид.

— Так ему удалось расшифровать и перевести тексты?

— Пока только отдельные кусочки.

— И все это он успел, — я глянула в потолок, — за два месяца?

— С тех пор как я с ним связался, он вроде как немного одержим. Говорит, это все равно что отыскать Священный Грааль. Об этом упоминалось в разных исторических текстах, но до сих пор никто не находил связи между мертвым языком, пророчеством и шифром. Насколько я понимаю, все попросту решили, что доктор свихнулся, и оставили его в покое.

— Ладно, так что же ему удалось выяснить?

— Только то, что все пророчества Клеозария вертятся вокруг одного человека. Вокруг тебя.

— Меня? — пискнула я, почувствовав внезапную вспышку любопытства.

Кивнув, Гаррет полистал заметки.

— До меня дошло, когда я вспомнил, что Люцифер называл тебя царской дочерью. Однажды даже назвал царской дочерью света. Это я и взял за основу исследований. «Царская дочь света». Есть несколько текстов, где о тебе говорится либо как о царской дочери, либо как о дочери света. Но в более поздних записях Клео пару раз называет тебя просто «дщерь». И вот тут начинается самое интересное.

Я опять придвинулась к краю дивана:

— Ну хорошо, меня зацепило. О чем там речь?

— О твоей невероятной силе и армии.

— Ясно. Сила — это хорошо. Но по поводу армии все еще сомневаюсь.

— Не просто сила, — взволнованно проговорил Гаррет, — а невероятная сила.

Согласно пророчествам, ты завербуешь на свою сторону воина, ученого, пророка, привратника, смотрителя и еще пару человек — над ними док еще работает. — Теперь он открыл письмо и читал оттуда. — Вот, как раз то, что я искал. Правитель, или король, зла пленит отца дочери, чтобы заманить ее в ловушку...

— Минуточку! Что Сатана хочет сделать с папой?

— Может быть, речь не о земном отце, а о другом.

— Ну да. То бишь о короле того другого мира? — спросила я у Рейеса, но мистер Фэрроу был занят тем, что варился в собственных мыслях.

— Взяв на защиту свою армию, — продолжал читать Гаррет, — дочь сокрушит правителя. Грянет великая и ужасная битва, но дочь победит, и на тысячи лет на Земле воцарится мир.

Рейес встал и подошел к окну. Понятия не имею, о чем он думал, зато собственные мысли мне были хорошо известны.

— Кажется, в Библии все описано по-другому, — сказала я, опять поддаваясь скептицизму. — И мне, честно говоря, совсем не хочется драться с отцом Рейеса. Можно мне подать в отставку? Или вычеркнуть этот пункт из списка дел?

— Но разве не удивительно, что этот парень написал о тебе сотни пророчеств сотни лет назад, когда тебя еще и на свете-то не было?

— Это ты так считаешь. К тому же в твоей теории есть одна нестыковка: Рейеса не посылали меня убить. Его послали похитить меня, забрать в ад. Правильно? — я взглянула на Рейеса. Он молча смотрел на нашу знаменитую стоянку и, похоже, не собирался подключаться к разговору.

Я уже открыла рот, чтобы продолжить свой спич, как Рейес вдруг заговорил:

— Как, по-твоему, я должен был это сделать, Датч?

Я скрестила ноги.

— В смысле?

Он повернулся ко мне с суровым выражением лица:

— Как, по-твоему, я должен быть забрать тебя в другое измерение?

Гаррет окинул меня печальным взглядом:

— Его послали убить тебя, Чарльз. Другого способа не существует.

Как только до меня дошло, что Гаррет прав, из комнаты словно испарился весь кислород. Я подтянула колени к подбородку. Куки прижала пальцы к губам и смотрела на меня со смесью изумления и сожаления.

Рейес снова отвернулся к окну.

— Отец навешал мне той же лапши, что и Своупсу. И я тоже засомневался в его мотивах. Своупс прав. Зачем отцу возвращаться в рай? Бессмысленно. В каждом его слове всегда полно недосказанностей, но в этот раз все было иначе. Я постоянно чувствовал, что он что-то скрывает. Он создал меня не просто так. Сделал все, чтобы я мог преодолеть пустошь и оказаться в этом мире. И заставил меня ждать. Столетиями я выжидал во тьме, пока тебя не избрали.

— Но ты ведь видел меня, — сказала я, ощутив укол боли. Честное слово, я чувствовала себя глупой школьницей. — Ты меня увидел в другом воплощении и полюбил.

Он прикусил губу и опустил голову, как будто смутился.

— Верно.

— А если бы этого не случилось, — продолжала я, изо всех сил запоминая узор на диване, — ты бы меня убил?

Секунду помедлив, он посмотрел на меня тяжелым взглядом:

— Скорее всего да. Но я все равно не доверял отцу. Он хотел, чтобы твое физическое тело было уничтожено, и я не знал почему. Не могу сказать наверняка, что бы я сделал. В любом случае, ты осталась бы самой собой. Даже в нематериальном виде ты была бы ангелом смерти.

Я кивнула, стараясь проглотить его признание.

— Значит, весь этот бред по поводу ключа в замке...

Гаррет тут же вскинул голову:

— Ты об этом знаешь?!

— Знаю, — ответила я, чувствуя, как наваливается усталость, — просветил один демон. Сказал, если мы с Рейесом соединимся во плоти, иными словами, если ключ отопрет замок, то начнется война, или рухнет мир, или случится что-то такое же ужасное. Короче говоря, конец света. Но позволь мне тебя заверить: ключ в замок вставляли много-много раз. А насколько мне известно, земля вертится и никакой сверхъестественной войны нет.

Своупс уставился на свои книги.

— Этот момент я и сам не понял, но помню, что слышал такое же предостережение. Наверное, это часть пророчества, о котором мне говорили, но я пока не знаю, что все это значит.

— А кто говорил тебе о пророчестве? — спросила я. — Люцифер бы не стал, потому что ты смог бы уличить его во лжи.

— Мне о нем сказал тот, кто мог сказать. Единственное существо, у которого достаточно сил послать меня в ад и вытащить оттуда. Насколько я понимаю, у него не просто достаточно сил, а он точно знает, как это сделать, и, кроме всего прочего, ему самому этого хотелось. В смысле устроить мне поездочку в оба конца. — Гаррет бросил тяжелый взгляд на Рейеса. — Это был сын Сатаны.

Я удивленно моргнула, потом фыркнула:

— Рейес? Своупс, это просто смешно! Зачем это Рейесу? Но самое главное — как бы ему это удалось? — Я была на все сто готова до конца защищать своего мужчину, пока до меня не дошло: из всех присутствующих защищаю его только я.

Я повернулась к Рейесу. Он в упор смотрел на Гаррета. В глазах мерцал лед, когда он медленно проговорил:

— Ты умнее, чем кажешься.

На лице Своупса отразился праведный гнев:

— Какого хрена ты себе думал?

— Я увидел шанс и воспользовался им. — Внешне Рейес был просто образцом спокойствия, но внутри него кипели едва сдерживаемые ярость и агрессия. — Существует момент, — продолжал он, — между смертью и возвращением человека к жизни. Его душа оказывается между двумя мирами. В тот момент я решил использовать тебя в качестве шпиона.

Пока я сидела в ступоре, ушам своим не веря, гнев Гаррета возрос на порядок.

— Только я на этот план не соглашался, сволочь. — Он едва не шипел от злости, наклонился вперед и стиснул зубы. — Ты послал меня в ад.

— Как выяснилось, зря. Ты не узнал ничего нового для меня.

Не успела я ничего понять, как Гаррет уже схватил Рейеса за футболку и попытался швырнуть в стену. Но Рейес, естественно, за считанные секунды его обыграл: извернулся, впечатал Гаррета спиной в стену и прижал ему предплечьем горло. Куки отскочила, а у меня была совершенно другая реакция — я бросилась в гущу схватки и, потянув Рейеса за руку, крикнула:

— Рейес, отпусти его!

Но ему, видимо, хотелось, чтобы Гаррет понял, сколько сил он на нем сэкономил. Своупс пыхтел и пытался отбиться, а Рейес просто улыбался. Я всерьез опасалась, что он раздавит Своупсу глотку.

— Мы все поняли, — сказала я Рейесу. — Ты победил. А теперь отпусти его.

С посеревшим лицом и округлившимися глазами Куки отшатнулась еще дальше.

Рейес отпустил Гаррета и швырнул на пол. Схватившись за горло, тот страшно закашлялся. Я бросилась ему на помощь, хотя ожидала, что он прогонит меня, но он положил руку мне на плечо и попытался встать. Вот только он оказался намного тяжелее, чем я помнила, поэтому я и сама чуть не грохнулась. У Рейеса не было выбора, кроме как помочь мне. Вместе мы поставили Гаррета на ноги, но он вдруг стал заваливаться на меня. Рейес подхватил его, а через мгновение мы все узнали, какой Своупс классный жулик. Он оттолкнул Рейеса, притворяясь, будто опять падает, вытащил длинный острый кинжал и всадил ему в грудь.

От шока по моему позвоночнику током пронесся адреналин. Не веря собственным глазам, я закрыла руками рот, а Гаррет, улыбаясь, придвинулся к тому, кого только что пронзил здоровенным ножом. Пришел черед Рейеса задыхаться. Пытаясь сделать вдох, он запрокинул голову, и в этот самый момент Гаррет резко надавил на кинжал. Острый конец вошел в стену.

— Кое-что я там все-таки узнал. Например, как надрать тебе зад.

Рейес взялся за нож, но Своупс надавил сильнее, и Рейес зарычал от боли.

Я ничего не понимала. Это же всего лишь нож. С длинным и тонким лезвием, почти как маленький меч. И он не пронзил сердце, а вошел в грудь прямо под правой ключицей. В Рейеса стреляли из снайперской винтовки. Пуля пятидесятого калибра любого разорвала бы на куски, а Рейес встал и спокойненько ушел. Так почему такое тонкое лезвие лишило его сил?

Я бросилась к нему, но Гаррет меня оттолкнул. Я споткнулась и упала на пол.

Гаррет стиснул зубы. Лицо превратилось в маску ненависти, а ярость стала почти осязаемой.

— Ты знаешь, что со мной делали?

Ответить Рейес не мог. Опустив руки, он закрыл глаза. А потом вдруг стал рвать на себе футболку, словно она его жгла. Снова и снова он раздирал ее в клочья, но, когда от футболки ничего не осталось, я поняла, что он делает. Он раздирал не футболку, а себя. Гладкие и четкие линии татуировки, той самой карты, которая могла вывести из ада, трескались прямо на глазах. Из трещин сочился ярко-оранжевый свет, словно внутри него горела лава.

Парализованная ужасом, я сидела на полу и ничего не понимала. Почему он просто не

вытащил кинжал? Почему?

Взявшись за рукоять кинжала обеими руками, Гаррет снова надавил. Лезвие вошло еще глубже, и Рейес простонал сквозь стиснутые зубы. Трещины становились шире, из них струями било бурлящее пламя. И я поняла, что сейчас произойдет. Рейес умрет.

Так об этом говорил Рокет?

Нет, не может быть. Я встала и собралась с силами. Если смогу отпихнуть Гаррета, то вытащу кинжал. Но как? Гаррет высокий, сильный и... Раздался какой-то глухой звук, и пару секунд мы все ошеломленно стояли на своих местах. Потом Гаррет обернулся ко мне и упал как подкошенный. Я глянула на Куки. И на сковородку, которую она держала, как бейсбольную битку.

Очередной стон, сорвавшийся с губ Рейеса, привел меня в чувство. Я помчалась к нему, ухватила за кинжал и, уперев ногу в стену, потянула. Лезвие выскользнуло гораздо легче, чем можно было ожидать, поэтому я грохнулась с ним на спину.

— Никто в этом доме убивать друзей не будет, — заявила Куки, которую заметно трясло от ужаса. — Как же я рада, что у меня нет сына! От мальчишек одни беды.

Рейес вдохнул огромную порцию воздуха. Трещины, покрывавшие его торс, потускнели и сгладились. Своупс поднялся на ноги одновременно со мной. Убийственное выражение лица Рейеса действовало на меня, как пинок под зад. Но я даже рта раскрыть не успела, как он взял Гаррета за голову и резко повернул.

Время замедлилось, детально показав мне, как голова Своупса поворачивается дальше, чем должна бы. Мгновение спустя я оказалась перед ними. Убрав руки Рейеса, я встала вплотную к Гаррету и прижала его голову к груди, чтобы нейтрализовать силу инерции.

Потом закрыла глаза и отпустила время. Оно вернулось, обрушившись на меня, как товарняк. Мы с Гарретом повалились на пол. Я так крепко прижимала его голову, что боялась сломать ему шею при падении. К счастью, с ним все вроде бы было в порядке. Разве что он слегка обалдел и не понимал, что произошло.

Зато Рейес по-прежнему кипел от злости. Ему было мало. Явно намереваясь прикончить Гаррета, он двинулся вперед. Я уселась на Своупса и развернулась к Рейесу, как медведица, готовая защищать своего медвежонка. Рядом уже была Куки со сковородкой в руке. Судя по стиснутым зубам, она тоже не собиралась так просто сдаваться.

— Остановись, — сказала я Рейесу и сама поразилась тому, как звучал мой голос. Тихо, но твердо. — Сейчас же. Этого не будет.

С трудом взяв себя в руки, он издал нечеловеческий рык и отвернулся, пытаясь стряхнуть пожиравшую его боль. Я помогла Гаррету подняться.

Он потрогал шею и челюсть, а потом опять заговорил с Рейесом:

— Этот кинжал тебя убьет. Не только физическое тело, а все, что в тебе есть. Твою сущность, твою нематериальную форму, твой дух. Все.

До меня только сейчас со всей силой дошло, как близок к смерти был Рейес. Я в замешательстве посмотрела на него:

— Почему ты его не вытащил? Что тебе помешало?

— Кинжал, — ответил Гаррет и бросил ему нож.

Рейес его поймал и тут же выронил, зашипев от боли. Потряс рукой и опять зло уставился на Своупса.

Что ж, надо признать, у Гаррета стальные яйца.

Он улыбнулся:

— Ромео не может к нему прикоснуться. Этот ножик — папашина страховка на случай, если младшенький его предаст.

— Это тебе его отец сказал? — спросила я.

— Нет. — Губы Гаррета сложились в расчетливую улыбку. — Ромео. — Я окончательно запуталась, а Своупс храбро шагнул к Рейесу: — Ты знал, что я пойму. Сам дал мне уйму подсказок и намеков. Ты знал, что я его найду.

Рейес в упор смотрел ему в глаза.

— Не думал, что тебе хватит глупости им воспользоваться. Когда мне самому не удалось его найти, я решил, что удастся кому-то с такими связями, как у тебя.

Гаррет ухмыльнулся и покачал головой:

— Подумать только! Я ведь даже никогда в это не верил и считал все свое семейство психами.

— Кто сказал, что они не психи?

Зная, что ответить ему нечего, Своупс пожал плечами:

— Но зачем так рисковать? Зачем давать мне такое мощное оружие?

— Затем, что оно одинаково действует на всех сверхъестественных созданий, кретин. — Рейес потер плечо и подвигал им, до сих пор испытывая боль. — На демонов. Полтергейстов. Адских псов.

Минуточку! Адские псы существуют?!

— С этим кинжалом Чарли сможет себя от них защитить, — добавил Рейес.

— Вот видишь? — широко улыбнулся Гаррет. — Я знал, что ты не просто так мне нравишься.

Лучше бы я был в Вирджинии.

Надпись на футболке, которую часто носит Рейес Фэрроу

Пока Гаррет собирал манатки, я молча смотрела, как уходят Куки и Рейес. То и дело Своупс мямлил себе шею, а я все боялась задумываться о том, что он в буквальном смысле опять заглянул в лицо смерти.

— Пару дней поболит, — сказала я, наклоняясь к бумажкам помочь ему собраться. — Сглупил ты капитально.

— Мне нужно было знать, сработает кинжал или нет.

Я глянула на нож, лежавший сейчас на краю стола.

— Как именно ты о нем узнал?

Глубоко вздохнув, Гаррет сел и застегнул рюкзак.

— Говорю же, все произошло очень быстро. В аду я словно вечность проторчал, а здесь прошло каких-то несколько минут. Все, что случилось в аду, я помню в мельчайших подробностях. А вот в другом пришлось долго разбираться.

— В другом?

— Обратный путь. Тот, кто вытащил меня из ада, кое-что мне рассказал. Но когда я очнулся в больнице, помнил только разрозненные кусочки. А потом начал потихоньку вспоминать. Причем в странные моменты. Например, стою я у себя в кухне, и тут всплывает воспоминание. — Он тряхнул головой, будто не желал заикливаться на мыслях, и встал. — Прошло какое-то время, и я стал постепенно понимать, что эти воспоминания просто-напросто запихнули мне в голову. И в них были подсказки. — Своупс кивнул на нож. — Кто бы это ни был, он явно хотел, чтобы я нашел кинжал.

По пути к двери мне пришлось обойти нескольких женщин, но на пороге мы с Гарретом остановились.

— И ты выяснил, что воспоминания дал тебе Рейес?

— Только ему такое под силу. Только он мог хотеть, чтобы кинжал нашелся. К тому же мне немножко помогли.

— Помогли?

— У меня есть несколько родственников, которые утверждают, будто видят сверхъестественный мир.

— Но разве это не обман?

— Я тоже так думал. А моя тетка говорит, что шансы тут пятьдесят на пятьдесят. Некоторые родственники действительно чувствуют проявления сверхъестественного. И пользуются этим. Тетка сказала, что за мной неотступно следует мрак. И этот мрак хочет, чтобы я что-то нашел. Я решил ей поверить, начал ковыряться в разных источниках и нашел кинжал.

— Где?

Своупс улыбнулся и покачал головой:

— Я все еще исследую то место. Думаю, там можно найти не только кинжал, и мне совсем не нужно, чтобы ты шныряла под носом.

Я притворилась, будто мне все равно. Пусть молчит, сама все узнаю. Рано или поздно я туда доберусь.

— Ладно, фиг с тобой. Но зачем ты напал на Рейеса? Зачем так рисковал своей жизнью?

— Я уже говорил. Мне нужно было знать наверняка. Ставки слишком высоки.

— Из-за воображаемой войны? Которая развернется не между адом и раем, а между адом и мной? — Даже думать об этом было почти смешно. Нет, погодите-ка. Не почти, а на все сто смешно.

— И да, и нет. Я... — Гаррет помолчал, не глядя мне в глаза. — Может быть, у меня есть сын.

Я офонарела. Глотнула воздуха и с отвисшей челюстью уставилась на Своупса:

— Может быть? То есть ты не знаешь, есть у тебя ребенок или нет?

— У нее есть. У Марики. И я на девяносто процентов уверен, что он мой.

С большим трудом мне удалось подавить шок от того, что у Гаррета могли быть настолько длительные отношения с женщиной, чтобы та стала беременчатальной. Как-никак, он все-таки мужчина. Я сосредоточилась на его эмоциях. От него горькими волнами шла печаль. И решимость.

— Ты у нее спрашивал?

Готовый выскочить из квартиры, он взялся за ручку двери. Ему явно было не по себе.

— На днях видел ее в магазине. Сначала она улыбнулась, потомглянула на ребенка в коляске и испугалась. Обычно так пугаются те, кому есть что скрывать. Как я и сказал, я разбираюсь в людях. Она не хотела, чтобы я смотрел на ее сына.

— И что ты сделал?

— Посмотрел. — Гаррет открыл дверь.

— И?

— И увидел свои глаза.

— Святой ежик, Своупс! Ты пытался что-нибудь выяснить? Нашел его свидетельство о рождении?

— Неизвестен, — невесело рассмеялся он. — В графе «Отец» она записала «неизвестен». И явно до смерти боялась, что я это выясню. По лицу было видно.

— Но почему она не хочет, чтобы ты знал? — Я подозрительно прищурилась. — Она тебя боится?

— Нет. С каких чертей ей меня бояться?

— Не знаю. Сам сказал, что...

— Мы встречались всего пару раз. — Гаррет начинал волноваться. — Ей хотелось только секса и ничего больше. И знаешь, в этом что-то было. Она приходила, мы занимались сексом, она уходила. А потом все прекратилось. Больше я ее не видел. Решил, что она переехала.

Я неторопливо прошлась взглядом по человеку, стоявшему передо мной. Крепкие, мускулистые ноги и руки, широкие плечи, идеальная кожа цвета мокко, блестящие серебристые глаза.

— Может быть, она хотела, чтобы ты сделал ее беременчатальной. Ищи я папашу своему ребенку, ты бы определенно был в списке.

Гаррет скользнул взглядом мимо меня.

— Серьезно? Думаешь, она хотела забеременеть?

— Стать беременчательной, — поправила я и коснулась его руки. — Не знаю, Своупс.

Говорю, что думаю. Она вполне могла этого хотеть. Хочешь, чтобы я покопалась?

— Не сейчас. У меня есть одна идея, а раз уж ты у меня в долгу...

— Чего?! — перебила я. — Ничего я тебе не должна. С каких это пор я у тебя в долгу? — Он скептически уставился на меня, так что пришлось признать: — Ну ладно, я у тебя в долгу. Дай знать, чем я могу помочь.

Он кивнул, вышел за дверь и вдруг обернулся:

— Я все равно ему не доверяю.

— Собственному сыну?! — ошалела я.

Невозмутимо глянув на дверь Рейеса, Гаррет повернулся ко мне:

— Будь осторожна. В следующий раз я на самом деле заколю его кинжалом.

— Знаешь, Своупс, мне и в этот раз все показалось вполне по-настоящему.

— Ага, но в следующий раз я лично прослежу за тем, чтобы кинжал остался у него в груди.

Взбесившись, я оттолкнула его подальше и с грохотом захлопнула дверь. Черт бы побрал мужиков. Из любых неприятностей у них только три выхода — еда, секс и война.

Близился рассвет, мысли не унимались, так что пытаться поспать было бестолковой затеей. Поэтому я решила заскочить в душ. Тем более что у меня была запись на ежегодный осмотр у доктора по женский части. Перебрать с чистотой в таких делах невозможно. К счастью, женщина, обосновавшаяся в душе, решила переехать. Я тут же заняла освободившееся место. По идее, должна была примчаться Артемида, чтобы поиграть с водой, но она, видимо, все еще дрыхла. Зачем вообще мертвой собаке спать? Этот вопрос я добавила к двадцати миллионам других, которые копила на случай, когда наконец встречу с кем-то просвещенным. С Сантой, например. Ой, нет! С Богом! Точно. С Богом.

Мир сошел с ума. К такому выводу я пришла в клубах пара, пока струи горячей воды расслабляли мышцы шеи. Причем не просто сошел с ума, а стал буйно помешанным. Оказывается, существует нож, которым можно убить Рейеса. Люцифер жаждет моей смерти. У Гаррета может быть сын. Ким Миллар — поджигательница. Николетта, к сожалению, далеко не зомби, зато какой-то типа пророк, а это почти так же круто. Где-то по улицам бродит серийный убийца. Не знаю где, но где-то точно бродит. А у меня полна коробочка мертвых женщин, и я понятия не имею, что с ними делать. Наверное, стоило бы вернуться в постель, но впереди ждал важный день.

Смыв пену, я встала под душ так, чтобы вода лилась на шею и спину, и мысленно прошла по списку дел. Сначала сходить к врачу. Потом поколдовать по делу Ким. И найти серийного убийцу. Очередного. Совсем недавно одного я уже нашла. А ведь наверняка в мире есть специально обученные люди, которым гораздо легче искать всяких маньяков.

Ах да! Еще мне предстоит поработать над тем, чтобы не заикливаться на Рейесе. Надо оставаться начеку. И выяснить, почему в моих каштановых волосах вдруг появились блондинистые пряди. Я глянула вверх и увидела фею из-под кровати. Она свисала с потолка и смотрела прямо на меня. Грязные светлые волосы совсем спутались и прикрывали огромные глаза. Только я открыла рот, как она набросилась на меня. Ногти прошли по моему лицу со скоростью атакующей кобры.

— Вот блин! — рывкнула я, отшатнувшись.

Щека мигом заболела, и в воду закапала кровь, превращаясь в красные облачка, вихрящиеся вокруг слива. Я выключила душ и метнулась к зеркалу оценить масштабы ущерба. Три кровавые царапины. Класс. Взяв полотенце, я прижала его к лицу.

Вдруг девчушка появилась у меня за спиной. Я напряглась, ожидая чего угодно. Она подалась вперед и заглянула мне в лицо. Ее глаза едва-едва можно было рассмотреть за волосами. Поднявшись на цыпочки, фея показала пальцем на мою щеку. Я изо всех сил постаралась никак не отреагировать. Не отшатнуться и ее не оттолкнуть. И тут до меня дошло, что она пытается что-то сказать. Не мигая я смотрела на ее отражение в зеркале и увидела, как она показывает мне три пальца.

— Поняла, — кивнула я. — Три. Хочешь сказать, что...

Договорить я не успела — девочка исчезла. Но вряд ли ушла далеко. Пусть ее послание было непонятным, но кое-какую подсказку она мне все-таки дала. Она показала цифру «три», но не просто так, а как показывают глухие. Большим, указательным и средним пальцами. Могла ли она оказаться глухой? Или глухими были ее родители, братья или сестры?

Втерев мазь в уже заживающую щеку, я помчалась звонить дяде Бобу.

— Безбожная рань, Чарли!

— Среди моих призраков может быть глухая. Маленькая девочка.

— Уверена?

— Нет. Это всего лишь догадка. Можешь проверить, не пропадала ли когда-нибудь девочка из «Школы для глухих» в Санта-Фе?

— Могу, конечно. Когда ты приедешь? — Когда речь шла о поджигателе, терпение у Дибби было на исходе.

— Около десяти.

— А раньше никак? Окружной прокурор будет в девять.

— Не могу. Сегодня мне под капот заглянут.

— Лады. Но имей в виду: если капитан Экерт поймет, что ты давно знаешь имя поджигателя, можешь смело вычеркнуть его из списка своих главных поклонников.

— Так и знала, что я ему нравлюсь.

— Чарли, ты ставишь меня в очень неловкое положение.

— Тогда нарисуй на мне разноцветные кружочки и называй Твистером. Но я уверена, что ты в состоянии умаслить своего босса. Ну или соври ему. Точно, лучше соври. К тому же я тебе говорила, что наверняка не знаю. То есть не знала до вчерашнего вечера.

— До пожара в бункере?

— Ага.

— Ну что ж, если вдруг окажется, что ты с кем-то в сговоре, я обещаю принести тебе в тюрьму что-нибудь почитать.

— Ой, какой ты милый, Дибби! Спасибо!

Как всегда, готов поддержать меня в любой момент.

Фею я нашла, когда вышла из спальни. Полностью одетая и готовая ко всему. То есть к

осмотру у гинеколога. Девочка сидела на полу под босыми ногами мистера Вонга и пыталась потянуть за ниточку, торчавшую с края штанины. Надо же, она нашла, чем себя занять, и явно не горела желанием опять вцепиться мне в лицо. А это всегда плюс.

Я присела рядом с ней, надеясь, что она не подумает, будто я пришла подраться. Осторожно, не торопясь, я принялась рассматривать ее руки. У меня было три царапины. Две под левым глазом и одна вдоль челюсти. Но почему три, а не четыре? Фея рассеянно ковыряла пальцами край штанины. Маленький ротик, круглые щечки, крошечный носик. Будь у нее шанс, она бы стала красавицей. Я разглядывала ее руки. Они были покрыты грязью, но я все же заметила, что у нее нет одного ногтя. На безымянном пальце ноготь был обломан под корень. Девочка явно боролась с напавшим на нее гадом. Очень надеюсь, что он хоть немного за это поплатился. Однако никакая цена не искупит того, что он натворил.

Я тихонько взяла ее за руку. Фея не возражала. И не посмотрела на меня, но отвела глаза, прекрасно осознавая, что я рядом. Потом, словно опасаясь, отняла у меня ручонку и потрогала мои джинсы. На колене была маленькая потертость. Девочка провела по ней пальчиком и посмотрела на свою одежду. К сожалению, смотреть было практически не на что. Когда она умерла, на ней была ночнушка. И больше ничего.

Очень осторожно я снова взяла ее за руку и на всякий случай спросила вслух:

— Солнышко, можешь рассказать мне, кто это сделал? Ты помнишь, кто это был?

Она снова ушла в себя. Сложила на груди руки и стала раскачиваться взад-вперед.

Я убрала ей за ушко грязный локон.

— Все в порядке, милая. Мы все выясним.

Я едва заметила, как она, не убирая руки с локтя, подняла один палец. Потом второй. И третий. К сожалению, это могло означать что угодно, но на всякий случай я все-таки написала Диби сообщение:

«Можешь узнать, есть ли в базе осужденные, у которых всего три пальца на правой или левой руке?»

«Не вопрос, — пришло в ответ. — Скажу Тафту проверить».

Видимо, чтобы раскрыть это дело, понадобится чудо. Хорошо, что я верю в чудеса. Ой нет, минуточку! Не в чудеса, а в интимные волосы. Я верю в волосы. Все, нам крышка.

Открыв дверь в квартиру Куки, я заорала:

— Я везу Вирджинию к врачу!

— О'кей! — крикнула она из ванной. — Буду в офисе через пятнадцать минут. Дай знать, какие на сегодня планы.

— Ладно, но не знаю, доберусь ли сегодня до офиса. Надо перелопатить кучу дерьма, взбесить вагон людей и разрушить уйму жизней.

— На план похоже. — Я уже начала закрывать дверь, как Куки опять крикнула: — Минуточку! Кто такая Вирджиния?

Потом вспомнит. Или поймет. Сразу, как только я начну без остановки жаловаться на жизнь, что обычно со мной и бывает, после того как я по собственной воле даю врачу бесплатно заглянуть в рай.

Через два часа я позвонила Куки.

Чтобы пожаловаться.

Без остановки.

Визит к гинекологу любого заставит себя чувствовать так, будто над ним немножко надругались.

— Но ведь так и должно быть, — заявила Куки, защищая чрезмерный энтузиазм моего гинеколога.

— Я понимаю. Честно. Но зачем использовать столько смазки, что хватило бы на Панамский канал? Я целую упаковку салфеток истратила! — Сотовый пикнул. — У меня второй звонок. Это Диби. Кстати, он от тебя без ума.

— Неправда.

— Я тебе сразу перезвоню. Если, конечно, меня не арестуют. Тогда, наверное, перезвоню попозже. И попрошу внести за меня залог. Сколько при тебе наличных?

— Правда, что ли? Он от меня без ума?

Ну все, попалась Куки. Злобно ухмыльнувшись, я нажала «отбой» и ответила на звонок Диби:

— Дом крошечных помидорок Чарли.

— Представляешь, у меня на столе все еще валяется дело поджигателя, которое так и просит, чтобы его раскрыли, — сходу выдал дядя Боб.

— Простите, сэр, какое отношение это имеет к моим помидоркам?

— Уже почти десять, Чарли.

— Десять лет — это много. Разве такие давние дела не называются висяками?

— Не лет, а часов. Уже почти десять часов.

— Вот оно что! Спасибо, что напомнили. Давненько на часы не смотрела. Это входит в новую полицейскую программу помощи жителям города? Вы звоните случайным людям и сообщаете им, который час?

— У тебя пять минут.

— Какой ты все-таки вредный! Помидорки-то кушаешь?

— Между прочим, я проверил. Из «Школы для глухих» в Нью-Мексико никогда не пропадала девочка, подходящая под твое описание.

Меня охватило разочарование.

— А можешь проверить другие школы для глухих? Честное слово, сейчас у меня только одна эта зацепка. Больше ничего нет.

— Проверю. Мне очень жаль, милая.

— Спасибо, что веришь мне.

— Кстати, ты была права. Не все женщины были натуральными блондинками. Некоторым покрасили волосы посмертно.

Как, елки-палки, им удастся выяснять такие подробности?

— Ну хоть в этом деле продвигаемся.

— Крошечными шажками. Но мы его поймаем, милая. А у тебя пять минут.

Я глубоко и громко вздохнула:

— Уже еду.

Мой план либо сработает, либо нет. Я либо разрушу жизнь Ким (которой, в принципе, все могло бы сойти с рук, если бы она выполнила обещание и завязала с поджигательством), либо сумею оказать ей помощь, чего она заслуживала, как никто другой.

У входа в участок меня встретил дядя Боб. Вид у него был взволнованный — ему явно не терпелось со всем этим поскорее покончить.

— Значит, так. У нас есть окружной прокурор, помощник окружного прокурора, начальник пожарной службы и пара детективов, которые работали над делом. Может, пока мы тут, расскажешь, кто этот таинственный поджигатель? Не хочу, чтобы меня огорошили на глазах у всех.

— Если честно, дядя Боб, я вообще не собираюсь рассказывать, кто наш поджигатель.

Он остановил меня, потянув за локоть.

— Чарли, какого черта?

Я думала, он побагровеет от злости, но Диби больше казался сбитым с толку, чем сердитым.

— Я хочу, чтобы у моей клиентки была возможность прийти с повинной. И приехала я только для того, чтобы обсудить условия.

— Милая, может, лучше нанять ей адвоката?

— Ушам своим не верю! Коп советует нанять адвоката? К тому же адвокат у меня уже есть. — Я подмигнула законнику, который как раз подходил к нам.

Дядя Боб огляделся и закатил глаза:

— Хочешь сказать, что наняла своей клиентке мертвого адвоката?

— Он призрак, да. И вы с ним уже встречались. — Я пожала Сассмэну руку. Несколько месяцев назад его и двух его партнеров убили. Над тем делом мы с Диби работали вместе. — Это Патрик Сассмэн. Помнишь дело об убийстве трех адвокатов?

— Помню-помню, — отозвался Диби, начиная всерьез нервничать.

— Здравствуйте, Чарли, — поздоровался Сассмэн.

Как и последний призрак, вошедший в мою жизнь, Сассмэн носил очки в круглой оправе, но, в отличие от Даффа, на нем были костюм и галстук. Правда, мятые и грязные. Не хватало только портфеля, которому на вид лет сто.

— Как жена и дети? — поинтересовалась я.

Как ни старалась, мне не удалось уговорить его перейти. Он решил остаться с семьей.

— Уже лучше. Полагаю, скоро совсем все наладится.

— Очень за них рада. Ну как? Займемся делом?

Сассмэн подтолкнул меня к двери:

— Всенепременно.

Дядя Боб наклонился ко мне:

— Ты же не собираешься там с ним разговаривать?

— Я вовсе не горю желанием прописаться на койке в палате с мягкими стенками.

Усмехнувшись, Сассмэн придвинул очки к переносице указательным пальцем.

— Я считаю, что здесь вы на верном пути, Чарли. План отличный. Представить не могу почему бы они не согласились. Но, если все же пойдут на попятную, немедленно звоните адвокату, о котором я вам говорил. У вас будет несколько минут, чтобы воспользоваться этой привилегией. Потом на вас вполне могут надеть наручники.

— Поняла, спасибо. Чуть не забыла! Диби, ты не мог бы послать патрульную машину к дому и офису Джеммы? Мне позарез надо знать, что с ней все в порядке.

— Зачем? — встревожился дядя Боб. — Что происходит?

— Потом объясню, — сказала я.

И мы вошли в маленькую комнату, битком набитую людьми в костюмах. Все сразу

встали, а дядя Боб представил меня помощнику прокурора и начальнику пожарной службы. С окружным прокурором я уже была знакома. По-моему, этот помешанный на моде человек был слишком молод для должности, сопряженной с постоянным стрессом. Никогда не пойму, почему по таким вопросам со мной никто предварительно не советуется.

Помощник был старше выпедрейника прокурора, но самую малость. Вот так-то. Закон у нас представляют дети. И это страшно. Ну ладно, я в курсе, что первых людей на луну тоже отправили дети, но все-таки.

Капитан смотрел на меня, как обычно. То есть строго, но с легким налетом любопытства. Понятия не имею, почему мне так не по себе рядом с ним, но так оно и есть. Он мог легко меня уволить, и, может быть, это и было одной из причин. Однако зарплата консультанта полиции не покрывает мои счета. Зато обеспечивает прожиточный минимум мокко латте. Ага, теперь поняла! Если я потеряю должность, придется потуже завязать пояс и отказаться от кофе по прихоти. Жуть какая. Теперь придется постараться. На кону будущее Ким и мое собственное, которое напрямую зависит от мокко латте.

Первым заговорил капитан:

— Ну, Дэвидсон? Чем хотите поделиться?

Я могла бы поделиться сведениями о том, почему не приехала раньше, но решила, что все сочтут это неуместным. Поэтому молча кивнула, и все расселись за длинным фанерным столом.

— Я хочу убедиться, — начала я, — что у моей клиентки будет возможность получить приговор с учетом смягчающих обстоятельств. И что ей дадут шанс возместить причиненный ее действиями ущерб.

У всех был такой вид, будто им под дых двинули. Неужели они думали, я шучу, когда говорила, что знаю имя поджигателя?

— То есть вы действительно знаете, кто поджигатель? — спросил помощник окружного прокурора.

— Знаю, хотя выяснила совсем недавно. — Сассмэн шептал мне на ухо, что говорить, и я повторяла слово в слово. — Я хочу, чтобы моей клиентке гарантировали иммунитет от судебного разбирательства и смягченный приговор в виде лечения в частной психиатрической клинике, которое она лично оплатит.

Присутствующие тут же ошетинились. Некоторые даже вслух расхохотались.

— Мисс Дэвидсон, — заговорил окружной прокурор, — наверняка вы в курсе, что ходите по тонкому льду. Мы можем выдвинуть вам обвинение в...

— Минуточку, Майкл, — вмешался дядя Боб. — Я говорил вам, как все будет. Вы обещали выслушать все, что она скажет, и не выдвигать против нее никаких обвинений.

Прокурор сердито уставился на Дибби:

— Я это знаю, и вы это знаете. А вот она не знала еще секунд пятнадцать назад.

— Чарли пришла сюда по собственной воле, и для этого участка она творит настоящие чудеса. Ни в какие игры мы с ней играть не будем.

Раздувшись от гордости, я сжала под столом руку дяди Боба. В ответ он сжал мою. Сассмэн опять зашептал мне на ухо что-то о том, что иметь Дибби в нашем углу ринга крайне выгодно. Надо будет потом спросить, почему он разговаривал шепотом.

— Если вы до конца меня выслушаете, — сказала я, — то будете довольны результатом.

Секунду поразмыслив, прокурор разгладил галстук и откинулся на спинку стула.

— Ладно. Каковы ваши условия?

— Во-первых, моя клиентка согласна возместить весь ущерб. До последней копейки.

— Это займет много времени, и понадобится не один платеж. Вряд ли она станет этим заниматься, пока будет отмокать в ванне в государственном дурдоме.

— Нет-нет-нет! В частном дурдоме, за который она сама заплатит.

— Ну конечно! А вы имеете хоть какое-то представление о том, сколько все это...

— Пятидесяти миллионов хватит? — перебила я, пока прокурор не вырыл себе яму еще глубже.

Все дружно подобрались.

— В распоряжении моей клиентки пятьдесят миллионов долларов, — продолжала я. — Впрочем, видела я эти здания. Раздутые счета от страховых компаний мы не примем. Вся сожженная собственность не стоит более четырех миллионов. Но это тема для разговора между моей клиенткой и ее адвокатом. А раз уж вопрос поднят, мне хотелось бы обсудить, что толкнуло ее на подобные действия. Если, конечно, никто не против. Когда вы узнаете, через что ей пришлось пройти, то сумеете лучше понять происходящее. Тогда, может быть, снисходительность уже не покажется вам такой горькой пилюлей.

— Не думаю, что мы собрались, чтобы послушать сопливую историю, Дэвидсон, — заявил прокурор.

Честно говоря, меня поражал капитан. До сих он не сказал ни слова. Просто сидел и смотрел на меня пристальным взглядом. Как ястреб прямо перед тем, как схватить добычу. На всякий пожарный я от него отодвинулась.

— Вы понятия не имеете, о чем говорите. Все, что сделала поджигательница, диктовалось желанием защитить брата. В детстве они оба подвергались жестоким, поистине ужасным пыткам. Под «ужасными» я имею в виду... — Я достала фотографию Рейеса. — Заранее предупреждаю: фото не отдам. — Если они будут долго смотреть на снимок, то наверняка узнают Рейеса по татуировкам. А мне надо было убедиться, что этого не произойдет. Как я и обещала. — Я знаю, что это ни в коем случае не оправдывает мою клиентку, но, если фотография поможет вам согласиться на мои условия, да будет так. Это ее брат.

Едва взглянув на снимок, дядя Боб все понял. Сразу узнал, на кого смотрит. Я нахмурилась и едва заметно покачала головой, призывая его к молчанию, пока все остальные смотрели на жестокий кошмар, запечатленный на фотографии. И это сработало. От всех сразу волнами пошли шок, отвращение, сочувствие.

— Ей досталось не меньше. Человек, который их вырастил, морил мою клиентку голодом, чтобы вынудить ее брата выполнять приказы. Что это были за приказы, пусть подскажет вам ваше воображение. Представьте себе самые мерзкие и грязные вещи и умножьте в десять раз. Тогда у вас будет приблизительное представление о том, что происходило на самом деле.

Люди за столом размышляли, а дядя Боб внезапно встал и отошел к окну. Однажды он говорил мне, что с самого начала знал о невиновности Рейеса. Но опровергнуть улики не удалось. У Дибби не было иного выбора — ему пришлось обвинить Рейеса. И теперь, спустя десять лет, это поедало его живьем. Придется с ним поговорить. Меня всерьез волновало, как он воспринял то, что увидел. Но эффект определенно был сильнее, чем я ожидала.

Ко мне опять наклонился Сассмэн:

— Сейчас самое подходящее время выложить козырь.

Я кивнула, улыбнулась и, просияв, сказала:

— Но это еще не все.

Любому полицейскому участку нравится получать галочки за работу. Нравится раскрывать дела. А что может быть лучше, чем разгадать тайну массового захоронения в окрестностях Лас-Крусеса?

— Пока ведутся наши переговоры, я могу подсыпать в горшочек меду. Если того, что я уже принесла к столу, недостаточно. Хотя не представляю, как этого может быть мало.

— Что еще у вас есть? — спросил капитан, наконец-то подключаясь к разговору.

— Я почти уверена, что знаю, кто убил женщин из найденного недавно массового захоронения.

Капитан мигом побледнел. Окружной прокурор скептически возрился на меня, а у его помощника отвисла челюсть. Совсем чуть-чуть, но все-таки.

— Мне нужно несколько дней, чтобы добыть доказательства, но подозрения у меня очень даже основательные.

— Чарли, — ошеломленно проговорил Дибби, — если ты знаешь, кто...

— Опять ты за свое, дядя Боб! — Я уставилась на него самым лучшим недоверчивым взглядом из своего арсенала. — Эта информация нужна мне в качестве козырного туза. — Я повернулась к прокурору. — Так как? Заключаем сделку? Моя клиентка получит не больше двадцати четырех месяцев в частной лечебнице по собственному выбору.

— Двадцать четыре месяца? — оскорбился окружной прокурор.

— Двадцать четыре месяца, — решительно повторила я.

Тихонько обсудив мои условия с остальными, он посмотрел на меня твердым взглядом:

— Ваша клиентка все оплатит?

— До копеечки.

— А вы сдадите нам очередного новенького серийного убийцу, — ровным тоном добавил капитан. — Похоже, в последнее время вы этим часто занимаетесь.

Уровень испытываемого мной дискомфорта повысился. До слона или лошади ему, конечно, было далеко, но размерами он вполне был схож с козой или ослом. Капитан был настоящей акулой. И явно что-то знал. Но что, бога ради, он мог знать? К тому же вряд ли общение с призраками считается преступлением.

— Ага, иногда мне везет.

— Не сомневаюсь, что ваши успехи ничего общего с везением не имеют.

Я решила никак не комментировать перебор с отрицаниями в его высказывании, откашлялась и покосилась на прокурора:

— Что скажете? Моей клиентке нужна помощь, а не срок за решеткой.

— Хорошо. Камеру изнутри она не увидит. Доставьте ее сюда, а я к тому времени получу детальный бухгалтерский отчет по возмещению ущерба. Только потом мы подпишем соответствующие бумаги.

Сассмэн снова зашептал мне на ухо, я кивнула и поинтересовалась:

— Можно мне получить копию нашей договоренности в письменном виде?

Мрачно поджав губы, окружной прокурор с помощником принялись составлять официальный документ, устанавливающий условия добровольной явки с повинной для моей клиентки.

Я подошла к дяде Бобу:

— Ты как?

Даже со своего места за столом я чувствовала, как его снедают горькие сожаления.

— Я его по всем статьям подвел.

Я знала, что он говорит о Рейесе. Значит, фотография подействовала еще сильнее, чем я предполагала.

— Он же был совсем мальчишкой, Чарли.

— Дядя Боб, его все подвели. Все, кого он встречал в своей жизни. В том числе и я.

— Ты? — переспросил Дибби.

— Когда я впервые его встретила. В ту ночь Эрл Уокер его избил. А я ничего не сделала.

— Милая, он сам тебе сказал ничего не делать. Если я правильно помню, даже угрожал.

— Все равно я могла пойти в участок и написать заявление. Тогда бы осталась запись.

Но я даже этого не сделала. А ведь у меня два копа в семье.

— Теперь все зависит от того, сдаться ли ваша поджигательница до пяти часов вечера, — слышался за спиной голос прокурора.

Глубоко вздохнув, я оглянулась и кивнула:

— Я поеду за ней прямо сейчас.

— Я тоже, — вставил дядя Боб.

— Не уверена, что это хорошая идея, — сказала я, боясь, что Ким передумает, как только его увидит.

— А я не уверен, что мне не все равно.

— Ты же не пытаешь меня надуть? — огорошил меня Дибби.

— Ты о чем?

— Фэрроу. У него нет сестер.

— Биологических нет. Но он вырос с девочкой, которую считает своей сестрой.

— А она... они...

— Да, над ними издевались именно так, как я и описала.

— Как же так вышло, что мы ничего об этом не знали?

— У нее другая фамилия. Они совсем не похожи друг на друга. Редко ходили в школу. Они были призраками, дядя Боб. Эрл Уокер об этом позаботился.

— И как ее зовут? — спросил Дибби, умирая от любопытства.

— Ким. Ким Миллар.

Я показывала путь к дому Ким. Она меня ждала. Я говорила ей, в котором часу появлюсь, и Ким должна была привести свои дела в порядок, перед тем как ехать в участок. Куки уже подыскивала частные лечебницы и наверняка скоро отзвонится.

К дому мы подошли пешком. Я заметила чашку на газоне у двери. Кое-где был разбросан мусор, что для этого района было крайне необычно.

— Пришли, — сказала я и постучала в бирюзовую дверь.

Никто не ответил, и дядя Боб заглянул в окно. Потом повернулся ко мне и спросил:

— Это что, шутка?

— В смысле? — Он меня озадачил по самую макушку. А потом я вспомнила, что Ким собиралась наложить на себя руки. Я бросилась к окну и заглянула в дом. — Нет. Нет, нет, нет, нет, нет. Мы же договорились!

Я помчалась обратно к двери, которая оказалась незапертой, и буквально ввалилась в помещение, смахивавшее на лабораторию обанкротившейся фармацевтической корпорации. В доме было совершенно пусто. Я бегала из комнаты в комнату, надеясь найти хоть какие-то признаки того, что здесь жила Ким. Ничего. Полный ноль.

— Чарли! — позвал из гостиной дядя Боб.

Я поспешила к нему и уставилась на стену, на которой висел конверт. На нем черным маркером было написано мое имя. Содрав его со стены, я заглянула внутрь. Там ничего не было, кроме чека на десять миллионов долларов в пользу города Альбукерке. Никаких имен. Ни единого намека, кто выписал чек. Внезапно я поняла, как себя чувствует мама Ангела, месяц за месяцем получая анонимные чеки. Вот только я знала, кем подписан чек у меня в руках.

Меня парализовало от шока.

— Как срочно вам нужен дом?

Я повернулась к мужчине в дверях.

— Простите?

— Я подумал, раз вы внутри, значит, ищете дом.

Дядя Боб показал ему значок:

— Нам надо знать, куда делся предыдущий жилец.

Похлопав себя по карманам, я поняла, что удостоверение частного детектива оставила дома. Поэтому покопалась в сумке и показала водительское.

— И как конкретно ему это удалось.

Я ведь только вчера была здесь! И все было прибрано, опрятно и безупречно, как и сама Ким. А теперь никаких признаков того, что она вообще здесь жила.

Мужчина поморгал, а потом сказал:

— Ну, надеюсь, сейчас он в раю. Благодаря сердечному приступу, как мне сказали.

Пришла моя очередь по-дурацки моргать. Я подошла к новому знакомому:

— Он? В этом доме много лет жила Ким Миллар. Высокая. С темно-рыжими волосами. Болезненно худая.

Он задумчиво потер пальцами рот.

— Что ж, судя по описанию, она великолепна, но здесь никогда не жила. Почти десять лет здесь обитал Старик Джонсон.

— И ваши сотрудники успели все отсюда вынести за двенадцать часов?

— Нет, мэм, — хихикнул мой собеседник. — Мистер Джонсон умер две недели назад. На прошлой неделе его родственники вывезли все вещи.

Дядя Боб вытащил блокнот.

— Мне нужны имена и адрес его родных.

Мужчина опять потер рот:

— Не уверен, что у меня есть такая информация, но я посмотрю.

— Посмотрите.

Менеджер кивнул и вышел на улицу.

— Как я понимаю, он врет? — спросил Дибби.

— И не краснеет. Представить не могу, сколько Рейес ему заплатил.

— Думаешь, его рук дело?

— Не думаю — точно знаю. У них с Ким самая глубокая и крепкая связь, какую я в жизни видела. Но кто мог вынести все из дома и вылизать его до блеска посреди ночи? Тем

более ночью Рейес был со мной.

И тут меня осенило. Лучший друг — Амадор Санчес. Вот, блин, кто. Однако упомянуть о нем перед Диби я не могла. Ни к чему тащить Амадора в участок. Наверняка он будет все отрицать, и у него окажется непоколебимое алиби.

— Я могу прислать сюда пару патрульных потолковать с другими арендаторами. Получим кое-какие свидетельства со слов очевидцев и, может быть, парочку более или менее сносных описаний внешности.

— Не думаю, что от этого будет толк. Разве что докажем прокурору, что я не спятила и не врала. Она исчезла, Диби. Если Рейес хотел, чтобы она исчезла, то никто ее не найдет.

Само собой, никакого адреса менеджер нам не дал. Поэтому мы вернулись в джип дяди Боба и, пождав хвосты, двинулись обратно в участок.

— Хана моему договору с прокурором.

Диби помахал у меня под носом чеком:

— Думаю, это свое дело сделает. И тот факт, что ты знаешь, кто наш серийный убийца. Такую зацепку мы ни за какие коврижки не упустим.

— Думаешь, меня не арестуют за пособничество?

— Думаю, им есть чем заняться и без того, чтобы открывать дело на самого лучшего и успешного консультанта.

Мне немного полегчало. Как будто я была воздушным шариком, который надули слишком сильно, а потом спустили воздух, но не весь.

— А ты бы и правда меня арестовал, не расскажи я о поджигателе?

— Сию же секунду.

Из моего шарика мигом вышел весь воздух с характерным шипением.

— Но ты не переживай, — добавил Диби. — Было бы надо, я бы собственную мать арестовал.

— Ты бы арестовал бабушку?! — Мне опять полегчало, хотя бабушку я никогда не видела. Бабушки и дедушки с обеих сторон умерли еще до моего рождения. У меня оставался только отец мачехи, но и тот умер, когда мне было четыре.

На этот раз мы отправились напрямик в кабинет окружного прокурора. Весь день у него был расписан поминутно, и мы надеялись перехватить его до того, как он уйдет на обед. Нам это удалось, и цирковая программа началась заново. Прокурор пыхтел и упирался, пока дядя Боб не всучил ему чек. Странно было видеть, как кусок бумажки заставил его сбавить обороты.

Прокурор вызвал капитана и своего помощника и дал им имя Ким. Но ничего не сказал о ее связи с Рейесом. Потому что за это его могли бы привлечь к ответственности. Кроме того, Ким доказала свою бесконечную находчивость. Кто еще мог бы спалить два жилых здания, семь домов, дряхлый гараж и бункер и заставить копов недоуменно потирать тыковки? Я восхищалась преданностью Ким, ее неутомимой решимостью во что бы то ни стало защитить Рейеса. Да что там! Я ее обожала. Даже больше, чем могла себе признать.

Я не жду, что все само поплывет мне в руки.

Разложите это где-нибудь по полочкам и дайте мне адрес.

Надпись на футболке

Первым делом, оказавшись в Развалюхе, я опять позвонила Джемме. Теперь, когда не нужно было думать о поджогах, можно было заняться другими проблемами. То бишь серийным убийцей. Джемма не отвечала ни на сотовый, ни на телефон в офисе, поэтому я попробовала отследить ее по GPS. Вот только сигнала не было. Скорее всего у нее сидел пациент, и она вырубила телефон. Но я начинала серьезно волноваться. Если убийца тот, кто я думаю, то Джемма могла оказаться в беде уже потому, что она блондинка. Я оставила очередное сообщение. К счастью, у моей сестры с головой все в порядке, и находчивости ей не занимать. К тому же у нее нет татуировок. Николетта говорила, у жертвы татушка с цифрой «восемь», которая, как ни странно, очень и очень похожа на знак бесконечности.

Сердце подпрыгнуло в самое горло. Джемма — следующая. Следующая жертва серийного убийцы.

Я сорвалась с места, выехала со стоянки возле участка под сердитыми взглядами нескольких копов и позвонила дяде Бобу:

— Ты ее нашел? Нашел Джемму?

— Нет. Секретарь сказала, что она отменила все встречи. Но дома ее тоже нет.

— Черт возьми! — Все, не время для игр. — Дядя Боб, я думаю, что серийный убийца — ее пациент. Он коп.

— Коп?! — в ужасе гаркнул Дибби. — Ладно, объясняй.

— Меня поцарапала девочка, и царапины были точно такими же, как у него.

— Чарли, это притянута за уши.

— Знаю. И понимаю, как это звучит. Но она пыталась мне что-то сказать. Дать подсказку.

— Я не могу обвинить в подобном копа без веских доказательств.

— Добуду я тебе доказательства, но сначала нужно увезти Джемму в безопасное место. Мне кажется, она следующая.

— Гадство, Чарли. Ты должна была раньше сказать.

Я услышала, как он щелкнул пальцами, как будто подозвал другого офицера.

— Можешь разослать ориентировки на ее машину?

— Уже. Прямо сейчас ищем ее номера. Ты где?

— Еду к мосту.

— К тому, о котором тебе говорила та женщина?

— Да. Она сказала, что видела тело. Светлые волосы и татуировка в виде «восьмерки».

— И?

— Джемма нарисовала себе на запястье знак бесконечности.

— То есть, по-твоему, эта женщина предсказала смерть твоей сестры?

— Скажем так, она редко ошибается. Как бы то ни было, дядя Боб, под мостом кто-то умрет.

— Ладно-ладно. Пошлю туда машину. А тебе надо вернуться в кабинет.

— Я уже уехала.

— Чарли, черт тебя дери!

— Я не дура. Высылай машину. Я ничего не буду делать, пока не дождусь твоего патрульного.

— Иисус на палочке, Чарли. Ты меня в могилу загонишь.

— Позвони мне, как только что-нибудь узнаешь. Проверь, нет ли ее машины у салона, где она делает маникюр. Она же девчонка до мозга костей. Ах да! Еще она любит какую-то кафешку с макаронами.

— Понял.

Я мчалась к мосту со скоростью почти сто семьдесят километров в пятьдесят пять минут, очень надеясь, что за мной погонится какой-нибудь коп. Подкрепление бы не помешало. Набрав номер Рейеса, я заговорила, как только он поднял трубку:

— Рейес, мне нужно, чтобы ты нашел мою сестру.

— Как прошла встреча?

— Рейес Фэрроу, нет времени. Мне нужно, чтобы ты нашел и защитил Джемму.

— Ладно. Что мне за это будет?

— Чего? Что значит — что тебе за это будет?

— Это значит — что я получу, если найду твою сестру и защищу от всего зла на земле?

— Рейес, я тут не шутки шучу.

— Я тоже. Я задал вопрос.

— Боже мой! Не знаю. Чего ты хочешь?

— Тебя, — ответил он упавшим на октаву голосом. — Всю тебя, Датч. Телом и душой. Хочу, чтобы ты каждую ночь лежала у меня в постели. Хочу видеть тебя каждое утро, когда просыпаюсь. Хочу, чтобы твои шмотки валялись по всей квартире. Хочу пахнуть тобой. Постоянно.

Неужели он об обязательствах? Блин! Сейчас самое неподходящее время выбирать полку в шкафу.

— Ладно. Ладно! Я вся твоя. Телом и душой.

Пришлось резко свернуть, чтобы не наехать на статую индейца с гнездом на голове. А дядя Боб, оказывается, не шутил.

— Я серьезно.

Я глубоко вздохнула:

— Я тоже.

Не важно, как Рейес получает то, чего хочет. Он это получает, и точка. Хочет обязательств — будут ему обязательства. Бога ради, я бы ему левый яичник отдала, если бы за него он дематериализовался и отыскал Джемму.

— Я серьезно, Рейес. Я твоя. — От этих слов в животе натянулась какая-то струна. — И всегда была твоей. — Он молчал, поэтому я спросила: — Ты еще там?

— Да. Я беспокоился. После того, что случилось со Своупсом...

— Что? Ты думал, я перестану тебя хотеть? Я-то надеялась, что прошлая ночь все тебе доказала. Спасибо за фотографию, кстати.

— Помогла?

— Да. То есть до того самого момента, как я поехала за своей клиенткой, а она волшебным образом превратилась в преклонного возраста дядечку с хреновым мотором в груди и испарилась.

— Странные иногда случаются вещи.

— Рейес, — сказала я, одним только голосом умоляя его понять, — то, что она натворила, не детские шалости. Ей нужна помощь.

— И она ее получит, — безапелляционно ответил Рейес.

Ясно, значит, тема закрыта и обсуждению не подлежит. Честно говоря, как раз такие темы я и люблю пообсуждать, но сейчас на меня давили другие проблемы.

— Хорошо. Но прямо сию секунду моя сестра может задохнуться в руках убийцы, помешанном на блондинках.

— Сомневаюсь.

— Ты не можешь знать наверняка... Стоп, почему это ты сомневаешься?

— По-моему, вид у нее весьма довольный.

Я ударила по тормозам, и Развалюху снесло с дороги.

— Что?! Ты ее уже нашел?

— Вряд ли она терялась, но да.

Я бы его расцеловала. И землю, по которой он ходит. И телефон, по которому он говорит.

— Минуточку! Чего-то я не понимаю. Как ты со мной разговариваешь?

Если он в «призрачном» режиме, то как до сих пор говорит со мной по телефону, когда сама я в режиме «во плоти»? Впрочем, не стоит забывать, что, когда я в последний раз видела, как он дематериализовался, его материальное тело продолжало лупить демона.

— Как тебе объяснить... Прикладываю телефон к уху и...

— Серьезно, Рейес, где ты? И где Джемма?

— Я на работе. А Джемма ест «Монте-Кристо», который я только что ей приготовил.

— Обалдеть! Так она там? В «Вороне»?

— До последней молекулы.

— Она одна?

— Если не считать парня, который с ней пришел, то одна.

Я развернулась и покатила обратно в город.

— Что за парень? Она с парнем?

— Ага. Какой-то коп. Наверное, у него перерыв на обед. Он в форме.

От жуткого страха заболело в груди.

— У него на щеке есть три шрама?

— Есть, и хорош уже о нем. Что на тебе надето?

— Не время сейчас, Рейес. Ни за какие коврижки не давай Джемме уйти с этим копом.

— И как я должен их остановить?

— Ты же сын Сатаны. Неужто ничего не придумаешь?

— Бесплатно — нет.

— У тебя уже есть я. Я банкрот, приятель.

— Ты должна станцевать для меня стриптиз.

— Сейчас?!

— Вечером.

— Да что за пунтик у мужиков на частных танцах?

— Понятия не имею, — самым беззаботным на свете тоном отозвался Рейес.

— Ладно, станцюю. Хоть чечетку. И спою «Кукарачу» в до-миноре.

— Никуда они не денутся. Даю слово.

Облегчение показалось таким приятным и прохладным, что кожа покрылась мурашками.

— Я позвоню дяде Бобу, и он приедет, как только сможет. Спасибо.

— Вечером поблагодаришь.

У мурашек появился еще один повод собраться в табуны — голос Рейеса звучал, как сама ласка. Купаясь в ощущениях, я набрала Диби.

— Ну? — нетерпеливо рявкнул он.

— Нашла. Она в баре. За ней приглядывает Рейес, но она с тем парнем, которого я подозреваю. С копом.

— Да ты издеваешься.

— Вот видишь? Джемма тоже в неприятности попадает. Не одна я такая.

— Угу, — прогудел дядя Боб, но мне показалось, что я совсем его не убедила.

— Я попрошу Куки спуститься. Если что, она тоже не даст им уйти.

— Буду там через десять минут. Ты далеко?

— Ну-у, я ехала довольно быстро. Почти побила рекорд. В город вернусь минут через пятнадцать.

— Понял. Поторопись.

Как только я нажала «отбой», позвонила Куки. Господи, и ведь всегда-то она знает, когда надо позвонить!

— Привет, ты где? — спросила я.

— В офисе. Ты в курсе, что женщины фотографируют Рейеса на телефоны, когда он проходит мимо?

— В курсе.

— Это настораживает.

— Не то слово.

— Зато мне удалось сделать несколько классных снимков.

— Правда? Перешли их мне, — взволнованно попросила я, а потом вспомнила о реальном мире. — Нет, сначала спустись в бар и помоги Рейесу не дать Джемме уйти.

— Ага, поняла. — Я услышала, как она сделала несколько шагов, как открылась дверь, а потом вопрос: — А что не так с Джеммой?

— Думаю, она встречается с нашим серийным убийцей. Так что старайся не смотреть ему в глаза и все такое, если не будет необходимости.

— Ла-а-адно. Может, мне вернуться за пистолетом?

— Думаешь, папиному бару нужна еще одна лишняя дырка в стене?

— А если Джемма захочет уйти?

— И что? Наставишь на нее пушку? — Прямо в лобовое чуть не влетела кукушка. Пришлось крутануть руль, чего Развалюха, конечно же, по достоинству не оценила. — Рейес разберется. А ты в помощниках побудешь. К вам уже едет дядя Боб.

— Минуточку... А нет, все в порядке. Она с копом.

— То бишь с серийным убийцей.

— Да ладно! — зашептала в телефон Куки. — Маньяк — коп?!

— Он мой главный подозреваемый, так что держись от него подальше.

Припарковавшись, я выскочила из Развалюхи и помчалась в «Ворону» через заднюю дверь. Назад я ехала еще быстрее, чтобы успеть до того, как Джемма решит уйти, так что в бар ворвалась одновременно с Диби, который как раз заходил через главный вход. Явились мы явно вовремя. Офицер Пирс прижал Рейеса к барной стойке и уже намеревался надеть на него наручники. Коп в штатском по фамилии Родригес держал Джемму, а третий, которого я не знала, пытался привести в чувство до предела расстроенную Куки.

— Что тут творится? — спросил дядя Боб.

Куки ткнула пальцем в Рейеса:

— На меня напал этот... этот монстр!

Я застыла, совершенно ничего не понимая, но вдруг Рейес оглянулся и подмигнул. Здесь был и папа — стоял у стены, сложив на груди руки и ни капельки не веря в разыгранный спектакль. К счастью, поверить должен был только один человек. Офицер Пирс. И он попался на удочку. Со всеми потрохами. Правда, это ерунда по сравнению с той ценой, которую ему придется заплатить, когда я отправлю его за решетку на пять тысяч лет.

Папа мне помахал:

— Привет. Постоишь на этой неделе пару дней за стойкой? У Тери отгулы.

— Не вопрос. Это даже весело.

— Точно, — улыбнулся папа.

— Ладно, Уайетт, — сказал Диби офицеру Пирсу, — отпусти его.

— Но, сэр, он напал на эту даму и оттолкнул меня, когда я попытался вмешаться.

— Как ты мог?! — ахнула я и уставилась на Рейеса, не в силах сдержать улыбку. Ей-богу, его просто необходимо еще раз обыскать.

Дядя Боб похлопал Пирса по плечу:

— Он выполнял указания.

Пирс удивленно выпрямился, и в тот же миг Рейес вывернулся из его рук. Он позволил себя скрутить. Позволил кому-то на время получить контроль. И слава богу. Однако дольше он не стал бы терпеть и разыгрывать из себя жертву.

— Ты как? — спросила я. От благодарности мое сердце готово было разорваться.

В ответ он только улыбнулся, а мне одной его улыбки было достаточно.

— Чарли, что происходит? — услышала я голос Джеммы и повернулась к ней.

— Почему ты здесь с ним? Я думала, он твой пациент.

Джемму затопило чувство вины. Плотное и мутное, как лондонский туман. Она смущенно опустила голову.

— Он был моим пациентом, да, но теперь мы встречаемся. У него другой врач и...

— Джемма, — потрясенно проговорила я. Не так чтобы очень (в конце концов, она всего лишь человек), но достаточно потрясенно, чтобы ей стало еще больше не по себе.

Эмоции вокруг меня кипели. Самое время выяснить, был ли офицер Пирс нашим маньяком. Я люблю свой внутренний виннометр. Каждому бы по такому, и проблем в мире стало бы гораздо меньше. А может быть, наоборот. Так и быть. Оставляю свой при себе и отзываю заявление на получение патента.

— Сэр, в чем дело? — спросил Пирс у дяди Боба.

Я шагнула к нему, настроилась на его эмоции и, сделав суровое лицо, шарахнула бомбой:

— Мы нашли могилу. И знаем, что ты натворил. А ты, дружок, арестован за убийство двадцати семи женщин.

Внутри дяди Боба взорвались эмоции, но свое мнение он оставил при себе. Пока.

У Пирса был такой озадаченный вид, что в любой другой ситуации я бы изрядно посмеялась.

— Убийство? — переспросил он, обращаясь к Диби. — О чем вообще речь?

— Чарли! — ахнула Джемма. — Ты совсем из ума выжила?

— Он серийный убийца, Джемма. А ты чуть не стала его следующей жертвой.

И наконец это произошло. Вспыхнуло возмущение. Зажглась искра, разгоревшаяся в пламя негодования из-за несправедливости обвинений. А это значило, что Пирс невиновен. Даже самые лучшие на свете лгуны не могут до такой степени контролировать свои чувства. Не такого вердикта я ожидала, зато получила ответ.

Я почувствовала, как поникли плечи, и упала на табурет за стойкой возле своего мужчины. Он так быстро придвинулся ближе, что вряд ли кто-то заметил.

— Нет, — сказала я дяде Бобу, чувствуя себя совершенно пустой. — Это не он.

На губах Диби появился намек на улыбку. Этого хватило, чтобы я поняла, какое он испытал облегчение. Джемма бросилась к Пирсу и в знак поддержки положила ему на плечо руку.

— Твоя помощница та еще актриса, — заметил Рейес.

Куки подошла к нам и улыбнулась:

— Должна признать, было весело притворяться, будто Рейес на меня напал. На меня! — добавила она, глянув в сторону одного конкретного столика.

Слава богу, Джессики там не было. Похоже, разнообразия ради сегодня она решила не приходить. Но от слов Куки все, кто сидел за тем столиком, захлебнулись возмущением. И видеть это было обалденно приятно.

Дядя Боб пытался успокоить офицера Пирса с Джеммой, а Рейес вдруг наклонился, сгреб Куки в охапку и поцеловал прямо в губы. Я прижала ко рту ладонь, глядя на Куки, которая вцепилась в Рейеса, как кошка, готовая вот-вот сорваться с ветки.

Очень медленно он ее отпустил, а потом сказал достаточно громко, чтобы слышал тот самый столик:

— Будь в жизни справедливость, Куки Ковальски, ты была бы моей.

У Куки отвисла челюсть. Но, увидев, как хитро ей улыбается и подмигивает Рейес, она затряслась от едва сдерживаемого смеха.

У дяди Боба лопнуло терпение.

— Справедливости в жизни нет. И тебе об этом лучше других известно, — втиснувшись между ними, процедил Диби сквозь зубы, взял Куки под локоток и куда-то повел.

Я надеялась, что к стулу. Кто знает, сколько еще она продержится на ногах.

Рейес молча смотрел, как они уходят, потом повернулся ко мне и приподнял бровь:

— Кажется, я погладил твоего дядю против шерсти.

— Классно получилось, — отозвалась я, когда он наклонился за полотенцем. — Спасибо.

Рейес застыл, но ровно на столько, чтобы сказать мне в ухо:

— Вечером поблагодаришь.

И ушел в кухню еще до того, как барышни за столиком сообразили, что он со мной флиртует.

Передо мной образовалась Джемма с видом одичавшей кошки, готовой защищать свое потомство:

— Чарли, к чему все это было?

Эх, пора колоться.

— К тому, что я считала офицера Пирса серийным убийцей.

Пирс ошалело уставился на меня. Джемма тоже. И даже Родригес. Только дядя Боб не смотрел на меня ошалело и даже не обернулся. Потому что был слишком занят тем, что обхаживал Куки. Несладко ему придется, учитывая, что она только что целовалась взасос с самим Адонисом, но я в него верила.

— Диби, — позвала я, зная, что вмешиваюсь в деликатный процесс, — мне бы тут помощь не помешала.

— Вы действительно думали, что я кого-то убил? — изумленно спросил офицер Пирс. — Как вам... Я... В голове не укладывается, как вы...

— Ну бывает, что тут скажешь. Сами посмотрите. — Я показала пальцем на свое лицо, потом на его.

— Шрамы? То есть, по-вашему, это значит, что я кого-то убил?

— Поначалу так и подумала, ага.

Я могла бы поклясться на стопке Библий, что фея намекала на него. Мои царапины были точь-в-точь как его шрамы. И Николетта предсказывала смерть блондинки с татуировкой в виде «восьмерки»...

— Чарли, — укоризненно сказала Джемма, — с ним кое-что случилось, когда ему было девять.

— Ага, и это называется... Погодите-ка! Девять? — Я пялилась на Пирса во все глаза. — У вас появились эти шрамы, когда вам было девять?

— Да, он увидел упавшую с обрыва девочку. Но ее не стало до того, как появилась полиция.

Могла ли этой девочкой быть моя фея?

— Она вас поцарапала?

— Откуда вы знаете? — нахмурился Пирс.

— Сколько ей было лет?

— Не знаю. Было темно, а девочка была вся в грязи. В одной ночной рубашке.

— Ну навскидку?

— Шесть-семь лет, наверное. Около того.

— Вы пытались ее спасти, — догадалась я.

Пирс уставился себе под ноги:

— Ага, да не вышло.

Заметив свободный столик, я потащила всех к нему. Причем быстро, потому что кто-то еще положил на него глаз. В забеге я победила и выдвинула ближайший стул.

— Садитесь, — велела я Пирсу. — И рассказывайте.

Если ты читаешь эту надпись, то на пару секунд я завладела твоим мозгом.

Надпись на футболке

— Я был бойскаутом, — рассказывал Пирс. — В то лето жил у бабушки с дедушкой в Элиде. Мой отряд отправился в поход в Билли-Кид-Спрингс^[24].

— Впервые слышу, — заметила я, вытаскивая телефон, чтобы проверить название в интернете.

— Можете не утруждаться. Я все карты прочесал, пытаюсь его найти. Вряд ли это официальное название. Тот участок земли так называют только местные. Там есть что-то вроде открытой пещеры с озерцом. Помню, вода светилась зеленым.

— Зеленым? Это же возле Розуэлла? Там частенько о пришельцах говорят.

— Верно, но сомневаюсь, что пришельцы как-то связаны с водой в том озере. В общем, мы стояли лагерем, и я проснулся среди ночи. Сходить по малой нужде. Обулся и вышел на край обрыва как раз над озером. Вода сияла. Удивительное было зрелище. В итоге я уселся, смотрел на воду, звезды, полную луну и прочую природную дребедень, и вдруг что-то услышал. Как будто кто-то скребется и плачет. Я спросил «Кто здесь?», но никто не ответил. Лег на живот, заглянул сверху и увидел девочку.

— В пещере? — спросила я.

— Нет. Она пыталась подняться по обрыву. Сбоку от пещеры. — Задумавшись, Пирс опустил голову. — Сейчас я думаю, что она увидела наши костры. Я протянул вниз руку, все время просил девочку дотянуться, но она словно и не знала, что я там. Пока я до нее не дотронулся. Она дернулась, глянула на меня огромными глазами. В них отражался чистый ужас.

От него волнами пошла горькая печаль. Прошло столько лет, а тот случай до сих пор не давал Пирсу покоя.

— Я продолжал уговаривать ее взять меня за руку. Поначалу она не реагировала. Я уже подумал, что она полезет обратно вниз, но потом она, видимо, поняла, что я не представляю опасности. Взяла меня за руку, и я потащил ее наверх. Но девочка сорвалась. — Пирс замолчал и глотнул воды.

Джемма коснулась его руки:

— Об этом ты и не мог мне рассказать.

Он кивнул:

— Она повисла над пещерой и тянула меня за собой. Пыталась найти под ногами опору, а потом вдруг закричала. То ли падала, то ли кто-то тянул ее вниз. Точно не знаю. Я потянулся к ней, и она попыталась ухватиться за меня другой рукой, но промахнулась. — Пирс прикусил губу. — Я промахнулся. Она царапнула меня по лицу и упала.

— Мне очень жаль, Уайетт, — с чувством проговорила Джемма.

Но он уже утонул в воспоминаниях и не мигая смотрел на воду в стакане.

— Я ни звука не услышал, — продолжал он. — Обрыв был не таким уж и высоким.

Метров шесть, плюс-минус. Наверняка я бы услышал, как она упала.

Пирс полностью ушел в себя, и я поняла, что воспоминания не просто болезненные, а причинили ему серьезную эмоциональную травму.

— Я понял, что там есть кто-то еще. Во тьме. Слышал, как от стен пещеры эхом отдается чье-то дыхание, и до смерти перепугался, что это могла быть пума или еще какой-то дикий зверь.

— И что вы сделали? — спросила я, прекрасно зная, что то была вовсе не пума.

Но он тоже это знал. Даже тогда, еще будучи девятилетним ребенком.

— Побежал за помощью. — На лице Пирса отчетливо отражалась мучительная боль. Раны, которые он нес внутри, были куда глубже видимых шрамов, напоминавших о той ночи. — Бросил ее.

Джемма сжала его руку, а дядя Боб встал ответить на звонок.

— Офицер Пирс... — начала я, но он перебил:

— Просто Уайетт.

— Уайетт, наверняка это прозвучит странно, и я не могу объяснить, откуда мне это известно, но я на сто процентов уверена, что между этой девочкой и массовым захоронением, которое недавно обнаружили на юге, есть связь.

Пирс недоуменно моргнул:

— Как это?

— Вы сказали, что вам было девять?

— Да.

— А сейчас вам тридцать один?

— Верно.

Господи, терпеть не могу математику.

— Это значит, что захоронению как минимум двадцать два года. Я думаю, что девочка была одной из первых жертв.

— Почему вы вообще решили, что здесь есть связь? То озеро в трехстах с лишним километрах на восток отсюда. И в нескольких сотнях километров южнее места захоронения.

Вот мы и добрались до самой стремной части разговора. Я глянула на Джемму, потом на дядю Боба, которому было наплевать, потому что он до сих пор говорил по телефону. Но тут вмешалась Куки.

— Видите ли, — сказала она, слегка разряжая обстановку, — вам просто нужно ей поверить. Она раскрывает уйму дел, руководствуясь одними догадками. И ее догадки всегда оправдываются.

Тут она явно преувеличила, на что указал и Уайетт:

— На мой счет она ошиблась.

— Почти всегда, — уточнила Куки.

— Куки права, Уайетт, — кивнула Джемма. — Иногда Чарли просто знает то, чего не знают другие. Странно, конечно. Смахивает на что-то сверхъестественное. — Она демонстративно фыркнула: — Тот еще бред! Сам понимаешь, никаких призраков она не видит, с мертвыми не разговаривает, ничего такого.

Ну не знает человек, когда надо вовремя замолчать.

— И вообще она у нас проблемная, — добавила Джемма. — Вечно в неприятности вляпывается.

— Ничего подобного! — оскорбилась я. — И это ты, а не я, встречаешься с чуваком,

который мог оказаться маньяком. Где были твои мозги?

Она открыла рот, закрыла, потом запыхтела и под конец махнула на меня рукой, не зная, как выразить мысли.

— Словами попробуй, — подсказала я.

— Никакой он не маньяк, — заявила Джемма.

— Само собой. Но ты-то этого не знала. — О да, тут победа уж точно за мной.

— Боже мой! — взбесилась она. — И почему каждый раз, когда мы под одной крышей, я чувствую себя так, будто мне опять четырнадцать?!

— Я так на многих действую.

— Звонили из лаборатории, — сообщил дядя Боб, испортив всю малину. — Маслянистая жижа с места захоронения — не чистая нефть, а целый букет. Моторные, кулинарные масла, промышленные горюче-смазочные материалы... Предположительно, их везли на завод переработки отходов, но почему-то выбросили на той земле.

— Ладно, но почему именно там?

— Не знаю, милая. Выясняем. — И Дибби вернулся к телефону.

— Зачем вам понадобился мозгоправ? — спросила я у Пирса.

Джемма смерила меня сердитым взглядом:

— Чарли!

— Все в порядке, Джем. — Уайетт глянул на меня и опустил глаза. — Мой куратор говорит, у меня проблемы со вспышками гнева.

— С чего он это взял?

Рот Джеммы превратился в тоненькую ниточку, а сама она глаз с меня не спускала.

— Если не хочешь, ты не обязан об этом говорить.

— Ничего страшного. К тому же любой, у кого есть ноутбук, сам сумеет все выяснить. В управлении считают, что я агрессивно веду себя с мужчинами, которые применяют силу против женщин. Я раскатал по полу мужика, который девять раз приложил утюгом собственную жену.

Тихо ахнув, я заметила:

— Как по мне, молодчина.

— Ага, вот только у него уйма денег и приличные связи. Я чуть не лишился работы. Но если бы мне не приказали полгода отлечиться, я бы не встретил Джемму.

Ну что ж, он мне нравился.

— Кстати, — продолжал Пирс, — у меня дома есть все материалы по делу девочки. Все мои записи. С тех пор как стал копом, я с отчаянной одержимостью пытался ее найти. Сейчас мне надо возвращаться в участок, но...

— У этого дела самый высокий приоритет, — вдруг заявил дядя Боб. — Я позвоню твоему сержанту и скажу, что ты помогаешь нам в текущем расследовании.

Я хлопнула в ладоши:

— Отлично! Тогда с этого и начнем. После того как поедим, само собой.

Рейес принес нам тушеное мясо с зеленым чили и несколько кесадильй. Я похлопала ресницами и поклялась, что чаевые он получит позже. И даже не удивилась, когда он, помогая официанту с тарелками, то и дело терся об меня. Блин, доведет же до ручки!

— Итак, что вы сделали потом? — спросила я у Пирса и откусила кусок горячего мяса.

— Разбудил вожатых, — ответил он, опуская на тарелку кесадилью. — Они позвонили в офис шерифа. Приехал его помощник. Один. — Пирс промокнул рот салфеткой. — Вот и

все. Я пытался всех убедить, что где-то там потерялась девочка, но никто мне не поверил. А помощник шерифа вообще предположил, что меня поцарапал енот или койот.

— В их защиту, — проговорила я, — для человеческих ногтей царапины должны были быть слишком глубокими, раз остались такие шрамы.

— Вовсе нет. После всего этого началось заражение. Родители даже раньше забрали меня домой, чтобы отвезти к врачу в Альбукерке. Мне пришлось пройти курс уколов от бешенства, потому что помощник шерифа не смог отличить следы когтей от человеческих ногтей.

— Гадство, — согласилась я.

— Зато он нашел следы шин, оставленные не нашим автобусом.

— И кто их оставил?

— Кто-то из детей говорил, что на следующее утро видели пикап. Но помощник шерифа решил, что это был кто-то из работников ранчо.

— Ранчо? — переспросила я, отпив глоток чая со льдом. — Вы были на каком-то ранчо?

— Ну да. Однако я узнавал. У девочки никаких связей с работниками ранчо не было.

— А кому принадлежала та земля?

— Семье Найтов.

Все внутри меня забило тревогу. Я напряглась. В основном чтобы не свалиться на пол. Дядя Боб сидел в таком же шоке, что и я.

— Массовое захоронение нашли на ранчо, которым владеет семья Найтов.

— Серьезно?! Погодите-ка, что-то припоминаю. — Пирс закрыл глаза и задумался. — Точно. Ранчо принадлежало Карлу Найту. У него был брат, и брат тоже владел ранчо. Где-то на юге Нью-Мексико.

— Братья, значит? — Меня обуяло хорошее предчувствие. Наконец-то что-то прояснилось. Может быть, на железобетонные доказательства и не тянет, но все-таки уже кое-что. — Ну что ж, по-моему, мы нашли очень убедительную связь.

Дядя Боб кивнул и принялся копаться в телефоне. Потом встал, чтобы кому-то позвонить и рассказать о нашей находке. Понятия не имею кому.

Куки поерзала и сцепила пальцы. Ей явно нравилось участвовать в деле, которое вот-вот раскроется. Тем более в таком душераздирающем. До подозреваемого нам было еще далеко, но мы все-таки приближались к правде, пусть и малюсенькими шажочками. А женщины в моей квартире заслуживали этого, как никто другой.

Я повернулась к Уайетту:

— Вы говорили, что были одержимы этим делом. Удалось вам что-нибудь узнать об этой девочке?

— Немного.

Меня понесло на крыльях надежды, как воздушного змея на ветру.

— Знаете, как ее зовут?

— Нет.

Конец полету.

— Но у меня тонны материалов по этому делу. Хотите их просмотреть — милости прошу.

— Вынуждена признаться, офицер Пирс, сейчас я в вас немножко влюблена.

Джемма улыбнулась — поняла, что я одобряю ее выбор.

Я изобразила широченную улыбку:

— Так может быть, прямо сейчас? Завалимся, так сказать, в вашу берлогу, не откладывая в долгий ящик?

Пирс ухмыльнулся:

— Не вопрос, — и добавил, глядя на Диби: — Если вы, сэр, не против.

Дядя Боб повесил трубку и с энтузиазмом закивал:

— Я очень даже за. Встретимся там. — И ушел опять кому-то звонить.

Да уж, любит он свой телефон.

Все дружно двинулись к жилищу офицера Уайетта Пирса. Он снимал небольшой домик с двумя спальнями в Ноб-Хилле. Симпатичный райончик. Старенький и аккуратный. Дядя Боб явился, приклеившись к телефону, но положил трубку, как только все вошли в дом.

— Я сказал Тафту сейчас же заняться новыми зацепками и связался со специальным агентом Карсон. Рассказал ей, что к чему.

— Супер! — воскликнула я. — Теперь она меня еще больше любить станет.

Мы подошли к дальней спальне, и Пирс повернулся к Джемме:

— Хочу тебя предупредить.

— О чем? — спросила она.

— Помнишь, ты спрашивала, смог ли я оставить ту ночь в прошлом? А я ответил «да»?

— Помню, — насторожилась Джемма.

— Так вот. Я немножко приукрасил действительность. — С этими словами он открыл замок и распахнул дверь.

По всей комнате были разбросаны бумажки. Окно залеплено вырезками из старых газет и фотографиями. Повсюду валялись десятки рисунков — огромные глаза за завесой спутанных светлых волос. Оказалось, Пирс неплохой художник. И действительно много лет потратил на поиски. С того дня девочка не покидала его мыслей. К тому же он явно чувствовал себя ответственным за ее исчезновение. А это никак не могло быть правдой.

— Вы же понимаете, что вашей вины в этом нет? — спросила я.

— Понимаю, — ответил Уайетт и пожал плечами.

Как по мне, ни разу не убедительно. У него и в мыслях не было сбросить с себя груз этой ответственности. Такая самоотверженность вызывала во мне восхищение, но в глазах сестры я видела беспокойство.

Мы стали копаться в записях. У Пирса имелись данные о каждой пропавшей с того дня девочке. По всей стране.

— Не знаю, поможет ли это, но думаю, что девочка была глухой, — сказала я.

— С чего вы взяли?

— Ни с чего. Просто догадка. А когда вы сказали, что пытались ее позвать, но она не реагировала, я поняла, что скорее всего так и было.

— Минуточку. — Пирс задумчиво поднял палец, потом разворошил стопку бумаг на старом ящике. — Была одна пропавшая девочка из Оклахомы. Училась в «Школе для глухих». — Найдя наконец, что искал, он передал мне фотографию: — Вот.

И я ее узнала. С фото на меня смотрело личико феи. Губки бантиком, огромные глаза. Только здесь она улыбалась, и волосы были красиво причесаны.

Я коснулась снимка кончиками пальцев и тихо сказала:

— Ее глаза. — Показала фото Куки и дяде Бобу. — Это она.

Перевернув фотографию, я прочла имя. Фею звали Фэйт Инглз.

— Там было очень темно, — проговорил Уайетт, — а девочка вся была в грязи и в крови. Как будто ее похоронили заживо, но ей удалось выбраться. И я не узнал ее на фотографии.

— Дело раскрыли? — спросил дядя Боб.

Пирс просмотрел записи:

— Когда я проверял в последний раз, нет. Но прошло уже несколько лет. Через десять с лишним лет после ее исчезновения подозревали какого-то рабочего по имени Сол Ассери, но доказательств не нашли.

Я заглянула в бумажку через плечо Пирса:

— У вас на него что-нибудь есть?

— Нет, но мы всегда можем прогнать имя по базе данных, — ответил он. — Что-нибудь да всплывет.

Дядя Боб отложил бумажки, которые держал в руках:

— Сделаем, — и набрал номер участка.

А у меня были другие планы.

Фэйт наверняка была первой жертвой убийцы. Вроде репетиции. Скорее всего он ее хотел, но никак не мог получить, вот и решил взять силой. Может быть, даже случайно ее убил, хотя тут у меня были сомнения. Мне казалось, что сам процесс убийства ему нравился. Нравилось ощущение власти, которое подстегивало жажду крови и одержимость женщинами со светлыми волосами.

Я попробовала дозвониться до агента Карсон, но не получилось. Если она была на месте преступления, то могла выйти за пределы действия сети. Поэтому я набрала номер Кенни Найта и, как только он поднял трубку, затараторила:

— Мистер Найт, это Чарли Дэвидсон, консультант полиции. Нас вчера познакомили.

— Помню. — Судя по голосу, не очень-то он был рад моему звонку, но понять его можно.

— Я бы хотела назвать вам одно имя. Вдруг вам знакомым покажется.

— Давайте.

Наверняка Кенни устал от всего происходящего. И тем более — от шумихи в СМИ. У народа из управления шерифа не было выбора — им пришлось объявить о находке. Зуб даю, каждая в штате уважающая себя команда телевизионщиков уже торчала на месте захоронения и надрывала пупки за лучший репортаж.

— Знаете ли вы человека по имени Сол Ассери? Или, может быть, помните, как его нанимали ваши родители?

— Сола? Да он в жизни тут ни дня не проработал. Мои родители его терпеть не могли. Меня перегрузило адреналином.

— То есть они его знали?

— Не просто знали. Он их племянник. И мой двоюродный брат. Появлялся, только когда ему нужны были деньги. Или чтобы переночевать. Погодите-ка... Нефть...

Я щелкнула пальцами, подзывая дядю Боба. С ним примчался и Уайетт, а я поставила

сотовый на громкую связь.

— Так что с нефтью? — спросила я.

— До сих пор мне и в голову не приходило, — услышали мы голос Кенни. — Несколько лет Сол работал водителем грузовика. На какую-то компанию, которая перерабатывала пластик и на производстве использовала масла. В его обязанности входило раз в несколько недель отвозить отходы, собранные его компанией из ресторанов и автомастерских, на перерабатывающее предприятие в Крусесе.

— Но зачем ему выбрасывать эту гадость на вашей земле? — удивилась я.

— А затем, что он нищий сукин сын. Держу пари, его компания платила предприятию в Лас-Крусесе за утилизацию отходов. С него стало бы прикарманивать деньжата и выбрасывать всю эту дрянь здесь. Все равно никто бы ни о чем не узнал.

Уайетт, Джемма и Куки потеряли дар речи, а Дибби делал какие-то пометки у себя в блокноте.

— Кенни, не хочу вас расстраивать, — осторожно начала я, — но думаю, ваш двоюродный брат как-то связан со смертью всех тех женщин.

— Мисс Дэвидсон, меня это ни капельки не удивит. Он был тем еще куском дерьма. Как-то раз даже угрожал моим родителям, что разорит их благодаря какой-то дурацкой схеме, если они не дадут ему денег. И всю жизнь влезал то в одну финансовую пирамиду, то в другую.

— Почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

— Ну, он еще жив, если вы об этом. Только вряд ли в состоянии заниматься своими грязными делишками. Он в больнице для хроников. То ли инсульт схлопотал, то ли еще что-то в том же духе.

Пару секунд я переваривала его слова, а потом попросила:

— Если увидите с агентом Карсон, передайте ей, пожалуйста, что я жду ее звонка. Никак не могу ей дозвониться.

— Такое там дерьмовое покрытие. Если хотите, я сам съезжу и все ей передам.

Мне показалось, что, узнав, кто может быть убийцей, Кенни испытал облегчение. И я была за него рада.

— Огромное вам спасибо, — сказала я.

— Нет, мэм, это вам спасибо. Кстати, я получил вашу записку.

Я откашлялась:

— М-мм, какую записку?

— Не волнуйтесь. Я знаю, что она была здесь, и что сейчас ее нет. — Его голос сорвался, но Кенни взял себя в руки. — Я разобью сад в честь всех этих девчат. Ей бы понравилось.

Черт возьми. Наверное, он видел, как я подкинула записку ему в пикап.

— Спасибо, — выдавила я.

— Не за что. Я сделаю это с большим удовольствием.

Нажав «отбой», я увидела дядю Боба с отвисшей челюстью.

— Мы только что раскрыли дело? — изумленно спросил он.

Я улыбнулась всем собравшимся:

— Похоже на то.

— Теперь понимаю, что ты во всем этом находишь, — просияла Джемма и быстро меня обняла. — Опьяняющие ощущения.

- Не то слово. А еще круче раскрывать дела, когда ты и правда под мухой.
- Вечно тебе надо все опошлить.
- Ага, — усмехнулась я, когда она опять полезла обниматься. — Очень надо.

В больнице стояла такая вонь, что пекло в глазах. Как будто хлорка с мочой хорошо перебрадили. Стараясь делать мелкие вдохи, я подошла к сестринскому посту. Нам не хотелось врываться в больницу толпой, так что приехали только Диби, Уайетт и я.

Медсестра за столом занималась какими-то бумажками, но, увидев форму Пирса, подняла голову:

— Чем могу помочь?

Я заговорила первой:

— Мы ищем Сола Ассери.

— Вы члены семьи?

— Мы здесь в связи с текущим расследованием, — резким тоном проговорил дядя Боб, мигом отбив у медсестры всякое желание спорить.

— Палата двести четыре. Вторая дверь справа по коридору.

— Спасибо, — в том же духе поблагодарил Диби.

В палату мы вошли, как раз когда молоденькая медсестричка укладывала Сола обратно в постель. Сол был примерно моего роста, с широким лбом и крошечными глазками. Определить точный возраст по пухлому лицу было сложно. Будь он хоть капельку стройнее — другое дело. Смахивал он на персонаж из романа Толкина.

— Пришли повидаться с этим сорванцом? — подмигнула нам медсестра, подтыкая под него одеяло.

— Точно, — отозвалась я, стараясь не выразить в одном слове все свое отвращение.

— Мистер Ассери у нас большой шутник. Анекдотами сыплет направо и налево. И любит блондинок, если вы понимаете, о чем я.

К сожалению, я понимала.

— И у вас все на месте?

— Кто «все»?

— Блондинки.

Медсестра захихикала:

— Насколько мне известно, да. Но, если вдруг кого-нибудь хватимся, я буду знать, где искать. Верно, Сол?

Она явно понятия не имела, о чем говорит.

Я не могла не заметить, как уставился «сорванец» на значок Пирса. И выглядел при этом крайне обеспокоенным. Представить не могу, с чего ему вдруг волноваться.

— Ну что ж, я пойду, — сказала медсестра и повернулась к Солу: — Не порть им настроение, договорились?

Из палаты она вышла с улыбкой до ушей. Надо же! С такой работой умудряется не терять присутствия духа и наслаждаться каждым прожитым днем. Или так, или она сидит на чем-то очень и очень мощном.

— Ну здравствуй, Сол, — сказала я, подходя к кровати.

— Боже мой! — изумленно выдохнул Уайетт. — Я его допрашивал в две тысячи четвертом, но не нашел связи. Он был разнорабочим в Университете Нью-Мексико, когда пропала студентка.

— То есть он там работал, когда исчезла еще одна девушка?

— Совершенно верно.

— А она случайно не была блондинкой?

Пирс кивнул, а я повернулась к Солу:

— Ой-ой-ой, второе попадание. Слыхала, ты любишь убивать маленьких девочек.

— Нет, нет-нет-нет, — запричитал Сол, трясая головой и качаясь вперед-назад.

Он прикидывался невменяемым, чтобы обойти закон. Я чувствовала, как из всех его пор сочится ложь. Но как он оказался здесь? С крышей над головой и едой в желудке? Неужели ему удалось всех обвести вокруг пальца?

Дядя Боб уже разговаривал по телефону с капитаном:

— Да, у нас есть несколько конкретных улик, но, если мы хотим закрыть дело, придется попотеть. — Он оглянулся на Сола. — В камеру его не закроют, зато у семей этих женщин будет хоть какое-то утешение.

Я наклонилась к Солу, дождалась, когда он посмотрит мне в глаза, и тихо проговорила:

— Гореть тебе в аду, мразь.

Согласна, не очень поэтично, зато скорее всего так оно и будет.

Миру нужны скромные гении. Нас ведь так мало!

Надпись на футболке

Куки вернулась в офис на телефоны. Джемма поспешила на встречи с пациентами, которых мне было заранее жаль. А мы с Уайеттом и дядей Бобом вернулись в участок писать отчеты по делу. К сожалению, от меня требовалось официальное заявление. Нудная бумажная волокита не казалась бы такой противной, если бы не бумажки. И нудятина. По пути в участок дядя Боб позвонил окружному прокурору, капитану и еще нескольким важным людям, так что нас уже поджидало маленькое столпотворение.

— Ну и что это за конкретные улики по делу об убийце с ранчо Найтов? — спросил прокурор, едва мы вошли.

Боже мой! Они уже и прозвище маньяку придумали? Вряд ли Кенни Найту это понравится. Я бы предложила что-нибудь вроде «Серийный Мешок Дерьма» или «Злыдень-Самосвал». Звучит фигово, согласна, но давать маньякам крутые прозвища еще хуже. Никогда не понимала, к чему прославлять жуткие деяния преступников.

Мы засели в том же конференц-зале, что и утром, и дядя Боб начал вводить всех в курс дела. Даже диаграмму намалевал на доске и стал соединять точки. Причем пользовался разными цветами. Множеством разных цветов. Выглядело симпатично. Наступила очередь Уайетта. Он рассказал, как пытался раскрыть дело двадцатилетней давности, и как все наконец сошлось. А я сидела и время от времени вставляла свои пять копеек. В основном когда собравшиеся делали неверные выводы из услышанного. Наверное, у меня было бы блестящее будущее в качестве офицера по исправлениям. Ходила бы себе да поправляла людей направо и налево. Интересно, сколько за это платят?

Через три мучительных часа мы выложили все, что было нам известно. Я все еще не написала свой отчет, но с этим можно было подождать до утра. Из всех сил я старалась раствориться на заднем фоне, чтобы незаметно ускользнуть. Народ все еще обсуждал дело. Окружному прокурору явно светил жирненький день. Еще бы! За сутки раскрыть два таких преступления! А капитан...

— И опять вы за свое.

Я обернулась к капитану, который с решительным видом стоял в коридоре у открытой двери в конференц-зал и смотрел на меня. Как робот-убийца из рассказа Айзека Азимова.

— Причем тогда, когда я не видел.

Капитан пошел вперед, и мне тут же пришло в голову, что надо бы куда-нибудь сбежать. Но я передумала. Так я буду выглядеть виноватой. Хотя понятия не имею, в чем именно.

— В следующий раз обязательно постараюсь присутствовать, — добавил он и остановился прямо передо мной.

— Это все дядя Боб и офицер Пирс, — возразила я, очень стараясь убедить его, что я тут ни при чем. Однако смотреть на капитана с такого близкого расстояния было все равно что пытаться разглядеть верхушку небоскреба.

Он кивнул и оглянулся на конференц-зал. Все внутри обсуждали дело, размахивая руками, кивая и поддакивая. Заразительное волнение. И капитану явно это не нравилось. По его лицу было ясно одно — он до крайности раздражен. Потому что оказался не у дел.

— Значит, до следующего раза, — сказал он, резко развернулся, словно на плацу, и направился к своему кабинету.

Я не смогла удержаться. Само как-то вырвалось. Я ведь только что из больницы для хроников. Может, подцепила там слабоумие. Щелкнув каблуками, я изобразила нацистское приветствие. Как раз тогда, когда капитан обернулся, чтобы что-то добавить напоследок.

В его взгляде вспыхнула такая ярость, что я на мгновение застыла. Сложила все пальцы, кроме указательного, который показывал на стену у него за спиной, и сказала:

— Видите? Там нет камер. Зато есть одна вон там. — Не сгибая локтя, я сдвинула руку правее на полметра. — Но эта камера не записывает то, что происходит с этой, — я подняла вторую руку и ткнула пальцем влево наобум, — стороны комнаты. — Наконец-то появился шанс опустить руки. — Мне кажется, что местная система безопасности не отвечает всем требованиям, капитан. — Только бы не добавить «Джек»! Только бы не добавить «Джек»! Только бы не добавить «Джек»!!!

Мрачно поджав губы, он отвернулся и ушел, так и не сказав того, что собирался. Класс. Теперь весь день буду мучиться от любопытства. Не то чтобы очень, но все-таки.

За спиной вдруг раздался смех. Это оказался мой старый заклятый друг Тафт. И он не просто смеялся, а вовсю хохотал.

— Клянусь, Дэвидсон, знаешь ты, как приобретать друзей и оказывать влияние на людей^[25].

Я повернулась к нему, как раз когда он садился за свой стол:

— Поберегись, не то скажу твоей сестре, что ты опять встречаешься с той девочкой по вызову из Пукипси.

Тафт пришел в себя и наградил меня встревоженным взглядом:

— Ни с кем я не встречаюсь. Как ты вообще об этом узнала?

Сладко-пресладко улыбнувшись, я подмигнула:

— А я и не знала.

Он закрыл глаза и стыдливо повесил голову.

Со всем свойственным мне драматизмом я поцокала языком:

— Постоянно на такое покупаешься.

Я уже выходила из участка, когда появилась Джемма. Наверное, приехала повидаться со своим женишком. И эта мысль меня радовала. Она настоящая красавица, но с мужчинами встречается редко. И ей просто необходимо хоть иногда отвлекаться от своей никчемной и одинокой жизни, а то еще чуть-чуть, и начнет подбирать бездомных кошек.

Увидев Джемму, Уайетт поспешил к нам. Его шрамы напомнили мне о фее, Фэйт Инглз. Она привела меня прямо к нему. Как она могла знать, что он расследовал ее дело? А может, фея и не знала. Может, у нее была совсем другая причина. Ведь именно его она видела перед самой смертью. А он пытался ей помочь, рисковал своей жизнью. И еще мне предстояло выяснить, почему все эти женщины до сих пор у меня в квартире. Чего они хотели? Чем еще я могла им помочь?

— Могу я попросить вас об одолжении? — спросила я у Пирса, который уже стоял рядом и мило улыбался Джемме. Наверное, не хотел набрасываться на нее перед зрителями, вот и ограничился улыбкой.

— Валяйте.

Джемма подозрительно приподняла брови, ожидая, что же я скажу.

И правда, что же мне сказать? Не могла же я попросить Уайетта прийти повидаться с призраком девочки, которую он давным-давно пытался спасти. Пришлось импровизировать.

— Не могли бы вы кое-что посмотреть у меня дома? У меня кран протекает. — Боже ты мой! Да я профи в импровизации!

Весь вид Пирса так и кричал «Я сбит с толку», глаза вопрошали «Чего?!», но вслух он сказал:

— Я не умею чинить протекающие краны.

— Ну пожалуйста! Я больше никогда ни о чем вас не попрошу.

— Даже не думай ей верить, — предупредила его Джемма. — Сам не поймешь, как будешь красить ей стены, таскать коробки или хоронить соседа прямо за домом.

Такое впечатление, что сестра меня совсем не знает. Я бы никогда не попросила Пирса красить мне стены!

Мы встретились у моей двери, и я сразу повела Уайетта в гостиную. Джемма знала, что Фэйт у меня, но знакомить фею с Пирсом — дело непростое. К тому же для начала надо было ее найти — под мистером Вонгом ее не оказалось.

— Хм-мм, — прогудела я, оглядываясь по сторонам. — Похоже, протечка не здесь. Посмотрим в спальне.

Уайетт вопросительно глянул на Джемму, но все-таки пошел за мной.

— Все вокруг говорят, что вы сумасшедшая.

— Серьезно? Странно. Но раз уж так говорят, то, может, мы согласимся и решим, что ничего страшного?

— Я за.

Встав на четвереньки, я заглянула под кровать. Само собой, маленькая мисс Солнышко лежала там, свернувшись в клубок, и глазела на меня огромными голубыми глазами.

Я выпрямилась, стоя на коленях:

— Нашла! — Потом улеглась на живот, изобразила самую яркую из своих улыбок и протянула к ней руку. — Привет, золотце. Я кое-кого к тебе привела.

Фея отшатнулась, глядя на меня так, будто я убийца с топором за спиной. Вот блин. А я-то думала, мы друзья.

Ну хоть Артемида была рада меня видеть. Особенно потому, что я лежала на полу. Бешено виляя коротким хвостом, она тут же прыгнула на меня. Я почесала ее по ушам и потерлась носом о шею, а потом снова поднялась над краем кровати.

— Придется вам самому посмотреть.

Но Артемида уже вошла в раж и с грохотом повалила меня на пол.

— Все путем! — крикнула я оттуда. — Со мной все в порядке!

Уайетт обошел кровать и устоял на то, что в его глазах должно было выглядеть не иначе как какой-то странный припадок: я обеими руками держала Артемиду за шею и самозабвенно жевала ей ухо. Само собой, увидев Пирса, я тут же прекратила и с самым

беззаботным на свете видом попыталась спихнуть с себя ротвейлершу, сказав:

— Сюда.

Я искренне надеялась, что Уайетт спишет мое поведение на побочный эффект безумия. Улыбнувшись, перевернулась на живот, и мне на спину взгромоздились пятьдесят килограммов призрачной псины. Воздух с шипением вырвался из легких, и я застонала, пытаясь не умереть.

А потом услышала смех. Тихий и мелодичный. Заглянула под кровать и кое-как выдавила:

— По-твоему, это смешно, да?

Уголки губ феи тронула улыбка. К сожалению, мне еще надо было избавиться от Артемиды, пока я не потеряла сознание, поэтому я обняла ее за шею, вынудила лечь рядом и прошептала ей в ухо:

— Лежать.

Она заскулила — уж очень хотелось моей мертвой ротвейлерше попритворяться, будто ей не терпится вырвать мне глотку. Собакам вообще такое нравится. Зная, что пока ей больше ничего не светит, Артемиде принялась жевать мои волосы. Ну что ж, это займет ее хоть на какое-то время.

Явно переполненный сомнениями, Уайетт не спеша опустился на колени. Я потянула его за руку, заставляя лечь на пол. Рассмеявшись, Джемма тоже легла на пол, вот только ее переполняло любопытство.

— Это, — сказала я Пирсу, показывая под кровать, — ураганчик по имени Фэйт.

Он застыл, и его захлестнули эмоции. Наверное, стоило его сразу предупредить по поводу призраков и все такое. Пытаясь представить себя на его месте, я заглянула под кровать. Единственное, что он видел, — это красные стринги, которые я потеряла пару недель назад, и обертку от шоколадного батончика.

— Простите, — сказала я. — Забыла предупредить, что вижу мертвых.

Пирс кивнул. Судя по тому, что в нем не вспыхнуло удивление, слухи до него доходили. Не о том, что я вижу мертвых, а том, что я психованная истеричка, которая притворяется ведьмой и утверждает, будто видит призраков. Ну что ж, меня это не удивило.

Зато удивило другое. Фэйт его увидела. Узнала шрамы на щеке. Посмотрела прямо ему в глаза. А через мгновение оказалась перед нами.

Я отодвинулась, но положила Уайетту на плечо руку, чтобы он оставался на месте. Очень осторожно, ссутулившись в три погибели, Фэйт на цыпочках подошла к нам. Ну хоть из-под кровати вылезла.

— Она привела меня к вам, Уайетт, — сказала я ему, а он всматривался в каждую тень, в каждую пылинку, стараясь увидеть то, чего его глаза видеть попросту не могли.

Фэйт придвинулась ближе, сантиметр за сантиметром, пока не оказалась так близко, что смогла бы дотронуться до Пирса.

— Его зовут Уайетт, — показала я ей жестами.

На меня она не смотрела, но кивнула. За все время это был первый проблеск настоящего диалога. А это уже кое-что. Наконец она подняла руку и коснулась щеки Пирса.

— Она вас узнала.

Он отшатнулся, когда пальцы Фэйт прошли по его щеке.

— Не надо, — сказала я, сжав его плечо, чтобы приободрить. — Она трогает ваше лицо. Шрамы.

Пирс прикусил губу и стойко держался, пока Фэйт водила пальчиками по его челюсти, подбородку и губам. Наверное, лицо Уайетта было последним добрым лицом, которое она видела в жизни.

— Думаю, она хотела вас увидеть. Узнать, что с вами все в порядке.

Я пользовалась жестами, но говорила и вслух, чтобы Джемма с Пирсом тоже понимали, о чем речь. Теперь Фэйт слышала, но беда в том, что она не понимала английского языка.

— Тебя зовут Фэйт? — спросила я.

Девочка застенчиво пожала плечиками и кивнула. Потом едва заметно показала пальцем на Уайетта:

— Мой друг.

Она тоже пользовалась жестами, и мне не нужны были уши, чтобы понять, что она едва-едва шепчет.

У меня на глазах выступили слезы. Ничего не могла с собой поделать.

— Да, — сказала я, похлопав Пирса по плечу, — это твой друг.

И дамбу прорвало. Плечи Уайетта затряслись под тяжестью эмоций. Он прижал к глазам пальцы, а Джемма рухнула на колени рядом с ним.

— Все в порядке, милый, — утешительно проговорила она, глядя его по спине.

Не убирая от лица руки, Уайетт спросил:

— Можете ей передать, как ужасно я сожалею, что подвел ее?

Я была в корне не согласна, но кивнула и передала Фэйт его слова.

— Подвел? — переспросила она, водя пальчиками по ладошке. — Он пытался меня спасти.

— Знаю, солнышко, но он думает, что подвел тебя. Что ты погибла из-за него.

Фэйт погладила его по щеке левой рукой, а правой показала:

— Неправда. Я погибла из-за мистера А.

Наконец-то у меня было имя. Ладно, первая буква, но именно с нее начинается фамилия Ассери. Значит, мы были правы. Не то чтобы я сомневалась, но подтверждение — это всегда плюс.

— Я вспоминала его лицо, — продолжала Фэйт. — От него мне было радостно.

— Она говорит, что вы ошибаетесь, — передала я Уайетту. — Вы ее не подводили. И от вашего лица ей радостно.

Он кивнул, потому что ничего не мог сказать.

— Ты помнишь, что произошло? — спросила я у Фэйт, но было поздно.

Артемида прокралась мимо меня и ткнулась носом в ножку Фэйт. Та рассмеялась и наклонилась погладить псину:

— Я люблю собак.

Артемида впитывала внимание, как сухая губка, упавшая в наполненный бассейн. Хвост ходил ходуном, когда ротвейлерша улеглась на живот, отодвигая меня с дороги виляющим задом. Вот и вся благодарность.

Сегодня мы серьезно продвинулись. Я бы даже сказала, сделали огромный скачок вперед. Оставалось лишь надеяться, что мне еще удастся поговорить с Фэйт. Может быть, она согласится перейти, чтобы быть с родными.

Мои гости никуда не делись, но изменились. Стали спокойнее, словно их отпустил дикий страх. Но по-прежнему смотрели в никуда пустыми, потерянными глазами. Я не знала, чем еще им помочь. А помочь хотелось. Очень. Еще оставалось время до того, как Рейес вернется с работы. Даже думать об этом было странно. Рейес работает. Зарабатывает на жизнь. Выживает в моем мире. И, как никто другой, делает его настоящим.

Первым делом мне надо было исправить то, что я натворила с Рокетом и Незабудкой. Только так у меня будет шанс спросить у Рокета, что делать с моими гостями, и, может быть, получить хоть какие-то ответы на вопрос, почему имя моего мужчины нацарапано на стене вместе с другими обреченными на гибель.

По пути в лечебницу меня осенило. Иногда со мной такое случается. В общем, я вдруг поняла, что раскрыла дело и не побывала на грани жизни и смерти. Меня ни разу не избили до потери сознания, не таскали по битому стеклу. Что, надо признать, уже само по себе приятно, потому как такие вещи тот еще отстой. Но я справилась. А значит, все не так уж плохо.

Расправив плечи, я секунд семь наслаждалась тем, как меня распирает от гордости. А потом в голове прояснилась еще одна мысль. Я же по-настоящему испытываю судьбу. Думая о том, как обалденно я со всем справилась, я вполне могла саму себя сглазить. Совершенно потеряла бдительность, черт бы побрал мою гордость.

И таки сглазила. В этом не было никаких сомнений. Поэтому, когда огромная тачка врезалась в водительскую дверь Развалюхи, под оглушительный скрежет гнущегося металла я успела подумать: «Ну блин, я как будто первый день себя знаю!». А потом утонула в темноте.

*Не стоит недооценивать женщину,
которая под вечным кайфом от мокко латте
регулярно сидит на двойном эспрессо.*

Надпись на футболке

Я очнулась под шум работающего двигателя. В полной темноте. Потом поняла, что вижу впереди какие-то огни. И меня тянуло к ним, словно именно там я и должна быть. Я бы пошла к тем огням, но ноги не двигались. И руки тоже.

Мамочки! Меня парализовало!

Или, может быть, я связана.

Да. Скорее всего связана.

Точно! В меня врезался грузовик!

Голову затопило воспоминаниями. На меня ехал грузовик — точнее джип. Я видела радиаторную решетку и значок на ней — «GMC». Все случилось так быстро, что я не успела подумать. Не успела защититься. Замедлить время. Блин, надо срочно научиться управлять своими силами. Ну серьезно, могу я замедлять время или все-таки нет? Складывалось впечатление, будто я в состоянии себя защитить, только когда все мои чувства в полной боевой готовности. Как в баре с пистолетом Куки. Или у меня, когда Рейес хотел прикончить Гаррета. Тогда я была настороже. Знала, что что-то должно случиться. А когда меня застают врасплох, то... ну, застают врасплох. Лучше не скажешь.

Вокруг все плыло, а голова пульсировала от боли, давая мне знать, что авария ей совсем не понравилась. Наверное, у меня опять было сотрясение. Вот так-то. Сотрясений у меня больше, чем у защитника из Национальной футбольной лиги. Видимо, меня ждут необратимые повреждения мозга. Бедная Барбара! Я ее не заслуживала. Зато она заслуживала находиться в черепе у кого-то другого. Например, у того, кому хватит ума не вилять перед опасностью хвостиком и не приговаривать при этом «Лови-лови-лови!».

К конечностям постепенно возвращалась чувствительность. Ноги были связаны, руки тоже — за спиной. Если бы не это, мне было бы вполне удобно. На местном заднем сиденье хоть колесом ходи. Я поняла, что огни, которые видела раньше, — это приборная панель моего похитителя. Мы куда-то ехали, а поскольку фонарей за окнами не наблюдалось, то наверняка уже покинули пределы города.

Сквозь туман перед глазами я пыталась рассмотреть водителя. Белый, с короткими светлыми волосами. Рукава он закатал, и я заметила на предплечье татуировку в виде бильярдного шара с цифрой «восемь». Светлые волосы, «восьмерка»... Твою налево! Под мостом умру я! Николетта видела мою смерть.

— Она подала на развод.

Значит, похититель понял, что я пришла в себя. Я честно старалась протолкнуться сквозь густой туман, но глаза напрочь отказывались ясно видеть. Мир упорно кренился вправо. Я чувствовала себя так, будто напилась в стельку. Интересно, не накачал ли меня

похититель, как это сделала Ким.

— И теперь весь мой тяжкий труд, все мои планы пошли псу под хвост. Я не могу прикончить эту суку, потому что сразу стану главным подозреваемым.

В яблочко! Так и знала. Да я просто эксперт по попаданиям в яблочко. Особенно если речь идет о догадках, шутках в тему и мужиках с низкой самооценкой. Наверное, надо бы сменить имя на Попадательница Въяблочко. Так и знала, что этот чувак из охотников за страховками. Может быть, я и правда экстрасенс. Всякое ведь в мире случается.

— У тебя не было никаких доказательств, что я спал с другой женщиной.

— Так я ей и сказала, — промямлила я. Слова звучали как-то размыто, и до меня дошло, что челюсти не работают. И зверски болят. А еще болело плечо. Ну елки-палки! — Я ей говорила, что у меня нет доказательств вашей измены.

— Ну конечно! Уверен, ты меня выгораживала, как только могла.

Я попробовала перевернуться на спину. Лежать на выбитом плече не очень-то приятно. От каждого движения окружающий мир переворачивался вверх дном, а желудок совершал кульбит за кульбитом, но мне все же удалось слегка ослабить боль. С виска по щеке потекло что-то теплое. Значит, у меня шла кровь. Ха! Я залью Марву кровью всю машину. Он уж точно не отвертится. Судмедэкспертиза во всем разберется.

— Короче говоря, я решил: раз не могу убить ее, то убью тебя. И никто ничего не поймет.

Ерунда. Все всё поймут, как только принесут люминол^[26]. К тому же Марвин явно забыл, что напал на мою помощницу на глазах у целой кучи копов. Как вообще можно такого не помнить?

Я зажмурилась, чтобы хоть ненадолго остановить вращение перед глазами, и сосредоточилась, но Ангел не появился. А он всегда появляется, когда мне нужен. Однако на этот раз мне никак не удавалось собраться с мыслями. Они накатывали одна за другой. Бессвязные. Разбитые на осколки.

— Что ты делала у моста? — спросил Марв. — И как ты о нем узнала?

Он обернулся ко мне, и я увидела тьму. То есть его ауру. Я и раньше видела ауры людей, но на такую смотрела впервые. Аура Марва была мутной. Злой. По-настоящему злой, и все тут. Она не просто его окружала, а словно пожирала. Он не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу своих действий. Для него значение имело лишь одно — получить желаемое. Что ж, если все кончится плохо, то буду утешать себя тем, что спасла кому-то жизнь. Марв действительно собирался убить жену, чтобы получить страховку. А для такого надо быть особо мерзким гадом. Ведь он убедил женщину, что любит ее. Убедил в этом всех ее родных. Прикидывался верным и заботливым мужем, а сам все это время планировал ее смерть. Сумей он вовремя обуздать свой член, Валери Тидвелл никогда бы мне не позвонила.

— Мне сказала одна мертвая девушка, — наконец ответила я, — только она не была мертвой.

— Зато ты будешь. А все остальное не важно.

Головокружение донимало. В плече, ребрах и бедре периодически вспыхивала боль, и у меня возникло ужасное ощущение, что нога сломана. Если нет, ей придется многое объяснить. Обстреливать меня такой кошмарной болью без причины — уму непостижимо! Но самым страшным оставалось головокружение.

Марв въехал на какой-то неровный участок земли и резко ударил по тормозам, отчего

выбитое плечо хорошенько трянуло.

— Что ты мне дал? — спросила я.

— Попотчевал джиэмсишным бутербродом. — Он повернулся и злобно уставился на меня. — Как ты посмела сунуть нос не в свое дело?

— Это вроде как моя работа, — отозвалась я, но Марв уже не слышал.

Он вышел из машины, открыл заднюю дверь и потянул меня за ноги, пока я не грохнулась на землю, стукнувшись головой о кузов джипа. Барбара отчаянно завопила. Я была с ней солидарна на все сто.

Я попыталась осмотреться, но задача оказалась непосильной — все вокруг вертелось каруселью. И все-таки кое-что заметить удалось. Мост. Старый, ржавый железнодорожный мост, которым не пользовались давным-давно.

— Тебя ждет крайне неприятное падение, — сообщил мне Марвин, явно считая себя главным умником на планете. — Но причиной смерти назовут удушение.

Схватив меня за руку (слава богу, за здоровую), он потащил меня на мост. Там швырнул на рельсы, смачно приложив о деревянные шпалы. Прямо под нами в обе стороны растянулось шоссе. Я бы не сказала, что мост очень высокий. Вряд ли падение меня убьет. Но больно будет адски. Ну что он за идиот? Всякое уважение мигом пропало.

— Не переживай, — утешил меня Марвин, — ты не первая.

Значит, он убивал и раньше. До утешения тут, прямо скажу, как до Луны.

— На этом мосту умер мой лучший друг. Все решили, что это несчастный случай. В какую только ерунду ни верят люди! Видите ли, он упал с моста прямо под колеса грузовика. Идиоты.

Лучший друг? Странные у Марва понятия о дружбе.

Перевернув меня на живот, он уселся сверху. А потом я услышала треск. Марвин порвал на мне футболку, и кожу тут же лизнул холодный ночной воздух. Потом под меня просунулись руки и расстегнули «молнию» на джинсах. Стянули их вместе с трусами до щиколоток.

Услышав звон пряжки на ремне, я закрыла глаза и опять постаралась сосредоточиться. Вызвать Ангела. Но не успела толком подумать, как в воздухе раздался щелчок — по спине стегнули кожей и металлом. Я чуть не задохнулась от боли. И еще раз, когда ремень опустился мне на задницу, хлестнув пряжкой по бедру. Марв сил не жалел — металлическая пряжка разрывала кожу. Снова и снова. Сдерживаться сил не оставалось. С каждым ударом я вскрикивала от боли, но его это, похоже, только раззадоривало. Подпитывало живущую в нем жестокость. Пусть капельку, но все же утешало одно — на мне останутся следы, которые ни за что не пропустят эксперты.

Меня трясло каждый раз, когда рвалась кожа. От каждого удара внутри взрывались тошнотворные спазмы. Стиснув зубы, я изо всех сил старалась дышать сквозь боль.

Мир вертелся все быстрее.

Боль росла.

А порка продолжалась.

Но вдруг, когда я уже думала, что вот-вот потеряю сознание, все прекратилось. Марв распластал меня на шпалах, потому что я успела свернуться в позе зародыша, и опять сел сверху, прижавшись ртом к шее и чем-то твердым — к заднице.

— Думаешь, ты намного лучше меня? Ты понятия не имеешь, на что я способен.

Он перевернул меня на спину, протавив свежими ранами по трухлявому дереву, и стал

расстегивать штаны. Я настолько отказывалась верить собственным глазам, что меня захлестнуло очередной волной головокружения.

Нет. Я покачала головой. Ни за что. Только не изнасилование. Только не изнасилование! В меня тыкали ножом. Резали так глубоко, что виднелись кости. Таскали за волосы, ломали шею. За эти годы я попадала в самые разные и ужасные неприятности, но меня ни разу, ни разу не насиловали.

И не изнасилуют. Бога ради, я же ангел смерти, в конце концов! Вот только никак не получалось прилично сконцентрироваться и вызвать Ангела или Рейеса. Они и не подозревали, что я в беде. Может быть, мне как-то мешала травма головы. Поэтому я решила использовать то, что было под рукой. Собравшись с силами, я с отчаянной решимостью спихнула с себя Марва. Потеряв равновесие, он свалился набок, а я так быстро, как только могла, забралась на него и вцепилась зубами в шею. Струящийся по венам адреналин свое дело сделал — зубы сомкнулись резко и глубоко. Вообще-то я собиралась откусить ему шнобель, но достать бы не сумела, так что остановилась на шее.

Взвыв от боли, Марв стал меня отдирать. Наконец ему удалось меня отпихнуть, и я полетела. К счастью, нижняя часть моста представляла собой переплетение металлических балок. Я упала на них лицом вниз, но успела перевернуться на спину.

— Тварь! — яростно рявкнул Марв.

Его аура превратилась в клубящийся вихрь мрака. Схватившись за шею, он вскочил на ноги и бросился вперед. Я ударила его обеими ногами, чуть не померев от невообразимой боли, пронзившей меня с ног до головы.

Он отлетел, упал на шпалы и сильно стукнулся башкой о болт в креплении.

— Твою мать! — Пощупав голову, Марв прижал пальцы к шее и согнулся от боли пополам. — Долбаная шляха! — Бросив на меня злой взгляд, он стиснул челюсти и вдруг полез по мосту вниз к джипу.

Пытаясь отдышаться, я лежала со спущенными штанами между рельсами и ограждением, не в силах пошевелиться. Мир вращался вокруг с бешеной скоростью, а я все ждала, что сделает Марв. Сбросит с моста? Задушит, как и обещал? Зарежет или забьет до смерти монтировкой? Казалось, мост шатается, и я вот-вот упаду. Со спущенными штанами и разодранной футболкой.

Я попробовала перекатиться набок, чтобы не давить собственным весом на раны, но все так болело, что плюнула на эту затею и снова легла на неровные деревянные. Металлические перекрытия над головой казались прекрасными и замысловатыми, как паутина, поблескивающая в ночной темноте. От них отражались звезды, и вокруг разлетались искры.

Краем глаза я заметила какое-то движение и увидела Фэйт. Маленькая фея выбралась из-под моей кровати, чтобы увидеть, как я умру. Она стояла на железной балке сверху и с легким любопытством глазела на меня. Долго-долго я ничего не слышала. Скорее всего это означало, что у меня огромные проблемы, но я была рада избавиться от Марва хотя бы на минуту. Жаль только, что не могла пообщаться жестами с Фэйт.

Марв все-таки вернулся и встал совсем рядом. По-моему, его шатало. А может быть, это у меня перед глазами все шаталось и плыло. Он успел перевязать шею какой-то тряпкой. Вроде тех, которыми пользуются механики.

— Не стоило тебе этого делать.

Можно подумать, мне это впервые говорят. А потом у него в руках появилась газовая горелка. Вроде тех, которыми паяют механики. И я поняла, что сейчас станет еще хуже.

— Посмотрим, как тебе это понравится, — сказал он и нажал какую-то кнопку.

Из кончика горелки вырвалось синее пламя. Послышалось тихое шипение, как при утечке газа. Глядя на меня с обжигающей ненавистью, Марв присел рядом, но замер, уставившись туда, где соединяются мои ноги. Значит, все еще раздумывал. Я глянула вверх, но Фэйт там уже не было. Она стояла справа и смотрела на происходящее с застывшим в глазах ужасом. Ее подбородок подрагивал.

Нельзя ей такое видеть.

Горелка изрыгала в воздух синие ленты пламени. Я не могла успокоить скачущий перед глазами мир, но и не могла позволить Фэйт наблюдать за тем, что должно было произойти.

— Если раздвинешь ноги, я уберу горелку, и мы вместе насладимся остатком твоей жизни.

— Спасибо, конечно, но лучше уж я сгорю заживо.

Смелое заявление от того, кто так напуган, что готов обмочиться. Но я бы попросту не выдержала довольной рожи Марва. А он бы точно был доволен, если бы увидел, как я дрожу от страха. Само собой, как только огонь начнет выжигать на мне чудесные узоры, я вполне могу передумать.

— Жаль. — Марв убрал горелку, и пламя погасло, стоило ему отпустить кнопку. Он куда-то отошел, а потом вернулся с чем-то другим в руках. — Могла бы пожить еще часок-другой.

Встряхнув красную пластмассовую канистру, он стал поливать меня ледяной жидкостью. Ирония судьбы заключалась в том, что благодаря ей я вспыхну ярким пламенем. Проклятье. Николетта не упоминала, что придется сгореть заживо. Я сжалась в комок и отвернулась, чтобы бензин не попал в глаза. Ужасно запекло, когда он брызнул в раны на спине и на заднице. Я вскрикнула и тут же прикусила язык, до боли стиснув зубы.

Отложив канистру, Марв опять взял горелку. Включил одним щелчком. Подошел ближе. Присел.

Странно, конечно, но иногда я размышляла, каково это — сгореть заживо. По телику видела, как люди сами себя поджигают. Ужасное зрелище. Жалели ли они о том, что сделали, когда разгорался огонь?

Мне хотелось извиниться перед Фэйт, но руки все еще были связаны за спиной. Понятия не имею, чем Марв меня связал, но избавиться от этой дряни не получилось.

Пламя горелки показалось ближе, и я увидела, как распахнулись глаза Фэйт. Между нами выросла стена огня — я вспыхнула, как факел.

*Я пришла в этот мир с воплем, вся покрытая чужой кровью.
Поэтому ни капельки не боюсь так же из него уйти.*

Надпись на футболке

Нет.

Этого не будет.

У меня еще уйма дел.

Собрав крошечные остатки силы, я дала ей завихриться внутри, разрастись и натравила на огонь. Сила вырвалась на свободу и, как дракон, стала пожирать пламя. Я впитывала жар, дышала им, радовалась, пока он просачивался в каждый сантиметр тела. Разгорелся огонь быстро, но потух еще быстрее. Мне хотелось увидеть реакцию Тидвелла. Удивился он или взбесился? Но я решила, что надо закончить начатое. Выбравшись из самых глубин души, я схватила его за голову и дернула в сторону. Шея хрустнула еще до того, как Марв успел понять, что пламя погасло. Он упал, треснувшись лицом о рельсы, отскочил назад и обмяк безжизненным кулем из плоти и крови.

Итого, я убила двух человек. Отправила их в ад. Папочка Рейеса будет мной гордиться.

Подскочила Фэйт и обняла меня за шею. Я бы рассмеялась, но теперь снова ощущала собственное тело, и боль вернулась, пульсируя в каждой косточке и мышце. А еще на мне не было штанов.

Но сердце билось. Несло кровь по венам. Значит, я жива. И тут до меня дошло: так близко к смерти я — я! — еще не подбиралась. Глаза запекло от нахлынувших чувств и бензина, и я уткнулась носом в спутанные и грязные волосы Фэйт.

Руки по-прежнему были связаны, и веревки больно впивались в запястья. Если бы меня спросили, я могла бы поклясться, что Марв связал меня стальной проволокой. Так я и валялась на мосту — полуголая и связанная. Сломать мужику шею я, значит, могу, а освободить собственные руки — никак.

Звать Ангела (если, конечно, это все еще было в моих силах) я не осмелилась. Ему всегда хотелось увидеть меня голой, но вряд ли в таком антураже. Посмотри он на меня сейчас, долго в себя не придет. Рейеса звать не хотелось. Я даже не знала, способна ли теперь на это. Еще меньше хотелось, чтобы примчались Куки или Джемма. Такого они никогда не забудут. Только одному человеку я могла позволить увидеть себя такой — дяде Бобу. Мы с ним друг друга понимаем, и он уж точно сумеет пережить подобное зрелище. Потому что, как никто другой, знает, насколько опасна такая работа. И каждый день с этим живет.

Подвигав ногами, я почувствовала сотовый в переднем кармане и испытала настоящий шок, что Тидвелл его не забрал. Фэйт все еще цеплялась за мою шею, и мне пришлось выдать натуральный акробатический трюк — я сдвинула в сторону связанные руки и потянулась к штанам. Выбитое плечо миготало резкой болью. Я чуть не пискнула, но все же сумела двумя пальцами вытащить телефон. Вытянув шею, глянула через бедро, с трудом

разглядев сотовый над Угрозой и Уилл. Руки дрожали, и было ужасно страшно, что я выроню телефон и он упадет на шоссе под мостом. В конце концов мне удалось извернуться и увидеть экран. Его покрывали трещины, но сам сотовый, похоже, работал. Фэйт отпустила меня и села на корточки, но положила ладошку мне на голову, словно давая знать, что она рядом. Мир вертелся помедленнее, однако в глазах все еще плыло. Плюс я лежала в черт знает какой позе, поэтому отыскать номер Дибби оказалось не так-то просто. Я пролистала список контактов до буквы, которая напоминала «Д», и наконец нашла его имя. Кое-как вытерла лицо об остатки футболки, нажала кнопку набора номера, осторожно положила телефон и завертелась, пока ухо не оказалось рядом с трубкой.

Дядя Боб ответил почти сразу:

— Чарли? Опять ты мне задницей нечаянно позвонила?

Услышав его голос, я испытала бешеное облегчение и еле слышно выдавила:

— Дядя Боб... — но голос сорвался.

— Чарли, где ты? — теперь Дибби говорил серьезно и встревоженно.

А меня уже прорвало. Уткнувшись лбом в рельсы, я проговорила, запинаясь и глотая слезы:

— Мне нужно... нужно, чтобы ты забрал меня отсюда.

— Уже еду. Где ты, милая?

— На мосту. — Я стиснула зубы, с трудом дыша. — Только приезжай один, ладно?

Один.

Фэйт гладила меня по волосам, а я старалась не потерять сознание. От паров бензина голова кружилась еще сильнее.

— Ты ранена? — спросил дядя Боб, и в трубке послышалось, как заводится двигатель.

— Я убила человека, — успела ответить я за секунду до того, как провалиться во тьму.

Следующие минут двадцать я то теряла сознание, то приходила в себя. Наверное, это шоссе и правда было одним из самых непопулярных в Нью-Мексико. Единственное, что я видела под мостом, — тот самый индеец с гнездом на голове. Несколько раз меня будили крики птиц и звуки крыльев.

— Чарли, скажи хоть что-нибудь!

Я моргнула, пытаясь собраться с мыслями. Дядя Боб орал на меня по телефону.

— Я тут.

— Я вызвал к тебе патрульного.

Меня затопил стыд. Я без штанов — ни о чем другом думать не получалось. Я. Без. Штанов.

— Приезжай один, — повторила я, умоляя Дибби одним только голосом.

— Я успею раньше. Что бы ни случилось, мы со всем разберемся. Но мне надо знать: «скорую» вызывать?

— Нет. Все в порядке.

— Я почти на месте. Уже вижу мост. Ты видишь мои фары?

Я перевернулась и чуть не завывала от боли.

— Да.

— Что? Чарли, где ты?

Пришлось осмелиться еще раз перевернуться, чтобы подвинуться к телефону.

— Здесь. Вижу фары.

— Черный джип «GMC», — сказал Дибби, вспоминая мою встречу с точно такой же

тачкой. — Где ты? — Он уже остановился, высочил из машины и бежал к мосту.

— На мосту.

Следующее слово он сказал шепотом:

— Чарли...

Судя по звуку, дядя Боб остановился на мгновение, но потом опять послышались шаги.

И мне снова стало стыдно. Заметив Диби с пистолетом, Фэйт вернулась на балку наверху. Сначала дядя Боб проверил пульс у Тидвелла. Ничего не почувствовав, сунул пистолет в кобуру и присел рядом со мной.

— Господи, милая, что он натворил?

— Он был очень зол.

Диби всю пытался освободить мне руки, как вдруг вдалеке показались огни. К нам приближалась патрульная машина.

— Пожалуйста, поторопись, — взмолилась я, умирая от стыда.

— Стараюсь.

Сняв с запястий металлическую проволоку, он помог мне встать. Однако и со штанами пришлось помогать. Очень осторожно он натянул на меня трусы, а за ними и джинсы. А я заливалась горячими слезами от унижения.

— Спина, — процедил дядя Боб, взглянув на меня сзади.

— Плечо болит сильнее.

— Почему ты пахнешь бензином? — Но тут ему на глаза попалась горелка, и у Диби отвисла челюсть, когда он понял, на что смотрит.

— Плечо выбито. Можешь вправить?

— Что? Нет, милая.

— Прошу тебя. — Патрульная машина уже остановилась за его джипом. — Я видела, как ты вправлял плечо какому-то копу. Ты знаешь, как это делается.

— Солнышко, ты же понятия не имеешь, как сильно повреждено плечо.

— Пожалуйста.

— Ладно. Прислонись к перилам.

— Детектив! — позвал незнакомый коп снизу.

— Мы наверху, офицер. Вызовите сюда как можно быстрее судмедэксперта. И самых близких своих друзей.

— Так точно, сэр. — Коп посветил фонариком на меня. — «Скорую» вызвать?

— Придется. После того как поработает эксперт, она нам понадобится.

— А ей не нужна помощь?

— Нет, — шепнула я дяде Бобу. — Все в порядке. Только хочу домой.

— Нет, все в порядке. Вызывайте судмедэксперта.

— Да, сэр.

— Готова? — спросил меня Диби.

— Да.

— Хорошо. Сделаем это медленно и без резких движений. Расслабься.

Взяв меня за руку, он покрутил ее влево-вправо, а потом осторожно потянул, пока сустав с хрустом не встал на место. Меня пронзило острой болью, но сразу за ней пришло облегчение. Буквально на пару секунд. Как только плечо перестало болеть, почему-то усилилась боль в ноге.

— Отлично. Теперь ноги.

Набросив мне на плечи пиджак, дядя Боб усадил меня обратно на землю и встал на колени. Чтобы убрать проволоку с щиколоток, понадобилось больше времени, а у меня все еще кружилась голова, поэтому я прислонилась к ограждению и закрыла глаза.

— Чарли... — Дибби провел рукой по лицу и взял меня за подбородок. — Он... он тебя изнасиловал?

— Нет, — ответила я, на мгновение перестав дышать. — Пытался, но не получилось.

Дядя Боб медленно выдохнул.

— Чарли, какого черта?

Вот только устала я быть сильной Чарли. Сильная Чарли отправляется в отпуск. Я была на все сто процентов готова быть маленькой девочкой, которую он учил ездить на велосипеде. Которую каждое лето брал с собой на рыбалку. Которой рассказал о сексе, правда, не нарочно. Когда мне было десять, я нашла его порнозачатку. Потянувшись вперед, я повисла у него на шее. Дибби прижал к себе мою голову, боясь сделать мне больно, и какое-то время мы так и сидели.

— Сэр, — откашлялся коп, который уже влез на мост и стоял рядом. — Эксперт будет через пару часов, но «скорая» уже в пути. Вам что-нибудь нужно?

— Нет, офицер, спасибо. Но буду признателен, если вы разделите территорию на секторы.

— Есть, сэр.

Дядя Боб с сожалением глянул на меня:

— Наверное, будет больно.

— Переживу, — выдохнула я, отказываясь от него отлипнуть.

С бесконечной осторожностью он поднял меня на руки и понес вниз к своему джипу. Офицер бросился к нам и помог спуститься на дорогу по крутому склону.

— Нога сломана? — спросил дядя Боб, усадив меня на пассажирское сиденье.

— Не знаю. Болит. Но я хочу домой.

— Хорошо, но сначала тебя осмотрит врач «скорой». Что это был за мужик?

— Из бара. Который Куки локтем в глаз двинул. Он в меня врезался. — Глаза закрывались сами по себе. — И собирался убить жену.

Остаток ночи прошел, как в тумане. Дядя Боб собирался позвонить Куки, но я не хотела ее будить. Утром она, конечно, взбесится, но быстро остынет. Как всегда. Врач «скорой» настаивал, что мне надо в больницу, но я наотрез отказалась, даже когда Дибби угрожал меня арестовать. Пришлось ему напомнить, что я кое-чем отличаюсь от всех остальных девушек. Пара дней — и буду как огурчик. Он хотел, чтобы мне сделали рентген ноги, но я подозревала, что, будь она сломана, я не могла бы на нее наступить. В итоге он сфотографировал для отчета мою спину и другие раны и отвез меня домой. Мало того, по лестнице на руках дотащил.

Наверное, надо на время прекратить доставлять ему неприятности. Ну хоть на денек-другой. Когда я спросила его о Развалюхе, он печально покачал головой. Развалюшечка моя! Как же я теперь без нее?

В общем, побитая и измученная, я лежала в своей постели, уткнувшись носом в одеяло. Под кроватью сидела очень встревоженная Фэйт, а рядом — очень злой Рейес. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, согнув ноги и сложив на коленях руки. Следил за каждым моим движением. Прислушивался к каждому вздоху. Он услышал, как мы вернулись, и через секунду уже был у меня. Наградил Дибби яростным взглядом, но мой дядя как истинный джентльмен ни капельки не возражал. Казалось, ему даже понравилось, что за мной кто-то будет приглядывать, раз уж я настояла на том, чтобы вернуться домой и немного отдохнуть.

Мне ужасно хотелось в душ. Даже больше, чем выпить чашечку кофе. Но сил не осталось. К тому же мне было страшно, что будет больно. Так что утром постель будет вонять бензином, хотя он почти весь выгорел, а комната пропитается ароматом хрустящей корочки.

Я чувствовала гнев Рейеса. Даже сквозь внешнее спокойствие сочилась ослепительная, раскаленная добела ярость. Наверное, ему хотелось рассечь Тидвеллу позвоночник. Я была всеми конечностями за, но теперь от этого вряд ли будет какая-то польза. Хотя Рейес сумел забросить Гаррета в ад и вытащить обратно. Как знать, на что он вообще способен?

Однако, когда я все-таки провалилась в сон, снилось мне совсем не это. Мне снился огонь. Снилась Ким и ее последнее увлечение. Снился Тидвелл и его непоколебимая решимость спалить меня заживо. И снился человек, сидевший рядом. Его огонь. Пламя, в котором его создали. Насколько горячим было то пламя, чтобы создать такую красоту? Насколько яркой была первая искра?

А потом мне снился огонь, который я вобрала в себя. В котором купалась. Которым дышала и который впитала без остатка. Я была драконом. Сильным. Могучим. Смертоносным. А какой-то козел пытался меня изнасиловать.

Вынуждена признать, забыть об этом было непросто. Даже во сне. Но совсем рядом я чувствовала Рейеса. В каждой тени. Даже в бурлящем мире моего спящего сознания я чувствовала, как он за мной наблюдает.

А проснувшись, увидела, что он по-прежнему смотрит на меня. Блин, на голове же черт знает что творится! Но я заметила кое-что еще — окружающую его тьму. Она клубилась вокруг него, как назревающая гроза. И в самом ее сердце сидел Рейес. В окружении синего пламени, которое тонкими сияющими змеями лизало его кожу.

— Не стоит тебе смотреть на меня оттуда, — проговорил Рейес.

Я попробовала сесть, но не получилось.

— Откуда?

— Из мира, в котором ты сейчас. Ты можешь увидеть то, чего лучше не видеть.

— В каком таком мире я могу быть? Я же прямо здесь.

— Ты портал. Можешь быть в каком угодно мире и даже в двух сразу. Уходи оттуда. Сейчас же.

— Сегодня я впитала огонь.

— Да, тебе такое под силу. — Рейес прислонился затылком к стене. — А я сделан из огня.

И сейчас я это видела. Из тьмы и огня.

— Так ты меня и убьешь? — спросил он.

Я чуть не задохнулась от изумления.

— Впитаешь меня? — продолжал Рейес. — Потушишь пламя одним вдохом? Погасишь

в один присест?

— Не собираюсь я тебя убивать. Зачем ты так говоришь?

Невозможно красивое лицо осветилось печальной улыбкой.

— Давным-давно я сказал тебе, что ты принесешь мне смерть. Держу пари, теперь ты и сама это знаешь.

Неужели он как-то узнал, что сказал Рокет?

Я собиралась об этом спросить, но отвлеклась на движение сбоку и посмотрела на женщину, стоявшую рядом. Светлые волосы. Покрыта грязью с ног до головы. Но она стояла. Не сидела где-нибудь в углу, раскачиваясь вперед-назад, а стояла. И была потрясающе красивой. Афроамериканка с длинными волосами в тон белым пескам наших пустынь. Она улыбнулась мне, и рядом с ней появилась еще одна женщина. Потом еще, еще и еще, и теперь у моей постели стояли все двадцать семь жертв Сола Ассери. Они окружили меня, и лицо каждой из них светилось теплом.

Жаль, что в первый раз они увидят меня такой — дрожащим сгустком ран.

Одна из них вышла вперед. Та самая афроамериканка, которая улыбалась. Я заметила облупившийся красный лак на кончиках ее ногтей. А потом что-то почувствовала. Ее. Ее сущность. Она шагнула ближе и перешла. И я тут же увидела, как брат поливает ее из шланга прямо на глазах у мальчика, который нравился ей в школе. Увидела торт на ее шестнадцатилетие и красивое платье мятного цвета, которое она надела на балл, устроенный родителями в ее честь. Увидела появление на свет ее первого ребенка — мальчика по имени Руди. А еще увидела, как она мне благодарна. Я нашла гада, который все у нее отнял.

На прощание Рене (ее звали Рене) мне кое-что оставила. Как и следующая.

Я моргнула, все еще испытывая головокружение, и продолжала смотреть.

Ко мне подошла еще одна женщина, подняла ногу и упала, как будто нырнула в воду с борта катера. Упала прямо сквозь меня. Ее звали Блэр. Я увидела, как она разрисовывает футболки в летнем лагере, катается на лошадях на дедушкиной ферме и целует мальчика Гарольда под трибуной на футбольном поле прямо во время игры.

Следующей была Синтия. В детстве она пекла маме яблочные пироги, но подселла на наркотики, когда от них ушел отец. У Лизы была черепашка Леонардо, а сама Лиза мечтала стать ниндзя. Эмили родилась с аутизмом средней тяжести, но, несмотря на все жизненные трудности, поступила в колледж. Глядя на нее в первый день учебы, мама плакала. И плакала еще больше на тридцатый день, когда Эмили забыла ключи от комнаты, а симпатичный рабочий по имени Сол помог ей открыть дверь.

ЛеШон. Вики. Кристен. Делорес.

Я вдыхала их дар, и он омывал меня изнутри приятной прохладой.

Морин. Мэй. Бетани. Они переходили одна за другой, пока рядом со мной не осталась только Фэйт. Они дарили мне силу. Всю, что у них осталась. Каждую крупицу своей энергии, чтобы помочь мне исцелиться. И эта сила клубилась внутри меня, согревала, лечила.

Когда перешли все, кроме Фэйт, Рейес ушел в ванную. Погладив меня по голове, Фэйт снова спряталась под кроватью, явно пока не желая идти за остальными. Я услышала, как течет вода. Почувствовала руки Рейеса, когда он меня поднял. Прижалась щекой к его груди. Очень осторожно он снял с меня одежду. У меня было несколько ожогов, но это ерунда по сравнению со спиной и ногой. Когда на мне ничего не осталось, Рейес снова поднял меня на руки и опустил в воду.

Я дернулась, когда вода коснулась израненной спины. Кто же знал, что пряжка на ремне может так покалечить? И вдруг до меня дошло, что я запустила ногти в Рейеса. Он как будто не было против, но я все-таки отпустила его и легла глубже. Он взял кусок мыла и стал намыливать руки. Наверное, надо было смутиться, но смущение так и не пришло. Рейес не спеша мыл меня, водя большими ладонями по всему телу, но в этой простой нежности не было ничего сексуального. В ней была забота без намека на требования. Исцеление без ожиданий. Уложив на спину, Рейес вымыл мои волосы и вытащил меня из воды.

Я почувствовала себя в тысячу раз лучше. Едкий запах бензина растворился в смеси свежих фруктовых ароматов. Внутри вихрилась сила, подаренная жертвами Сола, пока Рейес обтирал меня полотенцем, заворачивал в одеяло и укладывал на Софи, чтобы сменить в спальне простыни. Я едва помню, как он отнес меня обратно, положил в чистую постель и дал какое-то обезболивающее.

Независимо от обстоятельств одно оставалось неизменным. Если я была ранена, мне жутко хотелось спать. И чем серьезнее были раны, тем сильнее клонило в сон. Так что я проспала весь следующий день, проснувшись только два раза. Чтобы дать дяде Бобу наметки своего заявления (в котором не было ни слова о попытке изнасилования, потому что говорить об этом я все еще не могла) и поболтать с крайне сердитой Куки, которая клялась, что никогда, ни за какие коврижки не простит меня за то, что я ее не разбудила.

Но каждый раз, когда я просыпалась, рядом был Рейес. Сидел у стены, держал меня за руку и ждал, когда я исцелюсь. Артемида тоже с меня глаз не спускала. Причем буквально. Голова ее постоянно лежала где-то на мне, а это, на секундочку, килограммов пятнадцать. Фэйт по-прежнему сидела под кроватью, и я все думала, как она там. Но, когда пыталась уговорить ее перейти вслед за остальными, она показывала мне «Еще» и забиралась дальше под кровать, так что я оставила ее в покое.

Мне нужно было связаться с Николеттой. Рассказать ей, что она была права. Что кто-то действительно умер на мосту. Очень хотелось покопаться у нее внутри, изучить, что к чему, но вряд ли ее внутренности могли что-то подсказать. И все-таки она могла оказаться ценным ресурсом. Надо будет сохранить в телефоне ее номер. А еще позарез надо уладить дела с Рокетом и Незабудкой. На учиненный мной разгром уйдет немало времени.

Была во всем этом и светлая сторона. Ко мне вернулось нормальное зрение. Мало того, Рейес сказал, что я могу смотреть на вещи в этом мире из другой реальности — той, к которой привязана как портал. Интересно, могу ли я заглянуть в самую ту реальность? Чутьочку пошпионить за небесами? Я решила, что надо обязательно как-нибудь попробовать.

В конце концов стало невозможно скучно. К счастью (или к сожалению, тут как посмотреть), такое со мной случается редко. Если подумать, то скука могла оказаться неплохой передышкой в вечной зубодробильной тряске, которой, по сути, и является жизнь ангела смерти.

Ученые утверждают, что алкоголь — решение всех проблем.

Надпись на футболке

Через два дня я была бодра и свежа, как огурчик. Настолько бодра и свежа, насколько могла быть угрюмая хромая девица. Волосы пахли намного лучше, а я уже почти не морщилась при каждом шаге. Мы с Куки съездили почтить память Развалюхи, но взять и бросить машинку было выше моих сил. Поэтому я позвонила Нони. Так уж вышло, что Нони Бачича не только фанатеет от пистолетов и работает инструктором по технике безопасности владения огнестрельным оружием, но еще и является лучшим автомехаником на Юго-западе. К тому же он единственный автомеханик, которого я знаю. Нони сказал, что кузов Развалюхи смят. Видимо, это плохо, но ведь мой-то кузов тоже был немного помят. Поэтому я сказала Нони, что теперь мы с Развалюхой еще идеальнее будем подходить друг другу. Просила. Умоляла. Кажется, даже разыграла небольшую истерику для проформы. В итоге он забрал Развалюху в больницу для машинок и обещал позаботиться о ней в лучшем виде. Впрочем, было в этом кошмаре и кое-что хорошее: теперь Нони меня побаивался.

Пару дней назад я обещала папе постоять за баром. Так что после встречи с Нони мы с Куки двинулись туда. Работать практически бок о бок с Рейесом было классно. Посетителей опять набилось под завязку. К сожалению, была среди них и Джессика. Кто же мог знать, что лучшее для бизнеса папино решение — нанять сексуального несправедливо обвиненного бывшего зека?

Глянув в сторону, я увидела, как в бар заходит специальный агент Карсон.

— Мне казалось, вы работаете этажом выше, — сказала она, упав на табурет напротив меня.

— Ага, но сегодня стою за стойкой. У папы рук не хватает. Как там дело серийного убийцы?

Она усмехнулась, а я продолжала натирать стойку до блеска.

— Спасибо, кстати, что нашли преступника. Облегчаете мне работу.

— Всегда пожалуйста. Принести вам что-нибудь?

Было приятно, что она здесь. Ее присутствие отвлекало меня от бесконечных косых взглядов Джессики.

— Кто вы все-таки по специальности?

— Ой, даже не знаю, как сказать. В род моих профессиональных занятий входят хаос, беспредел и разврат. Как видите, мастер на все руки. И все-таки я могу сварганить сносный мохито. Или, — я подняла вверх указательный палец, — если сегодня вам хочется чуточку приключений, могу смешать роскошную «Смерть после полудня»^[27].

Карсон приподняла брови:

— Что ж, я заинтригована.

Я рассмеялась и стала готовиться сотворить шедевр.

— Этот коктейль изобрел Эрнест Хемингуэй, — объяснила я, наливая шампанское в

высокий бокал. — В тридцатых его считали весьма авангардистским.

— Господи, обожаю историю.

— Вот и я тоже. Особенно если речь о Папе Римском.

Я взяла коктейльную ложку, прислонила к краю бокала, положила на нее кубик сахара и начала потихоньку лить на сахар абсент. Восхитительная зеленая жидкость на несколько секунд собралась над шампанским, а потом два напитка смешались, став потрясным коктейлем перламутрового молочного оттенка. Убрав ложку, я вручила бокал агенту Карсон.

Та покрутила его в руках, глубоко вздохнула и сделала глоток. Подождала пару секунд. Подумала. Отпила еще. Снова подумала.

Я не выдержала:

— Я скоро поседею.

— Мне нравится.

— Могли бы так не удивляться, — наигранно проворчала я. — Из-за вас у меня комплекс разовьется.

— Ага, как же. — Она сделала еще глоток. Подумала. Глотнула снова.

Убрав за собой, я стала готовить очередной заказ, но вдруг заметила папку в руке у Карсон.

— Ну а вообще как дела?

Пальцы на папке побелели. Сама папка была старой, с потрепанными краями, но носила кофейные пятна, как чемпион — свои медали. Ее содержимое наверняка сто раз читали и перечитывали.

— Помните, я говорила, что хотела бы показать вам парочку старых дел?

Я передала Сильвии поднос с коктейлями. Правда, она терпеть не могла, когда я так ее называю.

— Помню, конечно. Только думала, вы на пиво намекаете, — поддразнила я Карсон.

— Короче говоря, это — самое важное из них. Я бы многое отдала, чтобы его раскрыть. Но дело это даже не мое. Им занимался мой отец и не переставал о нем думать до самой смерти.

— Ух ты, вот теперь заинтригована я. — Я открыла папку и быстренько просмотрела первые записи.

— Похищение, — продолжала агент Карсон. — Около тридцати лет назад. Все, что удалось выяснить, никак не сходится в общую картину. Ни показания родителей, ни их сын, ни подозреваемые. С самого начала дело зашло в тупик.

— Сын? — переспросила я, чувствуя, как растет любопытство. Что может быть странного с ребенком?

— Десятимесячного малыша украли прямо из колыбели, пока его мать дремала.

Я пролиستала документы.

— А фотографии?

— Именно. Одна из странностей этого дела — все фотографии ребенка были украдены.

Я с сомнением покосилась на Карсон.

— Говорю же, — сказала она, отпив еще глоток, — ерунда какая-то. Причем одна за другой. Сначала думали, что его забрала соседка. Она буквально преследовала эту семью, следила за каждым их шагом, посылала записки с угрозами, обвиняла мать ребенка в колдовстве и бог знает в чем еще.

— В колдовстве? Прямо средневековье какое-то.

— И я о том же. Но это еще не самое необычное. На коже ребенка были какие-то пятна.

— Пятна? — В затылке закололо от подозрений.

— Да. По словам педиатра, наблюдавшего за ребенком, это какой-то редкий синдром. Случается, когда мать беременна близнецами, но один из них погибает на ранних сроках беременности. Организм выжившего ребенка поглощает клетки погибшего и в итоге получает два набора ДНК.

— Ладно, а пятна тут причем?

— Ну, когда такое происходит, изредка на теле выжившего ребенка наблюдаются пятна, вроде полосок. Но их, судя по всему, можно заметить только при определенном освещении. Не знаю. Это единственное объяснение, которое нашли врачи.

— И эти пятна были похожи на полоски?

— Точно не знаю. Папа говорил, они выглядели, как татуировки.

У меня сдавило в груди. Столько лет я пыталась разгадать эту загадку, и вдруг это дело само плывет в руки! У меня имелось собственное объяснение пятнам. И в нем фигурировали сын Сатаны и путь к воротам из ада. Но рассказывать об этом агенту Карсон я не собиралась. Мне нравилось, что она считает меня одной из тех, кто слегка не в ладах с головой. Подозрения в серьезной душевной болезни могли вбить между нами клин. А я слишком высоко ценила нашу дружбу. И тот факт, что агент Карсон была моей единственной знакомой из ФБР.

Я оглянулась удостовериться, что Рейес нас не слышит.

— С удовольствием просмотрю это дело. Можно мне на время взять папку?

— Только если бокал останется у меня.

— Как скажете, — улыбнулась я. — Хотите еще?

— Сначала надо понять, смогу ли я ходить после первого. Если что, дам знать. — Карсон осмотрелась по сторонам в поисках свободного столика. — Я собиралась перекусить. Слышала о здешней еде исключительно восторженные отзывы.

— Ага, только не уверена, что восторгаются здесь именно едой. — Карсон вопросительно приподняла бровь, и я объяснила: — У нас новый повар. Он как супермодель, только круче.

— Да ла-а-адно! — промурлыкала она, косясь в сторону кухни. — А знаете, у ФБР есть кое-какие полномочия, когда надо проверить состояние кухни.

Мне вдруг отчаянно захотелось захихикать, но я постаралась сдержаться и с трудом выдавила:

— Вы всегда можете поесть прямо за стойкой.

— Тоже верно. А в кухне можно?

— Чарли!

Я подскочила от неожиданности и уставилась на дядю Боба, решительно шагающего прямо ко мне. Что я опять натворила?

— Ты почему не в постели?! Ой, надо же, — осекся он, увидев агента Карсон. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, детектив, — отозвалась та. — Как идут дела?

Он наклонился к ней, будто собирался поделиться секретом:

— Очень даже неплохо, если вы понимаете, о чем я. — Потом кивнул на меня и подмигнул ей.

Карсон расплылась в улыбке:

— Понимаю. Нам бы таких побольше.

Театрально вздохнув, Диби прижал руку к груди и изобразил дикий ужас:

— Типун вам на язык! Я едва одну переносу. Кстати о ней. — Он наградил меня самым страшным, самым яростным взглядом из своего арсенала. О да, это был тот самый легендарный взгляд, под которым кололись преступники, а коллеги посмеивались, прикрываясь кулаками и притворяясь, будто кашляют. В общем, произведение искусства, а не взгляд, ей-богу. — Какого черта ты вылезла из постели?

— Я работаю.

— С чего вдруг?

— Это все папа. Пришел ко мне, вытащил из дома за волосы и приволок сюда, а я отбивалась и кричала, крест на пятке. — Я повернулась к человеку, который только что пришел и встал рядом со мной. — Привет, пап. Мы как раз о тебе говорили.

— Лиланд, — начал дядя Боб, — не думаю, что ей сейчас надо работать.

— Я ей то же самое сказал. Но она настаивала. Говорила, что с ума сойдет в четырех стенах. И угрожала насрать на меня проклятье, если я запрещу.

— Я все помню совсем не так.

— Ты можешь насрать на кого-то проклятье? — спросил Диби.

Господи, я его обожаю.

Злобно улыбнувшись ему, я вернулась к работе. Еще раз протерла тряпкой стойку. За это мне вроде как и платят.

И тут явился последний член банды.

— «Твиттер»! — воскликнула Куки, тыча в меня пальцем и усаживаясь рядом с агентом Карсон.

Я бросила тряпку на стойку и с вызовом задрала нос:

— Не смей указывать мне, куда ходить в интернете, барышня!

— Да нет же! Так все эти женщины узнали о твоём мужчине и где он работает. У него свой хэштег есть, представляешь?!

И почему меня это удивило? Ему посвящена уйма сайтов еще со времен отсидки. Чего же можно было ожидать, когда он вышел на свободу?

— У него серьезно есть «феррари»? — спросила Куки.

— Фе — что? — обалдела я.

— Если верить «Твиттеру», упакован он по самую макушку. — Она помахала всей банде и наконец уместилась на табурете.

«Феррари»? Ну ясно. Надо меньше совокупляться и больше разговаривать. Но если у него и правда есть «феррари», то где он ее держит? Такую машину я бы точно заметила, тем более если бы она стояла рядом с Развалюхой.

Дядя Боб перестал наконец пялиться на мою помощницу, уселся напротив агента Карсон и сказал папе:

— Попроси своего нового повара дать мне миску начос.

— Платить будешь?

— А я когда-нибудь платил? Кстати, милая, я выяснил, кто купил дурдом, о котором ты так переживала.

А ведь я только что опять взялась за тряпку. Я снова замерла, понимая, что нормально вытереть стойку так и не смогу.

— И?

Дибби вручил мне толстый конверт и изобразил такую мину, будто я сама все должна знать:

— Ну вроде как ты.

— Странно. Не помню, чтобы покупала заброшенные психлечебницы. Надо счета проверить.

— Здесь говорится, что ты новый владелец.

Я ошеломленно застыла, бестолково поморгала и наконец открыла конверт. Там лежал договор на мое имя.

— Рейес, — изумленно промямлила я. — Наверняка его рук дело.

— Рейес Фэрроу? — уточнил папа.

Он не знал о нашем с Рейесом, мягко говоря, неприличном прошлом, и тем более не знал о еще более неприличном настоящем. Иначе я бы сильно удивилась, почему он взял его на работу.

— Он, да. Кто же еще? Я знала, что у него миллионы долларов. Теперь еще и «феррари» откуда-то взялась... — Я уставилась на дверь в кухню. — Но дурдом-то при чем?

— Солнышко, не знал, как тебе сказать, — начал папа, переминаясь с ноги на ногу, — но, видишь ли, Рейес Фэрроу купил бар с условием, что верхний этаж останется за тобой. Я все думал, зачем ему это. Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Нет. И ты о чем? — Мой голос взлетел на октаву. — Ты продал «Ворону»?!

— Вчера мы должны были обсудить детали, но он сказал, что ему нужно приглядывать за больным другом. Так что на завтра намечено подписание договора о передаче собственности.

— Не понимаю.

— Я ухожу на пенсию. Хочу отдохнуть. А с той суммой, которую он заплатил, смогу это сделать, ни о чем не волнуясь. Кстати, я решил попутешествовать. — Папа уставился себе под ноги. — В одиночку.

— Скупые мужские мечты, да? А как же старая добрая пила?

— Не хочу тебя расстраивать, но мы с твоей мамой расходимся. — Я поджала губы, и он уточнил: — С твоей мачехой. Мы... Нам с ней просто не по пути.

— Даже не знаю, что сказать, пап. «Ура», наверное, не в тему.

Так оно и было. Не в тему. Папа ее любил. Ну или любил когда-то. И я не могла не задуматься, какую роль сыграла в этом решении.

Я посмотрела на договор, который держала в руках. На бар. На свой офис наверху. Честное слово, я не знала, что сказать.

— Ну что ж, наверное, закажем начос всем, — заявил дядя Боб, больше беспокоясь о своем желудке, чем о моей новоприобретенной...

Минуточку! И что мне теперь делать с заброшенной психушкой?

— Подробности обсудим позже, — угрожающе добавил Дибби.

Ей-богу, я бы испугалась, если бы не пена у него на усах и если бы он опять не наградил меня тем самым яростным взглядом. Пришлось покашлять в кулак.

В зале вдруг стало тихо, и меня обволокло знакомым жаром. Я обернулась и увидела, как из кухни выходит Рейес и ставит две тарелки с начос перед членами моей банды.

— Приятного аппетита, — улыбнулся он агенту Карсон, которая пялилась на него во все глаза.

А кто бы на ее месте не пялился?

— Мистер Дэвидсон, — поздоровался Рейес с папой и протянул Дибби над стойкой салфетки. Теплые губы коснулись моего уха. — Можешь отлучиться?

На нем был передник. Ничего краше в жизни я не видела и в ту же секунду влюбилась еще сильнее.

— Насколько я знаю, ты здесь босс, тебе и решать. — Я помахала перед ним договором. — Это еще что такое?

Он опустил голову, как будто смутился. Рейес Фэрроу смутился? Не смешите мои тапочки!

— Теперь лечебница принадлежит тебе, — сказал он, вертя в пальцах какую-то бумажку. — Я знаю, как много значит для тебя Рокет, вот и решил ее купить. Чтобы городские власти не снесли. Нам придется немного облагородить территорию вокруг, но здание дурдома в полном распоряжении Рокета.

Второй раз за день я лишилась дара речи. А потом вспомнила, что возле дурдома были и другие здания.

— Я заметила, что ты снес дом Донована.

Рейес поднял голову и посмотрел мне в глаза:

— Он жив только потому, что уехал. Но его дом остался здесь. И пошел в расход.

Я рассмеялась:

— Справедливо. Но зачем ты купил папин бар? — Каждый слог был пропитан изумлением, которое я ощущала с тех пор, как узнала новость.

— Ну, скажем так, теперь твой офис влетит тебе в копеечку. А если опоздаешь с платежом, придется отрабатывать нешуточный штраф.

— Не знаю, что и сказать, Рейес. Ты купил что-нибудь еще, о чем мне нужно знать?

— Нет. Зато ты тратишь деньги так, будто они вышли из моды.

— Чего?! Что еще я купила?

— Ты там живешь.

— Ты купил мою квартиру?!

— Нет, ты купила свою квартиру. Точнее весь дом.

— То есть у меня теперь целое жилое здание? — На мгновение я задумалась, а потом опять посмотрела на Рейеса. — Ну все, повышу тебе аренду до небес.

Дверь в кухню распахнулась, и мы все уставились на молодого поваренка.

— Эм-м, Рейес... — нервно пробормотал парнишка и ткнул пальцем в сторону кухни, — ...наверное, тебе стоит... то есть там... кое-что...

— Сейчас приду, — сказал Рейес и снова повернулся ко мне. — Нужно возвращаться к работе, пока я тут все не спалил.

Я кивнула:

— Все равно я не знаю, что сказать.

Он шагнул ближе, обернув меня жаром, как горячей лентой, и шепнул на ухо:

— Скажи «да».

А потом отвернулся и ушел. Я смотрела на него, впитывая взглядом каждое его движение. Рейес в переднике — умопомрачительно классное зрелище. А как это выглядит сзади — никакими словами не описать.

— Подожди! — крикнула я вслед. — У тебя и правда есть «феррари»?

Он обернулся и лукаво улыбнулся. Святой ежик! Да я скажу «да» всему, что он захочет. За исключением разве что секса через заднюю дверь. Надо же хоть где-то провести границу.

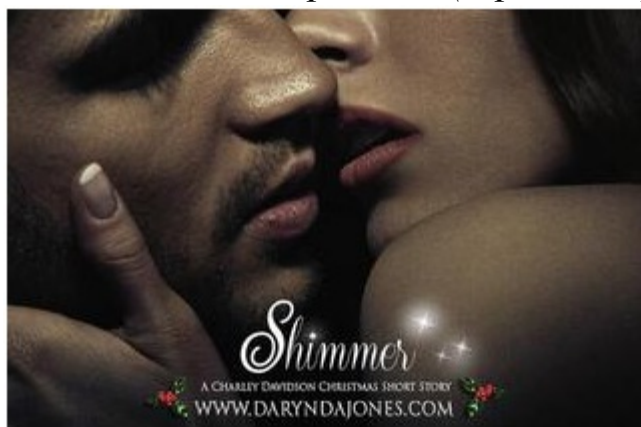
Кстати о птичках. На что я должна ответить «да»? Я прокрутила в памяти наш разговор, но ничего не поняла. Значит, однозначно что-то пропустила. Со мной такое частенько бывает. Чертов СДВ.

Вернувшись к обязанностям сотрудника общепита, я вдруг заметила бумажку, приклеенную к стойке. Ту самую, которую держал Рейес. Нравятся ему стикеры, елки-палки.

Я прочла записку. Поразмышляла, пытаюсь увидеть глубинный смысл, затаившийся между строк. Прочла еще раз. А потом повернулась к кухне и крикнула:

— Замуж?!

Рождественский рассказ (серия о Чарли Дэвидсон #5,5)

Рейес Фэрроу, гад из соседней квартиры, оторвался наконец от созерцания языков пламени, танцующих вокруг почерневших поленьев в камине, и посмотрел на меня пронизывающим взглядом:

— Репортером?

Его голос так и сочился цинизмом. Я даже моргнула от изумления. Обидно. Ладно, не очень, но с толку сбило. А сбить меня с толку не так-то просто.

Ну никакой веры в Чарли!

— Нет, — покачала я головой, — не просто репортером. Хочу быть журналистом, который проводит самостоятельные расследования.

Он подавил сексапильную ухмылку, от которой в уголках его глаз появились веселые морщинки.

— То есть быть частным детективом, владелицей многоквартирного дома, совладелицей бара, консультантом полиции Альбукерке, барменом на полставки и единственным ангелом смерти по эту сторону вселенной недостаточно?

Вот оно что! Теперь понимаю, откуда столько сомнений и недоумения. Аккуратно положив ручку и блокнот на журнальный столик, я повернулась к Рейесу. Что ж, придется объясниться. Деликатно и с ухищрениями. И кофе надо подлить, потому что в моей чашке почти пусто.

— Есть профессиональная жизнь. Понимаешь? Профессиональная. А есть личная. Я решила, что журналистика будет как бы моим хобби. Ну разве сложно быть журналистом?

Рейес откашлялся:

— Ты осознаешь, что только что оскорбила всех живых журналистов на свете? И скорее всего многих, кого в живых уже нет.

Деликатность. Точно. Совсем из головы вылетело.

— Ты прав, но, ей-богу, я ведь знакома с кучей людей. — Я подалась к нему: — Только подумай! Я бы брала интервью у знаменитостей, к которым другие даже подступиться не могут. В смысле у мертвых. Представь, какие у меня были бы статьи. Правда ли, что Авраам Линкольн ругался матом, когда участвовал в соревнованиях по борьбе? Каково было Джейн Остин стать командиром женского батальона королевских гусар? Был ли на самом деле Гитлер отцом метамфетамина, а значит, напрямую ответственным за появление на свет моего любимого сериала «Во все тяжкие»? Возможностей непочатый край!

Когда я закончила свое выступление, Рейес развалился в углу мягкого дивана и вытянул ноги. В руках у него был наполовину полный бокал чего-то янтарного. Легко поддерживая длинными пальцами, он поставил его на обтянутое джинсами бедро. Пальцами второй руки Рейес задумчиво поглаживал висок, упершись локтем в подлокотник. Рубашка натянулась на широкой груди, демонстрируя крошечный кусочек кожи. Верхняя пуговица готова была вот-вот оторваться.

Стоило немалого труда побороть желание улечься сверху, запутаться пальцами в густых темных волосах и утонуть в поцелуе. Но нужно было думать о работе, то есть о хобби, и никакие тонны сексуальности не заставят меня отказаться от намеченной цели. В конце концов, мне предстояло провести интервью века, в котором сын Сатаны даст ответы на вопросы мне и только мне.

Ужасно хотелось больше узнать о нем самом, о его прошлом — и на Земле, и в аду. Поэтому я придумала по-настоящему гениальный, на мой взгляд, план, в котором якобы пишу о нем статью для «Нью-Йорк таймс». Или «Нэшнл инквайрер». А может, для обоих сразу.

Рейес наградил меня мерцающим взглядом из-под ресниц. Приложил палец к чувственным губам. Замедлил свое сердцебиение и посмотрел на меня, как хищник на добычу:

— Если и дальше будешь так на меня смотреть, интервью надолго не затянется.

Его невообразимая, гипнотическая привлекательность завораживала. Прошло немало времени, прежде чем мне удалось отвести от него взгляд.

— Да, точно, — сказала я, откашлялась и на ощупь нашла блокнот и ручку. — Ты прав. Значит, я могу задать тебе несколько вопросов?

— Можешь спрашивать о чем угодно.

Конечно, могу. Только это вовсе не значит, что он ответит.

— Пожалуй, перефразирую, — сказала я, постукивая ручкой по подбородку. — Ты будешь отвечать на мои вопросы?

— Я отвечу на все твои вопросы, — отозвался Рейес, на секунду задумавшись.

Да ладно! От необъяснимой головокружительной радости я вся покрылась мурашками. Он почувствовал перемену в моем настроении, улыбнулся, не убирая ото рта руки, и сказал:

— Поехали.

Ох ты ж ежик! Сегодняшний вечер намного круче вчерашнего, когда я убегала от голой дамочки с ножом, которая всю дорогу кричала «Смерть убогим!».

Ну правда, чем ей убогие насолили?

— Ладно, — протянула я, упершись локтями в колени. — Каково было расти в аду?

— Да.

Я записала ответ, чтобы не упустить ни единого слова, ни единого слога. У журналистов от такого могут возникнуть большие проблемы.

— Прекрасно. И, пока мы не сменили тему, на что это похоже, когда твой отец — первый падший ангел?

— Иногда.

Я склонилась над блокнотом, записывая ответ.

— Угу, а почему ты так не любишь Рождество?

— Цельнозерновые злаки.

Я продолжала записывать, чувствуя, как испаряется надежда. Сама виновата. Он сказал,

что ответит на все мои вопросы. И не говорил, что ответы будут честными и искренними. Когда-нибудь жизнь меня научит.

Решив подыграть, я уставилась Рейесу в глаза:

— Исчерпывающе. Я тронута.

Уголок его рта соблазнительно приподнялся.

— Я могу тронуть тебя намного глубже.

Мое сердце готово было с минуты на минуту остановиться. На всякий случай я осмотрелась в поисках дефибриллятора.

Рейес прищурился:

— Все это случайно никак не связано с коробкой, которую я нашел сегодня утром у себя под дверью?

— Что? — ахнула я. Не ведись, детка. Продолжай в том же духе. — С какой коробкой? — Прикидываясь оскорбленной до глубины души, я бросила ручку на блокнот. — В жизни никаких коробок не видела.

У Рейеса появилось то самое выражение лица — полнейшее безразличие к поднятому вопросу. Блин, вот от него никак не ожидала.

Посидев еще несколько минут в полной прострации, я решила поогрызаться:

— Ну и ладно, фиг с тобой. Допустим, ну так, в порядке бреда, что некую коробку неопределенного размера и неясной формы и правда видели где-то недалеко от твоего порога. Ты ее открывал?

— Кажется, мы с тобой договорились.

— Договорились. Клянусь, — я изобразила бойскаутский салют, потому что ничто другое так мощно не убеждает в искренности. — Но это нечестно, что ты можешь купить мне подарок на Рождество, а я тебе нет.

Рейес беззаботно пожал плечами:

— Мы договорились.

Я закатила глаза:

— Мы договорились только потому, что голая дамочка с ножом приняла меня за нищую и мне нужна была помощь. Та барышня любую триатлонистку бы переплюнула.

— Не важно. Уговор есть уговор.

— Тьфу ты. — Я раздраженно откинулась на спинку дивана. — Ну почему, Рейес? Истинный дух Рождества заключается в том, чтобы отдавать. Если ты не позволишь мне подарить тебе подарок, то высосешь радость из всего следующего года, как трубопылесос на бензине.

— Не мои проблемы, — тихо рассмеялся Рейес.

Он прав. К тому же я понимала, почему он не празднует Рождество. Честно-честно. Его детство было настоящим кошмаром. Его растил монстр. И я уверена, что Рождество в этой семье было таким же, как и любой другой день в году. Ужасным. Но мне хотелось, чтобы он познал радость Рождества. Испытал удовольствие, открывая подарок от того, кто любит его больше жизни. Вряд ли, конечно, мой подарок даже намекает на это, но все-таки. Скорее вроде как подразумевает нечто подобное.

— Ну ладно, — уступчиво проговорил Рейес, и я слетела с дивана на крыльях новой надежды. — Может, я и открыл коробку.

Я сцепила руки в замок:

— И?

— И... — Он помолчал, подыскивая подходящие слова. — Лучше тебе увидеть собственными глазами.

Мой взгляд так быстро опустился на его ширинку, что даже голова закружилась.

— Правда? Прямо сейчас?

От предвкушения его губы приоткрылись.

— Самое время.

Одной рукой он все еще упирался в подлокотник, другую положил на спинку дивана, не выпуская бокала. Ни дать ни взять супермодель на фотосессии. Картинка перед глазами излучала чистую, ничем не замутненную мужественность, от которой покалывало кожу и в животе разливался обжигающий жар.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, я стала бороться с порывом наброситься на него сию же секунду. Сорвать одежду и разодрать на ленточки. Я собрала оставшиеся крупы самообладания в кулак. Сосредоточилась. Со всем изяществом, на какое была способна, и чувством собственного достоинства, которому позавидовал бы любой дипломат, я протянула руку, чтобы расстегнуть джинсы на Рейесе. Правда, вряд ли дипломат сделал бы что-то подобное.

Меня охватил трепет, с которым ничего поделать было нельзя. Трясущимися пальцами я кое-как справилась с пуговицей. Рейес не сводил с меня пристального взгляда, позволяя растягивать удовольствие, пока я медленно расстегивала «молнию». Не важно, сколько раз я трогала его раньше. Каждый раз, когда моя кожа соприкасалась с его, внутри вспыхивал фейерверк острейшего удовольствия. Тем более что сейчас речь шла о его коже в таких местах, что интимнее просто некуда.

Под боксерами отчетливо угадывались очертания самого главного. Давным-давно забыв о своем подарке, я села сверху и наклонилась к Рейесу, пока между нашими губами не остались сущие миллиметры. Богатый аромат какого-то ликера смешался с моим дыханием. Забравшись рукой под боксеры, я обхватила твердый как камень член, в который раз поражаясь, что не могу соединить пальцы.

И услышала, как на толстый ковер с глухим стуком упал бокал. Спустившись на пол и стащив с Рейеса джинсы, я взяла его в рот. Его мышцы напряглись, и он едва слышно втянул носом воздух, взяв меня за волосы, чтобы контролировать темп. Языком я почувствовала прилив крови, когда он стал еще тверже, хотя это казалось невозможным. Не обращая внимания на стальную хватку, я вобрала его целиком, подалась обратно, подождала одно мучительное мгновение и снова опустилась.

Рейес откинул голову. Его бедра приподнимались мне навстречу.

— Датч, — процедил он сквозь зубы, как будто предостерегая меня. Как будто ему было больно.

Жар в животе разгорелся настоящим пожаром. Одно прикосновение Рейеса могло подтолкнуть меня к краю оргазма. Я чувствовала то же, что и он. Чувствовала, как по его венам обжигающими волнами течет наслаждение. Он взял меня за волосы второй рукой, оторвал от себя и грубо потянул вверх, пока я не очутилась на нем. Казалось, ему нужна минута перевести дух, но Рейес тут же расстегнул мои джинсы и стащил их вниз по заднице. От прохладного воздуха обнаженная кожа сразу покрылась мурашками.

Одним гладким, как стекло, движением Рейес полностью стащил с меня джинсы и трусики, положил руки мне на бедра, приподнял и подвинул, открывая своим губам доступ к самому чувствительному местечку.

В тот миг, когда язык коснулся клитора, я резко втянула носом воздух. Между ног разгорелся настоящий пожар, от которого каждую молекулу затопило жидким пламенем. Я схватилась за диван, чтобы не упасть, но это было лишним — Рейес крепко держал меня над собой, словно я ничего не весила, то опуская ниже, когда хотел оказаться глубже, то приподнимая, чтобы легко, словно перышком, погладить разбухшую от желания плоть. От прикосновений языка внутри меня кипела и клубилась расплавленная лава, с каждой секундой подводя все ближе и ближе к самой вершине наслаждения.

Я была на грани экстаза. Чувствовала, как мчусь ему навстречу. Но ужасно хотелось, чтобы Рейес был во мне, когда это произойдет. Хотелось, чтобы он достиг оргазма вместе со мной. За свободу пришлось бороться, вцепившись ему в запястья и царапая кожу ногтями. Оказавшись наконец у него на груди, я наклонилась, зарылась пальцами ему в волосы и прошептала на ухо:

— Хочу, чтобы твой член был внутри меня. Хочу почувствовать, как сотрясается земля, когда ты кончишь.

Застонав, он незамедлительно послушался. Прижал меня к себе, перекатился и, оказавшись сверху, вошел в меня одним быстрым движением. Я была более чем готова его встретить и громко ахнула, когда меня одновременно с идеальной наполненностью пронзила вспышка невыносимого удовольствия.

Погрузившись на всю длину, Рейес замер, но только на мгновение. Ровно на столько, чтобы я успела привыкнуть к его размерам. Потом подался назад и снова наполнил до краев. У меня вырвался крик, но на этот раз он не дал мне ни доли секунды на передышку. Темп нарастал, нарастала и сила ударов, пока Рейес подталкивал меня все ближе и ближе к краю. Я цеплялась за его спину, чувствуя острые, почти болезненные укусы растущего возбуждения. И с последним скачком обжигающей энергии на меня обрушилась волна мерцающего света.

Внутри словно взорвались миллионы звезд, осыпаясь искрами на кости. Я до боли стиснула зубы, легкие ныли от нехватки воздуха. На волне неопишуемого экстаза я летела прямоком на край вселенной. Толчки Рейеса стали быстрее, отчаяннее, снова и снова вызывая во мне спазмы восхитительного удовольствия. Он сжал меня так сильно, что я едва могла дышать. С его губ сорвался низкий стон, когда Рейес изогнулся в тисках собственного оргазма и вздрогнул от нахлынувшей волны наслаждения. Под нами сдвинулась земля. Столкнувшись и объединившись, наши энергии создали мощную трещину в пространственно-временном континууме, и земля загрохотала в знак протеста, пока атомы внутри нас не успокоились, пока не угасло возбуждение.

Выбившись из сил, мы лежали, пытаясь отдышаться. Все еще наполовину одетые. Переплетаясь руками и ногами. Неприкрытая одеждой кожа мерцала в свете камина. Каким-то чудом мы оказались на коврике. Кофейный столик сдвинулся в сторону (даже дальше, чем можно было ожидать), а журнальный валялся вверх ногами. Понятия не имею почему.

Рейес лежал на мне, и я ничего не могла с собой поделать — забравшись руками под рубашку, погладила его по спине, спустилась ниже и обхватила ладонями стальные ягодички. В ответ он еще глубже уткнулся носом мне в шею.

— Ну и как тебе твой подарок? — поинтересовался он.

Только теперь я вспомнила, что купила ему подарок на Рождество. Оглядела разбросанную как попало по гостиной одежду и усмехнулась:

— Думаю, на полу эти боксеры смотрятся лучше, чем на тебе.

Рейес отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Ты оскорбляешь мои рождественские трусы в колокольчики?

— Вовсе нет, — поспешила заверить его я. — Просто... просто ты лучше выглядишь в чем мать родила.

Он опять расслабился.

— Я буду носить их каждый день до конца моей жизни.

— Не посмеешь, — громко рассмеялась я.

— Увидишь.

— Я их сожгу.

— Тогда и меня придется сжечь, потому что я больше ни за что их не сниму.

Я укусила его за плечо. Тонкая ткань рубашки предлагала всего лишь намек на преграду. Рейес схватил меня за волосы и несколько долгих секунд прижимал мою голову к себе. Потом снова приподнялся и посмотрел на меня сверху вниз. От его взгляда в животе опять запорхали бабочки. Причем бабочки-камикадзе. Они отчаянно атаковали мои внутренние органы, совершенно не заботясь о собственном благополучии.

Только через минуту мне удалось выдавить:

— Кстати о подарках. Что ты мне приготовил?

Он приподнял брови:

— То есть этого было мало?

Я хохотнула самым непристойным образом:

— Ты об этом нашем маленьком свидании? Ну уж нет, так легко ты не отделаешься.

Взгляд Рейеса остановился на ящике в кофейном столике — том самом, который оказался не на своем месте. Я дернулась к ящику, но не дотянулась. Судя по выражению лица, Рейес не собирался мне помогать. То есть не собирался с меня слезать. Целую вечность я терпела одно поражение за другим, но в конце концов мне удалось открыть ящик и даже вслепую пошарить в нем рукой, пока я на что-то не наткнулась. Я вытащила подарок. Он был обернут золотистой фольгой и перевязан красным бантом.

— Это мне? — взволнованно спросила я.

Рейес выгнул бровь:

— В жизни не видел этой коробки.

Я улеглась обратно на ковер и захихикала:

— Это простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет».

— Прямо с языка сняла.

— Вот оно что, — понимающе протянула я. Он имел в виду вопрос, который задал мне — точнее которым меня огорошил — буквально на днях. А я все еще не дала ответа. — Можно открыть?

— Он твой, так что делай с ним, что хочешь. — В его глазах так и плясали черти, когда он скатился с меня, растянулся рядом и подпер кулаком голову, чтобы наблюдать за мной и ничего не пропустить.

Разорвав обертку, я почувствовала, как округляются мои глаза. Там оказался синий бархатный футлярчик. Я снова взглянула на Рейеса. Поверить не могу, что какой-то бриллиант (или даже перспектива его получить) способен превратить меня в легкомысленную дурочку. Закусив нижнюю губу, я открыла коробочку. Между двумя бархатными подушечками был зазор для кольца. Вот только кольца там не было.

От обиды у меня отвисла челюсть.

— Это еще что? — спросила я, потрясенно уставившись на Рейеса.

— Простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет», — ответил он. Его голос был богатым, густым и тягучим, как ириски. Он лег на спину, сложив руки под головой. — Когда я получу ответ, ты получишь оставшуюся часть подарка.

— Это шантаж.

— Так ведут дела разумные люди. Не вижу смысла дарить тебе кольцо, если ты скажешь «нет». Только зря потрачу уйму времени и денег. Все зависит от одного короткого английского слова.

Я подвинулась ближе и прижалась к Рейесу, глядя на пустую коробочку так, словно там действительно был сверкающий бриллиант размером с Китай.

— А если я отвечу на «поросячьей латыни»^[28], то получу кольцо?

— Нет.

— Ты ведь знаешь «поросячью латынь» не хуже меня.

— Если ты не можешь сказать «да» или «нет» на простом английском, сделка отменяется.

Я резко приподнялась на локте.

— «Да» или «нет» на простом английском! — Господи, да я гений уловок.

— Даже немножко жаль, — заявил Рейес, ни на секунду не купившись на мою хитрость. — Огранка воистину изысканна.

Я вздохнула и положила голову ему на плечо, постаравшись, само собой, чтобы несколько спутанных прядей упало на него. Он сдул прядь с губ, но в остальном, похоже, был совершенно не против моей копны на лице. Блин.

— Ничего не получится, — сказала я, все еще глядя на коробочку. — Шантажом ты не заставишь меня выйти за тебя замуж.

Взяв за подбородок, Рейес приподнял мое лицо.

— Родная, я сын Сатаны. Если мне припечет, я могу шантажом заставить тебя отдать первенца в цирк-шапито.

Он прав. В чем именно, я мигом забыла, как только его губы коснулись моих, но точно прав. И все-таки мучить его, не давая ответа, было куда забавнее, чем получить кольцо, бриллиант или что-то еще. Я просто должна была еще немного потянуть время. Пусть поерзает. Тем более что то же самое он сделал со мной, раздвинув коленом мои ноги, а пальцами — складки между ними. Только ерзать мне и осталось.

Рождественский рассказ (серия о Чарли Дэвидсон #5,6)
«Мерцание», рассказанное Рейесом Фэрроу

Чарли Дэвидсон сидела на самом краю моего дивана, глядя на меня огромными золотистыми глазами, сверкающими из-под темных ресниц. На ней был тонкий свитер, напоминающий густые сливки на коже, и темные джинсы, обтекающие каждый чувственный изгиб. Ботинки она сбросила и сидела, подсунув под себя одну ногу. Назвать ее очаровательной означало бы перечеркнуть все остальные качества, которые делали ее такой уникальной. Страстность. Притягательность. Тот факт, что она самое смертоносное создание по эту сторону вечности. К счастью для многих, сама она о последнем нюансе пока даже не догадывалась.

Она по-настоящему светила в тусклых отблесках огня. Казалось, в его тепле греется сама ее суть. Ослепительный свет, который всегда ее окружал, поглощал желтые и рыжие сполохи, лизавшие потрескивающие поленья. От этого она казалась окутанной багряно-золотым мерцающим свечением. Эффект был фантастическим и опьяняющим. Запомню на будущее: нужно почаще разводить огонь.

Когда я делал ремонт в этой квартире (прямо через стенку от той, в которой живет прелестное создание, сидевшее рядом), я установил электрический камин. Тогда это показалось удачной мыслью. Он выглядел, как настоящий. Издавал звуки, как настоящий. Даже тепло давал. Но на самом деле был не более реальным, чем окружающий меня мир. В итоге бригада строителей выдрала его из стены и заменила настоящим, который нужно топить дровами. Непростая задача, учитывая, что в здании нет дымоходов. Может быть, счастье за деньги не купишь, зато дымоотвод с вентиляцией — как нечего делать.

Однако урок я усвоил: в этом мире вещи редко оказываются такими, какими кажутся на первый взгляд. Взять хотя бы людей. Большинство из тех, кого якобы заботит, как у меня дела, не более чем притворяются. Их интерес ко мне — вовсе не по доброте душевной. Они хотят получить что-то взамен. Чаще всего — меня. Когда они смотрят, их голод почти осязаемый. Желание настолько ощутимо, что как будто царапает меня снаружи и внутри. Ничего этого мне не нужно. Даже их улыбки — фальшивки, полная слепой жадности.

Но Чарли Дэвидсон, она же Датч, очень даже настоящая. Неподдельная до мозга костей. У меня никогда не возникает сомнений в том, что между нами происходит в каждый конкретный момент. Если она почему-то на меня злится, то чертовски доходчиво об этом

сообщает. И не дает мне отвертеться. Такая искренность — как глоток свежего воздуха, который вызывает зависимость. Как и сама Датч.

Поначалу меня привлек к ней яркий свет, особое свечение, воплощающее в себе суть всех ангелов смерти. Я забыл, кто они такие. Забыл, кто я сам. Быть рядом с ней — все равно что оказаться в самом сердце рая. Даже в нематериальном виде. Так было и тогда, когда я был еще ребенком. Сама ее суть излучала тепло. Ласковое. Утешительное. И все же обжигающе горячее.

Я смотрел на нее и думал, какой была бы ее аура в головокружительно мерцающем разноцветье елочных гирлянд. Сумели бы они пробиться сквозь невесомое марево излучаемого ею тепла? И если да, то отразилась бы от нее, словно от призмы, россыпь разноцветных сполохов на стены? Сполохов, которые могут увидеть только сверхъестественные существа?

Размышляя об этом и о том, какой карьерный рост она себе навывдумывала, я очень старался не улыбнуться. Вечно у нее всяких планов громадьи, но последний меня напрочь опарашил.

— Репортером? — переспросил я, стараясь, чтобы слово не прозвучало так же нелепо, как сама идея. Не получилось.

Она поджала губы, всем своим видом выражая горький упрек, и в уголке ее чувственного рта появилась впадинка.

— Нет, — покачала головой Датч, — не просто репортером. Хочу быть журналистом, который проводит самостоятельные расследования.

Теперь улыбка, с которой я до сих пор боролся, без труда победила, выставив напоказ все, что я думал по поводу поднятой темы.

— То есть быть частным детективом, владелицей многоквартирного дома, совладелицей бара, консультантом полиции Альбукерке, барменом на полставки и единственным ангелом смерти по эту сторону вселенной недостаточно?

Впадинка стала глубже, когда Датч сделала глубокий вдох, а потом положила ручку с блокнотом (которые, судя по всему, принесла с собой, чтобы делать пометки во время своего первого интервью в качестве добросовестного репортера) на мой журнальный столик. После чего наградила меня своим лучшим негодующим взглядом.

— Есть профессиональная жизнь. Понимаешь? Профессиональная. — Она помолчала приподняв брови и давая мне время понять, что именно имеет в виду.

К сожалению, меня больше интересовала та самая впадинка, которая появлялась каждый раз, когда ее лицо приобретало нравоучительное выражение.

— А есть личная. Я решила, что журналистика будет как бы моим хобби. Ну разве сложно быть журналистом?

Я сел поудобнее и прочистил горло, перед тем как сказать:

— Ты осознаешь, что только что оскорбила всех живых журналистов на свете? И скорее всего многих, кого в живых уже нет.

Она не стала спорить:

— Ты прав, но, ей-богу, я ведь знакома с кучей людей.

Датч подалась ко мне. Слои воздуха сдвинулись, и ее запах стал ближе. Я вдохнул аромат цветущих яблонь и ванили. Не знаю, что так благоухало. Ее шампунь или легкий шлейф духов. Что бы это ни было, куплю ей целый ящик. Этот аромат ей очень подходил. Свежий, чистый и очень соблазнительный.

— Только подумай! — продолжала она, и мне пришлось выбираться из трясины размышлений. — Я бы брала интервью у знаменитостей, к которым другие даже подступиться не могут. В смысле у мертвых. Представь, какие у меня были бы статьи.

Она говорила что-то еще, но я видел только ямочку на ее подбородке. Я честно пытался сосредоточиться, но ямочка была чертовски сексуальной. До меня лишь урывками доходили ее слова. Что-то об Аврааме Линкольне, который боролся с Джейн Остин, о Гитлере, который готовил мет. Какой бы захватывающей ни была история о наркозависимости Гитлера, я не мог отвести глаз от той самой ямочки. Не мог не смотреть, как Датч раскрыла пальцы, пытаясь меня в чем-то убедить.

— Возможностей непочатый край!

Ее волнение вернуло меня к действительности. Даже направленный не в ту степь энтузиазм Датч был достоин восхищения.

Я развалился в углу дивана и поставил на ногу бокал чистого бурбона, заметив, что янтарная жидкость в хрустале мерцает точь-в-точь как глаза Датч. В первый раз я увидел эти глаза, когда впервые покинул физическое тело и помчался навстречу ее манящему свету. Мне было три, а Датч как раз появлялась на свет в этом измерении.

К тому моменту я не так давно «познакомился» с человеком, который меня вырастил, и узнал, зачем, собственно, он меня купил. Может быть, все дело в моем неземном происхождении, но даже в три года мне хотелось только одного. Умереть. Избавиться от земного тела. Остановить загибающие руки и безжалостные зубы.

А потом я увидел ее. Почувствовал тепло ее света. Она была как тихая гавань в разгулявшийся шторм, и я смаковал каждое проведенное с ней мгновение. Поначалу, а потом и в течение многих лет, я верил, что она мне снится. Что она — всего лишь плод моего воображения. Ангел, которого я выдумал, чтобы утешать себя в особенно трудные моменты. Я не помнил, кто я такой, до девятнадцати лет. До того, как меня упекли за решетку за преступление, которого я не совершал. Воспоминания возвращались медленно, во всех мельчайших деталях, и в конце концов я вспомнил, зачем меня отправили на Землю. Почему я решил родиться человеком. И почему меня, как магнитом, влекло к Чарли Дэвидсон, которая, даже не зная об этом, одной лишь мыслью могла потребовать моего внимания.

В этом измерении ангелы смерти куда сильнее других сверхъестественных существ. Когда-нибудь Датч это поймет. А до тех пор пусть верит, будто у меня больше сил, чем у нее. Сейчас мне это даже на руку. Когда она станет самой собой, она поймет, что я — всего лишь горстка пыли, которую она легко может стереть с лица земли.

До меня вдруг дошло, что мы молчим, а я беспардонно пялюсь на Датч. Впрочем, она тоже на меня смотрела. Я почувствовал, как в ней вспыхнуло и стало разгораться желание. Естественно, это вызвало во мне физическую реакцию. Неумолимую жажду, насытить которую могла только Датч.

Я приложил ко рту указательный палец и замедлил сердцебиение, чтобы иметь возможность спокойно разглядывать Датч, не набрасываясь на нее, как свихнувшийся от гормонов школьник. Но голод в ее глазах делал мою задачу почти невыполнимой. Она понятия не имеет, как легко мне сорваться с цепи, когда она рядом. Я решил ее предупредить:

— Если и дальше будешь так на меня смотреть, интервью надолго не затянется.

Датч отвела взгляд.

— Да, точно, — сказала она, откашлявшись, и опять взяла блокнот и ручку. — Ты прав.

Значит, я могу задать тебе несколько вопросов?

— Можешь спрашивать о чем угодно, — отозвался я, не упомянув, что качество ответов оставляю на собственное усмотрение, но она тут же ухватилась за возможность.

— Пожалуй, перефразирую, — выпалила она, постукивая ручкой по той самой восхитительной ямочке. — Ты будешь отвечать на мои вопросы?

На мгновение я задумался, а потом сказал:

— Я отвечу на все твои вопросы.

Датч ужасно разволновалась, и я опять не смог сдержать улыбку.

— Поехали.

Усевшись поудобнее, она уперлась локтями в колени, не выпуская ручки, и начала:

— Ладно, каково было расти в аду?

Сразу к делу, как всегда. Что ж, она будет разочарована. Мне почти стало ее жаль. Почти.

— Да, — беспечно ответил я.

Ни секунды не колеблясь, она кивнула, записала мой ответ и продолжила:

— Прекрасно. И, пока мы не сменили тему, на что это похоже, когда твой отец — первый падший ангел?

Она мне подыгрывала. Господи, обожаю, когда она подыгрывает. От этого игра становится в сто раз веселее.

— Иногда.

Записывая ответ, Датч склонилась над блокнотом. Длинные каштановые локоны упали ей на плечи.

— Угу, а почему ты так не любишь Рождество?

Ага, вот в чем дело.

— Цельнозерновые злаки, — сухо отозвался я.

Это она тоже записала, но я чувствовал, как в ней расцветает разочарование. Все волнение как ветром сдуло. Бегущий по ее венам адреналин растворился в крови.

Кого-кого, а ее уж точно слабым соперником не назовешь. Ресницы приподнялись, и Датч заявила:

— Исчерпывающе. Я тронута.

Двусмысленность в ее словах была нечаянной, но все равно резанула меня изнутри, и я с легким удивлением услышал сам себя:

— Я могу тронуть тебя намного глубже.

Она едва слышно вздохнула.

Я решил, что напомнить ей об оплошности можно прямо сейчас:

— Все это случайно никак не связано с коробкой, которую я нашел сегодня утром у себя под дверью?

— Что? — взвилась она и заозиралась по сторонам. — С какой коробкой? — С самым оскорбленным на свете видом она бросила ручку на блокнот. — В жизни никаких коробок не видела.

Мне пришлось постараться, чтобы на лице ничего не отразилось.

Несколько секунд она явно собиралась спорить, но в конце концов сдалась:

— Ну и ладно, фиг с тобой. Допустим, ну так, в порядке бреда, что некую коробку неопределенного размера и неясной формы и правда видели где-то недалеко от твоего порога. Ты ее открывал?

В знак предостережения я приподнял бровь. Моя очередь читать нотации.

— Кажется, мы с тобой договорились.

— Договорились. Клянусь. — Она изобразила бойскаутский салют. Понятия не имею зачем. Ее женственность ничего общего с бойскаутами не имеет. — Но это нечестно, что ты можешь купить мне подарок на Рождество, а я тебе нет.

Я беззаботно пожал плечами:

— Мы договорились.

Она закатила глаза:

— Мы договорились только потому, что голая дамочка с ножом приняла меня за нищую и мне нужна была помощь. Та барышня любую триатлонистку бы переплюнула.

Вчера Датч призвала меня, когда за ней мчалась голая женщина с ножом, вопившая во всю глотку «Смерть убогим!». Ее убийственную ярость наверняка подпитывали наркотики. Но, прежде чем помочь Датч выпутаться из этой передраги, я заставил ее пообещать ничего мне не дарить. Так и знал, что обещания она не выполнит.

— Не важно, — сказал я. — Уговор есть уговор.

— Тьфу ты. — Она развалилась на диване подальше от меня и накрыла лоб рукой. Драматичнее некуда. — Ну почему, Рейес? Истинный дух Рождества заключается в том, чтобы отдавать. Если ты не позволишь мне подарить тебе подарок, то высосешь радость из всего следующего года, как трубопылесос на бензине.

Я рассмеялся:

— Не мои проблемы. — Датч беспомощно простонала, и я решил уступить. — Ну ладно. Она тут же вскочила с дивана, глядя на меня полными надежды глазами.

— Может, я и открыл коробку.

Датч сцепила руки. Ну разве можно на нее насмотреться?

— И?

— И... — Я помолчал, всей кожей впитывая льющуюся из Датч надежду. — Лучше тебе увидеть собственными глазами.

Ее взгляд метнулся к моей ширинке, и я едва не расхохотался.

— Правда? — спросила она. — Прямо сейчас?

Я представил, как она смотрит на свой подарок, и с трудом подавил вспышку нетерпения.

— Самое время.

Поудобнее упершись локтем в подлокотник, я положил руку с бокалом на спинку дивана. Мне хотелось, чтобы она не сомневалась: предложение настоящее, не какая-нибудь шутка. Датч осмотрела меня с головы до ног. Значение ее взгляда не понял бы только идиот. И под этим взглядом становилось горячо в животе и тесно в штанах.

Глубоко вздохнув, чтобы взять себя в руки, она дрожащими пальцами потянулась к пуговице на моих джинсах. Меня словно молнией поразило понимание, что она не только возбуждена, но и нервничает. Я не мог пошевелиться. Не мог оторвать от нее взгляд, пока она не торопясь расстегивала «молнию». Не важно, сколько раз она ко мне прикасалась. Всегда с каждым ее прикосновением во мне вспыхивает ни с чем не сравнимое удовольствие.

И сейчас доказательство этому не скрывали даже боксеры. Я ждал, что Датч что-нибудь скажет по поводу своего подарка. Но она лишь грациозно взобралась на меня и наклонилась, почти прижавшись ко мне губами. Вишневый аромат ее губ смешался с запахом бурбона.

Просунув руку под боксеры, она нежно обхватила член, и меня тут же пронзило вспышкой удовольствия.

Я не почувствовал — услышал, как упал бокал. Ну еще бы! Справившись с джинсами, Датч спустилась на пол и взяла меня в рот. Чуть не сорвавшись, я резко вдохнул и схватил ее за волосы. Чтобы притормозить ее, контролировать ритм. Я чувствовал, как растет возбуждение, как приливает к члену кровь, когда губы Датч скользили вниз, а зубы оставляли чувствительные дорожки по всей длине. Я и не думал, что член может стать еще тверже, но он стал. Напрочь игнорируя тот факт, что ее волосы у меня в кулаке, Датч опустила до самого основания. А когда поднялась и на мгновение замерла, возбуждение стало мучительным и едва переносимым. Но усилилось во стократ, когда она снова опустила.

Я сам не понял, как приподнялся ей навстречу, и с трудом сдержался, чтобы не выругаться.

— Датч, — процедил я сквозь зубы, предупреждая, чтобы она ослабила напор.

Я давно не школьник, но — черт бы все побрал! — с членом она обращаться умеет. Любой на моем месте уже слетел бы с нарезки.

Внутри Датч горел такой же пожар, что и во мне. Я чувствовал, как он сжигает ее изнутри, и она определенно не собиралась останавливаться. Я потянул ее за волосы вверх и уложил на себя. Не давая пошевелиться, расстегнул на ней джинсы и спустил по аппетитной заднице. От прохладного воздуха шелковистая кожа покрылась мурашками. Я провел пальцами по восхитительным округлостям, стащил с Датч штаны с трусами и усадил, обеспечив себе доступ к прелестным складкам.

Крепко взяв за бедра, я приподнял ее и попробовал на вкус. Она отреагировала так, будто я сделал ей больно. Едва мой язык коснулся клитора, она резко втянула носом воздух, и каждый атом во мне затопило жидким жаром. Дрожа, Датч схватилась за диван, а я то опускал ее ниже, то приподнимал, посасывая и облизывая налившуюся плоть. С каждым движением языка в ней будто разгоралось пламя, клубилось внутри, росло и наконец достигло вершины. Наслаждение шло от Датч плотными, ощутимыми волнами, просачивалось в меня сквозь поры, насыщало сочным, обжигающим жаром.

Она была в шаге от оргазма. Я чувствовал, как она нарочно задержалась на самом гребне этой волны, а потом вдруг запустила ногти мне в руки и стала отдирать от себя мои пальцы. Не меньше, чем ей, мне хотелось, чтобы на нее обрушился экстаз, но я позволил ей сдвинуться ниже. Датч тут же наклонилась, сгребла в кулаки мои волосы и прошептала прямо в ухо:

— Хочу, чтобы твой член был внутри меня. Хочу почувствовать, как сотрясается земля, когда ты кончишь.

Сам не понял, как из груди вырвался стон, но послушался без промедления. Крепко обняв ее, я перекатился, подмял Датч под себя и легко оказался внутри. Она была скользкой и горячее. Наслаждение полыхнуло в ней яркой вспышкой, и она громко ахнула.

Я сам с трудом сдержал вздох. Я полностью был в ней. Замер на долю секунды, чтобы взять себя в руки, двинулся назад и снова погрузился на всю длину. Датч вскрикнула, но на этот раз я не дал ей времени на передышку. Раздвинув ей ноги еще шире, я двигался быстрее, сильнее, все ближе и ближе подталкивая к краю. Чувствовал, как она царапает мне спину, но легкая саднящая боль только усиливала возбуждение. Внутри Датч росла, набухала, высилась огромная волна удовольствия, пока я наращивал темп и силу ударов. А потом, с последней

вспышкой обжигающей энергии, волна взорвалась, захлестнув вместе с Датч и меня. Я стиснул зубы, переживая излучаемые ею горячие потоки один за другим. Они пульсировали у меня в костях, искрились в атомах. Я кончил, высвободив такую мощную силу, что меня затрясло изнутри.

Стиснув Датч в объятиях и внутренне содрогаясь под напором оргазма, я услышал, как у меня вырвался стон. И земля под нами сдвинулась. Столкнувшись и объединившись, наши энергии создали мощную трещину в пространственно-временном континууме. Сопrotивляясь, земля загрохотала, беспомощно ожидая, когда успокоятся атомы внутри нас, когда угаснет возбуждение.

Пытаясь отдышаться, мы лежали, не шевелясь. Все еще наполовину одетые. Запутавшись, где чьи ноги и руки. Свитер на Датч задрался и скрутился, обнажив живот. Я провел рукой по ее талии и изгибу гладкого бедра, удивляясь тусклому свечению, пробужденному в ней тем, чем мы только что занимались. Мы лежи на коврике, а вся мебель, которая на нем обитает, оказалась или сдвинута, или перевернута.

Датч запустила руки под наполовину расстегнутую рубашку и провела ладонями вниз по спине и по заднице, оставляя теплые следы. Уткнувшись носом ей в шею, я вдохнул свежий аромат волос и кожи.

И вдруг вспомнил, с чего все началось. А именно с упрямства Датч и ее настойчивого желания купить мне подарок вопреки моей воле. Вопреки предельно ясно и четко выраженной воле.

— Ну и как тебе твой подарок? — спросил я, очень стараясь, чтобы вопрос прозвучал в нужной степени цинично и сердито, но не получилось.

Датч подняла голову и усмехнулась, глядя на разбросанную по гостиной одежду:

— Думаю, на полу эти боксеры смотрятся лучше, чем на тебе.

Я резко отстранился, чтобы дать ей возможность хорошенько рассмотреть тщательно сыгранное недоумение.

— Ты оскорбляешь мои рождественские трусы в колокольчики?

— Вовсе нет, — отозвалась она, притворяясь взволнованной. — Просто... просто ты лучше выглядишь в чем мать родила.

Ладно, если постараться, с этим можно жить. Я демонстративно расслабился, но все-таки решил веселья ради чуть-чуть ее побесить:

— Я буду носить их каждый день до конца моей жизни.

Датч громко рассмеялась, и смех напомнил мне пузырьки шампанского в воздухе. В тусклом свете камина ее глаза сияли золотом.

— Не посмеешь.

Принимая вызов, я прищурился.

— Увидишь.

— Я их сожгу.

— Тогда и меня придется сжечь, — пожал плечами я, — потому что я больше ни за что их не сниму.

Она укусила меня за плечо. Тонкая рубашка зубам не помеха, но в результате я не разозлился, а пережил вспышку возбуждения. Схватил Датч за голову и на несколько долгих секунд прижал к себе. Потом снова приподнялся и уставился на Датч. Ее щеки слегка порозовели. Я коснулся пальцем ее губ и ямочки на подбородке.

Через минуту, которая прошла слишком быстро, она отвела взгляд и сказала:

— Кстати о подарках. Что ты мне приготовил?

Я приподнял брови:

— То есть этого было мало?

Комнату наполнил смех. Что ж, поделом мне. Значит, действительно мало. В следующий раз приложу побольше усилий.

— Ты об этом нашем маленьком свидании? — спросила Датч. — Ну уж нет, так легко ты не отделаешься.

Так я и думал. Я покосился на кофейный столик, который стоял и близко не на том месте, где ему положено стоять. Ни секунды не раздумывая, Датч потянулась к нему. К сожалению, я все еще лежал на ней и решил воспользоваться шансом понаблюдать за ее стараниями. Честное слово, я прилагал немало усилий, чтобы не рассмеяться, но на все сто процентов испытывал удовольствие от ее тщетных попыток добраться до ящика в столе и от того, как она подо мной извивается.

В конце концов старания, сравнимые разве что с тем, как готовый метать икру лосось преодолевает течение, увенчались успехом. Датч открыла ящик и вслепую запустила туда руку. Я молча ждал, зачарованно глядя на ее язык, который она прикусила, сосредоточившись на текущей задаче. Что-то нащупав, она вытащила коробочку в золотистой фольге и взволнованно спросила:

— Это мне?

Я скопировал ее выражение лица. То самое, которое она изобразила, когда я спросил о коробке у двери.

— В жизни не видел этой коробки.

Датч улеглась на ковер и рассмеялась:

— Это простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет».

— Прямо с языка сняла.

— Вот оно что, — понимающе протянула она.

Я намекал на вопрос, который задал ей совсем недавно и на который так и не получил ответа.

— Можно открыть?

— Он твой, так что делай с ним, что хочешь. — С трудом подавляя улыбку, я улегся рядом и подпер рукой голову.

Разорвав обертку, Датч покрутила в пальцах синий бархатный футляр и глянула на меня, будто глазам своим не веря. Прикусив губу, подняла крышку. Внутри имелась прорезь для кольца, которого не было.

Вряд ли ее переполняло счастье. На что я и рассчитывал.

— Это еще что? — спросила она, уставившись на меня с отвисшей челюстью.

— Простой вопрос, на который можно ответить «да» или «нет», — отозвался я, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Потом лег на спину и положил под голову руки. — Когда я получу ответ, ты получишь оставшуюся часть подарка.

— Это шантаж, — недоуменно пробормотала Датч.

Вот только я знал, что она чувствует. И разочарование в списке не значилось. Ей было весело, как и мне. В эту игру мы играли вместе.

Честно говоря, мне хотелось услышать ответ. Желательно положительный и как можно быстрее. Так что да, немного шантажа не помешает.

— Так ведут дела разумные люди, — сказал я. — Не вижу смысла дарить тебе кольцо,

если ты скажешь «нет». Только зря потрачу уйму времени и денег. Все зависит от одного короткого английского слова.

Датч придвинулась ко мне, глядя на футляр так, словно там действительно было кольцо.

— А если я отвечу на «пороссячьей латыни», то получу кольцо?

— Нет.

— Ты ведь знаешь «пороссячью латынь» не хуже меня.

— Если ты не можешь сказать «да» или «нет» на простом английском, сделка отменяется.

Она тут же подскочила, упершись в пол локтем, и в уголках прекрасных губ заиграла лукавая улыбка.

— «Да» или «нет» на простом английском! — выпалила Датч с довольным видом.

— Даже немножко жаль, — сказал я, не обращая внимания на представление. — Огранка воистину изысканна.

Вздохнув, она положила голову мне на плечо, постаравшись, разумеется, укрыть волосами лицо. Я сдул со рта локон, но на оставшиеся волосы не обратил внимания. Нет, не так. Вдохнул чистый аромат полной грудью и стал наслаждаться ощущением шелка на коже.

— Ничего не получится, — проговорила Датч, глядя на футляр. — Шантажом ты не заставишь меня выйти за тебя замуж.

Я взял ее за подбородок и повернул лицом к себе:

— Родная, я сын Сатаны. Если мне припечет, я могу шантажом заставить тебя отдать первенца в цирк-шапито.

На лице Датч отразилось согласие. Она мне верила. Верила, что я сильнее. Что она проиграет, если мы сойдемся в схватке. Пусть так. Пусть осталось совсем чуть-чуть, но пока я не стану ей рассказывать, что она может стереть меня в порошок одной лишь силой мысли. У меня есть только один шанс от нее защититься, и когда-нибудь я все ей расскажу. Расскажу, что у любого, кто знает ее истинное имя, есть крошечная частичка власти над ней. И это подарит мне преимущество, если когда-нибудь возникнет необходимость. Если когда-нибудь наши стремления за границами человеческого мира разойдутся. В конце концов, я сын врага номер один всего человечества. На мне висят грехи, с которыми нельзя не считаться.

Однако от одной лишь мысли, что мы можем противостоять друг другу, меня всегда охватывает боль. А ведь я давно научился не думать о боли, не чувствовать ее. Но эту принимаю как данность. Все-таки Датч — ангел смерти. Однажды она станет вести себя, как один из них, и мне нечем будет защититься. Но до тех пор я буду впитывать ее, словно от этого зависит моя жизнь. Я долго ждал. Ждал много веков, когда она родится на свет. Запретный плод всегда самый сладкий. Я пройду любую битву и выживу, только бы продержаться достаточно долго. И в конце концов сдамся на ее милость, дам ей меня уничтожить, потому что жить без нее не сумею.

А пока...

Я опустил голову, прижался к губам Датч и снова разрешил себе коснуться нежных складок у нее между ног. Она выгнула спину и открылась мне, а я в очередной раз утонул в неопишуемых ощущениях, рождаемых ее близостью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

Барри Уайт (1944–2003) — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, пик популярности которого пришёлся на середину 70-х годов.

Авария на АЭС «Три-Майл-Айленд» (англ. ThreeMileIsland) — произошла 28 марта 1979 г. До Чернобыльской аварии, случившейся через семь лет, авария на АЭС «Три-Майл Айленд» считалась крупнейшей в истории мировой ядерной энергетики.

Мистер Мяги — персонаж из фильма «Парень-каратист» (1984).

Порода Гольштейн — всемирно известная порода молочных коров.

КИТТ (англ. KITT — Knight Industries Two Thousand / Knight Industries 2000) — второй главный герой сериала «Рыцарь дорог», Pontiac Firebird Trans Am 1982 года выпуска.

Cueva (исп.) — пещера; подземелье; берлога.

Роман Розмари Роджерс.

«Blue Öyster Cult» — американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 г.

Pendeja — (исп.) дура; чувиха.

«ЧСШХ» — «Что бы сделал Шерлок Холмс» (англ. WWSD — What Would Sherlock Do).
В английском созвучно распространенным: WWSD (What Would Satan/Superman/Spock Do — «Что бы сделал Сатана/Супермен/Спок» и под.).

Дефлексия (отклонение) — неосознаваемый механизм ухода, направленный на прекращение контакта и усиление изоляции человека как от других, так и от его собственного опыта.

Mijita — (исп.) подружка; девочка моя.

Mijito — (исп.) сынок; дружок; мальчик мой.

В оригинале (англ.) «Once you go dead» — Ангел перефразировал расхожую пословицу с похабненьким подтекстом: Onceyougoblack, younevergo/comeback. — «Попробуешь черного, к белому не воротишься».

Pendejo — (исп.) придурок, дурак; чувак.

Фетальный алкогольный синдром (ФАС) — сочетание врождённых психических и физических дефектов, которые впервые проявляются при рождении ребёнка и остаются у него на всю жизнь

Культура глухих — совокупность представлений, стратегий поведения, традиций, искусств, истории, ценностей в культурах, где значительная часть людей имеют нарушения слуха и используют жестовые языки для общения. Следует отметить, что не все глухие владеют жестовой речью, а владение ею обычно является главным условием для вхождения в культуру глухих.

Амслен — основной жестовый язык в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады.

Splenda — название и торговая марка искусственного сахарозаменителя.

«Грязный Гарри» — полицейский фильм с Клинтом Иствудом в главной роли, выпущенный на экраны США в 1971 году.

Маринара (итал. *Marinara*, букв. «моряцкий соус») — итальянский соус из томатов, чеснока, пряных трав и лука. Традиционная итальянская кухня предполагает добавление маринары в пасту, рис, морепродукты и пиццу.

«Паучье чутье» — одна из суперспособностей человека-паука (наряду с суперсилой, суперловкостью, паутиной и способностью держаться на отвесных поверхностях), предупреждавшая его об опасности.

В пересчете через американский нефтяной баррель, 1000 галлонов — около 3,5 т нефти.

Билли-Кид-Спрингс — по слухам, город-призрак в штате Нью-Мексико, названный в честь преступника Билли Кида.

Именно так называется самая известная книга Дейла Карнеги, вышедшая 12 ноября 1936 года и изданная на многих языках мира.

Люминол — органическое вещество, способное выделять свет при соединении с перекисью водорода или другими окислителями.

«Смерть после полудня» — эссе Эрнеста Хемингуэя, вышедшее в 1932 году, о традициях испанской корриды.

«Поросячья латынь» — форма детского жаргона, при котором первая и вторая половина слова меняются местами, после чего к слову добавляется условленное окончание.